

И.Л.Жеребцов, А.Ф.Сметанин

КОМИ КРАЙ: ОЧЕРКИ О ДЕСЯТИ ВЕКАХ ИСТОРИИ

Сыктывкар
Коми книжное издательство
2003

Авторы: *И.Л.Жеребцов (Введение, очерки I–VIII),
А.Ф.Сметанин (очерки IX–XII, заключение)*

Коми край: очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар, Коми книжное издательство, 2003.
– 368 с.

Составитель И.Л.Жеребцов

В книге рассказывается о важнейших событиях истории Коми края на протяжении десяти веков – со времени появления коми народа до начала III тысячелетия. Читатели узнают о том, как заселялся Коми край и чем занимались его жители, о Стефане и других епископах Пермских, о христианизации коми и вхождении Коми края в состав Русского государства, об участии жителей края в освоении Сибири, о событиях гражданской войны и других трагических страницах прошлого, о становлении государственности коми народа, о противоречивых процессах развития экономики и культуры.

© Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., 2003
© Коми книжное издательство, 2003

К ЧИТАТЕЛЮ

Интерес к истории родного края никогда не угасал. Показателем этого является большая популярность разнообразных научно-популярных, краеведческих, справочных и других изданий о древней и современной истории Республики Коми, о традиционной культуре и быте местного населения.

Впервые идею создания научно-популярной книги по истории нашей республики, в которой нашли бы отражение основные научные достижения историков, археологов и других исследователей, высказал еще в начале восьмидесятых годов известный коми этнограф Л.Н.Жеребцов, однако воплотить ее в жизнь удалось только в 1996 г., когда в Коми книжном издательстве вышли научно-популярные очерки И.Л.Жеребцова, Э.А.Савельевой, А.Ф.Сметанина «История Республики Коми». Эта книга вызвала большой интерес читателей и быстро стала библиографической редкостью.

Богатейшие сведения по истории и культуре населения республики, содержащиеся в издававшихся в последние годы сборниках научных статей и тезисов докладов краеведческих и научных конференций, монографиях, научно-популярных публикациях, мало доступны основной массе читателей из-за их небольшого тиража. К тому же большинство этих трудов ориентировано на специалистов-исследователей, а не на широкие круги читателей.

Несмотря на появление в последние годы целой серии интереснейших научно-популярных книг, среди которых «Древние рукописи о Перми Вычегодской» Э.А.Савельевой и К.С.Королева, «Где ты живешь» И.Л.Жеребцова, «Народная медицина коми» И.В.Ильиной, сборники «Коми – край далекий и близкий», «Республика Коми – 80 лет», «Христианство и язычество народа коми», выпущенные Коми книжным издательством, «Атлас Республики Коми», «Связь времен», «Покаяние», а также учебные пособия «История Республики Коми. 7–11 классы», «Летопись Коми края», «Занимательно об истории и культуре Республики Коми» и другие издания, широкие круги читателей не имели возможности приобрести книгу, написанную в популярной форме и освещающую бы всю письменную историю Коми края, то есть все основные исторические процессы, протекавшие на территории республики со времени первых упоминаний о коми в исторических документах до современности.

Для того, чтобы в какой-то мере удовлетворить эту потребность, подготовлены эти исторические очерки, в которых учтены новые публикации и открытия ученых и краеведов последних лет и пожелания читателей. При написании книги использован как собранный самими авторами материал, так и многочисленные труды других историков, археологов, этнографов, географов, литературоведов, лингвистов, геологов: А.Н.Александрова, Я.Н.Безносикова, Т.И.Беленкиной, О.Е.Бондаренко, С.В.Вайровской, И.О.Васкула, А.В.Волокитина, Ю.В.Гагарина, В.Н.Давыдова, Г.Ф.Доброноженко, Л.Н.Жеребцова, О.В.Золотарева, М.Д.Игнатова, И.В.Ильиной, Н.С.Калинина, П.Д.Калинина, А.Н.Козулина, В.Н.Королева, К.С.Королева, П.П.Котова, О.Ю.Кузивановой, Т.А.Малковой, М.А.Мацука, Н.А.Морозова, П.Ю.Павлова, В.В.Политова, А.А.Попова, Р.Л.Поповой, М.Б.Рогачева, Л.П.Рощевской, Э.А.Савельевой, В.И.Силина, Л.И.Суриной, П.Г.Сухогузова, М.В.Таскаева, Г.И.Тираспольского, Ф.М.Трубачева, А.Н.Турубанова, Н.Н.Чесноковой, В.И.Чупрова, Л.С.Шабаловой, В.В.Шаньгиной и многих других. Авторы выражают глубокую признательность коллегам за помощь в подготовке очерков.

Эта книга не претендует на роль всеобъемлющего исследования. В задачи авторов входило показать, как в целом шло историческое развитие нашего края, какие новые черты в экономике, политике, культуре, демографии появлялись от столетия к столетию. Дополнительные сведения читатели могут узнать из научно-популярной книги «Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен», изданной Коми книжным издательством в 2002 г. А более обстоятельно все эти и другие проблемы рассмотрены в фундаментальной двухтомной «Истории Республики Коми», подготовленной Институтом

языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

КАК ПРОХОДИЛО ЗАСЕЛЕНИЕ НАШЕГО КРАЯ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

«Сколько нас? Откуда мы появились? Давно ли живем на этих землях?» – такие вопросы часто задают представители, наверное, каждого народа. К сожалению, далеко не всегда можно точно ответить на эти вопросы. Если бы человек владел письменностью сотни тысяч лет назад, то сегодня, быть может, мы смогли бы точно узнать, откуда пришли на Европейский Северо-Восток первые люди, сколько их было, где они жили. Но, увы, только археологические находки могут пролить свет на события, происходившие в древности на территории современной Республики Коми.

В задачи данной книги не входит подробный рассказ о древнем населении нашего региона. О протекавших в глубокой древности процессах обстоятельно говорится в «Археологии Республики Коми» (1997), «Атласе Республики Коми» (2001) и многих иных научных трудах Э.А.Савельевой, В.С.Стоколоса, К.С.Королева и других археологов, и любознательный читатель может самостоятельно обратиться к ним. Поэтому мы ограничимся кратким сообщением о начальном этапе нашей истории.

В древнейшие времена, отстоящие от нас на миллионы лет, как ни странно представить себе это современному жителю нашей снежной республики, в наших местах обитали слоны, бегемоты и другие столь же экзотичные животные. Однако прошли тысячи тысячелетий, сгинули одни виды животных и появились другие, неузнаваемо изменился растительный мир... Долго жизнь текла в этих краях без влияния человеческого разума. Возможно, что примерно 120 тысяч лет назад на Европейском Северо-Востоке появились первые люди. Такое предположение выдвинул археолог П.Ю.Павлов на основании находки, сделанной у посёлка Харута в бассейне нижней Печоры, на правом берегу р. Адзвы. Но, как полагает и сам ученый, эта гипотеза нуждается в более тщательной проверке. В «наследство» от древних обитателей Харуты нам осталось одно-единственное каменное рубило (чоппер), изготовленное первобытным умельцем из округлой гальки серо-голубого кварцитопесчаника. Это было довольно грубое орудие, один край которого оббивали, чтобы он стал заостренным, рубящим; за другой край чоппер держали рукой, никаких специальных рукояток к нему не приделывали.

Прошли еще многие тысячелетия, и вот около 40 тысяч лет назад на Европейский Северо-Восток пришли племена из центра Русской равнины. В эпоху верхнего палеолита, начавшуюся 35 тысяч лет назад, человек освоил весь Европейский Северо-Восток, кроме, быть может, крайних северных районов побережья Ледовитого океана. Это был уже человек современного типа, с подбородочным выступом, более высоким лбом и менее грубыми руками, чем у неандертальца. Люди тогда старались селиться в естественных укрытиях – например, пещерах, которые они обживали по мере своих сил и возможностей. Археологи думают, что обитатели Медвежьей пещеры (на территории современного Троицко-Печорского района) спасались от стужи, построив какое-то примитивное жилище или, по крайней мере, навес. Совершенствовалась техника изготовления каменных орудий, они стали более разнообразными: среди находок, сделанных учеными на территории республики, есть скребки, проколки, ножи, остроконечники (они могли использоваться как наконечник копья или дротика и как вставка – под прямым углом – в дубину) и т.д. Вошли в обиход изделия из кости и рога – орудие типа долота, скребло и др.

Благодаря исследованиям археологов мы знаем, что 36 тысяч лет назад существовала стоянка Мамонтова Курья на р. Усе, 25–27 тысяч лет назад – стоянка Бызовая на р. Печоре, а 22 тысячи лет назад – стоянка Пымва-Шор I в верховьях р. Адзвы – самый северный палеолитический памятник в Европе. Примерно тогда же, 22 тысячелетия назад, палеолитические племена, жившие на Европейском Северо-Востоке, ушли на юг из-за ухудшения климата. Минуло много времени, и 19 тысяч лет назад на Европейский Северо-Восток переселились племена среднеуральской культуры, имеющей североазиатское

происхождение. Не исключено, что племена этой культуры стали отдаленными предками современных финно-угров. Археологам удалось найти на верхней Печоре стоянки Медвежья пещера и Уньинская пещера, существовавшие 12–19 тыс. лет назад.

По мере того, как развивался человек, изменялись его поселения, усложнялись жилища. В эпоху, именуемую учеными мезолитом (мезолитическая эпоха на Европейском Северо-Востоке приходилась на конец IX–VI тысячелетия до нашей эры), на территории нынешней Республики Коми люди жили уже не в пещерах, а в постройках, расположенных у берегов рек и других водоемов. Как считает археолог А.В.Волокитин, поселения были, в основном, сезонными (летними и зимними); жилища того времени были двух типов: наземные и полужемлянки, углубленные в землю до полутора метров. В жилищах имелись очаги, которые, как правило, располагались в центре и были углублены в землю. В некоторых жилищах сохранился каменный пол. Если память о древнекаменном веке сохранили только каменные и костяные орудия, то от среднекаменного века (мезолита) осталось более двух сотен изделий из дерева, коры, бересты и травы: орудия охоты и рыболовства (лук и стрелы, метательные дубинки, копья, остатки сети, поплавков и т.п.), средства передвижения (лыжи, полозья саней, весло), орудия труда, бытовая утварь и т.д. Изобретение лука и стрел стало одним из главнейших достижений человека эпохи мезолита. Найденная лыжа со скульптурным изображением головы лося дала основание археологу Г.М.Бурову высказать предположение о том, что у людей среднекаменного века существовал культ животных (в частности, лося).

Согласно данным языкознания, в период верхнего палеолита и мезолита далекие предки коми, финнов, венгров, ненцев и ряда других народов составляли единую крупную этнолингвистическую общность. Об этом свидетельствуют сходные черты в языках, на которых говорят эти народы (в частности, существование общекоренных слов, обозначающих такие понятия, как название частей тела, местоимения, термины родства и др.). Лингвисты называют эту общность уральской языковой семьей. По мнению большинства лингвистов, прародина уральцев находилась между Уралом и средней Волгой. Некоторые исследователи в Финляндии, Эстонии и Венгрии считают, что уральские народы жили также на обширной территории к западу, до Балтийского моря. По предположению венгерского ученого П.Хайду, древняя родина уральцев находилась в бассейне нижней и средней Оби и в районе истоков Печоры. Заселение Вычегды и Печоры в эпоху мезолита шло со стороны Волго-Окского междуречья и из Прикамья (а возможно, также и с Нижней Волги). Памятники эпохи мезолита, расположенные на Вычегде и Печоре, имеют сходные черты с памятниками Прикамья и Поволжья. В эту эпоху в обширном регионе от Печоры до нижней Волги обитали родственные племена, этническая принадлежность которых точно не установлена. Имеются предположения, что они принадлежали к уральской этнолингвистической общности.

В эпоху неолита (V – вторая четверть III тысячелетия до нашей эры), как отмечают археологи, на Европейском Северо-Востоке появились поселения круглогодичного обитания с прочными жилищами, расположенные на берегах рек и озер. Расширился ассортимент изделий из камня и кости. Но главная отличительная черта этой эпохи – это появление изделий из глины (керамики). Человек научился обжигать на огне глиняные сосуды, предназначенные для приготовления и хранения пищи. Археолог Л.Л.Косинская пишет, что люди новокаменного века вели охотничье-рыболовческое хозяйство; вполне возможно, что мезолитический человек занимался также сбором ягод, грибов и других съедобных растений, но никаких свидетельств о его знакомстве с земледелием или животноводством нет. О развитии внутреннего мира человека, его эстетики, идеологических представлений свидетельствуют находки украшений (весьма скромных каменных подвесок с просверленными в них отверстиями), глиняных изображений птиц, зверей и человека и, наконец, следов древнейших в нашем регионе религиозных обрядов (сжигание частей охотничьей добычи и др.).

В V–IV тысячелетиях до нашей эры, уральская общность разделилась на самодийскую (предки ненцев, нганасан, селькупов и некоторых других народов) и финно-угорскую. В период раннего неолита Европейский Северо-Восток входил в обширную верхневолжскую этнокультурную общность. Неолитическое население региона сформировалось, вероятно, на основе слияния местного мезолитического населения, но при участии переселенцев с верхней Волги и, может быть, из других регионов. Возможно, население периода раннего неолита принадлежало к уральской этнолингвистической общности или к уже выделившимся из нее финно-уграм. В период позднего неолита на территории Европейского Северо-Востока появлялись переселенцы из Прикамья и других районов, но смены населения (полной или частичной), по мнению современных исследователей, не происходило; на территории региона жили племена древних финно-угров.

В III тысячелетии до нашей эры пришло время металла: жившие на территории Республики Коми люди научились плавить медь. Медный самородок раскаляли в костре и придавали металлу желанную форму. Потом медь стали добывать из руды на открытых очагах, выплавляя ее в глиняных сосудах (тиглях) с помощью древесного угля. Во II тысячелетии до нашей эры человек научился изготавливать изделия из бронзы. Однако на всем протяжении медного (энеолит) и бронзового веков жившие на северо-востоке Европы люди продолжали пользоваться, в основном, каменными и костяными орудиями; металлических изделий было очень мало. В конце бронзового века люди окончательно перебрались из полуземлянок в наземные жилища. Стоит упомянуть о том, что в эпоху энеолита-бронзы на территории нашей республики появились украшения из янтаря. Археолог В.С.Стоколос полагает, что в медно-бронзовом веке у населения Европейского Северо-Востока определенно существовал культ животных: человек обожествлял лося (оленья), медведя, возможно, птиц, считая, что он находится в родстве с ними. Население бассейнов Печоры, Вычегды и Мезени было весьма пестрым в этническом отношении, но, как подчеркивают исследователи, ведущую роль в этнической истории Европейского Северо-Востока играли финно-угорские племена. Со временем финно-угорская общность разделилась на праугорскую (предки венгров, хантов, манси) и прафинно-пермскую, которая позднее распалась на прафинно-волжскую (предки марийцев, мордвы и, возможно, некоторых других народов) и прапермскую.

Проходил век за веком, люди осваивали новые хозяйственные технологии, меняли типы своих жилищ. В VIII в. до нашей эры наступил ранний железный век – население Европейского Северо-Востока научилось выплавлять железо. По мере развития металлургии человек стал меньше пользоваться каменными орудиями (хотя и еще не отказался от них полностью). Усложнились религиозные представления и обряды местного населения. На поселениях начала I тысячелетия н.э. известны культовые постройки и комплексы (Пожегдин II, Мьелдино); появились святилища (Джудждыг на р. Вычегде, Канинская, Уньинская и Адакская пещеры на р. Печоре). В жертву богам приносили животных, но не исключено, что происходили и человеческие жертвоприношения. Археологу И.О.Васкулу удалось также найти относящийся к этой эпохе древнейший на территории нашего края Шиховской могильник (кладбище) в бассейне р. Печоры. В могилы вместе с покойными клали украшения из стекла, кости, металла, оружие, орудия труда, посуду и так далее. Тела некоторых покойников сжигали.

В I тысячелетии до нашей эры на основе прафинноволжской общности возникли прибалтийско-финская (предки финнов, карел, эстонцев и некоторых других народов) и праволжская общности. В последнюю входили предки современных марийцев и мордвы. Представители прапермской языковой общности населяли берега Камы, Вятки, Вычегды, Печоры, Мезени и некоторых других рек. В последние века до нашей эры – первые века нашей эры эта общность разделилась. Образовались новые культуры, одна из которых связана с предками удмуртов, а другая – с предками коми и коми-пермяков.

В ту далекую эпоху наконец-то появились, возможно, и первые письменные известия о северных краях и народах: в V в. до нашей эры древнегреческий ученый Геродот написал

труд «История», в котором, в частности, привел сведения об охотничьих племенах, живших на далеком Севере. Может быть, имелись в виду предки современных финно-угорских народов. Во II в. до нашей эры александрийский географ Эратосфен нарисовал карту, на которой изобразил и Север Европы с высокими Рипейскими и Гиперборейскими горами. Карта эта была, однако, весьма далека от истины... В I в. нашей эры римский историк Публий Корнелий Тацит в труде «Германия» описал быт живших на Севере финнов (очевидно, финнов и саамов). Столетие спустя географ и астроном Клавдий Птолемей нарисовал географическую карту, на которой к Северу от Волги и Камы обозначены Гиперборейские горы, перед ними Гиперборейская страна, а за горами – Неизвестная страна, а в IV в. нашей эры готский историк Иордан в книге «О происхождении и деяниях гетов» упомянул о живших на Севере финских племенах.

В середине I тысячелетия нашей эры началась эпоха великого переселения народов. На Европейский Северо-Восток вторглись воинственные кочевники-скотоводы гуннского племенного союза, следы пребывания которых остались в виде нового типа археологических памятников – курганных могильников. По мнению археологов, с этим вторжением связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные.

Во второй половине I тысячелетия нашей эры (поздний железный век) на Печоре жили угры и самодийцы. Население бассейнов Вычегды и Мезени сложилось в результате смешения разных народов, но большинство ученых сходятся во мнении, что обитатели этих мест говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. В тот период население Европейского Северо-Востока обитало в наземных жилищах площадью около 50 квадратных метров, обогревавшихся очагами, часто переносившимися с места на место. В Лозымском поселении археологи нашли не только жилище, но и хозяйственную постройку – мастерскую, в которой находился очаг со следами металлургического производства. Разнообразие орудий труда, утвари, оружия, украшений свидетельствует о значительном прогрессе в развитии хозяйства местного населения, а также о существовании товарообмена (торговли) с другими землями (славянами, волжскими булгарами). Благодаря торговле на территорию нашей республики в обмен на северные меха попали серебряные монеты из Персии, золотые и серебряные украшения, бусы из сердолика и др. Из других регионов (Прикамья, славянских земель), полагают археологи Э.А.Савельева, К.С.Королев и А.М.Мурыгин, привозилась на Северо-Восток Европы и значительная часть железных изделий.

Торговцы привозили не только товары, но и информацию. Именно благодаря им поступили в Волжскую Булгарию первые сведения о таинственных северных землях, ставшие затем известными в других странах. Например, в 921-922 гг. Ахмед Ибн-Фадлан, секретарь Багдадского халифа, побывал в Волжской Булгарии и привез оттуда на Ближний Восток рассказ о богатой соболями и черно-бурыми лисицами стране Вису. По мнению некоторых ученых, речь в этом рассказе идет о Северном Приуралье, и, в частности, возможно, о территории современной Республики Коми.

Появлялись на Севере нынешней России и путешественники из Западной Европы. В IX в. скандинав Отар рассказал королю Альфреду о своем морском путешествии в «Биармию» и о виденных там жителях-биармийцах, живших на берегах большой реки. В скандинавской поэзии X столетия тоже упоминается о Биармии, богатой пушным зверем. До сих пор ученые не пришли к единому мнению о том, где находилась Биармия; не исключено, что викинги имели в виду Европейский Северо-Восток, но многие исследователи полагают, что Биармия располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии.

Помимо железа, для изготовления оружия и орудий труда на Северо-Востоке Европы широко употреблялись кость и дерево. Продолжали служить человеку и знакомые ему с древности кремневые скребки, применявшиеся при выделке шкур. Археологи считают, что главными занятиями населения позднего железного века по-прежнему были охота и рыболовство. Но наряду с этим ученым удалось обнаружить свидетельства того, что люди

начали понемногу заниматься и животноводством (держали лошадей, овец, крупный рогатый скот).

Чрезвычайно интересны найденные археологами предметы так называемого «пермского звериного стиля»: металлические (чаще всего бронзовые) фигурки, изображающие лося, медведя, утку и других животных и птиц, фантастического зверя, напоминающего ящера, а также человека. Эти изображения, как полагают исследователи, были связаны с мифологическими, религиозными представлениями человека той эпохи: образы на предметах звериного стиля отражали понимание людьми устройства их мира (как некоего «мирового древа», верхняя часть которого сопоставлялась с верхним – небесным, «добрым» – миром, а нижняя – с нижним, подземным, «злым» миром; каждому миру соответствовали свои образы), должны были выполнять некие магические функции, помогая их владельцу; возможно, что изображенные на предметах животные являлись символами (тотемами) родовых групп людей. Наибольшее число разнообразных предметов «звериного стиля» относится к середине – второй половине I тысячелетия нашей эры, когда искусство из изготовления, по мнению ученых, достигло своего расцвета.

Так население Европейского Северо-Востока прошло долгий путь от примитивных каменных орудий до металлических инструментов, перебралось из временных стоянок в пещерах в постоянные поселения с состоявшими из нескольких помещений жилищами, святилищами и производственными мастерскими...

Очерк I. КОМИ КРАЙ В XI–XV ВЕКАХ

Древние коми

Тысячу лет назад, в XI в., сформировался народ коми. Древние коми (именовавшиеся в летописях и других старинных документах пермянами) населяли тогда Вычегду, Вымь, Вишеру, Сысолу и Лузу, а также, быть может, и некоторые сопредельные местности. Ученые длительное время обсуждают вопрос о том, как происходило сложение пермян вычегодских. В общих чертах выдвинутые различными исследователями гипотезы можно свести к двум точкам зрения. Согласно одной из них (предложенной В.И.Канивцом и развитой Э.А.Савельевой), базой для формирования древних коми стали местные жители (принадлежавшие к так называемой ванвиздинской археологической культуре позднего железного века). По другой точке зрения (предложенной лингвистом В.И.Лыткиным и этнографом Л.П.Лашуком), древние коми переселились в Вычегодский край из Прикамья. Сторонники обеих теорий имеют в своем распоряжении определенный археологический, этнографический и лингвистический материал, подтверждающий их взгляды. Можно предположить, что в формировании древних коми участвовали как местное «ванвиздинское» население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы были родственными между собой), но их роль в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На нижней Вычегде и, вероятно, Выми главным элементом стали «ванвиздинцы» (правда, на Выми – центре культуры перми вычегодской, ванвиздинских памятников известно немного), а на Сыsole и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, пока не найдено «ванвиздинских» археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

В XI – начале XII вв. в бассейне Северной Двины (в западной его части, не занятой пермянами – низовья Северной Двины, верхняя Сухона) появились первые русские переселенцы, но массового притока мигрантов с Руси в земли древних коми не было. Имели место лишь эпизодические посещения Европейского Северо-Востока новгородскими сборщиками дани. В «Повести временных лет», составленной в XII в. и включившей в себя более ранние летописи XI столетия, упоминаются народы «пермь» и «печера», которые «дань дают Руси». В 1032 г., согласно тому же документу, состоялся неудачный поход новгородского воеводы Улеба «на Железные врата» (возможно, к Уралу). В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправленных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье). Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г.

Продолжались, пока позволял относительно теплый климат (так называемый малый климатический оптимум, продолжавшийся до XIII в.), и морские плавания скандинавов на Север. Скандинавские исторические хроники XII и XIII веков, саги, средневековые летописи повествуют о лесной, снежной и морозной стране Биармии, куда викинги ездили за пушниной, то торгуя, то воюя с местными жителями. Бармийцы занимались охотой, рыбной ловлей, держали оленей, молились идолам в святилищах, платили дань Руси. Когда климат стал холоднее, плавать по морю стало труднее и опаснее, и путешествия скандинавов в Биармию прекратились. (Подробнее о походах викингов в Биармию можно прочитать в написанном археологом И.О.Васкулом специальном разделе учебника «История Республики Коми», изданного в 2000 г.).

Со временем, уже в XVIII – XIX столетиях, вокруг упоминаний о Биармии сложилась целая легенда о некогда существовавшей на Европейском Севере могущественной стране с высокоразвитой культурой и экономикой и исчезнувшей со временем. Коми-пермяцкий писатель И.Н.Мошегов в 1920-х гг. опубликовал целую серию очерков о том, какой была эта

Биармия в его представлении; распад этого могущественного государства он связывал с завоеванием Европейского Северо-Востока русскими. Но исследования археологов и ученых других специальностей не подтвердили этой гипотезы.

Относительно теплый климат, благоприятствовавший развитию на Севере земледелия, способствовал и постепенному усилению притока русских переселенцев в бассейн Северной Двины. Э.А.Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление древнерусских городищ на нижней Вычегде (Карыбйивское) и Выми (Пожегское). Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то в более западной части территории расселения пермян складывалась иная ситуация. Продвигавшиеся туда новгородцы и суздальцы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII вв. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне (где могли жить пермяне), Лузе и низовьям Вычегды, где, несомненно, имелось пермянское население. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы. В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Малой Северной Двине и Северной Двине пермяне были, за небольшими исключениями, ассимилированы. Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу. С древними коми археологи связывают появление в XII – XIII вв. городищ на Ижме (близ устья Ухты) и даже на Оби.

Ижемское городище располагалось на пути из Двинского бассейна в Печорский край, и можно соотнести его появление с каким-либо из походов новгородцев на Печору и в Югру (известны, например, кроме упоминавшихся выше, походы 1187 и 1193 гг.); в этих походах, как считал Л.Н.Жеребцов, вполне вероятно, принимать участие коми, которые и могли поселиться близ устья Ухты. Видимо, городище должно было служить опорным пунктом при продвижении на Печору; возможно также, что оно предназначалось для прикрытия северо-восточных подступов к Коми краю от вражеских – скорее всего, ненецких – набегов. По мнению археологов, городище существовало недолго и могло быть сожжено. Не исключено, что сожжение городища могло стать ответом самоеди на вторжение очередного новгородского отряда. Известно, например, что отряд новгородцев в 1187 г. понес значительные потери «в Печоре».

Появлялись в Коми крае и переселенцы с востока. Так, на нижней Вычегде в районе Яренска имеются названия с окончанием на «-луг (-лук)» (Базлук, Казлук, Матлук и Морготлук), связанные с речными старицами (курьями). По предположению лингвиста Б.А.Серебренникова, в тех местах в древности была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам. Вогулы обитали на верхней Вычегде еще в середине второго тысячелетия н.э. По данным археологов, древние коми обитали в районе современных Сторожевска и Пезмога в XII в., а затем были вытеснены оттуда вогулами. Возможно, в это время имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край, и одна из групп переселенцев могла продвинуться существенно ниже по Вычегде (тем более что в районе между устьями Сысолы и Выми коми поселений не было еще долгое время, да и нижняя Вычегда была заселена значительно слабее, чем Вымь, где в XII–XIII вв. сосредотачивалась основная часть пермян). Учитывая, что, с одной стороны, как уже говорилось, в XII в. коми еще жили на верхней Вычегде и ушли оттуда позднее, а с другой – что во второй половине XIV в. нижнюю Вычегду населяли только пермяне (ни о каких вогулах или иных народах,

живших в этом районе, документы не сообщают), следовательно, переселение вогулов на нижнюю Вычегду в район Яренска, видимо, могло произойти после XII и до XIV в. – в XIII столетии. А в последующее время, в конце XIII – середине XIV вв. обитатели названного района либо ушли на верхнюю Вычегду под давлением древних коми, чья численность на нижней Вычегде постепенно увеличивалась, либо (что, на наш взгляд, менее вероятно) смешались с пермянами. Впрочем, это, разумеется, всего лишь гипотеза, требующая дальнейшего рассмотрения.

В XIV в. (а, возможно, и раньше) началась русская земледельческая колонизация низовьев Лузы, появились русские переселенцы в низовьях Вычегды. В более отдаленных от русских княжеств землях пермян – на Выми, Вашке, Сыsole, средней Вычегде – переселенцев с Руси было очень мало или не было вовсе. А Печорский край являлся вотчиной кочевавших там вогулов (манси) и самоеди (ненцев). Ни Новгород, ни суздальцы, соперничавшие за обладание Коми краем, не могли прочно закрепиться в столь удаленных местах, хотя местное население и было обложено данью.

В XIV в. быстро выросло и окрепло Московское княжество. В 1333 г. московский князь Иван Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды (так называемый «черный бор» или «черный выход») с населения Европейского Северо-Востока: «Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцев, – сообщает Вычегодско-Вымская летопись, – почти устюжцы и ноугородцы от Вычегды и от Печоры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди». Устюг и контролировавшиеся из него близлежащие земли пермян находились еще некоторое время в руках ростовских князей, которые, однако, все более утрачивали свою власть, переходя в зависимость от великих князей Московских. В 1363–1364 гг. внук Ивана Калиты Дмитрий Иванович (будущий Донской) «взверже гнев на князя на ростовского Костентина и взял от тово... Устюг и пермские места Устюгские». Московские князья стали постепенно вытеснять новгородцев с северо-востока. Но Новгород продолжал предъявлять свои права на населенные древними коми земли.

Стефан Пермский и начало христианизации

Древние коми были язычниками. Они поклонялись деревянным (реже – металлическим или каменным) идолам (кумирам), которые, как считали пермяне, обладали чудесной силой. Пермяне приносили идолам жертвы (обычно шкуры животных) и просили сделать удачной их охоту и рыбную ловлю. Самым известным кумиром, упоминания о котором есть в коми легендах и преданиях и в трудах российских историков XVIII – XIX веков, была «Золотая баба» («Зарни ань»).

Кроме того, древние коми верили в лесных, водяных и других духов, почитали животных (особенно медведя), деревья и некоторые другие предметы, которые, по их представлениям, имели душу и находились в родстве с людьми.

Важную роль в религиозных представлениях пермян играл огонь. Ученые отмечают, что культ огня восходит к тем далеким временам, когда огонь был основным защитником человека от холодов, помогал ему в борьбе с хищниками, давал тепло и свет темными ночами, улучшал качество пищи. Этнограф Д.А.Несанелис, говоря о почитании огня, указывает на то, что самые древние технологические операции человека (обработка каменных орудий, и, в частности, кремня) были связаны с появлением огня, высеканием искры. Можно сказать, что в представлении человека все его существование так или иначе было связано с огнем. В одном из древних коми мифов рассказывается, что огонь раньше был человеком.

Погребальный ритуал древних коми, считают ученые, должен был прежде всего помочь умершим достичь загробного мира. Одним из таких средств являлось сожжение покойников. Но пламя призвано было не только облегчить умершему путь «на тот свет», но

и уберечь оставшихся в живых сородичей от возвращения или вредоносного воздействия покойника. Иногда умершего не сжигали, а захоронив, разводили над могилой костер, огонь которого, по поверьям, оказывал очищающее воздействие. Вместе с умершим в могилу клали все необходимые вещи, которые, как представлялось людям, могли пригодиться покойному в иной жизни. В представлениях коми об «орте» (душе-двойнике человека, предвестнике его смерти) также присутствует огонь, но не «живой», красный, а холодный синий, «мертвый», вспыхивающий по следу «орта».

Христианизация, т.е. распространение среди жителей Коми края христианской, православной веры стала Чрезвычайно важным этапом в истории коми народа. Очень важную роль сыграла христианизация и в укреплении влияния московских князей в Коми крае, в процессе вхождения Коми края в состав Русского государства. По мере усиления русского влияния на Севере здесь появились православные миссионеры, которые занимались крещением местного населения – сначала в ближайших к русским опорным пунктам районах (в частности, на Лузе), а затем и в более отдаленных. Одному из таких миссионеров суждено было стать наиболее выдающимся в истории Коми края просветителем и политическим деятелем, первым епископом Пермским. Звали его Стефан.

Будущий глава Пермской епархии родился в первой половине 40-х гг. XIV столетия в Устюге, в семье русского причетника церкви Святой Богородицы Симеона, уроженца г. Ростова, «отменного родителя, христороубца, вернаго христианина», и его супруги Марии, «также христианки», отмечается в «Житии Стефана Пермского». Согласно легенде, Мария была дочерью крещеного коми-зырянского торговца Дзеваса, и ей еще в трехлетнем возрасте было предсказано родить «епискупа земли Пермской...».

Еще ребенком Стефан был отдан учиться грамоте. «Грамоту всю освоил он менее чем за год и стал чтецом канонов в... церкви», помогал отцу-священнику. «Превзошел он многих сверстников своих, хорошею памятью, скорым учением преуспевая и остротою ума, быстротою мысли превосходя», – повествует биограф Стефана Пермского Епифаний Премудрый. «И был отрок благоразумный весьма... Пустословам, занятым делами суетными и тщеславными, не внимал, с ними общался и от всех детских повадок и игр отвращался; упражнялся только в славословии Божиим и предавался учению, изучением книг занимаясь». «Еще в молодые годы» Стефан решил посвятить свою жизнь служению Богу. Научившись в Устюге «всей грамматической премудрости и книжной силе», он покинул отчий дом и направился в Ростов. Там в середине 60-х гг. Стефан постригся в монахи в монастыре Святого Григория Богослова. Выбор его пал на этот монастырь, «называемый Затвор», потому, что он являлся своего рода духовной школой с богатой библиотекой.

Там Стефан провел несколько лет. Он «изрядно потрудился в иноческом житии, ... более же всего внимая Божественному писанию, много и часто читая святыя книги и оттуда всяческую добродетель приобретаая». Стефан учился упорно, вдумчиво, неспешно, ибо «стремился до конца постичь то, о чем говорят каждый стих словес, и правильно его истолковать». Он изучил греческий язык и много времени уделял трудам греческих авторов.

Шли годы, и все более креп в душе Стефана замысел: «обращать в христианство неверных» (т.е. неверующих в Христа). Долгое ученичество его закончилось. Стефан стал очень образованным, знающим человеком, способным многому научить других: «Постоянно пребывал он в трудах, ...и святыя книги писал весьма искусно и быстро». Главным трудом Стефана стала созданная им пермская азбука. Он знал язык пермян, вероятно, научившись ему от матери и деда, возможно, бывал в Коми крае в юности, в годы учения. Решив отправиться к пермянам проповедовать христианство, Стефан понимал все трудности, которые встанут перед ним вследствие незнания жителями Коми края русского языка; письменность нужна была ему для того, чтобы перевести на коми язык богослужебные книги, сделать их понятными и доступными для пермян.

Стефановская азбука состояла из 24 букв: а, бур, гаи, дои, е, жои, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пей, реи, сии, таи, цю, шюй, ы, е, ю, о; позднее для учета особенностей фонетики древнепермского языка были добавлены еще две – «джои» (дж) и «черы» (тш). В

качестве образца Стефан использовал буквы греческого и славянского алфавита, а также древнекоми «пасы» – знаки, изображавшиеся на различных предметах. (Некоторые ученые предполагают, что коми имели свою письменность на основе «пасов» еще до Стефана, и тот использовал ее при создании своей азбуки). Не все поддерживали Стефана в его многотрудном деле. Раздавались голоса и о неуместности составления грамоты для язычников-пермян. Но Стефан упорно трудился, и в 1372 г. работа над созданием письменности была завершена. В том же году «за многую добродетель» ростовский архиепископ Арсений рукоположил его в иеродиакон. Стефан стал пользоваться в Ростове немалым уважением: «Достойному его... житию удивлялись многие не только иноки, но и люди простые». Пользуясь своей азбукой, Стефан перевел на коми язык несколько книг. В 1378 г. он «поставлен был в священники» епископом коломенским Герасимом.

В 1379 г. Стефан направился в Москву к Герасиму, являвшемуся тогда наместником митрополита (главы церкви), «дабы получить от него благословение на... доброе проповедничество» в Коми крае: «И я либо научу и обращу в христианство “пермян”, либо сложу голову свою за Христа, и за веру, и за доброе проповедывание». Герасим благословил Стефана и устроил ему встречу с великим князем Дмитрием (Донским), который также поддержал замысел Стефана, выдал ему охранную грамоту, что придало миссии Стефана особый авторитет.

В том же 1379 г. Стефан в сопровождении охраны и обоза с книгами, церковной утварью, иконами и другими вещами прибыл к устью р. Вычегды. Вначале он крестил пермян на Пыросе (в районе современного г. Котласа), построил там небольшую церковь, а затем направился вверх по Вычегде, побывал у коми, живших на р. Вилядь и крестил их. На пути своем Стефан встретил немало сложностей. Часть пермян, «слыша проповедь веры христианской, ...пожелали веровать и креститься». Но многие коми «пожелали воспротивиться сему», и Стефан поначалу «много зла претерпел от неверных пермян: озлобление, ропот, брань, хулу, укоры». Проповеднику угрожали смертью, «обступали его с двух сторон и кругом с дубинами и длинными палками, желая нанести... смертельные удары», а однажды попытались сжечь на костре. Не будь у Стефана предоставленной великим князем охраны, миссия его могла бы закончиться довольно быстро и без большого успеха.

Трудности не отвратили Стефана от намеченной цели. В 1380 г. он и сопровождавшие его люди поднялись до устья Выми. Здесь, в самом центре Коми края, на пересечении водных путей и недалеко от древней кумирницы, были построены церковь Благовещения Богородицы и кельи. Так было положено начало современному селу Усть-Вымь. Поселившись там, Стефан стал проповедовать православие среди часто посещавших кумирницу пермян. Церковь, которую он украсил «яко невесту добру», привлекала взоры странствующих и путешествующих. Язычники приходили сюда подивиться «красоте и доброте здания церковного», вступали со Стефаном в беседы. Мало-помалу его терпение и красноречие стали давать свои плоды. Пермяне стали принимать православие, а вести о деятельности Стефана разнеслись по всему Коми краю.

Узнав о происходящем, один из пермянских старейшин «сотник» Пам (Пан) собрал отряд и явился с Вишеры к устью Выми, чтобы изгнать Стефана и сжечь церковь, дабы ничто не могло соперничать с древней кумирницей коми. Но поход Пама потерпел полную неудачу; нападавшие вынуждены были сложить оружие и даже по распоряжению Стефана выкопали вокруг возвышенности, на которой стояли строения, ров, насыпали вал и построили стены Усть-Вымского городка. Многие пермяне были тогда крещены.

Образование Пермской епархии

В начале 80-х гг. XIV в. количество христиан в Коми крае умножилось. Нужно было строить новые церкви, для которых требовались священнослужители. Управление церковными делами, освящение храмов, посвящение в сан священников и многое другое

требовали присутствия в Коми крае, удаленном от церковных центров, своего епископа. В 1383 г. Стефан прибыл для решения этой проблемы в Москву к великому князю Дмитрию Донскому и митрополиту Пимену: «Быть может, найдется у вас такой муж, коего вы, поставив епископом, пошлете со мною в землю пермскую», – сказал он. Посоветовавшись, Дмитрий Донской и Пимен остановили свой выбор на самом Стефане – для новой Пермской епархии не было лучшего епископа, чем этот достойный, мудрый и опытный человек, знающий Коми край, людей, его населяющих, и их язык. Поставление Стефана в епископы было «небывало пышным», говорится в «Житии».

Пробыв довольно долгое время в Москве, Стефан Пермский в 1384 г. вернулся в Коми край, «одаренный князем, митрополитом, боярами и прочими... людьми», и с новыми силами принялся за дело. В том же году одна за другой в Коми крае появились церкви и монастыри в Усть-Выми, Яренске, Вотче, а затем и в других местах, вплоть до отдаленной и почти безлюдной верхней Вычегды, где был основан Ульяновский монастырь. Легенда гласит, что монастырь при Стефане был организован даже на Печоре. В Усть-Выми крещеные пермяне учились стефановской грамоте, церковно-славянскому и русскому языкам, переписывали переведенные Стефаном на коми язык богослужебные книги.

Тогда же, в 1384 г. Стефан Пермский предпринял ряд решительных мер по искоренению язычества на Вычегде, Выми и Сыsole: «Разъярился владыка Стефан на кумирницы пермские поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожегл, топором посекал, сокрушил обухом, испепелил без остатку», – говорится в летописи. К принявшим православие коми Стефан обратился со словами: «Тот, кто воистину верен, и быть желает всю оставшуюся жизнь самым мудрым, и хочет более всех высказать любовь ко мне, должен тот разыскать и выведать, где кумир таится – в доме ли своем, или у соседа ближнего, или еще где-либо. Пусть найдет его, принесет и прилюдно... кумира того руками своими сокрушит». Призыв владыки был воспринят с энтузиазмом. Некоторые пермяне «хотели кумиров своих утаить, но не сумели, ибо, собираясь друг у друга, стремились они избежать обличения даже со стороны друзей, но ведь доносчики бывают и среди самых близких, сведущих о тайнах своих и соседских, – заметил автор «Жития Стефана Пермского». – За вину сию были напоследок истреблены дома их и окончательно очищены от кумиров». Стефан самолично «ходил с учениками своими без лености, и по погостам расспрашивал, и в домах разыскивал, и в лесах находил до тех пор, пока все кумирницы... не уничтожил и до основания не искоренил».

Действия Стефана вызвали недовольство немалой части местного населения. Выразителем ее интересов стал все тот же Пам-сотник, в уста которого Епифаний вложил такие обращенные к Стефану слова: «Кто дал тебе власть сие творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтоб надругался ты над нашими богами, и храмы их разрушил, ...и службу нашу и честь в грязь втоптал, и веру нашу искоренить хотел?». Жителям Коми края Пам говорил: «Не слушайте Стефана, пришельца... из Москвы! Что хорошего быть может нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие, и насилия, и судьи, и соглядатаи, и караульщики?». А московским властителям «поступают ныне меха от охоты нашей. И... князья, и бояре, и вельможи мехами обогащаются, в меха одеваются и ходят, красуясь... Не от нашей ли охоты меха в Орду посылаются?.. И в Царьград, и к немцам, и в Литву, и в прочие города и страны...».

Но попытки Пам организовать сопротивление Стефану Пермскому провалились: за спиной епископа были уже не только великокняжеские охранники, но и построенные на Вычегде укрепленные городки Чернигов, Выбор, Яренск, Усть-Вымь, а главное – многочисленные приверженцы из новокрещенных пермян, не желавших признавать бывшее первенство местной родовой знати и жрецов языческих культов. Пам «посрамлен бысть и изгнан из Пермские земли из роду племени». Вынуждены были покинуть родные места и многие другие жители вычегодских селений, лишившиеся богов и даже крыши над головой: «А непохотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свои».

Новгородцы, узнав о создании Пермской епархии и укреплении влияния Московского княжества в Коми крае, в 1385 г. отправили против Стефана войско. Пришедшие на помощь епископу Пермскому устюжские дружины разбили новгородский отряд «под Чорной речкой под Солдором» (вероятно, в районе нынешнего Сольвычегодска). На следующий год нападение повторилось: «Новгородцы со двияны воевали на Волге, а идучи оттуды великого князя волости и вычегодские, и устюжские воевали ж». Дмитрий Донской разбил противника и «волости вернул себе». Стефан Пермский решился на смелый шаг – в том же 1386 г. он сам поехал в Новгород на переговоры. Ему удалось договориться с новгородцами, что нападений больше не будет, и уехать из Новгорода «с милостию и с дарами». Но сама необходимость поездки епископа в Новгород показала, как непрочно еще было влияние Москвы в Коми крае. Через некоторое время Стефан еще раз побывал в Новгороде для составления поучения против «ереси стригольников» (религиозного течения, отколовшегося от православной русской церкви).

С этого времени Стефан Пермский выступал не столько как проповедник христианства, сколько как государственный деятель, фактический правитель значительной части Коми края. Ему приходилось бороться с нападениями пермян-язычников и вогулов. В 1389 г. коми отряды с Вашки и Пинеги подошли к Яренскому городку, сожгли монастырь, «людей монастырских посекли». В 1392 г. вогулы, которых сопровождал изгнанник Пам, подступали к Усть-Выми, неделю простояли у стен городка, «погосты около тех мест разорили», но на штурм так и не решились, а узнав о приближении посланной на помощь Стефану устюжской дружины, «сели в лады и утекли вверх Вычегдою-рекою». В том же году татары разорили Вятский край, и Стефан занимался организацией отпора от возможного их нападения на коми селения.

В последние годы жизни Стефана положение в Коми крае стабилизировалось, прекратились набеги вогулов и других беспокойных соседей. Но забот и без того оставалось много. Главными занятиями древних коми были промыслы – охота и рыболовство. Животноводство (разводили лошадей, коров, овец, свиней) носило подсобный характер. С XI-XII столетий пермяне начали заниматься и земледелием, чему способствовал более теплый климат того времени. На Севере, с его малопродуктивными почвами и густыми лесами, первым помощником земледельца выступал огонь. Древние коми вырубали лес на определенном участке, сжигали его, а затем сеяли там хлеб. Зола от сгоревших деревьев служила хорошим удобрением. Возможно, в конце XII столетия вычегодские пермяне стали заниматься и пашенным земледелием. Открытия археологов говорят о том, что древние коми достигли больших успехов в кузнечном ремесле, в производстве различных изделий из бронзы. Именно в этот период, говорится в исследованиях археологов, каменные орудия труда были окончательно вытеснены металлическими. По данным археологов, древние коми вели товарообмен и торговлю с болгарскими и славянскими купцами, получая вместо пушнины ювелирные изделия и предметы быта, причем не только из Волжской Булгарии и Руси, но и из более далеких земель – Западной Европы и Центральной Азии.

Однако, несмотря на постепенное развитие экономики, положение жителей Коми края, с его суровыми природными условиями, оставалось сложным. Стефан добивался от московского князя сокращения налогового обложения местных жителей, организовал снабжение населения края продовольствием в голодные годы: «Сколько раз привозил он людям хлебное зерно лодками из Вологды в землю Пермскую! И все употреблял его не для себя, а на нужды... всем нуждающимся... Установил добрые отношения с людьми, безвозмездно их зерном наделяя», – говорится в «Житии».

В 1396 г. Стефан Пермский отбыл в Москву для участия в церковном совещании «ради... нужных вопросов, ко спасению людей относящихся». Вскорости по прибытии в столицу он заболел и 26 апреля скончался. Его похоронили на территории московского Кремля «в монастыре Святого Спаса, в церкви каменной, у входа в нее с левой стороны». Впоследствии Стефан был причислен к лику святых. Вторым епископом Пермским в январе

1398 г. стал Исаакий. Он и его преемники продолжили начатое Стефаном крещение жителей Коми края.

Междоусобные войны XV века. Князя Вымские

Первая половина XV в. была трудным временем для Русского государства и для Коми края. Продолжались конфликты между Новгородом и Москвой из-за обладания богатствами Севера. Лишь самое начало столетия, возможно, было для коми относительно спокойным – во всяком случае, источники умалчивают о каких-либо конфликтах, относящихся ко времени, когда епископом Пермским являлся Исаакий. Легенда гласит, что он пытался обратить в христианскую веру вогулов (манси), живших на р. Печоре, и даже основал там Троицкий монастырь. Документальных подтверждений этого не обнаружено. В любом случае, каких-либо успехов Исаакию достичь не удалось. Вогулы остались язычниками, а монастырь на Печоре если и существовал, то недолго. В 1416 г. Исаакий отбыл в Москву, где участвовал в поставлении Симеона в сан архиепископа Новгородского и Псковского. Дата его смерти не известна

В 1418 г. третьим епископом Пермским стал владыко Герасим, который в споре между Новгородом и Москвой решительно принял сторону Московского князя и активно содействовал различным великокняжеским мероприятиям. Жители Коми края участвовали в сражениях между московскими и новгородскими дружинами. В первый же год своего епископства Герасим распорядился, чтобы коми в составе устюжского войска «ходили... Двинскую землю за князя великого воевати». Устюжско-вычегодские ратники «пожгли у двинян Бороку, Емцу, Холмогорцы», но в конечном итоге двиняне и новгородцы разбили их и в свою очередь захватили и разграбили Устюг. В 1425 г. снова «воевали устюжаны и вычегжаны (т.е. жители Вычегодского края, коми – Авт.) Двинскую землю», но опять без успеха. Пришлось откупаться от новгородцев пушшиной (соболями и белками).

В 1432 г. в Московском княжестве началась борьба за обладание великокняжеским престолом между Василием II Васильевичем и его дядей князем Галицким Юрием Дмитриевичем. Разгоревшаяся междоусобная война продолжалась 20 лет, и «много крови христианской пролилося безвинно, покуда распря была», – с грустью сообщает летописец. Епископы Пермские поддерживали правившего в Москве князя Василия, и соперники последнего в 1438 г. послали в Коми край войско своих сторонников-вятчан. Вятчане разорили и пожгли селения по Лузе и нижней Вычегде, захватили Устюг, «а люди скрылись по лесом».

Неспокойно было в Коми крае и в отсутствие вражеских нападений. В начале 1443 г. вспыхнул конфликт из-за строительства нового храма в Усть-Выми и связанных с ним работ, а также из-за недовольства части местных жителей распределением угодий. В результате столкновения, согласно Вычегодско-Вымской летописи, епископ Герасим был убит «за неколико стадий от владычного горотка, месте зовемый Мыс». Легенда рассказывает о смерти епископа иначе: Герасим, подобно Исаакию, пытался крестить вогулов (документальных свидетельств этого нет) и даже взял одного из них на воспитание и определил к себе в слуги. Этот-то слуга-вогул будто бы и задушил епископа, мстя ему за миссионерскую деятельность. Похоронили Герасима в Усть-Выми.

Следующим епископом стал в 1444 г. архимандрит великокняжеского Чудова монастыря в Кремле Питирим, уроженец Ярославля, еще в юности принявший монашеский постриг, автор «Жития Святого Митрополита Алексия Московского» и похвального канона этому святому. Миссионерская деятельность Питирима была гораздо более успешна, нежели его предшественников. Он сразу же энергично взялся за продолжение христианизации коми и в том же 1444 г. крестил «пермяков удоренов на Вашке реке», «святых храмы тамо создвиг» (Никольскую церковь в Важгорте, Троицкий монастырь в Венденге) и направил туда «игуменов и попов». Летопись умалчивает о сопротивлении удорских коми крещению,

но, вероятно, как и во времена Стефана, не обошлось без стычек и применения силы посланными епископом людьми.

«Распря» на Руси меж тем разгоралась. Борьбу против московского князя возглавил Дмитрий Юрьевич Шемяка. Епископ Питирим, подобно своим предшественникам, поддержал великого князя Василия и в 1447 г. «с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей». В 1450 г. Шемяка при поддержке новгородцев напал на Устюг. Устюжане позвали на помощь дружины из Коми края, с Вычегды и Выми, но сами в последний момент отказались от сопротивления. Войско Дмитрия Шемяки разбило вычегодско-вымский отряд, а руководителей его «пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их» захватили в плен и казнили.

Закрепившись в Устюге, Шемяка попытался завладеть и Коми краем. По его приказу в 1450 г. отряды вятчан напали на Коми край «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты (селения – Авт.) пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали (отняли – Авт.)». Только укрепленный Усть-Вымский городок, где находился епископ Питирим, врагу не удалось захватить: «приступали вятчане к владычню горотку..., а взять не взяли, постояв на месте Копанец, звемый Вятский луг, повернули вспять на Вятку». Обращался Шемяка и к вогулам, призывая их напасть на коми, однако те не откликнулись на его призыв. Тем не менее контроль над значительной частью территории, населенной коми народом, перешел в руки Дмитрия Шемяки. О том, что принесло жителям Коми края его владычество, рассказывает документ: вятчане, пишется в нем, «с князем Дмитрием с Шемякой приходили есте многажды на ... Сысолу и Вым и Вычегду», много людей «перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцев на кол сажая, умертвляли». Вятчане захватывали пленников, которых продавали в рабство татарам.

Для организации борьбы с Шемякой князь Василий в 1451 г. отправил в Коми край своего наместника Ермолая из представителя одной из боковых ветвей рода князей Верейских* (старший сын Ермолая, Михаил, был послан наместником в Пермь Великую – в Чердынь на Каму). Ермолаю и его второму сыну Василию поручалось «правити пермской землей Вычегодскою» «по грамоте наказной по уставной», данной им великим князем, и отбить пермские земли у поддерживавшегося новгородцами Шемяки. Вероятно, тогда же началось строительство нескольких укрепленных городков на Лузе (близ современных Объячево, Лоймы и Спаспоруба) и Сыsole (у Вотчи и нынешних Куратово, Ыба и Ужги). Городки предназначались для хранения оружия и укрытия окрестных жителей при вражеских набегах.

Назначение великокняжеских наместников стало новым важным шагом на пути закрепления Коми края в составе Московского государства. Эти наместники, которые стали именоваться князьями Вымскими, управляли основной частью края (бассейном Вычегды, Вашки, верхней и средней Мезени и верхней Камы). Точное местонахождение их резиденции не установлено; вполне вероятно, что она располагалась на Выми, в Княжем погосте, но письменных подтверждений этого (как и самого существования Княжпогоста в то время) нет. Контроль над землями коми прочно перешел в руки Москвы. Однако Новгород продолжал предъявлять права на Коми край, указывая в своих грамотах земли коми среди новгородских владений. Но с этим мало кто считался. Митрополит Иона, например, в своем послании (написанном примерно в 1452 г.) упоминает «Сысолу и Вым и Вычегду» как «великого князя вотчину».

Епископ Питирим в 1452 г. отправился в Москву, но по дороге попал в руки своего давнего противника Д.Шемяки. Питирима привезли в Устюг, посадили в темницу. Шемяка «мучал ево тамо», требуя, чтобы Питирим отказался от своей подписи под церковным проклятием Шемяки, но «владыка не убоился..., проклятое слово не взял». В 1453 г.

---

* Существует также предположение, что князья Вымские являлись представителями местной родовой знати.

московское войско во главе с самим великим князем Василием двинулось на север «супротив Шемяки». Князь Василий «Кокшенгу взял, кокшаров посекал и пошел казнить Устюг, по што усюжана Шемяке норовили (содействовали – Авт.)». Дмитрий Шемяка не стал дожидаться противника в Устюге и «утекл на Двину и к Ноугороду, и там бысть отравлен зелием». Василий занял Устюг, освободил епископа Питирима.

Завершив христианизацию Перми Вычегодской, епископы Пермские обратили свои взоры на Прикамье и живших там коми-пермяков. В 1455 г. епископ Питирим ездил в Великую Пермь «на Чердынню крестити ко святей вере чердынцов». Когда он возвращался, то попал в руки вогулов, и те убили епископа «в месте зовемый Кафедраил на реке на Помосе». Есть мнение, что это произошло возле Усть-Выми, куда вогулы во главе с князем Асыкой явились после нападения на Пермь Великую. Но не исключено, что летописец имел в виду верхневычегодскую речку Помос, где Питирим мог проезжать, возвращаясь из Перми Великой. Местная легенда связывает смерть Питирима (так же, как и его предшественника) с будто бы предпринятой им попыткой христианизации вогулов; те, предводительствуемые князем Асыкой, специально организовали набег на Коми край, приплыли на плотах, замаскированных еловыми ветвями под плывущие деревья, в окрестности Усть-Выми и 19 августа 1455 г. внезапно напали на епископа и убили его, отомстив таким образом за его миссионерскую деятельность. Питирим был похоронен в Усть-Выми.

Пятым епископом пермским стал «владыко Иона». Согласно Вычегодско-Вымской летописи, это произошло в 1462 г., однако не исключено, что летописец ошибся, и поставление Ионы имело место раньше, в 1456 г., вскоре после гибели Питирима. Известно, что Иона неоднократно участвовал в церковных соборах, и в 1461 г. именно он объявил собору волю усопшего митрополита, избравшего своим преемником архиепископа Ростовского Феодосия. Иона продолжил крещение жителей Перми Великой, в 1462 г. «поставив им церкви и попы». Окрестил он и родившихся у Михаила «княжат». Возможно, при Ионе были предприняты первые шаги по расширению границ Пермской епархии за счет Перми Великой (согласно одному мнению, именно при нем великопермские приходы были включены в Пермскую епархию; по другим данным, этот процесс завершил преемник Ионы).

В 1456 г. великокняжеское войско разбило новгородцев. Подписанный в том же году договор Москвы и Новгорода ограничивал самостоятельность Новгорода, лишившегося права на проведение самостоятельной внешней политики. Пермь, Печора, Югра указаны в этом договоре среди новгородских волостей, хотя реальная власть на Европейском Северо-Востоке принадлежала, несомненно, Москве. В 1457 и 1459 гг. через Коми край (Прилузье), вероятно, прошли войска великого князя Московского, направленные на усмирение Вятки. В результате последнего похода вятчане признали власть великого князя, и Коми край был избавлен от их нападений. Хотя, как показали дальнейшие события, смирение вятчан оказалось временным, но постепенно положение на западной и южной границах Перми Вычегодской стабилизировалось. Непокойными оставались восточные и северо-восточные рубежи.

Добившись перелома в борьбе за первенство на Руси и на Севере, московские князья решили распространить свое влияние и за Урал, где располагалась Югорская земля. В 1465 г. великий князь Иван III отправил «Югорскую землю воевать» отряд устюжан под началом воеводы Василия Скрябы. К нему присоединился князь Василий Вымский «с вымичи и с вычегжаны». Поход был успешен: «полону много вывели, за князя великого Югорскую (землю) привели...». В Москву были привезены плененные югорские князья Калпак (Калба) и Течик, которых Иван III отпустил назад править своими княжествами, обязав их платить «дань... соболиную».

В 1466 г. вятчане, оправившись от нанесенных им в конце 50-х гг. поражений, совершили набег на великокняжеские волости на европейском Севере (на Кокшеньге); Коми край на этот раз избежал нашествия. На следующий год вятчане вместе с великопермским отрядом совершили в поход на вогулов и даже «князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили». В довершение к старым врагам появились и новые – в 1468 г. на Устюжские

земли напали казанские татары, разорившие волости в верхнем течении р. Юг; не исключено, что тогда же татары могли вторгнуться и в Лузскую Пермцу, однако документальных подтверждений этого нет. Иван III в ответ предпринял в 1468-1470 гг. три похода против Казанского ханства, в последнем из которых участвовали и вычегжане. Татары были разбиты у стен Казани и заключили мир. 6 июня 1470 г. скончался епископ Иона Пермский, которого также похоронили в Усть-Выми, рядом с двумя его предшественниками (в 1607 г. все трое – Герасим, Питирим и Иона – были причислены к лику святых). Шестым епископом Пермским в ноябре 1471 г. стал игумен Ферапонтова монастыря (одного из самых известных на Русском Севере) Филофей (он руководил епархией до 1501 г.)^{*}.

В начале 1471 г. новгородцы послали на Пинегу, Мезень и Вашку войско, «городок Кегролской сожгли», прогнали Ивана Гаврилова и его людей, «а те волости все поотимали за себя». Тогда же новгородские ратники изгнали московского наместника Федюню из волостей Выи и Пинежки, «людеи его збили и волости привели за себя». Захватили они и Вашку: «А что Важка, – то исконное место великого князя Вычегодское – пермяки; и то деи нынеча ноугородци за себя ж привели» – говорилось в «Кратком списке Двинских волостей» 1471 г.

В 1471 г. великокняжеское войско под руководством князя Холмского разгромило новгородскую рать. Холмский «Новгород взял на щит и волости новгородские поимал за князя великого». В числе отошедших к Москве «волостей новгородских» волости Коми края в этом документе не отмечены – но, очевидно, не потому, что Новгород сохранял на них какие-то права, а потому, что они и так фактически уже давно контролировались Москвой, были «исконным местом великого князя».

В том же году Иван III, почувствовав свою силу, послал отряды против казанских татар. В походе участвовали и вычегжане. Войско простояло под Казанью пять дней, но штурм так и не состоялся. Правитель Перми Великой Михаил Ермолаевич стал склоняться к поддержке казанцев. Осенью 1471 г. Иван III послал устюжского воеводу Федора Давыдовича Пестрого из рода князей Стародубских-Палецких с войском (в состав которого входили и воины из Коми края) на Каму, чтобы наказать самовольца-наместника. Отряд захватил города Искор, Урос, Чердынь, Покчу. Михаил и его воеводы Кача, Бурмот, Мичкин и Зынарь были арестованы. Войско зазимовало в срубленном в устье Покчи городке и ушла из Перми Великой в 1472 г. Михаил был арестован, отправлен в Москву, но после того как поклялся в верности великому князю, отпущен назад «на Пермь-ж княжити». Поход этот имел и еще один результат: епископ Пермский Филофей (сменивший на этом посту умершего тогда же Иону) добился присоединения церковных приходов Перми Великой к Пермской епархии – что, в общем, было резонно, ибо именно епископы Пермские крестили тамошних обитателей (как уже отмечалось выше, существует также мнение, что великопермские приходы вошли в Пермскую епархию еще при Ионе).

В октябре 1477 г. московское войско еще раз двинулось на Новгород, который не в силах был оказать сопротивление. После длительных переговоров 10 января 1478 г. Новгород окончательно признал утрату всякой самостоятельности и со всеми своими владениями был безоговорочно включен в состав Московского государства. У Москвы больше не было соперников в борьбе за обладание богатствами Коми края. Существовала, правда, опасность нападения на этот регион воинственных вогулов и самояди, поэтому князь Василий Вымский продолжал строительство укрепленных городков. Один из них был заложен на Выми близ Турьи в 1480 г. (это – первое упоминание о с. Турья в исторических документах) и должен был прикрывать путь, ведущий с Печоры и Ижмы на Вымь и Вычегду – к Усть-Выми и, быть может, Княжпогосту, в центр Коми края. Однако жители Выми без восторга отнеслись к этому начинанию, опасаясь, что появление городка ограничит их свободы в пользовании угодьями. Летопись сообщает: «Вымичем не любо тое городок

---

^{*} По Вычегодско-Вымской летописи, кончина Ионы и поставление Филофея произошли в 1472 г.

строити: пошто нам этот городок и на кого». Вспыхнул конфликт, «и посекли вымичи Василья князя насмерть». После гибели Василия наместниками стали его сыновья Петр и Федор, вероятно, завершившие постройку Турьинского городка (во всяком случае, в дозорной книге 1608 г. отмечено хранившееся в Турьинской церкви пришедшее в негодность вооружение, возможно, перенесенное сюда из сгоревшего городка: «4 пицали затинные горелые, да 5 ружниц в станках, да 5 ружниц горелые же, а зелья (пороха – Авт.) и ядер нет, а письма (описания – Авт.) тому наряду нет же»).

Описание 1481 года

Великому князю оставалось сделать последний шаг: провести описание земель и населения, вошедших в единое Московское государство. На большей части Коми края такое описание было проведено в 1481 г. дьяком Иваном Гавриловым. Оно стало законодательным актом, окончательно закрепившим вхождение Коми края в Русское государство. Описание зафиксировало, что коми (пермяне) жили в то время на Вычегде (их селения начинались чуть выше устья Виляди и тянулись почти до устья Сысолы; самые низовья Вычегды к этому времени были уже обжиты русскими, русские жили и в Усть-Выми), Сыsole, Выми, Вишере, Вашке, Лузе, Виляди, Пинеге и верхней Кама. Верхняя Мезень, Летка и Вычегда (начиная с района, прилегавшего к устью Сысолы, и вверх по течению) не были заселены, но, вероятно, частично использовались в качестве промысловых угодий. О существовавших тогда населенных пунктах известно очень мало: уже были, кроме упоминавшихся ранее Усть-Выми и Вотчи, Турья (о ней впервые упомянуто в документах в 1480 г.), д. Ыб на Выми, Оквад, Коквицы (1483 г.), Ужга, Вендинга, Пыелдино (1485 г.), Тыдор, Вездино, Важгорт, Княжпогост (1490 г.).

Описание 1481 г. охватило основную часть территории, заселенной коми народом, – землю Пермь Вычегодскую (Вычегда, Вымь, Вишера, Удора, Сысола и верхняя Кама), которой управляли князья Вымские. Они ведали обороной края от внешних врагов, охраной порядка внутри края, сбором дани с местного населения, судопроизводством, возглавляли сформированные в крае военные отряды во время походов в другие регионы выполняли некоторые внешнеполитические функции (могли заключать от имени великого князя договоры с феодалами соседних регионов, в частности, с югорскими князьями). Власть их не распространялась на вотчину епископов Пермских, в которую входили Усть-Вымь, Оквад и Вожем. Князья Вымские имели в своем распоряжении штат чиновников – тиунов, доводчиков и приставов. Главным назначением тиуна был суд и сбор судебных пеней. При тиунах состояли доводчики – судебные исполнители, которые должны были производить судебное следствие по поручению судьи (тиуна), арестовывать преступников, допрашивать их и т.п. Тиуны и доводчики назначались князьями, но не могли освобождаться ими от должности ранее чем через год после назначения. Приставы несли полицейскую службу (охрана порядка), выполняли различные поручения князей и тиунов, связанные с разъездами по подчиненной им территории.

Отдельными частями Перми Вычегодской – Удорой, Вымью, Сысолой, Ужгой (в нее входили верхняя Сысола и верхняя Кама) и Вычегдой руководили «сотники волостные», избиравшиеся местным населением (князья Вымские не могли заменять сотников по своей воле). Сотники представляли население своих земель-волостей в сношениях с верховной властью, собирали с населения «кормы княжи и тивуновы и доводчиковы» и передавали их князьям Вымским. Вероятно, именно сотники и помогавшие им десятники (также, вероятно, выбиравшиеся местным населением) определяли порядок распределения среди жителей «даней государевых» и других сборов и пошлин и их сбора, а также выполнения различных повинностей. Возможно, сотники также возглавляли сформированные в землях-волостях военные отряды во время походов.

Прилузье (Лузская Пермца) и Вилядь (Вилегодская Пермца) не входили в землю Пермь Вычегодскую, а находились в составе Устюжской земли. Населенные пермянами

территории на Пинеге и Немьюге относились к Двинской земле. В это время у коми завершался распад родового строя. Вышеперечисленные районы соответствовали расселению территориально-племенных объединений (предшествовавших территориально-соседским общинам, объединявшим людей уже не по кровно-родственному признаку) древних коми – пермян удорских, вымских, нижневычегодских, вилегодских, лузских, пинежских, сысольских зырян (сырьян) и ужгинских сирян.

С закреплением Коми края в составе Русского государства территория расселения коми народа перестала быть ареной разорительной для населения борьбы между княжествами, оказалась более надежно защищена от нападений соседских северо-восточных племен. Усилились связи между коми и русскими, шел взаимообмен опытом ведения хозяйства. С другой стороны, на плечи местного населения тяжелым бременем легли разнообразные налоги и повинности, взимание которых зачастую сопровождалось всяческими злоупотреблениями. Феодалное землевладение не получило большого распространения в Коми крае. Большинство жителей попало в категорию так называемых черносошных (позднее – государственных) крестьян, плативших дани (подати) государству. Единственным относительно крупным феодалом являлся епископ Пермский, в Усть-Вымской вотчине которого в 1490 г. насчитывалось 49 крестьянских дворов. Кроме этого, епископы Пермские владели также землями в Устюжской земле (на р. Вилядь). Увеличить свои владения епископы не могли: великий князь в грамоте 1485 г. запретил наместникам и «волостным людям большим» передавать (продавать, завещать, дарить) «волостных деревен, и рек, и озер, и иных угодий некоторым владыке и владычны слуге, и десятильником, и игумном, и попом... ни в закуп, ни по душе». В тех случаях, когда в руки епископов все же попадали волостные угодья, их возвращали назад в черносошные владения. Так, в 1490 г. Иван III «придал... земли, воды и угодия в тягло Вычегодской земле тем людям, у ково владыки те земли, и воды, и угодья поимали. А будет тех людей те земли и воды и угодья волости, а владыкам в те земли и воды и в угодья не вступатися». «Волостным людям» велено было вернуть епископу или епископским крестьянам полученную у них под залог угодий пушнину.

Вотчиной управлял, вероятно, назначаемый епископом «владычный слуга» (в середине 1480-х гг. им являлся Леваш), которому помогали «десятильники» (десятские). Крестьяне, жившие на принадлежавших епископу землях, выполняли различные повинности в его пользу. От великокняжеских даней, пошлин и повинностей епископские крестьяне освобождались. Не платили они и «кормов» князьям Вымским и их чиновникам. Епископ вершил суд в отношении своих крестьян «во всем, кроме душегубства» (т.е. кроме убийств, дела о которых рассматривали великокняжеские наместники и их представители).

Более теплый (по сравнению с последующим временем) климат первых столетий II тысячелетия н.э. способствовал распространению на Севере и у народа коми, в частности, земледелия. В грамоте 1490 г. упоминаются «дворы владычны с пашнями и с пожнями» возле Усть-Вымского городка. Но земледелие в XV в. в Коми крае было развито еще довольно слабо. Животноводство, видимо, играло несколько большую роль в хозяйстве, чем земледелие; во всяком случае, пожни, т.е. сенокосные угодья, на которых заготавливался корм для скота, упоминаются в великокняжеских грамотах конца XV в. гораздо чаще, чем пашни. Некоторые дворы в Усть-Выми были «без пашни, а пожни к ним есть». Жители края занимались и ремеслом, но, вероятно, в основном, для удовлетворения собственных нужд в одежде, обуви, орудиях труда и утвари. В грамоте 1490 г. среди епископских крестьян назван один человек, возможно, занимавшийся ремеслом более основательно – «Игнат сапожник». Ведущее значение в хозяйстве местного населения имели охота и рыболовство. Поэтому «государевы дани» брались с охотничьих и рыболовных угодий («за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречатьи садьбища, и за рыбные и звериные ловли»), и единицей обложения был не участок пашенной земли («соха»), как на Руси, а «лук».

Размер дани с каждой земли (в зависимости от количества «луков», т.е. взрослых мужчин-охотников) был определен Иваном Гавриловым в 1481 г. – «с лука по соболу. А не

буде соболь, ино за соболь осударю четыре гривна (40 копеек – Авт.)». Помимо выплаты «государевых даней», население Перми Вычегодской должно было содержать за свой счет и великокняжеских наместников, а также их администрацию (эта система называлась «кормлением»). Кроме того, великий князь пожаловал князьям Вымским во владение некоторые рыболовные угодья: «...против повоста Шеномскова (Шеном на нижней Вычегде – Авт.) по Вычегде два озера, да под Еренским городком озеро да курейка, да по Вычегде-ж повыше владычново городка в Юруме четыре курьи, да по Сысоле реке в повосте Пылде (Пыелдино – Авт.) два озера», строго оговорив при этом: «А в иных реках и озерах и угодьях волостных княщинам не быти и княжих ловцов и делавцов не засылати в никоторые».

Определить численность населения Коми края в XV в. можно лишь предположительно. В жалованной грамоте Ивана III 1485 г. отмечено, что в земле Пермь Вычегодская насчитывалось 1716 «луков», т.е. взрослых мужчин. Существует методика, согласно которой для вычисления общего количества жителей число взрослых мужчин умножается на 4. Если воспользоваться ею, то численность населения составит около 6,9 тыс. чел. В это число входит и население верхней Камы и низовьев Вашки, относившихся в тот период к Перми Вычегодской. Если исключить их и добавить Прилузье, не входившее в Пермь Вычегодскую, то можно заключить, что всего в Коми крае в 80-х гг. XV в. предположительно проживало около шести с половиной – семи тысяч человек (коми и русских). На демографическое развитие отрицательное влияние оказывали эпидемии различных болезней, возможности борьбы с которыми в условиях неразвитости медицины были крайне ограничены. Так, в 1494 г. жителям Пермской земли «было добре тяжко вельми от болезни, от трясавицы и от огненные многие люди изомроша».

В XV в. началось формирование (на базе названных выше территориально-племенных объединений) большинства основных этнографических групп коми – частей народа коми, проживающих на определенной территории и отличающихся друг от друга своеобразными чертами некоторых элементов традиционной культуры (орнамента, хозяйственных занятий, одежды и др.): нижневыхогодцев (эжватас), вымичей (емватас), прилузцев (пермяки, лузсаяс), сысолцев (сыктылсаяс), удорцев (удораса). Существенную роль в их формировании сыграли этнокультурные контакты между коми и другими народами (русскими, удмуртами, марийцами, вепсами и др.). Завершился этот процесс уже в последующих столетиях.

Присоединение к Русскому государству Печорского края. Походы в Югру

Закрепившись в землях коми, московские государи использовали Вычегодский край как базу для распространения своей власти на Печору. В низовьях реки, где кочевала самоедь (ненцы), издревле бывали новгородские, а затем московские данщики, но переход этого удаленного края под непосредственное управление великих князей стал возможным лишь в конце XV в. по окончании феодальных междуусобиц и укрепления центральной власти на Севере.

Вспомнив об успешном походе в Югру 1465 г., великий князь Иван III в 1483 г. послал на Печору и далее за Урал «на Югру на Обь Великую» рать во главе с князем Федором Курбским Черным и сыном боярским Иваном Салтык Травинным. В состав рати входили и жители Коми края – «вычегжаны, вымичи, сысолечи». Войско могло пройти через Пермь Вычегодскую и по Печоре либо через Пермь Великую (второй вариант, по мнению исследователей, более вероятен). Перевалив через горы, воеводы разгромили вогулов на р. Пелым: «На том бою убили устюжан 7 человек, а вогуличь паде много», «князь вогульский Юмшан утекл со своим со всем». Затем рать двинулась «вниз по Тавде реке в Сибирскую землю», прошла до Иртыша и Оби, где воеводы «Великую землю Югорску воевали, князя их Молдана большово в полон вели, добра и полону взяли многие». В плен попали и два сына князя Емчихея. Московская рать понесла большой урон: «...померло вологжан много, а

устюжане все вышли». О потерях среди ратников из Коми края в летописи ничего не говорится. 1 октября 1483 г. войско вернулось в Устюг.

В 1484 г. в Москве велись переговоры между великим князем Московским и вогулами относительно дальнейших взаимоотношений между Югрой и Русью. В переговорах в качестве посредника участвовал епископ Пермский Филофей. Одну из делегаций вогулов, получившую «опас» (охранную грамоту) для князя Юмшана, сопровождал из Москвы «владычный слуга» Леваш. В 1485 г. вогульские князья Юмшан, Калба и Ломотко прибыли к Филофею в Усть-Вымь для продолжения переговоров. Филофей сопровождал их в Москву. Переговоры оказались успешными, и в том же году вогульские князья подписали близ Усть-Выми мир с князьями Вымскими Петром и Федором, представителем епископа Пермского Левашом и сотниками «Вычегодские земли пермский» Сидором Онкудиновым, Алексеем Козаком, Киросом Устиновым и Семеном Микитиным. Вогулы «со злота воду пили» и обещали «лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермские людие» и подчиняться великому князю.

Договор, однако, оказался не крепок. Вогульские князья не очень-то стремились признавать верховную власть далекого московского князя, у которого к тому же опять возникли проблемы с мятежными вятчанами. Последние в 1486 г. дважды нападали на Устюг. Опасались их набега и жители Коми края: «Пермские люди в то лето сидели великим страхованием от вятчан», – рассказывает летопись. Иван III вынужден был прислать сюда войско и держать его здесь до осени, чтобы «от вятчан устюжские и вычегодские места беречи». Только в 1489 г. Иван III смог привести к покорности Вятскую землю, послав туда большие военные силы под началом Даниила Васильевича Щени и Григория Поплевы Морозова. В этом походе участвовал и отряд из Коми края («вычегжаны, вымичи, сысолечи»). В конце июня рать подступила к городку Котельнич; туда же подошел союзный отряд казанских татар. Были заняты все вятские городки, осажден Хлынов – центр Вятской земли. Вятчане сдались и присягнули на верность великому князю. Набеги на южные границы Коми края окончательно ушли в прошлое. Вероятно, в эти годы к Пермской епархии отошли вятские церкви (а в 1492 г. к ним добавились «церкви на Вологде да в Двинской волости»), и епископ Филофей больше стал бывать в Вологде, чем в Усть-Выми). Покончив с Вяткой, Иван III вновь повернул свой взор к Печоре.

Этот регион привлекал внимание Москвы не только пушшиной. Для чеканки монеты на Московском монетном дворе требовалось много серебра. На Руси месторождений последнего не имелось, так что приходилось использовать в качестве «лома» западноевропейские монеты. Между тем по крайней мере с 1213 г. имелись сведения о том, что серебро и медь есть на далекой северной речке Цильме.

В 1490 г. Иван III обратился к императору Священной Римской империи Максимилиану с просьбой прислать ему горных мастеров, умеющих добывать золотую и серебряную руду и выплавлять из нее металл и после прибытия двух «немцев» (вероятно, итальянцев) «Ивана» и «Виктора» 26 марта 1491 г. отправил из Москвы на Цильму первую в истории российскую правительственную геологоразведочную экспедицию для поисков и разработки серебряной и медной руды. Руководили экспедицией «дети боярские» Андрей Петров и Василий Иванов Болтин. Рудоискатели добрались до Северной Двины, затем направились по Вычегде, Выми и ее притоку Тетере до Ухтинского волока, а далее по Ухте, Ижме и Печоре до Цильмы, прибыв туда к лету. Поиски на отрогах Тиманского кряжа увенчались успехом – 8 августа 1491 г. была найдена серебряная и медная руда на Цильме («не доходя Космы реки за полднища, а от Печеры реки за семь днищ»). Особенно значительным было месторождение меди: «...а места того, где нашли, на десяти верстах». Успех экспедиции был связан с тем, что в распоряжении ее участников, видимо, имелись какие-то сведения о рудных залежах; не исключено, что горные мастера ориентировались и на следы каких-либо старых выработок. В конце лета рудоискатели двинулись в обратный путь и 20 октября, преодолев путь в «полчетверты (три с половиной – Авт.) тысячи верст»,

вернулись в Москву. 1491 год принято считать началом горнометаллургического промысла в Московском государстве.

В 1492 г. Иван III послал на Цильму вторую экспедицию* – грека Иммануила Иллария (Мануила Иларьева или Ралева), Ивана Брюхо Кузьмина Коробьина и уже знакомых с местностью А.Петрова и В.И.Болтина. В состав экспедиции входили «мастера из Италии» (они должны были «серебра делать и меди») и 240 русских рабочих с Северной Двины, Пинеги и Устюга («делавцы, кому руда копати»). А чтобы снабжать их продовольствием, определили еще «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолч сто человек». На Цильме в 7 км выше впадения в нее р. Рудянки были заложены рудники, построены плавильные печи. Выплавленный металл по рекам и волокам отправляли в Вологду, а оттуда в Москву. Серебряные руды оказались, однако, слишком бедными для их разработки. О золотых месторождениях никаких достоверных данных не сохранилось, хотя, по некоторым данным, на Цильме добыли и какое-то количество золота, из которого, возможно, в 1497 г. была отчеканена монета с изображением Святого Николая, подаренная Иваном III своей дочери Феодосии. Если это сообщение соответствует действительности, тогда это была первая в истории России золотая монета, изготовленная из отечественного золота. Медные руды содержали до 50 % металла, но и добыча меди вскоре прекратилась – горно-геологические условия были сложными, очень трудно оказалось снабжать рудокопов и вывозить добытую руду (единственными путями сообщения были реки, населенных пунктов поблизости не было), да и сезон добычи был весьма короток. К тому же мешали налаживанию дела враждебные отношения печорской самоеды и вогулов. Кроме того, с XV в. было известно о наличии нефти на р. Ухте. Двинская летопись сообщает, что жители региона используют добытую там нефть для лечения некоторых болезней и смазки осей телег.

В середине 90-х гг. Ивану III пришлось на время отвлечься от северо-восточных границ Московского государства и обратиться к северо-западным рубежам, которым угрожали скандинавы, стремившиеся укрепить свое влияние в Финляндии и Карелии. В июне 1496 г. войско под началом Ивана и Петра Ушатых было направлено в Каянскую землю и привело под власть великого князя обитателей селений, расположенных на берегах р. Лименги. В этом походе участвовали устюжане, важане, двиняне и пермяне, земли которых также, возможно, подвергались набегам скандинавов. Летопись сообщает, что «устюжане», «пермичи» и другие совершили удачный поход на шведские земли: «взяша три бусы (корабля) со всем на море, и полону приведоша», причем вернулись они в октябре «по здорову со всеми силами».

Решающий шаг в присоединении Печоры к Русскому государству был сделан в 1499 г. Тогда «повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику» с большим войском идти покорять Печору и усмирять отказывавшихся признавать великокняжескую власть вогулов. П.Ушатой «с вологжаны, двиняны, важаны» по Пинеге, Коле, Мезени и Пезе добрался до Цильмы и Печоры. Воины П.Ушатого, как сообщает летопись, «идучи самоедцов за великого князя привели». Затем в низовья Печоры прибыли другие русские дружины и отряд Петра и Федора Вымских («вычегжаны, вымичи, сысолочи 700 человек»). Здесь, близ современного г. Нарьян-Мара, «на Пусту» был построен укрепленный городок Пустозерск – первый город за Полярным кругом, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми.

Проведя в Пустозерске осень, воеводы выступили за Урал против вогулов и «шедшу пеши зиму всю, ...земли их воеваша». Во время зимнего похода 1499-1500 гг. погиб князь Петр Вымский, но в целом экспедиция оказалась успешной: «князей ослушников» взяли в плен и отвезли в Москву, а прочих вогулов заставили поклясться в верности великому князю и дать обещание не нападать на его подданных в Коми крае. С этого времени Печорский край вошел в состав Русского государства.

---

* Некоторые исследователи считают, что состоялись не две, а одна экспедиция на Цильму, и оба сообщения относятся к экспедиции 1491 г., которой руководили Андрей Петров, Василий Болтин и Иван Коробьин.

Пустозерский городок стал постепенно расти. В 1502 г. великий князь направил туда князя Федора Вымского – «правити на Пусте-озере волостью Печорою». В Вычегодском крае князя-наместники были ему уже не нужны, поскольку земли коми перестали быть «порубежными». Теперь нужно было укреплять новые северо-восточные рубежи. Вскоре, в 1505 г., расстался с должностью великопермского наместника и родственник Федора Вымского князь Матвей Михайлович.

Очерк II. ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ (XVI–XVII ВЕКА)

«...Многие мелкие управления»

XVI и XVII столетия были одним из самых сложных периодов в истории коми народа. В немалой степени под влиянием феодальной Руси в Коми крае развивались и упрочивались территориально-соседские связи, завершился переход от родового строя к раннеклассовому обществу. На смену территориально-племенным объединениям пришли чисто территориальные, «земляческие» связи, объединявшие жителей одного или нескольких близлежащих селений (небольшие группы селений именовались погостами или волостками). Погосты и волостки, в свою очередь, входили в состав более крупных территориальных образований – земель или волостей. Границы земель-волостей в основном совпадали с рубежами предшествовавших им территориально-племенных объединений. В XVI – начале XVII вв. основной единицей административно-территориального деления Русского государства стал уезд, постепенно сменивший прежние земли.

В 1505 г. скончался Иван III. В своем завещании он разделил города и волости Московского княжества между сыновьями. Более двух третей были завещаны старшему сыну – Василию. Ему, в частности, достались указанные в завещании в числе других земель и волостей «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. Как видно, Пермь Вычегодская как единое образование в этом документе не указана, а названы в отдельности ее составные части. Возможно, после того, как Федор Вымский был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками.

К сожалению, каких-либо документов характеризующих управление Коми краем в первой половине XVI в., не сохранилось. В обобщающие научные труды вошло представление о том, что до середины XVI в. отдельные земли-волости края управлялись «кормленщиками» – волостелями из числа представителей русской феодальной знати. Это вполне вероятно, поскольку именно так осуществлялось управление в других частях Московского государства. Волостели на подведомственных им территориях ведали сбором дани и налогов с местного населения, судопроизводством, обороной края от внешних врагов, охраной порядка внутри края и т.п., и получали за это «кормы»: единовременный «въезжий», взимавшийся при вступлении кормленщика в управление округом, и постоянные, собиравшиеся ежегодно (как правило, «петровский» – на Петров день, и «рождественский» – на Рождество). Первоначально эти «кормы» взимались натурой, но со временем все более переводились в денежную форму. В волостях существовали и выборные должностные лица – в частности, старосты, которые принимали участие в управлении.

Жители ряда уездов, в том числе и северных, часто обращались к царю с просьбой освободить их от кормленщиков и передать управление местным выборным лицам. В 1555–1556 гг. система кормлений была отменена «Приговором царским о кормлении и о службах». «Кормы» были переложены в особый государственный налог, который служил дополнением к дани (оброк или откуп) и использовался для содержания аппарата местного управления. Эта земская реформа и полученные от Ивана Грозного жалованные и уставные грамоты дали землям-волостям Коми края значительные права самоуправления, автономию. Крестьяне Лузской Пермцы, например, получили такую грамоту в том же 1555 г. Согласно этой грамоте, устюжским и сольвычегодским наместникам запрещено было собирать здесь подати и вершить суд; эти права предоставлялись «выборным земским людям». Вероятно, аналогичные грамоты получили и некоторые другие (а, возможно, и все) земли-волости края, управлявшиеся избиравшимися из числа зажиточных жителей лицами – земскими старостами (или «излюбленными головами»). Какое-либо вознаграждение за земскую службу законодательство им не предусматривало. Старосты возглавляли земские избы и

ведали раскладкой и сбором налогов, судили людей и «управу чинили» по уставной грамоте и «Судебнику» 1550 г. Стоит отметить, что в Коми крае в конце XVI в., вероятно, был в употреблении своеобразный «Зырянский судебник», упоминания о котором сохранились в документах XVII столетия, и который, видимо, содержал некоторые отличия по сравнению с общерусским «Судебником». Старостам подчинялись целовальники, «кому у них в суде сидеть и на рассылке быть», земские дьяки, «кому судные дела писать», и доводчики, «кому у них на поруки давать и на суде ставить».

С середины XVI в. территория, входившая ранее в землю Пермь Вычегодскую, в документах стала именоваться Вычегодским уездом (позднее употреблялись также названия Вымский уезд, Яренский уезд). Некоторые сведения о системе управления Коми краем во второй половине XVI в. содержатся в записках англичанина Д.Флетчера, побывавшего в Московии в 1588–1589 гг. Флетчер писал: «Что касается Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит Царю, то их удерживают (в подчинении – Авт.) тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более грозой меча, нежели самим оружием. Во-первых: Царь... содержит в них... гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых: здешние начальники и судьи все Русские и сменяются Царем очень часто, именно, каждый год по два и по три раза, несмотря на то, что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы...». Учитывая, что сотники и прочие должностные лица земель-волостей избирались населением из местных жителей, а не назначались царем из русских, то можно предположить, что в записках Д.Флетчера речь идет о назначавшихся царем главах Вычегодского уезда, скорее всего, даже не имевшими реальных властных полномочий, принадлежавших земским сотникам. Однако не исключено, что Флетчер имел в виду в своей книге старую, уже вышедшую из употребления после реформы 1555 г. систему «кормлений».

Окончательно уезды на севере Русского государства сформировались в конце XVI – начале XVII вв. Во главе уездов стояли воеводы. Лузская Пермца (Луза и Летка) находилась в составе Сольвычегодского уезда, нижняя Печора и Ижма составляли Пустозерский уезд. Основная часть Коми края (бывшая Пермь Вычегодская, за исключением верхней Камы и низовьев Вашки, переданных в другие уезды) составила Яренский уезд. Он включал в себя селения по Вычегде (кроме низовьев), Выми, Сыsole, средней и верхней Вашке, верхней Мезени и верхней Печоре. Яренский уезд состоял из нескольких земель: Вычегодской, Плесовской, Удорской, Сысольской, Вымской (из нее в середине XVII в. выделились Верхневычегодские волости), Ужгинской и Усть-Вымской вотчины епископов (центр епархии в 1564 г. был переведен в Вологду). Часть земель пользовалась значительной автономией от уездного воеводы. Большинство земель делилось на погосты и волости. Земли управлялись сотниками, которым подчинялись старосты и целовальники.

Наращение трудностей в историческом развитии коми народа.

В начале XVI в. обширные пространства Коми края были слабо заселены. Население сосредотачивалось вдоль берегов основных рек – Вычегды, Выми, Сысолы, Лузы, Вашки. Сведения об этнических особенностях местного населения были известны в Европе. В 1517 г. польский историк Матвей Меховский написал трактат «Об областях Скифии – Пермь, Башкирия, Югра и Корела, покоренных московским князем», где сообщается, что Пермь (имелась в виду, видимо, и Пермь Вычегодская, и Пермь Великая) подвластна московскому князю, и что «в земле пермской собственный язык». Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Московии в 1516-1518 и 1526-1529 гг. (он, в частности, встречался с С.Ф.Курбским, руководителем похода за Урал 1499–1501 гг.), также сообщал в своих «Записках о московитских делах» о «великой и обширной области Пермии», обитатели которой «имеют особый язык и точно также особые письма».

Однако для сохранения «особого языка» постепенно стали возникать проблемы в связи с не ослабевавшим притоком на Север и в Коми край русских переселенцев. В XVI в. русские стали большинством жителей на нижней Вычегде, нижней Лузе, Пинеге и нижней Вашке. В 1542 г. новгородец Иван Дмитриевич Ластка получил разрешение построить слободу на Печоре, в устье р. Цильмы. По данным исследователя Н.Н.Чесноковой, И.Д.Ластка являлся представителем старинного рода князей Ростовских, который до опричнины играл видную роль на Руси. Свое родовое имя ветвь Ластки приобрела во второй половине XV столетия, а ее первый представитель князь Ластка являлся праправнуком Ивана Калиты и пятиюродным братом Ивана III. Основатель Усть-Цильмы И.Д.Ластка был примерно семиюродным братом Ивана Грозного. В 30-х гг. XVI в. Ластки утратили княжеский титул. Исследователи еще не выяснили, когда представители этой фамилии поселились на Новгородчине, однако им удалось установить, что в новгородских актах второй половины XVI столетия упоминается, например, Ластка-Косатка. В 1544 г. «пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку да Власку Печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и беспошлинно». Льготные условия привлекли сюда новых переселенцев. К основателям слободки – новгородцам позднее присоединились выходцы с Мезени, Пинег и Сев. Двины. В 1545 г. права И.Д.Ластки были ограничены, но в 1554 г. он сумел добиться грамоты с исключительными правами для себя на натуральные промыслы.

Если бы переселения русских крестьян на Европейский Северо-Восток продолжались в больших размерах и далее, то это могло бы привести к постепенному обрусению прилузских, вычегодских, а затем и живших в других районах коми. Русских переселенцев вынуждали уходить на Северо-Восток самые разные причины. Рост крупного землевладения в центральных районах Русского государства сопровождался закрепощением крестьян. Не желавшие попадать в крепостную зависимость люди бежали на Север, свободный от феодалов. Однако и там, в Подвинье, начала ощущаться нехватка пахотных земель, и крестьяне шли дальше на восток – на Вычегду, Лузу, в бассейн Мезени, на Печору... Кроме того, в XVI в. проявилось расслоение северного крестьянства (особенно явственно обозначившееся в XVII столетии): часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покидать родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в соседнем Коми крае.

В результате таких переселений усилились связи между коми и русскими, активизировался взаимообмен опытом ведения хозяйства. Исследователи отмечают русские заимствования во всех областях хозяйства и культуры коми. Л.Н.Жеребцов писал, что встреча с русскими земледельцами значительно продвинула вперед земледельческое хозяйство коми: появилась новая техника (русская соха), улучшившая условия обработки земли, стали использовать удобрение, изменилась система земледелия, усовершенствовалась обработка зерна, расширился ассортимент огородных и полевых культур и т.д.

Значительную роль в активном и бесконфликтном расселении русских крестьян в Коми крае сыграл субъективный фактор. Историк Л.В.Милов пишет о своеобразии менталитета российского крестьянства (связывая его формирование, в частности, с воздействием природно-климатических факторов) и на то, что этот менталитет способствовал максимальной контактности с представителями иных конфессий, а это имело громадное значение в практике миграций и мирного проникновения русского населения на новые территории. Эти слова в полной мере можно отнести и к переселениям русских в Коми край, причем уместно, во-первых, говорить о контактности не только с представителями иных конфессий, но и иных народов, а во-вторых, понимать под российским крестьянством с его менталитетом не исключительно русское, но и крестьянство иных этносов, формировавшихся в сходных природно-климатических условиях, и в частности, коми, особенно после того, как они в конце XIV–XV вв. стали православными.

Однако появление в Коми крае многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом независимо от чьего-либо желания создавало

трудности для развития коми народа, в первую очередь, для традиционного местного охотничье-рыболовческого хозяйства. Охота и рыбная ловля являлись древнейшими занятиями коми. Они давали жителям не только пищу, но и материалы для изготовления одежды, обуви, орудий труда, оружия и т.д. Еще в первой половине XVI в. в Перми и на Печоре ловились соболи. С.Герберштейн писал, что «по сю сторону Устюга и Двинской области они (соболи – Авт.) попадаются весьма редко, а около Печоры гораздо чаще и притом гораздо лучшие». Кроме того, по сообщениям Сигизмунда Герберштейна и Павла Иовия (римского литератора, опубликовавшего в 1525 г. «Книгу о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII», в которой привел сведения о Московии, полученные от великокняжеского посланника Дмитрия Герасимова), на Печоре были «соколы и кречатыи садьбища», и тамошние охотничьи птицы пользовались большой славой благодаря своим качествам. Отметим, что раскладка налогов при втором описании земель и населения в Коми крае в 1530 г. также производилась по «лукам», что свидетельствует о важной (вероятно, доминирующей) роли охоты в хозяйстве.

Рыболовство у коми, вероятно, всегда играло менее значимую роль, чем охота, и в конце XVI в. для абсолютного большинства обитателей края (в особенности южных районов) эта отрасль имела подсобное значение. Лишь в единичных случаях рыбная ловля могла быть основным источником средств существования – так, в писцовой книге 1586 г. в нижневычегодском погосте Гам отмечен «Ларко Иванов... рыболов». Гораздо большее значение имело рыболовство на Печоре и Ижме.

По мере увеличения численности населения возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома, в Припечорье, тундру и даже за «Каменный пояс», на длительный срок. Уже в середине XVI в. коми, а также севернорусские промышленники с Пинеги и Ваги активно внедрились в «звериные угодеи и рыбные ловли» канинских и тиманских ненцев. Иван IV даже вынужден был в 1545 г. направить «на Пермь грамоту гневным словом», дабы заставить пришельцев вернуть самоедам их родовые угодья. А в конце XVI в. даже жившие на Оби остяки (ханты) жаловались, что «зыряне и вымичи... по их вотчинам и гожим местам и по лесам и по речкам зверуют, бьют соболи и бобры, и лисицы и зверь выбили».

В Коми крае начался перепромысел зверей: их становилось все меньше. Еще П.Иовий указывал, что жители Перми и Печоры не столько сами ловят соболей, сколько «получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у Океана». Вполне возможно, что и в конце 1573 г. Яков Строганов, организовавший по специальному распоряжению Ивана IV покупку соболей в Перми, на Выми и Вычегде, приобретал уже не столько местных соболей, сколько привезенных местными охотниками или торговцами из-за Урала. Англичанин Д.Флетчер, посетивший Русское государство в 1588–1589 гг., правда, сообщал, что «лучшие соболя меха добываются в областях Печорской (подчеркнуто нами – Авт.), Югорской и Обдорской», и что «черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получаю также волчьи и белые медвежьи меха».

К концу XVI столетия в Коми крае из пушных зверей в изобилии водилась, вероятно, лишь белка, а соболей и других ценных пород, видимо, стало существенно меньше (хотя писцовая книга 1586 г. сообщает, что жители вычегодских, сысольских и удорских селений платили оброк не только «за белку... и за бобровые гоны», но и «за соболи»). Сократилось, видимо, количество оленей, кабанов, лосей и других животных. Д.Флетчер, впрочем, отмечал, что «лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды» и в других северных землях.

Земледельческая колонизация Северо-Востока русскими крестьянами усугубляла положение. Разумеется, и в хозяйстве коми роль земледелия постепенно возрастала. В самом начале XVI в., судя по сообщениям иностранцев, земледелие еще не играло особо заметной

роли в хозяйстве коми крестьянина. По словам М.Меховского, в Пермской земле, равно как и в Карелии и Югре «не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии, и пьют только воду». С.Герберштейн писал, что «в этой области (Пермии – Авт.) хлеб употребляется весьма редко».

Даже в работах, появившихся во второй половине XVI в. («О государстве Русском» Джильса Флетчера, «Начало и возвышение Москвы» Даниила Принтца), указывалось на слабое развитие производящих отраслей хозяйства. По данным Д.Флетчера, пермяки «промышляют... звериною ловлею, ...так же, как и Самоеды». Д.Принтц, побывавший в Москве в 1576 г., рассказывал, что обитатели Пермии, Сибири и Устюзии – «люди дикие и даже совершенные варвары», занимаются «одной только охотой»; «не зная никакого земледелия, они питаются одним только мясом диких зверей». Но нужно иметь в виду, что побывавшие на Руси иноземцы, во-первых, нередко использовали информацию о северных землях, относящуюся к несколько более раннему периоду. Во-вторых, в их сообщениях имело место некоторое смешение данных о коми (пермяках), о ненцах и вогулах; вероятно, именно так обстоит дело с работой Д.Принтца, который явно приписывает пермякам ненецкие обычаи («...вместо лошадей употребляют оленей, которых запрягают в телеги, и собак, на которых ездят верхом»).

Вряд ли можно усомниться в том, что в течение XVI в. земледелие заняло важное место в хозяйстве жителей Коми края. Не случайно при проведении описания 1564 г. государевы писцы провели налогообложение населения уже не по «лукам», а по «сохам», как в земледельческих регионах государства: «...луки и знамени не писали, а пашни и перелог мерели да пашни и люди в сошки развели, государевы дани с сошки-ж положили». Здесь сеяли, главным образом, ячмень и рожь, в южных районах края также пшеницу и овес (в небольших количествах), постепенно переходя от лесного перелога к более прогрессивным формам земледелия – сошной обработке и, возможно, трехполью.

Но со временем удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах были заняты. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли стало не хватать. Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота (значение животноводства в хозяйстве коми к этому времени также заметно выросло: жители края разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, а в Прилузье еще и свиней; пустозерцы – русские и коми – с конца XVI в. стали понемногу заниматься оленеводством, причем первое время коми нанимали пасты оленей опытных в этом деле ненцев, а в XVII в. оленеводство переняли и коми-ижемцы).

Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.). Это приводило к неурожаем, подрывавшим хозяйство коми крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения.

О неурожаях и эпидемиях XVI в. сообщают летописи соседних с Коми краем районов. Так, в 1549 г. «хлеб был дорого на Двине, ...и людей мерло много з голоду, клали в одну яму мертвых по 200 и по 300 человек». В Двинском летописце под 1556 г. говорится: «И того лета хлеб не пришел». Устюжская летопись сообщает под 1557 г.: «Того же лета и 66 (1558 – Авт.) по 2 годы был голод на Устюзе, пихту ели и траву и стерво, и многие люди мерли...». В 1571 г. «бысть мор на Устюзе и в селах, а мерли прищом да железюю». Вполне возможно, что эти бедствия охватывали и земли, на которых жили коми. А о неурожае в Коми крае в 1602 году есть прямые сообщения: «Лета 7110 (1602 г. – Авт.) много людей государевых померло, потому в Русии голод великий был два лета. Пермяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих трагических событиях летопись. В Вологодской летописи говорится, что в 1601 г. на Севере России «в ыюле месяце побило мразом всякий хлеб, и бысть глад велик по всей той земли по три лета врьд». Там же сказано, что в 1602 г. «тоже мраз был зело велик и хлеб тоже побило; и от

глада же того изомроша много множество людей, инии же тогда ядуще псину и мертвечину и ино скаредне скверно». Полны сообщениями о «хлебном недороде» и «хлебной скудости» в Коми крае документы 30-40-х гг. XVII в.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель коми переселялись в соседние необжитые или слабозаселенные районы. Можно предположить, что сам менталитет местного населения в известной мере способствовал развитию переселенческих процессов в регионе. В несколько гиперболизированном виде эта идея высказывалась рядом исследователей второй половины XIX – первой четверти XX вв. Ученый П.П.Чубинский утверждал, что коми-пермяки и коми-зыряне «охотно сменяют места поселений. Некоторые... сменяют места поселения по два и по три раза в продолжение жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10». О «расходчивости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве», от которой «происходили полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту» жителей Севера России, писал историк С.М.Соловьев, сходным образом высказывался и академик С.Ф.Платонов.

Разумеется, объяснять передвижения населения только склонностью последнего к «полуоседлой жизни» и другими субъективными факторами было бы ошибочно. Однако нельзя не учитывать, что население Европейского Северо-Востока было тесно связано с промысловым хозяйством, и особенно с охотой, которая требовала длительного пребывания охотников вне родного дома, в пути, периодических временных переселений в отдаленные места охоты. В этих условиях постепенно вырабатывалось понимание необходимости путешествий, миграций, своего рода привычка к переселениям (сначала временным, а затем – если возможности временных миграций себя исчерпывали – то и к постоянным). Таким образом, само отношение местного населения к переселениям (причем, очевидно, как к собственным, так и к миграциям представителей других этносов и, в частности, к их переселениям на территорию Коми края или в соседние районы совместного освоения) как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся, оказывало определенное влияние на развитие переселенческих процессов.

В XVI в. быстро росло население Пустозерского городка в низовьях Печоры. В 1575 г. там насчитывалось «русских и пермяцких 144 дворы, а людей в них русаков и пермяков 282 чел.» (имелись в виду только взрослые мужчины). Около трети жителей составляли коми – выходцы с Удоры, Выми, Вычегды, Немьюги и, возможно, Сысолы. (Коми жили в Пустозерске и позднее; лишь в течение XVIII в. они растворились среди русских пустозерцев).

Часть коми, живших на Выми, в I половине XVI в. переселилась на верхнюю Мезень, где появились Глотова слободка (Глотова), Кослан (первое упоминание об их существовании относится к 1554 г.) и другие селения (в частности, впервые упомянутые в 1586 г. Буткан, Разгорт, Верхний Выльыб). Здесь сформировалась группа глотовских коми, имевших определенные отличия в языке, культуре и быте от соседей-удорцев. В последующее время эти различия в значительной мере стерлись, и сложилась единая удорская этнографическая группа коми. Этому способствовали переселения с Вашки на верхнюю Мезень. Чуть позже выходцев с Выми здесь появились несколько семей с Вашки, которые основали д.Чернутьево и починок Пысса (упомянутые в документах в 1608 г.). Позднее появились и другие населенные пункты, где поселились выходцы с Вашки.

Между 1567 и 1576 гг. появилось первое из ныне существующих коми селений на р.Ижме – Ижемская слободка (современное с.Ижма). Тут поселились коми – переселенцы с Выми и верхней Мезени, к которым затем присоединились русские из Усть-Цильмы и ненцы. Так начала складываться наиболее своеобразная из групп коми – ижемская (изъватас). Природные условия новоосваивавшихся регионов были менее благоприятны для земледелия. Жители мезенских селений жаловались, что «земля у них худа, хлеб не родится и мороз поборяет», так что им приходилось заниматься в основном промыслами и животноводством (хотя не прекращались и занятия земледелием). Такая же ситуация складывалась в Ижме и Усть-Цильме. Жители последней, говорится в документах того

времени, держали «капустные огородишки» и «пашенки», хотя «пашенки в ыной год пашут, а в ыной год и не пашут, потому что морозом убивают». «А кормитесь де вы зверем, да птицею, да рыбою, да травною» – отмечалось в грамоте Бориса Годунова 1598 г., адресованной усть-цилемцам.

В XVI в. началось освоение района в устье р.Сысолы. Коми переселялись сюда из сысольских селений (из Шошки и других); позднее тут появились переселенцы с нижней Вычегды. Один за другим возникали погост Усть-Сысола, Вьльгорт, Зеленец, слободка Шульгина (будущее с.Слобода на месте современного Эжвинского района г.Сыктывкара), Пезмог, Маджа. Точная дата их возникновения не известна, а первое упоминание об их существовании относится к 1586 г.

Дальнейшим переселениям коми на восток и северо-восток (вверх по Вычегде и на Печору) препятствовали враждебные отношения с вогулами и самоедью, а переселениям на юг (в частности, на Летку) – с вятичами. Поэтому, например, Ижма и Усть-Цильма длительное время оставались единственными населенными пунктами в Ижмо-Печорском крае в пределах современной Республики Коми. К тому же в условиях непрекращавшегося притока русских переселенцев на Европейский Северо-Восток освоение коми народом новых районов могло принести только временное улучшение положения: спустя какое-то время русские крестьяне, гонимые обстоятельствами, неизбежно появились бы и в новых местах обитания коми. В Пустозерске русские составляли большинство населения, селились они и на верхней Мезени.

Кризисные явления в историко-демографическом развитии народа коми постепенно углублялись и достигли своего пика в I половине XVII в. В середине XVI столетия в Коми крае (бассейн Вычегды, верхней Мезени, нижней Печоры, Лузы и Вашки) проживало 10-12 тыс. коми. Русские жили, главным образом, на нижней Вычегде – за пределами современной Республики Коми (в тот период на нижней Вычегде проживало смешанное русско-коми население, но преобладали русские), а также на нижней Лузе и нижней Печоре и в Усть-Выми. На рубеже XVI-XVII вв. уменьшилось население в нескольких погостах на Сысоле и нижней Вычегде. В целом, однако, численность коми в бассейнах Вычегды, Лузы и Печоры выросла с 12-14 тыс. человек в середине 1580-х гг. до 13,5-14,5 тыс. человек в 1608 г. Во второй половине 1620-х гг. на территории современной Республики Коми проживало около 19 тыс., в том числе коми 17,1-17,4 тыс.; русских, живших в Усть-Цильме, Усть-Выми, Лойме и Спаспорубе, насчитывалось 1,6-1,9 тыс. человек. Немало коми проживало и в соседних районах – в низовьях Вычегды и Печоры.

Длинная череда тяжелейших неурожаев 30-40-х гг. XVII в. вызвала страшный голод. В печорских селениях в 1638 г. «крестьянишка помирают голодную смертью, а питаются рябиновым листом и борщом и иною травною, и иные... от голоду померли». Сходная ситуация была и в других районах Коми края. Трудное положение голодавшего крестьянства усугублялось тяжестью феодальных повинностей. Российское государство, не вполне оправившееся после Смутного времени, было разорено новой войной с Польшей и борьбой против набегов крымских татар. Нуждавшееся в деньгах правительство усилило фискальный гнет, стремясь любыми способами добиться от крестьянства – основного податного сословия – выплаты податей. Это привело к ухудшению и без того нелегкого положения крестьян. «В твоих государевых доходах стоим... насмертном правеже и помираем голодной смертью и в конец погибли, а... откупиться... нам бедным нечем», – жаловались крестьяне Лузской Пермцы (самого земледельческого района Коми края) в Москву. Жестокие формы взимания платежей (причем у крестьян забирали буквально последнее) приводили к тому, что люди теряли заинтересованность в своем труде. Чиновники доносили из Лузской Пермцы, что «многие крестьяне ржи не сеют, а дожидаются зимнего пути и хотят бежать».

Сочетание неурожаев с тяжестью феодальных повинностей оказалось поистине катастрофическим. Единственное спасение от голодной смерти жители Коми края видели в бегстве в более «хлебородные» районы страны, находившиеся к тому же на большом отдалении от центра, от чиновников. Многие «жилицкие люди в разных годах от хлебные

скудости, и от казачьих грабежей, и от всяких проезжих служилых людей от обид и от всякого насилия разбрелись кормитца в русские и в Сибирские города».

В результате в середине 1640-х гг. в крае (в границах современной Республики Коми) осталось около 15,7 тыс. жителей, из них 14,1-14,3 тыс. коми и 1,4-1,6 тыс. русских. Уменьшилась численность населения в Вычегодской, Сысольской, Удорской землях, в вотчине епископов. Особенно пострадали вымские селения и Лузская Пермца; там число обитателей сократилось почти наполовину.

Переход к стабилизации историко-демографического развития

Период тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа коми, оказался, к счастью, не слишком продолжительным. Мало-помалу положение стало меняться к лучшему. После вхождения во II половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки русскими. А после того, как рухнуло под ударами «государевых ратей» Сибирское ханство, перед русскими крестьянами открылись просторы Сибири и Приуралья.

Эти более богатые по сравнению с Коми краем (страдавшим к тому же от сильнейших неурожаев) земли привлекли внимание множества людей. Сотни и тысячи переселенцев с Русского Севера (а именно они составляли большинство тех, кто осваивал Сибирь в XVII в.), минуя Коми край, устремились за Урал. В последней четверти XVII в. в Сибири насчитывалось около 130 тысяч переселенцев из Европейской России, примерно две трети которых проживали в самом западном Тобольском регионе, по соседству с Коми краем. Что было бы с коми народом, если бы всего лишь четверть от этого числа поселилась в Коми крае, где в середине XVII в. насчитывалось всего 15-16 тысяч коми?..

Но с началом массового освоения русскими Вятско-Камского региона, Поволжья и Зауралья в XVII в. на территорию Коми края стало приходить все меньше переселенцев из русских регионов. Границы между территориями расселения коми и русских на западе и северо-западе в XVII в. постепенно стабилизировались там, где они пролегают и поныне – по с.Спаспоруб на Лузе, у с. Межег на нижней Вычегде, близ д.Коптюги на Вашке и д.Латьюги на Мезени. Жившие западнее отдельные группы коми в течение XVII-XVIII вв. постепенно смешались с русскими.

Установление прочного контроля московских царей над Приуральем и Вятским краем способствовало налаживанию мирных взаимоотношений между жившими там народами. Коми получили возможность переселяться на восток и юг, не опасаясь враждебности соседей. В первой четверти XVII в. коми из прилузских селений стали осваивать берега р.Летки. К 1625 г. там появились деревни Летка, Кочергинская, Слудка и некоторые другие небольшие починки, а в конце XVII – самом начале XVIII вв. к ним добавились Прокопьевка, Талица, Черемуховка, Березовка, Королевская. Со временем здесь оформилась группа летских коми, говорящих на одном диалекте коми языка с прилузцами, но обладающих своеобразными чертами материальной и духовной культуры.

Огромные изменения произошли в XVII в. в расселении коми на верхней Вычегде. В 1608 г. последним населенным пунктом коми на Вычегде являлся Пезмог, да на Вишере располагались погост Вишера (Богородск) и д.Большелуг. К 1628-1629 гг. появились Сторожевск, Небдино, Сюзяыб, основанные, вероятно, выходцами с Вишеры и Выми, к которым позднее присоединились переселенцы с нижней Вычегды и Сысолы. К 1646 г. возникли Корткерос, Усть-Кулом, Усть-Нем, Керчомья, Кужба, к 1678 г. – Руч, Деревянск, Аныб и еще 25 населенных пунктов. Среди их первопоселенцев были выходцы из самых разных районов Коми края. Например, в Деревянске поселились люди из трех сысольских селений, из д.Парчег на Вычегде, а также с Лузы, Удоры и Вишеры. К началу XVIII в. населенные пункты имелись уже на всем протяжении Вычегды вплоть до верховьев. В ходе

освоения этого района на основе переселенцев из всех частей Коми края начала формироваться этнографическая группа верхневьчегодских коми (ее сложение завершилось в следующем, XVIII столетии). Во второй половине XVII в. началось заселение коми верхней Печоры: в 1674 г. выходцы с Лузы, Сысолы и Удоры основали здесь первое поселение – починок Кузьминский (современный Троицко-Печорск).

Несмотря на значительное расширение заселенной территории, основная часть населения Коми края оставалась в старожильческих районах. Первые сведения о большей части расположенных там населенных пунктов относятся к концу XVI – началу XVII вв. На Сысоле в 1586 г. имелись Шошка, Пажга, Гарья, Лозым, Межадор, Койгорт (Койгородок), Грива, Вьльгорт, Кибра (Куратово), Визинга и др., на нижней Вычегде в 1586 г. – Гам, Жешарт, Шежам (часть современного Айкино), Римья и др., на Выми в 1608 г. – Онежье, Весляна, Ляли, Кошки и т.д., на Удоре в 1608 г. – Кривой Наволок (Кривое), Ертом, Коптюга и др., на Лузе в 1620 г. – Лойма, Спасский погост (Спаспоруб), Объячево, Ношуль, Спиринская (Занулье), Ивановская (Черныш) и т.д.

Во второй половине XVII в., после того как прошел пик малого ледникового периода, климат начал понемногу меняться в лучшую сторону, стал более устойчивым, мягким, удобным для ведения сельского хозяйства. Конечно, сильные неурожайи порой случались. Например, о голоде в Печорском крае и на Выми писал боярин А.С.Матвеев, находившийся в 1676-1682 гг. в ссылке в Пустозерске. В одном из его писем говорится, что «жители в Пустозерске гладом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду на Турье, Ижме, Усть-Цильме и на Пустозерском остроге... Прежде, сказывают, рыбы здесь был достаток, и на продажу было, а ныне не токмо на продажу, но с самой весны... до сытости сами никто не ел, таем гладом; а хлеб привезли, мука что отруби, и той не продают, оставляют в зиму, в самый глад продать, хотят взять дороже». Вологодская летопись сообщает, что в 1686 г. «зима стояла... и весна с лютыми мразы до Петрова поста. И того лета месяца июня во дни были три инии великие с лютыми мразы, а в Поморской стране и в Каргополе... и в Устюжском, и в Вычегодском, и в Пинежском, и в Мезенском – во всех мразы позябли; а скот, лошади и коровы, с великого гладу помирали много множество в тех уездах и по волостям, потому что гнилые сена и соломы все поедено без остатка». В 1695 г. «Поморские страны... во всех уездах... хлебы не сыспели и великими мразы побилло. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит». В 1700 г. «в домовоной вотчине архиепископа Вологодского и Белозерского от мороза хлеб вызеб и Сереговский соляной промысел гостя Ивана Панкратьева без денег остановился... От великого глада и от великой денежной скудости многое число... бедных крестьян и вдов и сирот бродят меж дворов и кормятся христовым именем».

Но несмотря на это, численность населения Коми края в целом стала довольно стабильно увеличиваться. В конце 70-х гг. XVII в. в пределах современной Республики Коми насчитывалось 17,3-17,6 тыс. коми и 1,7-2 тыс. русских, живших в Лойме и частично в Спаспорубе (нижняя Луза), в Усть-Цильме (нижняя Печора), Усть-Выми и на Сереговском промысле (Вымь). Разумеется, определить численность коми и русского населения можно лишь приблизительно, предполагая (опираясь на данные более позднего времени), в каких волостях проживали коми, в каких – русские. Сами источники XVII в. содержат весьма скудную информацию на этот счет. В 1666 г. через Коми край в Сибирь проехал немецкий офицер (фамилия неизвестна), отметивший в своем дневнике: «Что касается провинции и края, расположенных между... городом Соль-Вычегодском и могучей рекой Камой, то жители их называются пермяки... Эти люди имеют свой особенный язык, отличающийся от русского и от татарского. Это достаточно большая провинция, но главным образом, лес и пустыня; жители высокие и крепкие люди; наряду со своим родным языком употребляют они также русский; на своем же говорят обыкновенно, он очень непохож на другие».

Швед Э.Пальмквист, побывавший в Москве в 1673 г., различал зырян и пермяков и сообщал, что «от Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне»; пермяки же жили

ближе к Соликамску. Однако сам он на Вычегде не бывал и использовал полученные от кого-то сведения. Но о том, что где-то за Сольвычегодском начинаются земли, населенные зырянами, сообщают в своих записках также Избрант Идес и Адам Бранд, участники русского посольства в Пекин 1692 г. По словам И.Идеса, он выехал из Сольвычегодска на санях «и в тот же день прибыл в страну зырян, или Волость-Ужгу. Народ здесь говорит на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к... языку населения Лифляндии». А.Бранд сообщил, что, покинув Сольвычегодск, они «в тот же день проехали еще 50 верст, или 10 немецких миль, и достигли страшно густого, большого и темного леса, раскинувшегося на 800 верст (или 160 немецких миль) и заселенного на довольно большом пространстве. В нем по деревням и местечкам живет народ по имени зыряне...». Таким образом, уже в 50 верстах за Сольвычегодском на смену русским селениям приходили зырянские. Правда, неизвестно, каким образом путешествовали послы от Сольвычегодска – по Вычегде до устья Сысолы или только до устья Виледи и через Виледь на среднюю Сысолу, поэтому мы не знаем, какие зыряне имелись в виду – нижневычегодские или вилегодские.

Архиепископ Вологодский и Великопермский Маркел в челобитной 1653 г. писал, что крестьяне Усть-Вымской вотчины говорят «по-зырянски, по-пермяцки и многие русским языком говорить не могут». Сысольские крестьяне в конце XVII в. подчеркивали, что они «русского языку не разумеют, что у них язык пермский». Выборные должностные лица Лузской Пермцы именовались «пермскими целовальниками», «зырянскими челобитчиками».

Ремесло. Попытки организации горнорудного и железоделательного производства. Поиски полезных ископаемых.

Жители Коми края занимались ремеслом для удовлетворения собственных домашних нужд в одежде, утвари, орудиях труда и т.п., но значительную роль в хозяйстве ремесло играло, видимо, только у отдельных людей. В числе последних были, частности, Овдейко Васильев овчинник, живший в 1586 г. сысольском погосте Ыб, и «портной мастеришко» Онашко Иванов (в Глотовой слободке). В XVII в. среди коми крестьян были также портные, овчинники, шерстобиты, гончары, красильщики (которые красили сукно и холсты), бондари, сапожники и даже «серебряники» (ювелиры) и «иконники». Некоторые ремесленники владели двумя специальностями. Но для большинства из них ремесло являлось подсобным, временным занятием. На средней Печоре на речках Сопляс и Воя в XVII в. существовал довольно крупный для того времени промысел по производству точильных изделий. Разработку промысла вели верхневычегодские крестьяне, которые изготавливали и продавали точила и бруски. Изделия имели довольно хорошее по тем временам качество и потому пользовались спросом в Коми крае и на рынках Сольвычегодска, Устюга, Прикамья и Поволжья.

Довольно развитым было плотницкое и кузнечное дело. П.Иовий в начале XVI в. сообщал, что жители Перми и Печоры выменивали железные изделия (топоры) на пушнину у московских купцов; они «обыкновенно выплачивали за железный топор столько собольих шкурок, сколько их, связанных вместе, московитские купцы могли протащить в отверстие топора, в которое влагается ручка». Однако несомненно, что немалая часть железных изделий, особенно во второй половине XVI и тем более в XVII столетии, изготавливалась в самом Коми крае. Известно, что в 1586 г. имелись кузнецы в Ужге, Усть-Сыsole, Ыбе, Тьдоре. В XVII в. развитое кузнечное производство было на Сереговском солеваренном заводе, немало кузнецов было и в других местах. Кузнецов из Коми края посылали для работы даже в Москву.

Для работы кузнецы использовали имевшиеся в крае месторождения болотной железной руды. Эти месторождения уже в XVI в. привлекли внимание иноземных купцов и предпринимателей. В начале 1550-х гг. было учреждено «Английское общество купцов-

искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и доселе морским путем не посещаемых», на основе которого впоследствии была создана Московская компания. В 1553 г. первый корабль англичанина Ченслера достиг берегов Северной Двины, проложив морской торговый путь из Западной Европы в Россию. Это плавание имело далеко идущие последствия. Во-первых, по морю стало в огромном количестве вывозиться «мягкое золото» (пушнина), спрос на которую значительно возрос, что ускорило упоминавшийся выше процесс «испромышления» «соболиных мест» в Коми крае. Но англичане интересовались не только пушниной. В 1569 г. корабли Московской компании получили привилегию заходить в устье Двины, Мезени, Печоры и Оби, а купцам даны были права на поиски железной руды на Вычегде и Сысоле и на строительство там железоделательных предприятий. Розничную торговлю англичане вести не имели права; не разрешалось им также скупать лен, пеньку и некоторые другие товары. Царь поручил сольвычегодским промышленникам Строгановым (см. о них ниже) проследить за тем, чтобы иноземцы выполняли эти условия.

Англичанам удалось обнаружить месторождения болотной железной руды: «Где англичане нашли руду на Вычегде и на Сысоле и мачтовый лес вельми многое». Добыча ее на Вычегде и Сысоле и вывоз руды в Англию продолжались около 10 лет, но в самом Коми крае ни один завод не построили. В 1579 г. Иван Грозный из-за ухудшения отношений с Англией и нарушения Московской компанией своих обязательств запретил англичанам дальнейшую разработку месторождений: «Государь на них разгневался и руду делати не велел и быти туто не велел».

При Иване Грозном была сделана неудачная попытка возобновить разработку цилемских медных и серебряных месторождений. В 1547 г. царь пригласил в Россию двух рудознатцев из Саксонии. Возможно, после их прибытия он отправил на Северную Двину Ивана Федоровича Шишкина, которому велел «здесь людей взяти, итти на Цилму руды копати». И.Ф.Шишкин «руды копал», но она «не добра бысть». Позднее русский посол Осип Непея вел переговоры с Англией и, в частности, получил разрешение вывезти в Россию нескольких рудознатцев для организации добычи меди. Работали в Русском государстве в XVI в. и шведские рудокопы. Возможно, их деятельность также была связана с Цильмой, но документальных подтверждений этого нет.

Лишь по окончании «Смутного времени» решено было возобновить разведку рудных мест. В июле 1618 г. Яков Литвинов, приказчик Строгановых, был отправлен из Прикамья (где вела поиски руды экспедиция, которой руководили дворянин Чулок Иванович Бартенев и подьячий Гаврил Леонтьев) на Цильму за образцами руды. В привезенных на Каму в ноябре 1618 г. 15 пудах руды ни серебра, ни меди иностранный мастер Ватер не обнаружил. 1 июня 1619 г. на Цильму искать серебряную и медную руду отправились Моисей Яковлевич Литвинов и серебряник Дмитрий Исаев, которым повезло больше. Они обнаружили места старых разработок и привезли на Каму образцы руды, из которых была добыта медь. Качество руды мастер Ватер признал очень хорошим.

В 1620 г. царь Михаил Федорович распорядился отправить работавшую в Прикамье экспедицию Ч.И.Бартеньева на Цильму, и «где руда объявитца, копать во многих местах и промышлять над нею с великим раденьем». Весной 1620 г. экспедиция выехала на Цильму. Поиски руды велись в 36 местах, руду обнаружили только в двух. Пригодного для эксплуатации рудного слоя найти не удалось. Рудоискателям добыли 28 фунтов руды; при плавке из 16 фунтов руды было получено 11,4 фунта меди. В двух местах рудознатцы обнаружили «камень», из которого выплавили немного железа. Бартенев посылал разведочные группы на Ижму и Лузу для поисков золотой и серебряной руды, но без успеха (нашли только серный колчедан). Предпринятая попытка возобновления медеплавильного производства оказалась неудачной. Осенью 1620 г. экспедицию отозвали в Москву.

Пять лет спустя, в 1625 г., на Север для поисков руды отправлена экспедиция под руководством Григория Алексеевича Загряжского и подьячего Сергея Беликова. В ней участвовали иностранные специалисты Самойло Фриг и Яган Яронт. Рудоискатели работали

сначала в Прикамье, затем на Мезени, Пижме и Канином Носе. В конце 1626 г. яренский воевода сообщил в Москву, что на р. Ижме найдена серебряная руда. Но в присланном образце серебра не обнаружили. В июне 1627 г. экспедиция Г.А.Загряжского и С.Беликова прибыла в Пустозерск, отсюда поднялась вверх по Печоре и провела поиск рудных месторождений на реках Цильме (до Космы), Усе (до Колвы), Ижме, Ухте и Выми, затем прибыла в Яренск, а оттуда направилась в Москву. Было найдено много серного колчедана и «селитряной земли», на Цильме – немного железной руды, на Цильме и Усе – «каменное уголье». «Никакой доброй руды» экспедиция не обнаружила.

Искали руду и в других местах Коми края – в частности, на Сысоле. В 1630-х гг. соликамский воевода направил в верховья Сысолы посадского человека Алексея Техонина «для сыску оловянной, и медной, и серебряной руды», о месторождениях которой стало известно со слов жителей Ужгинской волости Никиты Агафонова и Игната Дементьева. Результаты поисков неизвестны.

После этого интерес к рудным месторождениям Европейского Северо-Востока, видимо, вновь пропал до второй половины 60-х гг. XVII столетия. В 1666 г. Леонтий Марселис, сын предпринимателя Петра Марселиса, «нашел и привез к Москве с Цильмы-реки один пуд медной руды, а нашли на пустом месте, от жилья три дня ходу... а много ль в тех местах руды, про это неведомо, потому что в земле сокрыто». На следующий год пустозерскому воеводе И.С.Неелову приказано было «собрать тутошних жилецких всяких людей» и «на Цильме реке или в иных в которых местах всякой руды сыскивати с радением, а досмотря те руды, велеть копать и сыскивать с великим радением, неоплошно». В наказе отмечалось, что «в Пустозерском уезде есть гора, а течет из середины той горы руда белая, подобие серебру или олову, ...а чаять из той руды быть серебру или олову; а на Цильме реке есть горы великия и в тех горах руда медная, а в прежних летах из той руды медь делали». Из Пустозерска была послана экспедиция для поисков медной руды на р. Цильме и Ижме; добыты образцы руды. Другая пустозерская экспедиция искала серебряную руду на о. Вайгач и в Югорском шаре.

В 1668 г. в Москву из Пустозерского уезда отправлены пять пудов медной руды с р. Цильмы и 32 фунта с р. Выбор. Месторождением руды на Цильме заинтересовались иноземные предприниматели Марселис, Бутенант и Фандергатен, владевшие доменными заводами в России. В том же году Петр Марселис подал царю челобитную, в которой просил дать ему жалованную грамоту на рудоносные места в Пустозерском и Олонецком уездах для «прииску» руд и строительства медеплавильных заводов. Он собирался вновь послать на Цильму своего сына. Грамоту П.Марселис просил дать и всем его наследникам «бесповоротно», поскольку «приходят такие заводы в совершение в 10, и в 20, и в 30 лет и больше до тех мест, как станет прибыль выходить». Такая грамота была ему дана.

В 1670 г. из Пустозерска «в Югорский шар и на Вайгач для рудяных отысков» отправили пустозерский стрелец Федор Шавро «с товарищы», целовальник и «самоядец Хавлай». Интерес правительства вызывали не только возможные месторождения серебра и меди. 14 мая 1672 г. из Пустозерска на Северный Урал выехала разведочная партия для поисков месторождений слюды, образцы которой были доставлены в Москву еще в конце 1660-х гг. Руководил партией пустозерский подьячий Федор Попов, с ним ехали «слюдный мастер» Прохор Леонтьев, кузнец Федор Синицын и проводники-ненцы Юктиан и Ситко «с товарищы». 7 августа 1672 г. разведочная партия Ф.Попова прибыла к «слюдной горе» близ водораздела р. Усы и р. Хай (приток Оби). В течение недели участники экспедиции «промышляли» слюду, но все инструменты «о камень приломили». Затем экспедиция побывала на месторождении хрусталя близ р. Сыбыти и, взяв образцы, вернулась в Пустозерск.

В августе 1675 г. Христиан Марселис (сын П.Марселиса) и Еремей Фандергатен отправили на нижнюю Печору, Цильму и Ижму экспедицию под руководством приказчика Еремея Традела, «рудознатца» Лаврентья Нитарта «с людишками с тремя человеки» и кузнецом «для сысков и опытов всяких руд». Выяснив, что «медной руды в тамошних местах

хотя и было, а вскоре ее и малыми деньгами доискаться невозможно, медного дела мастеров отпустили по-прежнему за море с великими проторьми (убытками)». Правда, в 1678 г. предприниматель Марселис получил от царя Федора Алексеевича подтверждение «пожалования на рудокопные дела и заводы» по рекам Цильме и Ижме, но добыча меди на Цильме оказалась убыточной, и разработка месторождения прекратилась.

В 1680 г. на р. Вымь была послана экспедиция для отыскания серебряной руды под руководством стряпчего Семена Ивановича Толстого и подьячего Василия Никитина, в составе экспедиции были четыре стрельца, кузнец и два «колодника». Успеха она не добилась. Сведения о месторождениях меди и серебра на р. Цильме и об ухтинской нефти в XVII в. поступили и в Европу. О них говорится, в частности, в книге голландца Н.К.Витсена «Северная и Восточная Татария», изданной в 1692 г.: «На реке Цильме находят руду, содержащую, как говорят, немного золота, серебра и меди... Река Ухта - это тоже приток Печоры. На этой реке, на полторы мили от волока, или переволока и отмели в ней, в воде плавает жир. Это черная нефть. Камень нефть встречается там тоже. Он горит как свеча, но отдает тяжелый запах». А в 1697-1698 гг. в Голландии с Великим посольством побывал Петр I. Он привез туда для лабораторных исследований образцы ухтинских битуминозных горючих сланцев доманика для получения минеральных масел.

Строгановы, Панкратьевы и сереговская соль.

В конце XVI в. предпринимались попытки организации солеваренного промысла на Выми. Месторождения соли под Сереговой горой были известны издавна и использовались местным населением. В 1580-х гг. вымской солью заинтересовались представители знаменитой семьи промышленников Строгановых. Несколько ветвей этой семьи ведут начало от Фёдора Лукича Строганова, который обосновался в Соли Вычегодской в конце XV в. У Фёдора было четверо сыновей. Самый известный из них – Аникей или Аника (1497-1570), который основал солеваренный промысел в Соли Вычегодской в 1515 г. Сыновья Аники Семен, Яков (покупавший соболей в Коми крае в 1573 г.) и Григорий во второй половине XVI в. добавили к сольвычегодским вотчинам обширные владения в Прикамье. Семен Аникиевич и внуки Аники Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы организовали знаменитый Сибирский поход Ермака, а в «Смутное время» они же и сыновья Семена Андрей и Петр оказали огромную финансовую, продовольственную и военную помощь русскому правительству, за что в 1610 г. получили звание именитых людей.

На территории Коми края род Аникиевичей особых интересов не имел. Только в д. Рычкове Чакульского погоста Яренского уезда в первой половине XVII в. один двор принадлежал Андрею и Петру Семеновичам и Ивану Максимовичу Строгановым. Во дворе жили четыре их половника (т.е. крестьянина, работавшего на чужой земле за половину выращенного на ней урожая). Владения потомков Аники оказались раздробленными между его наследниками, но Григорий Дмитриевич Строганов (1656-1715), внук Андрея Семеновича и праправнук Аники, сумел объединить их в 1680-х гг. и даже расширить за счет солеварен Филатьевых и Шустовых. Сыновья Г.Д.Строганова стали баронами и графами, они и их потомки занимали в XVIII – XIX вв. важные должности в государственном управлении России.

Три других сына Фёдора Лукича, братья Аники Степан, Осип и Владимир (Володимир) 9 апреля 1517 г. получили от великого князя Василия Ивановича жалованную грамоту на построенные ими в устюжском уезде соляные заводы. Им не удалось достичь таких успехов, как Анике, хотя они и предпринимали попытки расширить свои владения.

С Коми краем более других был связан Афанасий Владимирович (Володимирович) Строганов, племянник Аники и внук Фёдора Лукича. Он в 1582 г. получил от Ивана Грозного жалованную грамоту на «дикое место по Выми реке» и разрешение искать «в тех диких местах россольные места», ставить варницы, «пашню распахивать и лес расчищать».

В 1583 г. Василий Юрьев Серегов (Серегов-Югов) Серегов продал за 10 руб. А.В.Строганову пожню на Сереговском лугу, в том же году его родственники Дементий Леонтьев Серегов и его племянница Софьяца уступили Строганову за 13 руб. «землицу». В 1584 г. Строганов купил полянку у Никита Чакилева за 1 рубль и у Василия Юрьева (Югова) порлянку и поженку за 3 руб. А.В.Строганов имел в своих вотчинных деревнях трех половников. В 1586 г. он выхлопотал у царя Федора разрешение поставить «на своей купленной земле по реке по Выми под Сереговскою горою» варницу, амбар и рассольные трубы для того, чтобы варить соль. Об этом свидетельствовал в 1667 г. купец гостиной сотни Пахом Иванчин, утверждавший, что А.Строганов построил соляную трубу и варницу поставил; по его словам, в 1586 г. «в то число того Усолья писцы кроме Офонася Строганова ни за кем не написали». Однако дело у него не заладилось, и в начале XVII в. на этом же самом участке стояла солеварня, которой владели зажиточные князпогостские крестьяне Опарины. В ней у сольвычегодского посадского человека Василия Леонтьева Строганова (вероятно, племянника А.В.Строганова и внука Степана либо Осипа Федоровичей) оставалась только доля («жеребей»). Позднее, в 1657-1671 гг., Строгановы вели длительную судебную тяжбу с владельцами Сереговского промысла Панкратьевыми, пытаясь доказать свое право на владение солеварнями в этом районе, но безуспешно.

Сын А.В.Строганова Иван Афанасьевич в 1625 г. владел дворовым местом, соляными варницами и двумя соляными амбарами в Соли Вычегодской и деревней Цырениково близ Сольвычегодска, где и жил с сыновьями Степаном и Петром и тремя братьями (два Петра и Василий); в той же деревне имелось три двора половников. Сын И.А.Строганова Петр обеднел и даже не просил о подтверждении выданных его отцу и деду жалованных грамот, освобождавших их от «тягла и службы». Сыновья Петра (Афанасий, Петр, Дмитрий и два Ивана) оказались в трудной ситуации: местные власти стали требовать от них «впредь всякие службы служить с посадскими и уездными людьми в ряд по сотному и вытному письму и мирскому раскладу». Строгановы «били челом» великим государям Петру и Ивану Алексеевичам и Софье Алексеевне и, ссылаясь на свое родство с именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгановым, попросили подтвердить выданные их деду и прадеду жалованные грамоты и добились своего. Государи в 1687 г. «не велели им... с усолцы посадскими людьми и уездными крестьяны в тягле быть, и никаких служб служить, и платить им всякие... денежные доходы... в езжей избе особ статьею».

Положение это сохранялось и в XVIII в. Потомки Владимира Федоровича Строганова жили в д. Цырениково (по IV ревизии 1782 г. там числилось 7 дворов, 32 человека муж. пола). Коммерцией занимались единицы. Так, Василий Данилов сын Строганов торговал в столице Китая Пекине. Большинство этих Строгановых занималось земледелием, некоторые плотничали. От живших в соседних деревнях чернососных (государственных) крестьян их отличало только то, что в соответствии с жалованной грамотой 1687 г., они «службы с мирскими людьми... никаких не служили... и рекрут со своих душ натурою не поставляли». Но в 1780 г. этих Строгановых причислили к государственным крестьянам, и они стали выполнять все мирские службы (выбирать старост для сбора податей, поставлять рекрутов и т.п.).

Опарины вываривали в Серегово немного соли. В 1608 г. на солеварне работал только один человек. В 1628 г. солеварня стояла пуста. В 1637 г. наследники Опариных продали участок с двумя соляными трубами и варничными местами крупному торговцу Данилу (Даниилу) Григорьевичу Панкратьеву из г.Галича. С именем нового владельца и связано возникновение Сереговского сользавода – первого промышленного предприятия на территории Коми края. Д.Г.Панкратьев стал расширять промысел, скупил несколько земельных участков, принялся строить новые варницы. В 1652 г. их было уже пять. Чтобы платить поменьше налогов, Панкратьев утаивал сведения о вываренной соли. Сам он жил в Москве, и приказчики на расспросы проверяющих, присылавшихся властями, отвечали, что все документы о работе промысла отправлены хозяину. Строгановы, узнав об успешной деятельности Д.Г.Панкратьева, решили заявить свои права на промысел. В 1657-1658 гг.

начался длительный судебный процесс между Строгановыми и Панкратьевыми. Сын первого заводовладельца Иван Панкратьев заявил, что прежде «это место было пусто. Отец его, Данило, многие годы искал соляного раствора и многие свои пожитки в том издержал». В 1670-1671 гг. суд решил дело в пользу Панкратьевых.

Завод продолжал расти. В 1675-1676 гг. на нем было 6 варниц. У варниц жили крепостные И.Д.Панкратьева – поляки, карелы и русские. Там же находились 27 изб работных людей, где жили трубники, солевары, кузнецы и другие работники с Ваги и нижней Мезени, из Тотьмы, Соли Вычегодской, Соли Галицкой и вымских селений. На промысле находилось 10 амбаров «соляных и запасных», три лавки, «а в них торгуют приезжие люди розных городов». Панкратьеву принадлежали две мельницы. На средства заводовладельца были построены две церкви, приобретены «колокола и книги и всякая церковная утварь».

Расцвет промысла пришелся на конец XVII в. В 1684-1685 гг. число варниц возросло до десяти, в 90-х гг. их стало 13. Если в 50-х гг. вываривалось до 500 тонн соли ежегодно, то в 90-х гг. до пяти тысяч тонн в год. Сереговский солеваренный завод стал одним из крупнейших в России солеваренных предприятий. Соль на заводе получали из рассола, добывавшегося через рассолоподъемные трубы (скважины) путем вываривания в цренах (больших железных противнях) и сушки в крупных деревянных ящиках – ларях. Все необходимое для нормальной работы промысла покупалось в Вологде. На заводе было занято около 200 постоянных рабочих из вымских и других селений Коми края и из-за его пределов. Зарплата для некоторых категорий работников (водолей, солонос, подварок – помощник солевара) была несколько ниже, чем на других солеваренных заводах страны. Выдавалась она не всегда регулярно, иногда вместо денег рабочие получали соль. О нехватке средств приказчик сообщал владельцу: «Люди твои...платьем и харчами оскудели, а дать нечего».

На распиловку и вывозку дров для завода привлекалось до тысячи (а иногда и более) окрестных крестьян. До 700 человек занимались вывозкой соли в Вологду – на главный рынок сбыта сереговской соли. Ежегодно туда отправляли пять-семь больших судов с солью (с 70-х гг. XVII в. строительство судов осуществлялось при заводе). Сереговской солью торговали также в Москве, Архангельске, Устюге, Вятке, на местных рынках Коми края. Временные рабочие часто уходили с завода в самое нужное для производства время. Чтобы обеспечить завод устойчивым источником рабочей силы, Панкратьевы добились в 1700 г. приписки к заводу крестьян вымских селений. Заводчики платили за них налоги, а крестьяне заготавливали для промысла дрова.

Появились у Панкратьевых и конкуренты. Соловецкий монастырь во второй половине XVII в. получил в свое владение д. Удор на Выми и решил основать тут свой промысел. Панкратьевы всячески препятствовали этому, и монахам так и не удалось построить варницу. В 1672 г. купец Е.И.Филатьев начал покупать земли по соседству с промыслом Панкратьевых и к 1678 г. наладил работу своего небольшого промысла. Борьба между конкурентами велась весьма остро. В переписной книге 1678 г. сказано, что приказчик Филатьева на спорной земле «построил двор насильством, да 4 избы работничьих, да завел насильством соляную трубу для завладенья, чтоб лутчею землею без делу завладеть». В 1684 г. И.Д.Панкратьев жаловался на «старцев» Соловецкого монастыря и приказчиков Е.И.Филатьева, что «они людей его, ...которые шли из усолья на мельницу, из луков стреляли и бердышами рубили, и рогатинами кололи, и человека ево... застрелили до смерти, четырех человек ранили и работничьих 5 дворов сожгли». Кроме того, соперники сжали и увезли с принадлежавших Панкратьеву полей хлеб. Судебное дело, которое возбудил И.Д.Панкратьев, решилось в его пользу. Возможно, не обошлось без взяток влиятельным людям – на этом настаивал приказчик Панкратьева, уговаривавший хозяина не жалеть на это денег, поскольку Сереговский промысел, мол, все окупит. После этого конкуренты Панкратьева присмирели.

Торговля.

Довольно быстро развивалась в Коми крае торговля. Некоторые жители стали специально заниматься ею. К их числу принадлежал, несомненно, «торговой человек Иванко Бус», живший в 1586 г. в сысольском погосте Ыб. В д. Каменной близ того же погоста в том же году проживал Сергей Федоров сын Муравей с сыном Нифонтом. В 1608 г. зажиточный крестьянин Нифонт Сергеев сын был записан под фамилией **Муравьев**. Вероятно, он нажил свое состояние торговлей и ростовщичеством. Его сын Трифон активно занимался торговлей, бывал в Сибири, Устюге, на р. Ваге. Дело Трифона продолжили дети Исак, Василий, Емельян и Филипп Муравьевы. Они занимались также скупкой земли в сысольских волостях (Шошке, Усть-Сыsole и др.). Младший из братьев, Филипп, преуспел более других. На его средства была построена церковь Прасковьи Пятницы в Чулибе и дворы церковнослужителей.

Со второй половины XVII в. известными торговцами стали представители усть-сысольской семьи Сухановых. Родоначальником династии был крестьянин-середняк Федор по прозвищу Бес, живший в Усть-Сыsole в 1586 г. Его сын Давыд при переписи 1608 г. получил прозвание Сухан, а внук, Леонтий Давыдов Суханов, начал заниматься торговлей, в 80-х гг. ездил с пушшиной в Устюг, Москву и другие города. По данным историка М.А.Мацука, широко развернул дело сын Л.Д.Суханова Леонтий, известный также под другим именем – Бажен. Он скупал пушнину на верхней Вычегде и Сыsole и продавал в Устюге, Москве и др. К концу XVII в. Бажен Суханов и его сыновья начали заниматься торговлей в Сибири на Ирбитской ярмарке и в других местах «русскими» товарами – сукном, полотном, шелком, бумагой, колоколами. Из-за Урала они вывозили соболей и другую пушнину, поставляя туда сукно, полотно, шелк, и вывозя пушнину. Нижневычегодские торговцы С.Шаньгин и Г.Осколков ездили по торговым делам в Китай, привозили оттуда товары.

Уже говорилось, что жители края вели посредническую торговлю, закупая пушнину у соседних народов (в частности, в Югре), которая сбывалась либо в самом крае, заезжим купцам (таким как упоминавшийся Я.Строганов), либо отвозилась на торги в Устюг и Сольвычегодск. П.Иовий сообщал: «В Устюг жители Пермии, Печоры... и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары». Д.Флетчер также писал, что пермяки занимаются «меховою торговлею». Одним из главных закупувавшихся жителями Коми края товаров был, вероятно, хлеб – производимого в самом крае зерна явно не хватало. Д.Флетчер информировал, что «пермяки и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня и из средней коры соснового дерева».

Посредническая торговля коми в Западной Сибири имела довольно значительные масштабы. Коми первыми проложили пути в далекую «Мангазейскую украйну», богатую соболями, мех которых так высоко ценился русскими и иноземными купцами. Впервые о Мангазее упомянул автор «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране», написанного в XV в. (по некоторым данным, этим автором был помощник епископа Пермского Леваш). Помимо всякого рода фантастических рассказов о людях, у которых «рот на темени, ...а когда едят, ...мясо и рыбу... кладут... под шапку», в «Сказании» говорится: «На восточной стороне, за Югорьскою землею, над морем, живут люди самоедь завомые малгонзеи». Сведения о народе малгонзеи, или мангазеи» вероятно, попало, на Русь, в Новгород (именно там было написано «Сказание») через коми-зырян: есть предположение, что слово «мангазеи» имеет коми-зырянское происхождение.

В одной пинежской летописи утверждается, что первыми «проведали Мангазею» устьцилемец Юрий Долгушин, пинежанин Смирной и выходец из Литвы Лавелец, отправившиеся в 1597 г. с Печоры через Урал на Обь. Перезимовав там, путники сделали кочи (суда, предназначенные для плавания в полярных водах) и морем добрались до устья

реки Таз, на которой позднее и возник город Мангазея. Вполне вероятно, что такое путешествие имело место. Но дороги в Мангазею были известны и до этого. Одна из них вела от Северной Двины по Вычегде, Выми, Ухте, Ижме, Печоре и ее притокам через Уральские горы к притокам Оби – знаменитый Чрезкаменный путь, являвшийся до конца XVI в. основной дорогой за Урал на суше. Морем от устья Печоры через волоки полуострова Ямал к Обской губе и устьям Оби и Таза вел легендарный «Мангазейский морской ход», которым также издавна пользовались поморы. Исследователи подчеркивают огромное историческое и историко-культурное значение морского пути в Мангазею как замечательного примера ненасильственного освоения новых пространств, установления взаимовыгодных и во многом паритетных связей между пришлым и туземным населением.

Во второй половине XVI в. добраться до Мангазеи пытались и иностранцы. Например, в 1556 г. англичанин С.Бэрроу в проливе Карские Ворота повстречал русских поморов, собиравшихся плыть в Обскую губу и вызвавшихся проводить туда иноземный корабль. Но шторм разлучил англичан и русских. Оставшись без проводников, Бэрроу попал во льды и вынужден был вернуться восвояси.

В 1580 г. Иван Грозный пожаловал «промышленных и торговых людей» Вычегодского уезда правом в течение 10 лет беспошлинно торговать в Югре, Мангазее и «сибирских городах». После этого начались регулярные поездки коми торговцев и промышленников («промышлявших» пушного зверя) в Мангазейский край. С 80-х гг. в Мангазею ездило и немало русских купцов, проводниками которых были, как правило, жители Коми края, лучше всех знавшие тамошние земли и язык «мангазейской самоеди». Приезжавшие в «Мангазейскую крайну» коми строили там среди тайги свои торговые пункты-зимовья (остроги, «зырянские городки»), в которых подолгу жили. На месте города Мангазеи находился один из «зырянских городков». В Нижнем Приобье были известны Уркар («беличий город») и Войкар («северный город») – центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси.

«Мангазейский торг» получал все большую известность, сюда съезжались торговцы из разных мест. Современники сообщали: «Приходили в Мангазею... с Руси многие торговые люди, пермичи, и вятчаня, и вымичи, и пустозерцы... и торговали по всей Мангазее...». В 1584 г. торговый агент «Московской компании» Антоний Марш, узнав от пустозерских мореходов о путях в Сибирь морем и через Печору и Усу по суше, побывал на Оби, где приобрел меха, конфискованные у него на обратном пути как приобретенные незаконно. Сотрудник той же компании Френсис Черри побывал в Пермском крае и, возможно, также на Оби. В 1597 г. царь Федор Иванович распорядился поставить «заставы крепкие» на основных торговых путях в Сибирь – в Турье, Пустозерске, Чердыни, Обдорске и Киртасе, дабы «брать на государя от всякой мяжкой рухледи таможенных (пошлин) от девяти десятое лутчее. А шток не было государевой казне порухи, поставить на заставах верных голов, и торговли людем те заставы не объезжати ни почем».

В 1600 г. Борис Годунов, сменивший Федора на престоле, пожаловал поморским крестьянам (Поморьем называлась тогда обширная территория российского севера от Карелии до Урала) грамоту с официальным разрешением на торговые поездки в Мангазею: «Всех промышленных людей пожаловали в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити, и с самоедами... торговати». В казну следовало отдавать пошлину – «изо всякие мяжкие рухледи (пушнина) и изо всякого товару десятое», т. е., например, одного из каждых десяти приобретенных соболей («из соболей лучший соболь», особо подчеркивалось в грамоте). Царь запретил возить в Мангазею «заповедные товары» – оружие, ножи, топоры. Разрешалось лишь брать их в ограниченном количестве «про свою нужу (нужду)... для того, что они (промышленники) там для своих промыслов живут года по два и по три, и им без того быти нельзя». Продажа оружия, ножей и топоров «самоеди» запрещалась.

Через Коми край проходили и другие торговые пути, значение которых значительно возросло в XVII в.: с Северной Двины на Каму (по Вычегде и Немскому волоку), и с Северной Двины на Вятку (по Лузе и Летке). Последний связывал Русский Север (в

частности, Архангельский морской порт) с Вятской землей, откуда в северные уезды поступал хлеб. На этих путях в Коми крае появились свои торговые центры: Туглим на нижней Вычегде и Ношуль на Лузе. Там торговали хлебом, пушниной, продукцией животноводства, солью, рыбой и другими товарами. Ношуль стал центром речного судостроения. Здесь каждую зиму строились барки для весеннего сплава с товарами из Вятской земли. Накануне открытия весенней навигации в Ношуль съезжались торговые люди, заинтересованные в сплаве своих товаров по Лузе, и покупали суда. Особенно много было вятчан, посылавших хлеб и другие товары в Архангельский порт.

Начало политической ссылки.

Первый же год XVII столетия ознаменовался появлением в Коми крае первого политического ссыльного. Печальная участь открыть продолжавшуюся почти четыре столетия эпопею политссылки довелась боярину Василию Никитичу Романову (дяде будущего царя Михаила), вместе с братьями попавшему в опалу. Как писал историк С.М.Соловьев, по распоряжению Б.Годунова боярина отправили в Яренск в июне 1601 г. в сопровождении своего слуги и пристава Некрасова, которому было поручено следить, чтобы В.Н.Романов «с дороги не ушел и лиха никакого над собой не сделал; беречь, чтобы к нему на дороге и на станах никто не приходил и не разговаривал ни о чем и грамотами не ссылался». В Яренске боярина велено было поселить «от церкви, от съезжей избы и от жилых дворов подальше», «да чтоб прохожей дороги мимо двора не было». В случае надобности надлежало построить специальный двор, и «чтоб около двора была городьба» (ограда). Со двора ссыльного и его слугу отпускать было не велено, какие-либо посещения также запрещались. Снабжение продовольствием осуществлялось за счет казны («на корм послано сто рублей денег»). «Что Василий станет говорить, о том пристав должен отписать государю». Пристав доложил: «Приехавши в Яренск, он (Романов – Авт.) со мною воровством говорил: «Погибли мы напрасно, без вины, к государю в наносе, от своей же братии; они на нас наносили, сами не зная, что делают, и сами они помрут скоро, прежде нас»». Пристав по собственной инициативе («мимо... указа» государя) содержал опального боярина в оковах. В Яренске В.Н.Романов серьезно заболел. В 1602 г. его перевели еще дальше – за Урал, в Пелым, где уже содержался его брат. 15 февраля того же года В.Н.Романов скончался.

Однако Яренск, при всей его удаленности не только от центра страны, но и от крупных городов Севера, все же казался властям чем-то слишком близким и уютным для того, чтобы содержать там поверженных, но еще опасных противников. Государь обратил свои взоры на заполярный Пустозёрск. Еще в 1643 г. по указу царя Алексея Михайловича в Пустозёрском остроге началось строительство тюрьмы «для воров и опальных людей». Кто первыми побывал в ней, к сожалению, не известно. выше уже говорилось о ссылке в Пустозёрск руководителей раскола. 20 января 1680 г. в Пустозёрск привезены сосланные сюда десять участников восстания на Соловках (Логин Степанов, Игнат Иванов, Дмитрий Борисов, Данил Терентьев, Клим Фёдоров, Григорий Малафеев, Фёдор Семёнов, Пётр Кузьмин, Федот Микитин). Большинство из них умерли здесь (Д.Терентьев скончался в первый же год). Кроме того, в 1680 г. «на подворье у пустозерцев посадских людей и у стрельцов» жили «ссыльные люди Ондрюшка Олонец с сыном да Стенька Мезенец з женой»; «ссыльная роспопы Лазарева жена Домница живет в Пустозерском остроге в съезде дворе». Кроме ссыльных и арестантов, в Пустозерском остроге содержались также «самоядские аманаты» (заложники).

В Пустозёрске причудливо переплелись судьбы протопопа Аввакума, боярина Артамона Матвеева, князя Василия Голицына. 9 июня 1678 г. в Пустозёрск прибыл отправленный сюда в ссылку видный российский государственный деятель Артамон Сергеевич Матвеев. В свое время его привлекали к борьбе с расколом, в 1667 г. дважды посылали к заключенному в монастыре протопопу Аввакуму для того, чтобы убедить того отказаться от проповедей против церковной реформы. В 1676 г., после смерти царя Алексея

Михайловича, А.С.Матвеев попал в опалу. Его отстранили от руководства Посольским приказом и назначили воеводой в Верхотурье. Но до Верхотурья Матвеев не доехал. Его задержали по дороге и отправили под караулом в Казань. Матвеева обвинили в финансовых злоупотреблениях, в плохом руководстве аптекой, в занятиях «чернокнижием». В 1677 г. Матвеев был лишен боярского звания и всех своих владений и отправлен вместе с сыном в ссылку в Пустозёрск; с собой ему дали тысячу рублей. Дорога бывшего боярина пролегла через Прикамье и Коми край: «А которыми городами меня... везли в Пустозерский острог, а те города... Соль Камская, Кай город, Еренск, Турья».

В Пустозерске в распоряжении А.С.Матвеева имелись священник, учитель для его сына и прислуга (около 30 человек). Условия жизни А.С.Матвеева были несравнимы с теми, в которых находился, можно сказать, по соседству с ним протопоп Аввакум (хотя, конечно, тоже не сахар). Артамон Матвеев и его сын Андрей были поселены в отдельных крестьянских избах: «Избенка дана мне, другая череву моему, сынишку; ей-ей, обе без печи; прошлую зиму рук и ног во всю зиму не согрели; а иные такие дни бывали, мало что не замерзли, а от угару непрестанно умирали; а в подклетишке запасено и рухлядишко, а в другом сироты мои, да караульщики, которые меня стерегут, чтобы я не побежал. Бежать некуда и не от чего; совесть моя меня не судит и не грызет; из тех подклетов пушают тепло, и от того пушания пользы столько нет, сколько смрада».

Из Пустозёрска А.С.Матвеев написал три челобитные царю Фёдору Алексеевичу, в которых отвергал выдвинутые в его адрес обвинения, а также три письма патриарху и ряд посланий ближним боярам с просьбой о заступничестве. Он жаловался на свою пустозёрскую жизнь: «...с голоду страждем и не можем части мяса купить; да не токмо мяса или калач, или иных потребных нужд, ей-ей и хлеба на две деньги купить не добудем, нет и не знают того с початку, как почали... жить в Пустозёрском остроге; един борщ едят да и прибавляют по горсти муки ржаной, и то... прожиточные люди едят, а убогие один борщ, да и тот не родится в Пустозёрском, привозят с Ижмы; да не токмо купить, милости имени ради Божия выпросить не у кого; сами промеж себя просят и дать некому и нечего, и бредут врознь глада ради, и достальные в тот же путь смотрят».

В Пустозёрске А.С.Матвеев провёл более двух лет – самые тяжёлые годы своей жизни. Сам он признавался, что с тех пор «как на свете почал жить», не испытывал таких бедствий, и с благодарностью отзывался о пустозёрцах, не давших ему «от бесхлебицы... оцынжать и от глада безвременно погибнуть»: «Все из нарочитых жителей острога того ко всем нещастие имеющим там быть в ссылке по премногу человеколюбивы и всякими... харчами зело судливы». Матвеев рассказывал в письмах, что как то раз у него и его домочадцев осталось «токмо три сухаря», и тогда пустозёрцы дали ему муку и продукты.

В 1680 г. царь Фёдор распорядился облегчить участь А.С.Матвеева и перевести его с сыном и с их слугами в Мезенский уезд. Известие об этом пришло в Пустозёрск 11 июля, и 30 июля Артамон Матвеев покинул опостылевшее ему «горькослёзное место» и через Усть-Цильму, Ижму, Весляну и Глотову слободку отправился на нижнюю Мезень. Там, в Окладниковой слободке, ему выдавали 156 рублей жалования и отпускали рожь, овёс и ячмень. Мезенский воевода Тухачевский старался по возможности облегчить участь ссыльного дипломата. А.С.Матвеев продолжал просить царя о полном прощении и разрешении вернуться из Мезени, где постоянно ощущалась нехватка хлеба (хотя дичи и рыбы было вдоволь). В январе 1682 г. Фёдор Алексеевич объявил, что признает Матвеева невиновным, возвращает ему его владения и разрешает ему выехать из Мезени в г. Лух, где ожидать нового царского указа. Разрешения ехать в Москву царь пока не дал. Несколько месяцев спустя Фёдор умер. Воцарился Пётр I, сын Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной. 11 мая 1682 г. А.С.Матвеев вернулся в столицу. Но вскоре после возвращения, 15 (25) мая 1682 г. он был убит во время стрельцкого бунта. Его сын, побывавший вместе с отцом в Пустозёрской ссылке, в 1691-1693 гг. был Двинским воеводой.

6 января 1690 г. в Яренск привезли сосланного сюда видного российского государственного деятеля князя В.В.Голицына с семьей. В.В.Голицын, как и А.С.Матвеев,

являлся весьма образованным человеком, имел большую библиотеку, знал несколько латинский, немецкий и польский языки, интересовался зарубежными обычаями, выступал за развитие контактов с Западной Европой. Можно сказать, что он продолжал линию, намеченную А.С.Матвеевым, отправленным при царе Фёдоре в ссылку, в известном смысле, занял его место. 10 лет спустя он оказался на месте Матвеева и в Пустозерске... В сентябре 1689 г. после свержения правительницы Софьи и прихода к власти Петра I В.В.Голицын попал в опалу. 9 сентября его лишили боярского звания и владений и вместе с семьей и прислугой отправили в ссылку в Каргополь. Противники В.В.Голицына считали, что это слишком мягкое наказание, и через несколько дней добились, что местом ссылки был назначен город Яренск. По дороге в Вологде Голицыну передали последнее письмо Софьи и деньги от нее.

Прибыв в Яренск, В.В.Голицын с семейством написали царям Петру и Ивану челобитную: «Страждем мы, бедные, близ конца живота своего; а оклеветаны вам, великим государям, невинно. Как нас, холопей ваших, везли к Тотме, и, не доезжая города, на реке Сухоне, возки жён наших и детей и дворовых людишек в воду обломались, и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспомоществе многое время». Пристав Голицыных, назначенный также ведать городскими делами в Яренске, бил челом боярину Стрешневу, что в городе нечем питаться: «Городишко здесь самое убогое: всего, и с целовальниками, и с подъячими, и с приставом, 30 дворишек. А уездные люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся, а государские всякие подати выбирают промеж себя; лишь наша сухота!» Вскоре на В.В.Голицына поступило несколько доносов, связанных как с его прежними делами, так и с якобы сказанными им в Яренске крамольными словами (будто бы опальный фаворит утверждал, что царю Петру осталось жить всего год и что он, Василий Голицын, еще пригодится, так что его надо беречь). В.В.Голицын отверг обвинения, но в июне 1691 г. его всё же отправили еще дальше в ссылку – в Пустозёрск (туда ранее был отправлен один из приверженцев Софьи боярин Неплюев). Голицын в дороге написал царям новое письмо: «Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустозерске хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердные великие государи! Велите нас, бедных и невинных, возвратить из такого злого тартара». Жалобы возымели действие, и через некоторое время Голицыных перевели из Пустозёрска в с. Кологоры Пинежского уезда. Умер В.В.Голицын 21 апреля (2 мая) 1714 г. Его похоронили в Красногорском Богородицком монастыре возле г. Пинеги.

Участие коми в защите Отечества

С вхождением в состав Русского государства Коми краю и его жителям пришлось перенести и все тяготы, выпавшие на долю русского народа. Трудным временем оказалось начало XVII в. Польские феодалы решили воспользоваться «смутой» на Руси, вторглись в русские земли, захватили огромную территорию, грабили население. На севере Русского государства для борьбы с интервентами и их пособниками-тушинцами (их лагерь находился в Тушино под Москвой) собирались войска. Самое непосредственное участие приняли в этом жители Коми края.

В 1606 г. отряд ратных людей, включавший вычегжан, вымичей, удорцев и сысольцев, в количестве 48 человек по повелению нового царя Василия Шуйского, сменившего на престоле убитого Лжедмитрия, отправился к Москве и принял участие в борьбе против поляков и русских сторонников Лжедмитрия (не исключено, что и в борьбе с воинством И.Болотникова, пытавшегося захватить Москву).

В октябре 1608 г. поляки и сторонники Лжедмитрия II – тушинцы (их лагерь находился в с. Тушино под Москвой, которую они взяли в осаду) стали влиятельнее, чем «законно избранный» царь Василий Шуйский. Почти все крупные города и уезды Севера

присягнули Лжедмитрию. К немногим исключениям относились Устюг, Сольвычегодск и Коми край. Устюжане, решив собрать для защиты от поляков и тушинцев ратных людей со всего уезда, отправили грамоту о своих намерениях на Вычегду – в Сольвычегодск и, возможно, в Яренск и призвали вычегодцев следовать их примеру. Через недолгое время и остальные северные города решили выступить против «тушинского вора», и 6 декабря 1608 г. в Яренске получили грамоту с просьбой собрать ратных людей «на государево дело» против Лжедмитрия II. 18 декабря 1608 г., дружина вымичей, вычегжан и сысолицев (60 человек) под командованием яренского головы Григория Середонина и десятника Василия Тетюкова отправилась на защиту Соли Галицкой, которой угрожали тушинцы. «А дорогой мы шли и до Соли Галицкой, дал Бог, здоровы со всем войском своим, а шли, Бог дал, смирно, никаким воровством не воевали, и меня слушают ратные люди», – докладывал Г.Середонин в Яренск. Выставили своих ратников и жители Сольвычегодского уезда (в числе ратников, вероятно, были и жители Лузской Пермцы); в оснащении отряда большую помощь оказали Строгановы. В разоренных войной районах рать страдала от нехватки пищи и корма для лошадей. 28 декабря 1608 г. тушинцы разбили войско северных городов, захватили Кострому.

В январе 1609 г. в Яренск прислали новую грамоту с призывом участвовать в сборе нового войска для борьбы с поляками и Лжедмитрием. Яренский воевода В.Я.Ларионов отправил соответствующее извещение старостам, целовальникам и крестьянам Сысолицкой земли, полученное на Сыsole 23 января. Сысолицы к этому времени сами отправили «мирских посыльщиков» в Сольвычегодск, дабы разузнать, какова же военно-политическая обстановка на Севере, что предполагается делать для дальнейшей борьбы с врагом. Решено было, не мешкая, собрать новый отряд, и 18 февраля 1609 г. в Соль Галицкую для участия в наступлении на тушинцев прибыли «ратные люди многие» из Устюга, Сольвычегодска и «Вымския земли». Жители Перми Великой не приняли участия в сборе войска. Они, правда, не помогали и тушинцам, выжидая, чья сторона возьмет верх, и отделиваясь от соседей общими словами. Вычегодцы с укором писали им: «Вы пишете к нам словом, что стоять с нами единомысленно ради во всем, а делом с нами ничего не делаете; а богоотступники литовские люди и с ними русские воры села и волости и деревни воюют, церкви божие разоряют, образа колупают, оклад и кузнь снимают, православную веру попирают, крестьян секут, жен и детей их в плен в Литву везут, именье их грабят, и хвалятся, хотят идти к Вологде и на Сухону и в наши места воевать. Так если какое разорение над здешними местами и над нами сделается от литовских людей и от воров, то вам от бога и от государя это не пройдет, а с литовскими людьми и с ворами вам не прожить, и вам от них то же будет».

В начале марта тушинцы были разбиты, Кострома освобождена. 21 марта 1609 г. 66 «вымских ратных людей», «а с ними ратной голова Ивашко Григорьев вымитин» (пятидесятник) «повелением государя Василея Ивановича» были посланы на службу в Костромской уезд (г. Любим). В марте 1609 г. «в полки» князя М.В.Скопина-Шуйского, племянника царя Василия Шуйского, руководившего борьбой с тушинцами и поляками на Севере России, отправлены 12 ратников с Сысолицы; деньги на их содержание (2 руб. 30 коп. на человека в месяц и еще 1 руб. 26 коп. в месяц на «военный расход») выделены Визингской, Гарьинской и Усть-Сысолицкой волостями. Сысолицкие ратники находились под Ярославлем (в сентябре 1609 г.), в Кашине. Трое из них к концу года погибли в боях. В том же году «шли люди ратные... вычегжаны, вымичи, сысолицы под Еранск и другие города Вятские от русских воров (изменников – Авт.) и литовских (польских – Авт.) людей обороняти».

Успешные действия отрядов 24-летнего М.В.Скопина-Шуйского привели к разладу в стане «тушинцев»; Лжедмитрий в конце 1609 г. бежал в Калугу. 3 января 1610 г. еще 60 сысолицких, вымских и вычегодских ратников (в том числе 12 сысолицев, которыми руководил десятник Юрий Данилов) отправились в войска М.В.Скопина-Шуйского. Вполне возможно, в марте 1610 г. они участвовали в снятии полками Скопина-Шуйского осады

Москвы. Но в апреле 1610 г. успехам севернорусского войска неожиданно настал конец – М.В.Скопин-Шуйский, готовившийся к походу под осажденный поляками Смоленск, внезапно скончался. Оставшееся без полководца войско было разбито. «Того ж лета, – повествует Вычегодско-Вымская летопись, – бояре свели с государева престола князя великово Василея, а на место того Василья в государи Владислав литовские земли царевич поставлен бысть. Многие посады и уезды земли русские тому Владиславу креста не целовали и пошла с тово смута великая». В Москву вошли польские войска.

В 1611 г. в Рязани Прокопий Ляпунов сформировал 1-е земское ополчение для борьбы с поляками. Активную роль в этом ополчении играл князь Д.М.Пожарский, вместе с К.И.Мининым возглавивший в начале 1612 г. после смерти Ляпунова 2-е земское ополчение. Организаторы обоих ополчений разослали грамоты о сборе ратников по северным городам. Пришли эти известия и в Коми край. Население края поддержало призыв и приняло участие в борьбе против интервентов за освобождение Москвы. Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «Повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с вычегодские пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек». В октябре 1612 г. Дмитрий Пожарский лично отправил послание в Коми край, яренскому воеводе Федору Осиповичу Янову, в котором сообщал о разгроме войск польского гетмана Хоткевича под Москвой.

Но война на этом не кончилась. В 1613 г. военные действия шли совсем рядом с Коми краем – в низовьях Вычегды у Сольвычегодска. «Приступил к Вычегодские Соли с воровскими людьми литовский ватаман Якуп Яцкий с три тыщи человек», – рассказывает летопись. Город был взят и сожжен, его немногочисленные защитники погибли. Небольшая дружина (60 человек) из Коми края, отправленная на подмогу соседям, опоздала: не дойдя 20 верст до горящего Сольвычегодска, ратники увидели «дым до небес», поняли, что город пал, и вынуждены были вернуться. В 1614 г. жители Коми края ожидали нападения польского воеводы Лисовского, захватившего Вельск, Холмогоры и осадившего Устюг. Но Устюг ему взять не удалось, и поляки отступили, не дойдя до Коми края. В 1618 г. воевода Лисовский вновь привел войско на север, захватил Каргополь и Холмогоры, осадил Вологду. «Вычегжаны и вымичи и сысолены уездные люди» готовились к отражению нападения поляков, но те снова не дошли до Коми края: «Божией милостию Вычегодские места убереглися от супостатов», – заметил по этому поводу летописец. В декабре того же года наконец-то было подписано перемирие с Польшей...

В дальнейшем, по сведениям историка М.А.Мацука, правительство еще не раз проводило наборы «даточных людей» для пополнения войск. Так, в 1623 г. были «по государеву указу взяты к Москве в стрельцы» Аврамка Карпов сын Черноусов и Гаврилка Прокопьев сын с семьями из Шономского погоста Яренского уезда. Когда началась новая война с Польшей, царь в 1632 г. распорядился взять в Яренском уезде в стрелецкое войско 40 человек, «которые были б собою добры и взрачны», «а меньше двадцати и больше сорока лет не имати», причем это должны быть не тяглецы (ответственные налогоплательщики), а их сыновья, братья или племянники. Воевода лично осмотрел каждого из 40 человек, дабы не попался непригодный к службе, и затем новоприбранные стрельцы вместе с семьями были направлены в Москву.

В 1647 г. для строительства укреплений на южных границах России «для бережения от татарского приходу» в стране, в том числе и в Коми крае, были набраны люди «со ста дворов по человеку с топоры, и с рогатины, и с заступы, и с лопаты». «Даточным людям» Яренского уезда надлежало явиться в Москву 25 марта, а 23 апреля прибыть на р. Оскол, где в течение лета, до заморозков строить «город жилой» и «вал земляной и по валу стоялые земляные городки». Сысольцы (и, возможно, жители других частей Коми края) предпочли вместо выставления людей заплатить определенную сумму денег в казну.

В начале 50-х гг. вспыхнула новая война с Польшей, и в Коми крае в 1653, 1654, 1655 и 1656 гг. снова провели наборы людей для укрепления южной «засечной черты» по одному человеку с 50 дворов «с лошадыю своею и с телегй, и с кирками, и с заступы, и с топоры на

год». Даточные люди направлялись через Устюг и Вологду в Москву, а затем служили «где государь укажет». В 1659 г. в Яренском уезде вновь получили приказ собрать «и с церковных земель и с посадских, и с крестьянских, и з бобыльских, и с половничьих дворов даточных пеших людей в солдатскую службу, с которых дворов в солдаты наперед сего не имано, ...з двадцати с пяти дворов по человеку, которые были бы не стары, и не увечны, и в государеву солдатскую службу были бы годны». В 1658 – 1660 гг. на военную службу из Яренского уезда было взято не менее 27 человек. Некоторые из них, а также взятых на службу в последующие годы, отмечены в переписной книге 1678 г. В посаде Турья, например, был «взят к Москве в стрельцы» Иван Трифонов сын Ершов, «взят в салдаты к Москве» Григорий Иванов сын Ошмаров. В Шежамском погосте Демка Дмитриев сын Андреев был «взят к Москве в стрельцы в первой збор со всею семьею» из д. Кырса, а Ивашка Третьяков «взят к Москве в стрельцы» в 1674 г. из д. Другой Новоселец. Павел Афанасьев был «взят к Москве в стрельцы» из д. Нижний Вылиб Косланского погоста, Сидор Игнатьев «со всею семьею» – из д. Сорд Визингского погоста, Илья Савельев – из погоста Палауз.

Переселения коми за пределы края

Таежные просторы, лежавшие за Каменным поясом (Уральскими горами), издавна были ведомы коми. Упоминавшиеся трудности в хозяйственном развитии вызвали сильный отток населения в более благоприятные для жизни регионы. Жители Прилузья уходили в соседнюю Вятскую землю и даже дальше, в Казанский уезд. Многие выходцы с Сысолы и из некоторых других районов переселялись на Каму, где появились деревни с характерными названиями «Зыряновская», «Зырянка» и т.п. (зырянами стали называть коми, и это название употреблялось до 1920-х гг.).

Но больше всего людей ушло из Коми края в Сибирь. Коми сыграли важную роль в присоединении Сибири и Дальнего Востока к России. Как лучшие знатоки ведущих туда путей, коми (40 человек) стали проводниками в отряде Ермака, со знаменитого похода которого началось присоединение Сибири. Коми были в числе первых жителей многих сибирских городов, возникших в конце XVI-XVII вв. Раньше других, в 1586 г., возникла Тюмень, со строительства которой началось прочное освоение Сибири. В числе обитателей города в I четверти XVII в. были стрелец Семейка Зырян, посадские люди Федоска Иванов Вычегжанин и Якунька Сысолич, крестьяне Васька Иванов Зырянин, Прошка Елистратов Вымич и выходцы из Коми края.

В 1587 г. был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: «Лета 7095 (1587 г. – Авт.) князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тобольск из вычегодские и вымские пермяки в служилые люди пять десят и с жоны и с детми». В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название «Зырянская». На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске жили стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края: Якушко Вычегжанин, Марк Зырян, Савка Зырян, Васька Пуртов, Семейка Юркин, Тимошка Лузенин, Федька Сысолетин, Васька Выметин, Федька Чупров и др.

Затем появились города на путях, связывавших Сибирь с Европейской частью страны. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок, куда отправили по царскому указу шесть «судоделавцев» строить суда для плаваний по сибирским рекам. В 1593 г. возникли Пелым и Березов: «Лета 7101 (1593 г. – Авт.) повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пелынь и Березов городки строити», – рассказывает летопись. «Пермичи и вымичи» упомянуты в царском наказе князю П.Горчакову, посланному строить Пелым, среди участников его похода. В их числе, вероятно, находился Андрей Енгрирев из вымского погоста Шошки – в писцовой книге говорится, что он «взят на Березов в казаки» в

1593 г. Немало выходцев из разных селений Коми края было среди жителей Березова в начале XVII в. Нечайка Петров был «взят на Березов в казаки» в 1600 г. из Турьи, Митька Алексеев «збежал на Березов» в 1601 г. из Коней. В 1595 г. в низовьях Оби был основан город Обдорск, само название которого (как и реки Обь) имеет коми происхождение. В 1597 г. была открыта новая дорога в Сибирь, ведущая с Камы на верховья р. Туры. В 1598 г. там построили г. Верхотурье. В 1635-1636 гг. среди «гуляющих людей» Верхотурского уезда было 242 коми – с Вычегды, Выми, Лузы, Сысолы...

После закрепления на ведущих «за Камень» дорогах началось продвижение переселенцев вглубь Сибири. На рубеже XVI-XVII вв. на р. Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан восточнее Оби, появился г. Мангазея, основанный «служилыми людьми...и зырянами». Царь специально указал отправленным туда воеводам: «Взять...в вожи зырян торговых людей и вымич на все суда, сколько человек пригоже, которые б Мангазейский ход знали и толмачить (переводить – Авт.) умели».

Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. г. Сургута. В числе его первых жителей был Нефед Савельев из погоста Вездынь (Вездино). Через два года был основан Нарымский острог, где в 1620-х гг. жили два вымича и сыsoleц, а около 1602 г. упоминаются жившие там коми: «Я со служивыми людьми и зыряны хоромы перенес». Для защиты южных границ на Иртыше в 1594 г. построили г. Тару. Среди тех, кто оборонял его от набегов татар, были пеший казак Петрушка Васильев Зырян и конный казак Спиридон Зырян.

В 1605-1609 гг. русское правительство, оценив необходимость привлечения широких масс населения к освоению лежавших «за Камнем» земель, издало указы, направленные на развитие вольнонародной колонизации сибирских просторов. С этого времени поток крестьян, переселявшихся в «Сибирскую украину», стал расти с каждым годом. Особое значение придавалось участию коми в освоении Сибири. В 1604 г. царь Борис Годунов отправил воевод строить г. Томск и дал им наказ: «В новом Томском городе ... пашню устроити, ...а пашенные люди прибрати из зырян». В 1680 г. в Томске находились 83 служилых человека, которые (или родители которых) пришли туда из Коми края, среди них 27 вычегжан, 16 вымичей, 16 сыsoleц, 3 лузянина.

В 1610 г. был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет в Енисейском уезде находилось 249 промышленных людей («промышлявших» пушного зверя), пришедших с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В Иркутске во второй половине XVII – начале XVIII вв. жили С. Кириллов из Усть-Выми, А. Чупров из Усть-Цильмы, И. Кушманов, Е. Зырян, Л. П. Лузин, вычегжане А. Зотов, И. В. Кочюров, М. Лукьянов. В Нерчинском остроге в конце XVII в. находились С. Чукмасов, В. И. Чупров, Н. Чупров, И. Г. Пермьяк, в Селенгинске – С. Сыsoleтин и П. Зырян. Много выходцев из Коми края было в 1671 г. среди жителей Красноярска – казаков, стрельцов, посадских людей и крестьян. Многие возникшие в Сибири деревни носили коми названия: Зырянка, Зырянская, Гутова, Таскаева, Полева, Гилева и др. На рубеже XVII-XVIII вв. только в южной части Западной Сибири в 69 из 120 переписанных деревень встречены коми фамилии: Гилев, Бараксанов, Сыsoleтин, Выметников и т.п.

Один из коми переселенцев стал родоначальником династии, к которой принадлежал знаменитый Григорий Ефимович Распутин, «святой старец», оказывавший огромное влияние на императора Николая II. В 1640 г. в Сибирь из д. Палевицы Яренского уезда переселился вместе с женой крестьянин Изосим Федоров сын. В 1653 г. он жил за Уралом в Покровской слободе (позднее – село Покровское Тобольской губ.) с сыновьями Семеном, Насоном и Евсеем; в документе отмечено, что этот крестьянин ранее жил в Палевицкой волости Яренского уезда. Два сына Насона Филипп и Яков (внуки Изосима), получили в начале XVIII в. фамилию Распутины. Во второй половине XVIII в. фамилию Распутин носили сын Якова Егор и сыновья Филиппа Митрофан и Федосей, также передавшие ее по наследству своим потомкам. К одной из ветвей этой семьи принадлежал Яков Васильевич Распутин – дед Г. Е. Распутина, родившегося 10 января 1869 г. в с. Покровском.

Жизнь основателей сибирских городов и уездов была очень беспокойной. Местные «князцы», властвовавшие над коренным населением и недовольные ослаблением своей власти, организовали соплеменников совершать вооруженные нападения на переселенцев. Многие люди гибли... По данным дозорной книги 1608 г. в Сибири из отправленных туда 48 жителей Вымской и Яренской волостей 37 были убиты во время походов в Мангазею, Тобольск и Березов. В 1612 г., когда «вогуличи пельинские... промышленяли измену супротив русские земли, пермские места пограбити», против них было послано войско, в составе которого были и ратники из Коми края: «И шедшу на Пелынь люди ратные вычегжаны, чердынцы с воеводою верхотурским, вогульских зачинных смутьянов переимали и перевешали».

Мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей и лежавшие между ними территории и вышли к р.Лене. В 1632 г. был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на северо-восток. В середине и второй половине XVII в. среди служилых людей Якутска были Е.С.Вычегжанин, М.С.Сысолятин, Н.Л.Колегов, Н.Габышев, И.Тарабукин, несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермьяков. Среди многих сотен участников освоения Дальнего Востока документы сохранили и имена выходцев из Коми края. Особо следует сказать о двух коми, ставших известными землепроходцами, первоисследователями сибирских и дальневосточных «дебрей непроходимых»: Дмитрие Михайловиче Зыряне по прозвищу Ярило и Федоре Алексеевиче Чукичеве (он был родом из Шежама). С их именами непосредственно связано включение в состав России бассейнов рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Пенжины. Оба они начинали службу на Енисее, потом их перевели в Якутск. В 1638-1641 гг. Ф.А.Чукичев и Д.М.Зырян участвовали в открытии и освоении земель на Яне и Индигирке. В 1642 г. Д.М.Зырян во главе небольшого отряда (в его составе был и Чукичев) отправился на восток, где открыл р.Алазею, заложил там первое поселение. В 1643 г. Ф.А.Чукичев отправился с собранным ясаком (данью) в долгий и трудный путь в Якутск (морем, а затем вверх по Лене), а Дмитрий Зырян, Семен Дежнев и Михаил Стадухин с отрядом поплыли вдоль побережья материка дальше к востоку и добрался до устья неведомой еще р.Колымы, обложив ясаком местное население и приведя его «под высокую государеву руку». Воевода назначил его официальным главой колымских казаков и велел «новые реки приискывать». В начале 1646 г. Д.М.Зырян скончался от ран, полученных в бою с юкагирами.

В середине 50-х гг. XVII в. освоение Колымы было продолжено под руководством Ф.А.Чукичева (служившего после возвращения из совместной с Зыряном экспедиции в Якутске, на Индигирке и Алазее – там он возглавлял местную администрацию). Чукичев с отрядом поднялся по Колыме до ее притока Омолона, обследовал его. Зимой 1657 г. он выступил в поход с Омолона, через горы вышел к р.Чендон (Пенжина), впадающей в Охотское море. Там Ф.А.Чукичева ждала редкая удача – он обнаружил жемчуг. До своей гибели в 1661 г. Чукичев руководил служилыми людьми Омолона и Пенжины.

Одним из самых выдающихся достижений землепроходцев стало путешествие из Северного Ледовитого океана в Тихий вокруг Чукотки, предпринятое в 1648 г. группой казаков и промышленных людей под руководством Ф.А.Попова и С.И.Дежнева, в результате которого был открыт пролив между Азией и Америкой. В этом походе принимали участие выходцы из Коми края. Сколько всего их было, не выяснено. Известны два имени: Фома Семенов Пермьяк с Мезени и Иван Зырянин. Экспедиция выступила из Нижнеколымского острога на семи кочах (судах, приспособленных для плавания во льдах). Ф.С.Пермьяк и И.Зырянин плыли на коче С.И.Дежнева. 1 сентября 1648 г. экспедиция подошла к самой восточной оконечности Азиатского материка – мысу, который Семен Дежнев в своем сообщении воеводе назвал «Большим каменным носом» (теперь это мыс Дежнева). В 80 км восточнее, за проливом, лежал другой материк – Америка. Зная об этом путешественники, они могли бы первыми из российских мореходов ступить на землю Аляски. Но они и не подозревали о сделанном ими открытии. 6 из 7 кочей погибли во время плавания со своими экипажами из-за бурь. С.И.Дежнев со спутниками (25 человек) добрался до незнакомого

берега. В поисках речки Анадырь прошло несколько дней. Часть людей погибла, но Дежнев, Пермьяк, Зырянин и остальные в 1649 г. добрались до Анадыря и построили там зимовье. Позднее сюда пришли новые отряды служилых людей. Коми участвовали и в известном походе Ерофея Хабарова на Амур (1649-1653 гг.), в результате которого за Россией было закреплено Приамурье, осваивали Камчатку.

Потомки коми землепроходцев стали истинными сибиряками, в большинстве своем приняли русский язык и русскую культуру и влились в состав русской нации. Но на Колыме, например, память о переселенцах из далекого Коми-зырянского края жива до сих пор. Колымские старожилы Чикачевы утверждают, что ведут свой род «из зырян», от Ф.А.Чукичева. Имя Д.М.Зыряна тоже не забылось – его носят река Зырянка (приток Колымы) и расположенный возле нее поселок Зырянка. Посвященные Д.Зыряну материалы есть в музее этого поселка Черского. Имя Зыряна увековечено и на мемориальной доске близ старинного города Русское Устье, а также на памятнике первопроходцам-первооткрывателям Колымы.

Имена и фамилии жителей Коми края.

В XVI в. у некоторых жителей Коми края начали появляться фамилии. Основой для их возникновения послужили личные имена, отчества и прозвища, употреблявшиеся с более раннего времени. Первоначально возникли личные имена, т.е. имена, которые присваивались людям при их рождении и под которыми они были известны в обществе. Документы, к сожалению, практически не сохранили национальных коми личных имен. Упомянутые в фольклоре именованья Йиркап, Корт-Айка и некоторые другие, возможно, являлись личными именами, но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Можно предположительно назвать ряд личных имен коми, исходя из фамилий и прозвищ XVI – XVIII вв. Эти имена «повторяли» нарицательные слова – названия животных, растений и т.д. Например, фамилия «Ракин» может свидетельствовать о древнем языческом имени Рака (рака – «ворона»), Дозмор – об имени Дозмор (дозмор – «глухарь») и т.п. В грамоте 1490 г. названы следующие имена жителей Оквады, которые, возможно, также являются древними: Чирак (чирак – один из видов уток), Помас, Турка.

С начавшейся в конце XIV в. христианизацией края исконные коми личные имена стали вытесняться личными именами, заимствованными у русских, причем как церковными именами (Иван, Дмитрий и т.п.), так и мирскими (Некрас, Ждан и др.). Последние получили среди коми меньшее распространение, чем христианские, поскольку примерно тогда же (XIV в.) началось расширение удельного веса церковных личных имен и постепенное вытеснение мирских (неканонических) имен у русских, от которых и шло заимствование. Например, в Окваде в 1490 г. 26 из 29 имен принадлежали к церковным, в 1608 г. – 26 из 31, а в 1646 г. все оквадцы носили церковные имена. В Турье в 1609 г. церковные имена составляли 85% личных имен, а в 1646 г. их носили все жители.

До начала XVIII в. мирские имена употреблялись в официальных документах наравне с церковными. Например, в дозорной книге 1620 г. зафиксированы следующие нецерковные имена жителей Лузской Пермцы: Беляйко, Богдашко, Баженко, Батрачко, Меньшичко, Пятко, Поспелко, Первушка, Поздейко, Ситко, Чудинко и др. В дозорной книге 1608 г. упоминаются личные имена Первушка (в Шежаме, Окваде, Турье и др. селениях Яренского уезда), Некраско (Палевицы, Турья, Кони, Гарья и др.), Нехорошко (Оквад), Нечайка (Кони, Онежье и др.), Гулянка, Жила (Кони), Нежирка (Усть-Сысола), Малец (Зеленец) и др. В 1701 г. специальным указом было запрещено употребление в документах неканонических имен, и последние почти перестали использоваться. Например, в Усть-Сысольской волости, где в 1678 г. зафиксированы имена Баженко, Нечайка, Томилка, переписная книга 1707 г. не назвала ни одного нецерковного имени. Но были и исключения. Так, имя Баженко отмечено переписной книгой 1711 г. в Лойме и Спаспорубе.

На ранней ступени развития общества для того, чтобы различить людей между собой в относительно немногочисленном коллективе, каждому человеку достаточно было иметь

одно имя. Но с расширением контактов между людьми, возникновением частной собственности, имущественного неравенства, появлением права наследования для различия одноименных личностей потребовалось сначала второе слово-уточнитель (прозвище или отчество), а затем и третье – фамилия.

Наиболее древние известные прозвища (т.е. именованья, даваемые человеку по тому или иному его свойству, причем не при рождении, а позднее) жителей Коми края относятся к XV в. В грамоте 1490 г. упомянуты Игнатка Задняя нога в Усть-Выми, Помас Старый и Петруш сухой в Ыбу (на выми), Помас Толмач, Агафонка Тороп и другие в Окваде. Помимо слов, связанных с названиями животных, растений и т.п., с характеристиками человека и др., что было присуще и для древних личных имен, в качестве основы прозвища могли выступать и топонимы (географические названия), указывающие на место жительства того или иного человека. Например, в Вычегодско-Вымской летописи упомянуты сотники Емелька Лузьков и Ефимий Эжвин, прозвища которых, вероятно, происходят от гидронимов Луза и Эжва (Вычегода).

Отчества (прозвания, обозначающие отца носителя того или иного имени; очень редко аналогичное прозвание указывало на мать, например, Василисин) жителей Коми края зафиксированы уже в конце XV в.: Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов и Сенька Микитин названы в грамоте 1483 г., «Федька да Сенька Григорьевы дети», Демидка Максимов и др. – в грамоте 1490 г.

Фамилия – это наследственное именование, которое стало обозначать всех членов семьи и переходить из поколения в поколение (от отца или матери к сыну и дочери), а также от мужа к жене или наоборот. По писцовым и переписным книгам легко проследить, как личное имя, церковное или мирское, становилось с помощью суффиксов -ов (-ев), -ин сначала отчеством, затем «дедичеством» (когда в качестве уточняющего именованья использовалось имя деда) и постепенно закреплялось за определенной родственной группой в качестве наследственного именованья. (При этом надо иметь в виду, что типичный для коми порядок наименования, вызванный отсутствием фамилий, когда перед именем данного лица называется имя отца и деда – Пиле Захар Вань – в документах заменялся на русский – Иван Захаров сын Филиппов).

Например, в Окваде в 1608 г. жил крестьянин Афонька Власов (Власов – отчество). В 1646 г. там же проживал его сын Никита Афанасьев сын Власов (здесь Власов – дедичество). Сын Н.А.Власова также носил именованье Власов: «Стенька Никитин сын Власов». В 1586 г. в Гаме жил Некраско Еремеев. В 1608 г. там же проживал Сенька (Семен) Некрасов, очевидно, его сын. Переписная книга 1646 г. упомянула в Гаме Конанко Семенова сына Некрасова с детьми Осипом и Иваном. В переписи 1678 г. эти Осип Конанов и Иван Конанов отмечены без фамилии или дедичества, но в I четверти XVIII в. гамская фамилия Некрасов вновь фигурирует в документах. Сходным образом происходило формирование фамилий из прозвищ. Наряду с русскими церковными и мирскими именами и прозвищами, образованными от русских слов, основу части фамилий местного населения составили топонимические и этнонимические прозвища, а также древние коми личные имена и прозвища: так возникли фамилии Колегов, Кузькоков и др.

Документами XVII – начала XVIII вв. в селениях Коми края отмечены практически все распространенные в настоящее время коренные фамилии. Так, в 1679 г. жители Ижемской слободки носили фамилии Сметанин, Филиппов, Истомин, Хозяинов, Анофриев (Ануфриев), Бабинов, Канев, Вокуев, Рочев, Терентьев и некоторые другие. Сходным образом обстояло дело и в других населенных пунктах края.

Доля населения края, имевшего фамилии, в течение XVII в. заметно выросла. В 1608 г. в Яренском уезде она составляла 8,5 %, в 1646 г. – 45 %, в 1678 г. – 64 %. В Усть-Цильме в 1679 г. фамилии имели 73 % жителей, в Ижме – 90 %. В начале XVIII в. почти все население имело фамилии. Например, в Слудской волости на Летке в 1710 г., в Пажге и Кибре в 1707 г. все жители имели фамилии. Только по одному безфамильному крестьянину было в 1707 г. в Визинге и Ужге, от 94 до 97 % населения в 1707 г. носило фамилии в Усть-Сысоле,

Вильгорте, Шошке, Зеленце, Ыбу, Пыелдино. Таким образом, формирование фамилий населения Коми края в целом завершилось в XVII – начале XVIII вв. Сложилась официальная трехчленная модель именованя.

Вместе с тем чрезвычайно важно указать на сохранение в быту до настоящего времени древней коми модели, состоящей, как правило, из двух антропонимов: личного имени и стоящего перед ним прозвища, переходящего из поколения в поколение (правда, не всегда) и не совпадающего с официальной фамилией (лица, носящие одну фамилию и даже являющиеся родственниками, носят разные семейные прозвища). Подобные именованя сохраняются и у коми переселенцев, живущих в других регионах страны, например, на Кольском полуострове («Няшь-Вань», «Ель-Вань»). Возможны и более сложные именованя, включающие имена ряда предков по мужской линии, например, «Петыр-Кузь-Яке-Селе-Вась» или «Гриш-Вась-Тим-Леш».

Фамилии жителей края можно разделить на пять групп: 1) отыменные, т.е. образованные от церковных и русских нецерковных имен (Некрасов, Филиппов, Терентьев и т.п.); 2) образованные от русских слов с различной семантикой (Кузнецов, Попов, Козлов и др.); 3) топонимические, т.е. образованные от названий географических объектов (Удоратин, Вишератин, Мезенцев и т.д.); 4) этнонимические, т.е. образованные от названий народов (например, Пермьяков); 5) образованные от коми слов (Канев, Ульныров, Дозморев и иные). Наиболее распространены были первые две группы. По такой фамилии национальную принадлежность ее носителя определить практически невозможно. Только если она бытует в данном поселении сотни лет, неоднократно зафиксирована в документах в качестве местной, и по сей день ее владельцы являются коми, то можно ее с первоначального упоминания включать в круг коми фамилий. В целом же отыменные фамилии не несут этнического содержания. Лишь только в случае внесения в нее какой-то языковой специфики фамилия приобретает этнический оттенок. Так, общероссийская фамилия Попов приобретает коми звучание при небольшом изменении: добавка имени в местном произношении (Попвасев).

Топонимические фамилии возникали на основе прозвищ, которые получали на новом месте жительства пришлые люди и которые указывали на прежнее место их обитания. В источниках зафиксированы, во-первых, фамилии, указывающие на переселенцев, приходивших в Коми край извне – Костромин (Костромитин), Шехонин (с р.Шехонь), Кокшар (с Кокшеньги), Вилегжанин (с р.Вилядь), Вологжанин, Пинежанин и Пинегин, Важанин (с Ваги), Подвинец (с Сев. Двины), Югов (с р. Юг) и некоторые другие. Помимо места выхода мигрантов, названные фамилии свидетельствуют и об этнической русской принадлежности их носителей. Во-вторых, ряд фамилий указывает на мигрантов, переселившихся внутри Коми края: из района в район и даже из поселения в поселение. Таковы фамилии Ижметин, Вымин (Вымитин), Сысолин (Сысолетин), Вычегжанин, Вишератин, Лузянин, Удоратин, Мезенцев (Мозымов), Слободжанин или Слободской (из волости Глотова Слободка на Мезени); от названий деревень образованы фамилии Межецкой (Межог), Римский (Римья).

Распространенные в Коми крае этнонимические фамилии Рочев, Седрочев (Седрисев), Немчинов, Поляков, Латышев, Русанов, Остяков и некоторые другие указывают на принадлежность их первых носителей к тому или иному этносу: остякам (хантам), полякам. Фамилию Немчинов могли получить любые выходцы из Европы (всех их называли «немцами»), прозвище Латыш и затем фамилию Латышев – люди, придерживавшиеся «латинского» вероисповедания (в частности, карелы-лютеране, появившиеся в Коми крае в XVI – XVII вв.). Фамилии Зырянов (Зырянин) и Пермьяков, часто встречающиеся, в частности, в источниках XVII в. в уездах Вятской земли, Прикамья и Сибири, указывают на принадлежность их носителей к коми-зырянам и коми-пермякам (при этом нужно иметь в виду, что пермяками могли назвать не только коми-пермяков, но и жителей Лузской Пермцы, да и выходцев из других частей Коми края). Возможно, фамилию Зырянов могли носить и выходцы из Зырянских усалий на Каме, но, судя по достаточно широкой распространенности этой фамилии на обширных территориях Вятки, Приуралья и Сибири, в

основе ее лежал именно этноним «зыряне», «зырянин».

Последняя группа местных фамилий имеет этническое содержание, ибо она сложилась на основе коми слов. Можно считать, что в основном они возникли на основе прозвищ, в которых фиксировались национальные идеалы, отклонения от них и даже недостатки. Подходя с этой точки зрения к коми фамилиям, мы можем, в свою очередь, подразделить их на несколько групп. Так выявляется большая группа фамилий, произошедших от шутливых и насмешливых прозвищ, подчеркивающих какие-то особенности внешнего вида, поведения или разговора и т.д. Для примера можно перечислить следующие: Ульныров, Симпелев, Кызьюров, Кузьбожев, Кузькоков, Кузиванов, Мичкин, Чукилев, Маегов и т.п.

Вторая большая группа прозвищ возникла из сравнений человека с представителями живой природы, с каким-либо животным, чаще диким (Кочев, Коинов, Кынев), реже домашним (Канев, Куканев, Секрыов), а также с птицей (Сизев, Зезегов, Урсюзев), с насекомыми (Гутов, Мошев, Черанев), рыбой (Гичев) и растениями (Кушманов, Кочанов). Однако по этой группе фамилий можно высказать предположение о том, что некоторые из них могли произойти и от родовых тотемов. Известно, что древние коми имели много разных божеств: племенных, родовых, семейных и личных покровителей (как говорил жрец Пам, у коми были «мнози боги»). Так что у Коиновых тотемным предком мог быть волк. Существуют фамилии, произведенные от явлений природы (Туробов, Бусов), числительных (Куимов), различных предметов домашнего обихода (Панев, Туисов, Тоинов).

Поскольку в таких фамилиях четко прослеживается этническое содержание, они очень помогают при изучении процесса расселения коми. Обнаруживая их в сибирских селениях, мы с уверенностью можем утверждать, что предки носителей данной фамилии были по происхождению коми. Далеко не всегда в документах указывается место выхода человека. И только характерная фамилия может подсказать исследователю, откуда тот родом. Например, в Томской области встречаются фамилии Порськоков и Гутов, в Алтайском крае Кузеванов и Турубанов. И хотя сейчас все их обладатели уже русские, «зырянское» происхождение фамилий сомнения не вызывает.

Практически в каждой этнографической группе коми есть свои, только для нее характерные сочетания фамилий.

Очерк III. КОМИ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ

Реформы управления и административно-территориального деления

Бурные события первой четверти XVIII столетия (Северная война России со Швецией, крестьянское восстание под руководством К.Булавина на Дону, бунты в городах) потребовали реформирования государственного управления. Прежняя система административно-территориального деления страны и регионов, местного управления была очень громоздкой. Власти всех многочисленных российских уездов подчинялись непосредственно московским учреждениям (приказам), причем расположенные по соседству уезды находились порой в ведении разных приказов. XVIII столетие стало веком реформ.

Сначала для того, чтобы сделать более четкой систему управления регионами, в 1708 г. Петр I ввел новые административно-территориальные единицы – губернии. Пустозерский и Сольвычегодский уезды вошли в Архангелогородскую, а Яренский и Хлыновский (в его составе находилось несколько коми селений в среднем течении р.Летка) – в Сибирскую губернию. Через некоторое время выяснилось, что губернии оказались слишком обширными. В составе каждой из них находилось очень много уездов, и руководить ими из губернского центра было трудно. В 1719 г. губернии были разделены на провинции. Пустозерский уезд вошел в Двинскую провинцию, Сольвычегодский и переданный в Архангелогородскую губернию Яренский уезд – в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский и Орловский (куда отошли из Хлыновского коми селения на Летке) уезды находились в составе Вятской провинции Сибирской (позднее – Казанской) губернии. Уездами руководил воевода, подчинявшийся губернатору.

В 1775 г. началась новая реформа местного управления. Екатерина II решила упразднить прежние губернии, провинции и уезды и создать новые округа, примерно одинаковые по количеству жителей. В 1780 г. было образовано Вологодское наместничество, состоявшее из трех областей. Территорию бывшего Пустозерского уезда и Пысскую волость на Мезени (входившую ранее в Яренский уезд) включили в Мезенский уезд Архангельской области. Волости Яренского уезда в низовьях Вычегды (в которых к этому времени уже не осталось коми) отошли к Сольвычегодскому уезду, а остальную территорию Яренского уезда в 1780 г. разделили на Яренский и Усть-Сысольский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Лузская Пермца (Луза и верхняя Летка) вошли сначала в Лальский уезд той же области, а после ликвидации этого уезда 31 декабря 1796 г. – в Усть-Сысольский уезд. Селения на Летке от Слудки до Прокопьевки находились в составе Орловского уезда Вятской губернии. В 1784 г. Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 г. Архангельское и Вологодское наместничества в губернии, Великоустюжскую область ликвидировали. В течение XVIII столетия были ликвидированы земли с их автономией от уездных властей. Уезды делились непосредственно на волости.

В результате всех этих реформ к концу XVIII в. сложилась трехступенчатая система административно-территориального деления: волость – уезд – губерния. Во главе уезда стоял капитан-исправник, подчинявшийся губернатору. На все высшие должности в местном аппарате управления назначались русские чиновники, судопроизводство велось исключительно на русском языке. Крестьяне избирали своих местных должностных лиц – сельских старост и сотских. Городское население управлялось «собранием городского общества», общей городской и «шестигласной» (горожане делились на шесть разрядов) думами. Эта система административно-территориального устройства не учитывала особенности национального состава населения регионов, но в условиях абсолютной монархии показала себя достаточно жизнеспособной и просуществовала, реформируясь, до двадцатых годов XX столетия.

Отдаленный Европейский Северо-Восток России использовался властями как место ссылки своих политических противников и уголовных преступников. В Пустозерске в

начале XVIII в. отбывали ссылку участники восстания в Соловецком монастыре и Астрахани и крестьянской войны под руководством К.Булавина (среди которых был и сын последнего Никифор) и прочие опальные аристократы, отставные унтер-офицеры и т.д. и т.п. В Яренске некоторое время находились шведы, попавшие в плен во время Северной войны.

Изменения в расселении коми

Восемнадцатый век принес относительную стабильность историко-демографическому развитию коми народа. Численность жителей края (в границах современной Республики Коми) возросла с 37-38 тысяч коми и 2,5 тысяч русских в 1725 г. до примерно 58-59 тыс. чел. (54-54,5 тыс. коми и 4-4,5 тыс. русских) в 1795 г.

Русские жили в Усть-Цильме и появившихся по соседству с ней в XVIII в. деревнях, в Усть-Выми, Лойме, поселках при Сереговском и появившихся в XVIII в. на Сыsole заводах, а также частично в Спаспорубе. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в уездный город Усть-Сысольск в 1780 г. там также появилось немало русских.

С ростом населения увеличивалась и заселенная территория. На рубеже XVII-XVIII вв. коми стали осваивать берега Локчима (приток Вычегды). К 1707 г. там появились три первых селения – починки Позтыкерос, Бояркерос и Мордино, основанные переселенцами с Сысолы. В середине XVIII в. к ним добавились Конша, Дань, Четдино, Лопыдино. В числе их первых жителей были выходцы с Сысолы и из верхневычегодских селений. На Локчине сложилась своеобразная группа верхневычегодских коми – локчимцы (локчимса). В I половине XVIII в. началось заселение р.Нившеры (приток Вишеры) переселенцами с Выми, верхней и нижней Вычегды и Сысолы. Первой там возникла д.Нившера. Немало населенных пунктов появилось на берегах самой верхней Вычегды. Вольдино, Помоздино, Кырныша были основаны в конце XVII – самом начале XVIII вв., Новик и Парч – в I половине XVIII в., Керес – во II половине XVIII в., и т.п. На рубеже XVII – XVIII вв. возобновилось освоение берегов р. Летки. К 1710 г. появились деревни Березовка, Королевка, Талица, Прокопьевка, Черемуховка. Между 1747 и 1784 гг. появилось первое коми селение на р.Кобра (приток Вятки) – д.Кобра (Гобор), основанная выходцами с верхней Сысолы. В конце XVIII столетия (к 1795 г.) появилось первое поселение в верховьях Лузы: на р. Вазюг (правый приток Лузы) был основана д. Вазега (Вазюг), первопоселенцем которой был А.И.Перминов – вероятно, выходец с Летки. Новые населенные пункты возникали и в других районах Коми края.

Главные изменения произошли в расселении коми на Ижме и Печоре, где в начале XVIII в. в пределах современной Республики Коми существовали всего три селения: Ижма, Усть-Цильма и погост Печора (Троицко-Печорск). В 1707-1719 гг. на верхней Печоре ниже Троицко-Печорска были основаны деревни Петрушино, Покча, Савинобор, Скаляп, первопоселенцы которых пришли сюда с верхней Вычегды. В 1719-1747 гг. еще ниже по Печоре появилась д. Возино, в 1747-1785 гг. – Подчерье, Усть-Щугор, Усть-Соплеск, Усть-Аранец и Даниловка. В этих населенных пунктах селились выходцы с Сысолы, верхней Вычегды и отдельные переселенцы из других районов Коми края и русские и коми-пермяки из Прикамья. В течение XVIII в. на верхней Печоре сложилась этнографическая группа верхнепечорских коми, оформился печорский диалект коми языка.

Ижемские коми, формирование этнографической группы которых завершилось в XVIII в., долгое время теснились в одной слободке и лишь в конце первой трети XVIII столетия стали переселяться в другие места. Сначала в 1729 г. небольшая группа ижемцев поселилась на р. Печоре между устьями Ижмы и Цильмы в д.Гарево. Через два года в том же районе на речке Нерице возникла д.Нерица, также основанная ижемскими коми. Но в последующее время этот район перестал привлекать ижемцев, зато там появилось много русских переселенцев из Усть-Цильмы. Ижемские коми предпочли осваивать берега Ижмы и Печоры выше устья Ижмы. В середине XVIII в., между 1747 и 1763 гг., близ Ижемской слободки было основано шесть селений: Сизябск, Мохча, Гам, Мошьюга, Злоба и Ласта.

Ижемец Г.С.Канев, покинув слободку, преодолел огромное расстояние и, добравшись до впадения Усы в Печору, основал там деревню Усть-Уса.

Низовья Ижмы были заселены коми в 1763-1782 гг., когда появились Диюр, Усть-Ижма, Большое и Малое Галово, Краснобор. Освоением низовьев ижемы не ограничились и стали продвигаться вверх по Печоре, основав деревни Щельябож и Брыкаланск. От Брыкаланска до самой Усть-Усы еще долгое время не существовало ни одного селения. А выше Усть-Усы, на значительном удалении от нее, появилась д.Усть-Кожва, основанная переселенцами из Ижемской слободки, Мохчи и Краснобора. Она стала своего рода «пограничным пунктом» ижемских коми на Печоре; выше нее находились поселения, где жили верхнепечорские коми. Вверх по Ижме коми стали переселяться в 1763-1782 гг., когда были основаны Картаель, Поромес и Кедвавом.

В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме появилось в XVIII в. немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы: Хабариха, Гарь, Бык, Загривочная. На рубеже XVIII-XIX вв. возникли деревни Кривомежная и Сергеево-Щелья, Трусово и Рочево, Мыла, Филиппово и др. Селились в этих местах и выходцы из более отдаленных районов. На Печору в поисках спасения от преследований бежали русские раскольники (старообрядцы) с Пинеги и Мезени. В начале XVIII в. в глухих местах на р.Пижме они основали Великопоженский скит. В числе его основателей был Парфен Максимович Клокотов из Мезенского уезда и другие мезенские и пинежские крестьяне: Анкудиновы, Антоновы, Ончуковы, Кирилловы. О существовании скита стало известно властям. В 1743 г. на Пижму был направлен военный отряд для обращения раскольников в «истинное православие». Более 70 обитателей скита, предупрежденных о приближении солдат, в знак протеста против преследований сожгли себя в часовне. После ухода карательного отряда уцелевшие старообрядцы восстановили скит, куда потянулись новые беглецы. В 1795 г. в Великопоженском скиту жили 15 человек.

В верховьях Печоры стали селиться русские крестьяне, приходившие в этот район из Чердынского уезда. С давних времен был известен торговый путь, который вел с Камы и ее притоков на Печору. В верховьях Печоры устраивались перевалочные базы, во II половине XVIII в. там появились пристани, а затем и небольшие постоянные поселения. В 1794 г. здесь уже существовала первая деревня Усть-Волосница.

Часть жителей Коми края уходила за его пределы. Особенно облюбовали коми Алтайский край, богатые, плодородные земли которого манили крестьян. Чтобы закрепиться на Алтае, коми переселенцы приписывались к Колывановским горным заводам известных промышленников Демидовых. В списках прибывших на заводы в течение XVIII в. крестьян и ремесленников разных специальностей отмечены сотни семей выходцев из Яренского, Усть-Сысольского и Сольвычегодского уездов (русских и коми). В списке 1749 г., например, значатся Лазарь Попвасев из Усть-Куломской волости, Лука Опарин из Княжпогостской волости, Федосей Кузнецов из Жешартской волости, Степан Вахнин из Ношульской волости, Мирон Леканов из Объячевской волости и другие.

Продолжали переселяться жители Коми края на Дальний Восток и в Сибирь: в Иркутский, Тобольский, Томский, Туруханский, Кяхтинский, Охотский, Удинский, Селенгинский, Тюменский уезды, на Камчатку и в другие районы. Все больше людей стремились получить разрешение («пашпорт») на временный уход «в Сибирские городы». Но сроки редко соблюдались. Например, С.Ф.Вахнин из Ношуля был отпущен в Сибирь на три года в 1735 г., записался в Иркутске в посадские люди и спокойно жил там в течение десятилетия. В середине 40-х гг. ему приказали вернуться домой, но, как сказано в документе, Вахнин «на прежнее жилище не явился и ныне где обретается, неизвестно».

Коми - строители Санкт-Петербурга

Не только по своей воле жители Коми края оставляли родные места и уходили за тридевять земель. По указам правительства их направляли на работы «к Архангельскому порту», в Азов, Таганрог и другие места. Например, в Таганрог в начале века были отправлены по одному человеку из Жешартской, Зеленецкой и Шошкинской (Сысольской) волостей, по трое – из Глотовской и Косланской волостей; в Архангельск – по четыре человека из Лоемского и Спасского приходов и Оквадской волости.

16 мая 1703 г. по решению Петра I на отвоеванной у Швеции территории близ устья Невы была заложена Петропавловская крепость, положившая начало городу Санкт-Петербургу. Вначале будущая столица Российской империи строилась силами солдат и окрестных крестьян. Но масштабы строительства вскоре потребовали гораздо большего количества работников.

Ежегодно для строительства Петербурга по всей стране набиралось 40 000 человек. Не остался в стороне и Коми край. Правда, из-за малочисленности населения для отбывания этой трудовой повинности было мобилизовано немного местных жителей. На берегу Финского залива оказались выходцы почти со всех концов Коми края – с Лузы и Удоры, Сысолы и Выми, нижней и верхней Вычегды. В числе первых оказались на месте строительства С.В.Попов из Княжпогоста, А.О.Кошангин из Раковиц, И.П.Пудов из Шошки (с Выми), М.С.Проволокин и Е.М.Ананьин из другой Шошки (с Сысолы), Л.О.Лучкин из Вотчи.

Первых наборов оказалось недостаточно. Непосильные условия труда быстро приводили к полнейшему истощению работников, которых не щадили. К трудностям работы в болотистой местности добавлялась еще и постоянная опасность нападения шведов – Северная война продолжалась. Между тем город рос, нужны были люди, люди, люди... В 1706 г. из Коми края в Петербург направили новую группу работников, среди которых были К.Я.Марков из Жешарта, И.Л.Горбунов из Серегово, С.А.Седрочев из Отлы, М.Ф.Коданев из Слободы (старинного села на месте современного Эжвинского района г. Сыктывкара), И.И.Луашев из Вьльгорта, К.К.Плосков и Ф.Я.Цывунин из Часово, Е.Н.Шаньгин из Деревянска, Е.А.Шестов из Вотчи, В.Е.Минин и Р.И.Елисеев из Кослана.

И в последующие годы в Архангелогородскую губернию, в состав которой входил Коми край, приходили грозные приказы: «Работников в Санкт-Петербургскую губернию к городскому делу высылать на указанные сроки сполна, препоруча круглою (круговой - Авт.) порукою, дабы дорогой не разбежались...» В Петербурге оказались Д.Е.Порначев из Кибры, Г.Т.Гилев из Межога, М.М.Турнев из Гама (с Вычегды), Л.Л.Байдуков из Арабача, С.Е.Лодыгин из Камсамаса, Е.Рогов из Кырса, И.Васильев из Турьи, Казимов из вымской Шошки, С.Л.Гилюшев из Отлы, С.Шутов, Н.Кудрин и Т.Прошев из Коквиц, Т.Евтихеев из Лоймы, Некрасов из Спаспоруба и два брата Смолевы из Ношуля...

Третьей части жителей Коми края, взятых на строительство, через три-четыре года уже не было в живых. Иные не выдержали и года... Поистине дорогой ценой заплатил народ за то, чтобы в устье Невы вырос красавец-город, ставший в 1712 г. более чем на два столетия столицей России.

Ухтинские «нефтяные ключи»

К XVIII в. относятся первые попытки организовать добычу нефти в Коми крае. В 1721 г. житель Мезенского уезда «рудознатец» Г.И.Черепанов сообщил в Берг-коллегию, ведавшую развитием российской промышленности, что он нашел на р. Ухте «нефтяные ключи», а также различные руды на реках Ижме, Суле, Цильме, Пижме и Ухте. 5 мая того же года Берг-коллегия распорядилась «нефтяной ключ в Пустозерском уезде по Ухти речке велеть освидетельствовать и учинить на него пробу. Архангелогороцкой губернии аптекарю или кому из них пристойно, хто б в оном знал искусство, и для то[го] велеть ему туда ехать немедленно и по пробе, ежели из него будет прямая нефть, то оную освидетельствовать и каким рядом оную производить, будет ли из оного прибыль, и ему, аптекарю, исследовав, то

писать свое мнение. Писать о том имянно и тою невтяную пробу прислать в Санкт-Петербурху в Берг-коллегию ради подлинного усмотрения, а доносителя Григорья Черепанова впустить в дом свой и велеть ему явитца у города Архангельского вице-губернатору, которому для указыванья того колодезя надлежит ехать с тем аптекарем или с кем из них пристойно, и дать отсель ему отпуск, а для ево нужды на прокормление и чтоб он, так же и прочие, впредь к сысканию руд лутче имели охоту, выдать ему из Берг-коллегии денег шесть рублей».

В 1724 г. образцы найденной Григорием Черепановым нефти были доставлены в Санкт-Петербург. По словам рудознатца, он на р. Ухте «зделал кадку и поставил в нефтяной ключ и счерпывал ту нефть сверху по воде по малому числу и начерпал-де то число нефти, которая с ним... в Берг-коллегию послана, в два дни». Г.И.Черепанов сообщил, что «оной нефтяной ключ идет из земли вскрось воду и пловет по воде непрестанно, а подобие смешаетца, а коликое число нефти в сутки начерпать можно, про то и он... сказать не знает», «а жилья никакова в близости нет», и предположил, что «в том месте, где тот нефтяной ключ, по мнению ево, ...воду в реке к одному берегу отвести возможно и зделати колодезь для сбора нефти. В сентябре 1724 г. Петр I распорядился «на Ухту речку... послать... Черепанова, и с ним афицера, дав им подводы и денег по рассмотрению сколько пристойно», для обустройства промысла. 5 октября того же года Берг-коллегия издала соответствующий указ, где говорилось: «...велеть им, приехав на то место, круг того нефтяного ключа в речке Ухте побити сваи и оболочь смоляным полотном и прочее учинить, как пристойнее, чтоб ту речную воду от того нефтяного ключа можно отвести и ту воду вылить и усмотреть, не будет ли той нефти из того ключа сильнее того, как в сказке оного Черепанова написано... Оной нефти начерпать бочку ведер около тритцети, а сколько в час или в сутки оной нефти один человек может начерпать, оное там велено записывать, и той нефти для пробы прислать в Москву... десять ведер; а достальную [нефть] оставить в ближних от оного ключа жилищах, где пристойно, до указу...». Но разработка открытого месторождения регулярно не велась.

Только в 1745 г. на Ухте появился первый небольшой нефтяной промысел. Его организовал Федор Савельевич Прядунов, рудоискатель, родившийся в 1698 г. в г.Каргополе (на территории современной Архангельской области). Он с 1725 г. занимался поисками месторождений полезных ископаемых на Севере. Прослышав про ухтинскую нефть, Ф.С.Прядунов добрался до этого отдаленного безлюдного района, «сыскал» нефтяной ключ невдалеке от современного города Ухты.

18 ноября 1745 г. Берг-коллегия одобрила начинания Ф.С.Прядунова и разрешила ему основать на р. Ухте первый в России нефтяной промысел. Указ гласил: «1745 году ноября 18 дня по определению Берг-коллегии, а по прошению бывшей архангелогородской берг-конторы, по прошению архангелогородца Федора Прядунова велено в Архангелогородской губернии в Пустозерском уезде в пустом месте при малой реке Ухте завести нефтяной завод и, распространяя, содержать ему тот завод довольным капиталом без остановок, и ту нефть продавать, а в Берг-коллегию что на том заводе делаться будет присылать верные рапорты в год по дважды – в генваре и июле м[еся]цах, и для придания лутчей ему охоты с сего числа дать ему, Прядунову, в платеже десятины сроку на два года, а по прошествии тех дву лет десятину с него взыскивать, и о том дан ему указ с прочетом».

Дело это было для России новое, и для него потребовались незаурядная сметка и предприимчивость. В первый год Ф.С.Прядунов при помощи младшего сына Степана и трех-четырёх наемных работников-ижемцев организовал на Ухте промысел: «Над самым нефтяным ключом, по середине биющим, построен был четверугольный сруб вышиною в тринадцать рядов, из коих шесть загружены были на дно, а прочие на поверхности воды находились. Внутри сруба поставлен был узкодонный чан, который истекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна; от быстроты текущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез». Из сруба счерпывали нефть ковшом. Это сооружение в документах именовалось «заводом». Настоящий завод для перегонки ухтинской нефти Ф.С.Прядунов намеревался построить близ Архангельска.

В 1746 г. на промысле добыли первую нефть. В 1747 г. работа была продолжена. Собрав за два сезона, на которые предпринимателю было дано освобождение от налогов, 40 пудов «горного масла», Ф.С.Прядунов в марте 1748 г. привез нефть в Москву. Как гласили документы, «означенного минерала до сего в России в изыскании не было, и оной в заведении состоит первой». В лаборатории Берг-коллегии Ф.С.Прядунов, используя аппаратуру, предназначенную для перегонки древесной смолы, «передвоил» (перегнал) нефть, получив керосиноподобный продукт, и решил применять нефть и нефтепродукты, дабы лечить «всякие болезни разного чина людей», но эта попытка оказалась неудачной.

В 1749 г. Степан Прядунов, руководивший нефтепромыслом во время отсутствия отца, привез в Москву еще шесть с небольшим пудов нефти. В том же году Ф.С.Прядунов сообщил в Берг-коллегию, что отправленные им в Гамбург для исследования образцы сырой и «двоеной» ухтинской нефти высоко оценили «доктор» Д.М.Миллер и «физикус» М.Д.Лосау. Берг-коллегия одобрила начинания Ф.С.Прядунова и повелела ему поставлять «двоеную» и обычную нефть в Главную московскую аптеку «для аптекарских потреб на расходы». Ухтинская нефть использовалась также для освещения и иллюминации, а также в военных целях. Правительство приняло специальный указ об использовании ухтинской нефти на заводах в Туле, Московской губернии и др.

Но Ф.С.Прядунову это не принесло ожидаемой прибыли. В дело вмешалась стихия – оставленный без хозяйской руки нефтепромысел оказался разрушен во время весеннего ледохода и половодья. Его, правда, восстановили под руководством вернувшегося на Ухту Степана Прядунова (отец по-прежнему находился в Москве, пытаясь наладить сбыт продукции и урегулировать проблемы с налогами), и в 1751 г. С.Ф.Прядунов собрал 22 пуда нефти, которые также доставил в Москву. Но организовать должным образом продажу нефти не удалось, построить нефтеперегонный завод в Архангельске из-за недостатка средств не сумели. «Самый радетельный из руководителей» Ф.С.Прядунов разорился. За неуплату налогов (35 руб. 23 коп.) его в 1752 г. посадили в долговую тюрьму, где он «волей Божию в марте месяце 1753 году умер». После его смерти нефтепромысел стал предметом долгой судебной тяжбы. В 1756 г. вдова Ф.С.Прядунова продала «завод» за бесценок вологодскому купцу А.И.Нагавикову. В 1757 г. он собрал на Ухте более 36 пудов нефти, в 1758 г. – 53 с половиной пуда нефти, но и у него дело не заладилось, так что в 1760 г. новым владельцем нефтепромысла стал коми крестьянин Иван Мингалев.

В 1765 г. хозяином завода сделался яренский купец М.С.Баженов. Под его руководством нефть на Ухте добывалась в 1766 (более 26 с половиной пудов) и 1767 (41 пуд) гг. М.С.Баженов попытался найти и другие нефтяные ключи, причем безуспешно. Во всяком случае, в 1767 г. посланные на Ухтинский нефтяной завод уездными властями люди «видели другой его же, Баженова, промысел нефтяной же на другой речке, именуемой Чнеги, отстоящей от онога Ухтинского сухим путем... в четырех верстах». М.С.Баженов намеревался перегонять нефть не в Москве, а поближе к промыслу – на нижней Выми, где располагалась его «поварня для пропуска нефти». Возможности «поварни» Баженова не удовлетворяли, и он просил у властей разрешения «для перепуску нефти фабрику строить». Исследователи В.В.Политов и А.К.Трошин пишут, что «фабрика» сгорела и, видимо, не была восстановлена. Добывавшаяся нефть отправлялась в Москву и Санкт-Петербург и использовалась главным образом для освещения и иллюминации. Спрос на нефть был невелик, а перевозка его с Ухты в центр России – дорогостояща. Вследствие невыгодности добычи нефти промысел в конце 1760-х гг. прекратил работу. Найденные «ключи» оказались до поры до времени ненужными – нефтяные кладовые Ухты по-прежнему оставались за семью замками.

Железодельательные заводы на Сыsole

Металлургическая промышленность развивалась в Коми крае более успешно. В самом начале XVIII столетия была предпринята очередная попытка возобновить добычу медной

руды в Печорском крае. В 1702 г. во вновь учрежденный приказ рудокопных дел был прислан Лука Агафонов с образцами медной руды с р. Цильмы. Руда оказалась «самая добрая и прибыльная». В марте 1702 г. на р. Цильму для организации медеплавильного производства направили экспедицию под руководством дворянина Федора Огарева, в состав которой входили подьячий, два «рудносыскных мастера», Лука Агафонов и солдаты. Началась выплавка меди, продолжавшаяся три года. В марте 1705 г. было издано правительственное распоряжение на Цильме «рудное дело отставить и работных людей свести», поскольку из-за сложных условий работы и того, что руда залежала небольшими гнездами, производство оказалось нерентабельным. За три года здесь выплавили и доставили в приказ рудокопных дел 3 пуда 30 фунтов «плавленной» меди, 2 пуда «медных изгарин» и 12 пудов медной руды.

По данным исследователя П.Д.Калинина, жители московской Большой Садовой слободы Кожевников и Марков занимались поиском медной руды на Северо-Востоке, в 1728 г. представили правительству богатые по содержанию медные и свинцовые руды с Цильмы, Сулы, Камы, Ижмы, ходатайствовали о разрешении на разработку руд и постройку завода. Ходатайство было удовлетворено, но в связи со смертью Кожевникова дело приостановилось.

В 1730 г. крестьяне Кузьма Модянов и Петр Москательников построили в Жешартской волости первый в Коми крае небольшой кустарный железодельный заводик, состоявший из восьми ручных плавильных горнов. Работал он на основе болотной железной руды, не требовавшей больших усилий по добыче. Деятельность завода, по-видимому, приносила доход, и у крестьян появились последователи. В 1733 г. владелец Сереговского завода И.И.Исаев обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить поиски руды в Яренском уезде; руда вскоре была найдена на Выми в 90 верстах выше Серегово, на притоке Выми р. Кылтовке, на Ижме и на притоках Вашки Иркусе и Ертومه. Свой завод, однако, И.И.Исаев строить не стал. В 1736 г. К.Модянов и П.Москательников начали постройку второго молотового завода на берегу озера Светик в Пустынской волости. Предстояло прорыть канал в Вычегду, устроить плотину и другие сооружения, для чего собственных средств у компаньонов не хватило. К строительству был привлечен владелец Сереговского завода И.И.Исаев. В 1743 г. К.Модянов уступил свою долю в молотовом заводе в Пустынской волости вдове И.И.Исаева А.С.Исаевой. Со временем в ее руки полностью перешли оба молотовых завода. На Жешартском заводе выплавлялось в год до 1736 пудов чугуна, «а чистого полосового железа и чугуна выходит и меньше» – докладывал приказчик в 1745 г. Основная продукция – узкие и длинные полосы железа, из которых делались црены (большие сковороды для вываривания соли) для Сереговского сользавода. Некоторое количество железа шло на местный рынок – покупалось крестьянами окрестных деревень.

В 1746 г. А.С.Исаева продала железодельные заводы в Жешартской и Пустынской волостях вологодским купцам Рыбниковым. Те, будучи, вероятно, мало заинтересованным в железодельном производстве, поспешили избавиться от них, и уже в 1748 г. Л.А.Рыбников продал их за 250 рублей устюжским посадским людям И.А.Смольникову и Г.Ф.Оконишникову. На Светицком молотовом заводе тогда имелись молотовый амбар с двумя железными молотами, «которые приводились в движение водой, пущенной по каналу из озера в Вычегду», плотина, водяная мельница, мастерские и амбары для припасов. Работали на заводах вольнонаемные, рудокопами и заготовщиками угля являлись местные крестьяне. Смольников в 1750 г. уступил свою часть (включавшую рудные места и ручные горны в Жешартской волости) устюжским купцам Обуховым.

Во II половине XVIII в. на Сысоле появились уже довольно крупные для того времени заводы. Инициаторами их создания стали устюжане. В 1750 г. устюжские купцы, владельцы винокурных заводов в Устюжском уезде А.В.Панов и А.А.Плотников нашли в Чукаибской, Пыелдинской, Гривенской, Вотчинской, Межадорской, Визингской волостях по Сысоле, Большой и Малой Визингам месторождения железной руды. В августе 1754 г. они обратились в Берг-коллегию с просьбой о разрешении на строительство завода. Почти

одновременно с ними интерес к железным рудам Сысолы проявили устюжские купцы И.Я.Курочкин и А.Ф.Юринский. (Предки Ивана Яковлевича Курочкина заработали «великий капитал», отправляя через Архангельск в Англию ремень. Александр Федорович Юринский – бывший дворцовый крестьянин д. Останино Важской волости, записавшийся с братом Федором в великоустюжское купечество. Капиталы свои они нажили на торгово-скупщических операциях с хлебом. Их брат Иван в 1762 г. стал петербургским купцом 1-й гильдии). В 1750 г. И.Я.Курочкин и А.Ф.Юринский стали владельцами Кирсинского завода в Слободском уезде. Этот завод стал первым из четырех принадлежавших им заводов Вологодской и Вятской провинций, составивших группу Кажимских заводов. В 1755 г. И.Я.Курочкин и А.Ф.Юринский попросили Берг-коллегию разрешить построить «в дачах зырянского народа» на р. Кажим «вододействуемый железоделаемый завод» с одной домной, четырьмя действующими и двумя запасными молотами.

И.Я.Курочкин и А.Ф.Юринский получили разрешение и начали строительство Кажимского завода уже в 1755 г. В 1757 г. они сообщили, что плотина и молотовая фабрика с 6 горнами и 4 действующими молотами построена, начато строительство домны, но выбранное для нее место затопляется весенними паводками, и просили перенести ее строительство на р. Нючпас. 9 октября 1757 г. Берг-коллегия разрешила «от строения домны на речке Кажиме уволить, а вместо оной построить домну на речке Нючпас именовать оной завод Нючпасским». В октябре 1757 г. Кажимский железоделательный завод начал работать, используя чугун, привозившийся с Кирсинского завода. К Нючпасскому заводу было отведено 12 рудников, располагавшихся на расстоянии от полуверсты до 41 версты от завода, и 5 приисков, самый дальний из которых отстоял от завода на 65 верст. Рудники отводились в заводских посессионных дачах и на землях государственных крестьян, причем заводчики должны были опросить крестьян, не нанесет ли строительство рудника ущерб их угодьям, и только при их письменном согласии получали участок под рудник. В 1759 г. Нючпасский завод начал работать. Основную часть чугуна отправляли на Кажимский завод для перековки в железо. В 1759 г. здесь выковали 8000 пудов железа. На самом Нючпасском заводе из-за маловодности речки Нючпасковка железа производилась только весной и осенью в «мокрые погоды» (не более двух недель в году на двух горнах). Помимо основной продукции – чугуна и железа – на заводах иногда выполнялись и другие заказы. В конце 1761 г. на Кажимском заводе по правительственному заданию изготовили «на покрытие Каменноостского питейного двора в Петербурге 350 пудов черного кровельного железа, фляжного белого луженого железа на 1315 армейских фляг, на покрытие Зимнего дворца аршинного с обеих сторон луженого 263 листа, черного крышечного для Канцелярии от строений 2333 листа, а также 170 пудов пруткового и 100 пудов колотушечного железа». Кажимский и Нючпасский заводы на Сыsole, а также Кирсинский и Песковский в Вятской губернии, принадлежавшие тем же хозяевам, составили группу Кажимских заводов.

У А.В.Панова и А.А.Плотникова дело не столь спорилось. 15 марта 1756 г. Берг-коллегия дала им разрешение, обязав построить завод в течение трех лет, в противном случае «взят с них будет штраф неотменно». На период строительства Нювчимского завода, по данным В.В.Политова, для изготовления необходимых инструментов и припасов разрешалось временно в Чукайбской волости построить четыре ручных горна для выплавки криц и для перековки их в железо и один вододействуемый молот на речке Вепре. К Нювчимскому заводу было отведено 26 рудников, самый дальний из них – в Палаузской волости в 110 верстах от завода. Строительство Нювчимского завода началось в 1757 г. Молотовую фабрику построили летом 1758 г. и решили приступить к постройке домны, но не полноценной, а «третьей», причем для ее запуска запросили еще дополнительно два года. В том же году возвели плотину. В 1759 г. на строительстве Нювчимского завода было налажено производство кирпича. В 1760 г. было закончено возведение домны, в 1761 г. – строительство кричного цеха, и Нювчимский чугунолитейный и железоделательный завод начал работать. Он имел одну домну, четыре действующих и два запасных молота. В 1762 г. на заводе выплавляли 16147 пудов чугуна и выковали 7193 пуда железа.

В 1762 г. к Нювчимскому заводу было отведено еще 12 рудников в Ибской, Визингской и Усть-Сысольской волостях. По данным В.В.Политова, в 1767 г. Панов и Плотников добились запрещения сысольским крестьянам рубить лес для построек и разрабатывать новины в радиусе 50 верст от Нювчимского завода и 20 верст от каждого рудника. В апреле 1768 г. яренская воеводская канцелярия разослала крестьянам указ о запрещении сооружения езов по Сыsole и Визинге. Это вызвало недовольство крестьян, которые стали враждебно относиться к открытию рудников. Вскоре один из рудоискателей Нювчимского завода при поиске руды в лесу закололся насмерть от поставленной потайной рогаины. В 1768 г. приказчик Ф.Светлоков жаловался в Нювчимскую заводскую контору, что при поиске руды крестьяне «ево гоняют и устраивают битьем и выговаривают, что де копать в тех местах, где вам отвод учинен». Большинство руд были бедны содержанием железа; несколько богаче других были руды на Визинге (до 45%).

На заводах господствовал ручной труд. Техническое оснащение было примитивным. Двигателем служила сила падающей воды, приводившей в движение водяные колеса. Водохранилищем служил специальный пруд при заводе. При заводах возникли поселки, где жили рабочие. Все заводские работы надлежало осуществлять «вольнонаемными людьми за добровольную плату»; владельцам Нювчимского завода, правда, было дано разрешение «на первый случай для обучения и мастерства купить... мужеска полу 40 душ», но этим дозволением не воспользовались. Как сообщали сами заводовладельцы, «все заводские внутренние и куренные работы и добыча руд производится вольнонаемными государственными... крестьянами, которые получаемыми от нас за работы деньгами оплачивают государственные подати и направляют свое домоводство». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились по ревизии на прежнем месте жительства, где и обязаны были платить подушный оклад. Еще в 1759 г. владельцы Нювчимского завода обращались в Берг-коллегию с просьбой разрешить приписывать к заводу за платеж подушных денег незаконнорожденных детей мужского пола, но получили отказ.

Кроме постоянных рабочих, на заводах было много временных работников из коми крестьян с Сысолы, Локчима, Вишеры и других районов Коми края. Они добывали руду на «рудных местах», возили ее на завод, рубили лес, выжигали уголь, использовались на подсобных работах в цехах. Заводовладельцы практиковали выплату крестьянам денег авансом (в долг), давали отсрочку в платеже старой задолженности, принимали на себя уплату подушной подати за крестьян на несколько лет вперед за отдельных крестьян и даже за целые волости. И.Я.Курочкин сообщал, что в 1758 г. «во время подушного сбора на платеж... верхосысольских волостей крестьянам, кои около оных заводов жительство находятся вблизи, для заводской работы дано было наперед денег немалое число, ...по тем записям и сверх тех записей по добровольности и заручным в заводской конторе письменным обязательствам и по конторным записным книгам, показанные верхнесысольских, также и верхневычегодских волостей должники крестьяне [допускались] на означенные заводы к зарабатыванию, не требуя с них никаких процентов». В 1758 г. крестьяне Гривенской волости заняли у И.Я.Курочкина 300 рублей для платы доимок и обязались, что в течение четырех лет 30 человек ежегодно будут по два месяца отрабатывать на строившихся Кажимском и Нючпасском заводах. Ужгинцы за 900 руб. должны были работать по 50 чел. в течение 91 дня ежегодно на протяжении пяти лет, койгородцы за 400 руб. – по 43 чел. в течение трех месяцев ежегодно в продолжение трех лет.

Пыелдинцы в 1758 г. заняли 550 руб. у владельцев Нювчимского завода, за что должны были добыть 56000 пудов болотной железной руды на заводских рудниках, доставить ее на завод, выжечь 10 угольных куч. В счет погашения долга семь крестьян Пыелдинской волости поставили на Нювчимский завод 14415 пудов руды, в 1759–1765 гг. выжгли 172 кучи древесного угля, в 1764–1765 гг. – еще 29 с половиной куч. Зимой 1760 г. на заводе работали два пыелдинца, летом того же года – 27 крестьян, отработавших в общей сложности за год

329 дней. Зачастую нанявшиеся на заводы крестьяне, беря деньги в долг в счет будущей зарплаты, пользуясь отсрочками по выплате долга, оказывались со временем в зависимости от заводчиков и годами не могли отказаться от работы. Крестьянин Яков Моденов вынужден был работать на Нювчимском заводе в течение 40 лет. В 1766 г. крестьяне различных волостей Яренского уезда были должны Кажимской и Нючпасской конторам 1085 руб. 1¹/₄ коп., в 1780 г. 255 крестьян задолжали Нювчимской конторе 1256 руб.

Тяжелые условия не вызвали у крестьян трудового энтузиазма. Иные, взяв деньги вперед, уклонялись от работы. Заводовладельцы во II половине XVIII в. неоднократно жаловались, что «зырянский народ, хотя и за плату, но... работать не желает... Хотя ж когда и придут, и то малое число, и сколько может на себя хлеба занести, то в то время и работает, а... издержав хлеб, без позволения уходят». В 1761 г. Кажимский завод перестал работать из-за недостатка работников. Нарочные, посланные с завода в Гривенскую волость с повестками, обязывающими крестьян явиться на завод, были избиты на мирском сходе. Крестьяне Нечаевы, «вынеся злодейски заряженное ружье и имея при этом в руках обнаженные ножи и великие дубины, а в пазухах камень, чинили великие угроженья», – сообщали воеводе заводовладельцы. В 1766 г. имел место массовый уход с Кажимского и Нючпасского заводов занятых на подсобных работах крестьян. В 1767 г. подьячий Чеусов был отправлен из Усть-Сысольского погоста в Пыелдинскую волость, чтобы отправить на работу на Нювчимский завод крестьян, взявших задаток у заводовладельцев. Но крестьяне «к зарабатыванию тех денег на завод не пошли».

Заводчики брали на работу и беглых крестьян из коми края и других районов, укрывавшихся от рекрутчины или совершивших какие-либо уголовные преступления. Яренская ратуша в 1770 г. сообщала: «при рекрутских наборах, а особливо при нынешнем последнем, многие яренские посадские люди, годные и очередные к отдаче в рекруты, чинили укрывательства, из коих Иван Новоселов и Федор Афанасьев допросами показали, что они во все время оногo рекрутского набора укрывательство имели в Яренском уезде на железодействующем... Нювчимском заводе... на котором укрывался и Федор Тарханов, ко, а также и Иван Горинов и поныне находитца в держании на том же заводе».

Видимо, производство металла на Нювчимском заводе оказалось не очень выгодным, потому его владельцы довольно часто менялись. А.В.Панов в 1760-х гг. уступил свою долю компаньону, а в 1769 г. Иван Андреевич Плотников, сын и наследник второго основателя Нювчимского завода, продал предприятие верхотурскому купцу Максиму Походяшину (ему принадлежали и другие предприятия – в частности, Богословский, Петропавловский, Туринский заводы в Вятском крае и на Урале). Тот попытался активизировать работу завода и, получив разрешение Сольвычегодской воеводской канцелярии в 1770 г., организовал поиски месторождений руды в Прилузье. Его приказчик Николай Попов обнаружил несколько месторождений.

Производительность завода возросла. В 1772 г. здесь выплавляли 25508 пудов 38 фунтов чугуна, выковали 19429 пудов 3 фунта железа. В том же году к заводу были приписаны вновь расчищенные земли, принадлежавшие крестьянам Пажгинской и Гарьинской волостей. По данным Н.Ф.Демидовой, Максим Походяшин купил у помещиков центральной России 126 человек. Побывавший на Нювчимском заводе в 1771 г. И.И.Лепехин отметил, что «собственных людей у Походяшина на заводе сем нет, кроме нужных заводских мастеровых, а подсобная заводская работа отправляется зырянскими руками». Но уже к 1773 г., по данным В.В.Политова, кроме мастеровых из русских крестьян на Нювчимском заводе появились и коми, правда, немногочисленные: мастер кричной тяги Т.Макаров из Небдинской волости, молотовый мастер Е.Шахов, молотовый подмастерье Н.Мальцев из Вильгортской волости, подмастерья кричной тяги М.Попов и Г.Кузнецов, жившие вместе с семьями в поселке при заводе.

29 мая 1774 г. на Нювчимском заводе вспыхнули волнения, вызванные самоуправством Ф.Шестакова и Н.Попова, поверенных заводовладельца, и «чинимых обидах работным людям». Рабочие Ф.Угрюмов, Г.Зимин, А.Амосов, Г.Кузнецов и другие, «собрав шайку,

подобную Пугачеву», избили встреченных на улице представителей заводской администрации. После того как те вырвались и заперлись в конторе, рабочие, вооружившись крючьями, топорами и палками, «с великим азартом» били там окна. 30 мая Ф.Шестаков и Н.Попов призвали на помощь уездные власти, «дабы не могло последовать в заводском производстве помешательства и убытка». Яренский воевода отправил на завод военную команду во главе с офицером, который и пресек волнения, арестовав зачинщиков. В конце концов М.Походяшин решил избавиться от завода, и вскоре его новым владельцем стал генерал-майор Ваксель, повысивший в 1776 г. плату крестьянам, работавшим на рубке дров, на 5 коп. за каждую сажень. Но в 1777 г. завод на время остановился, поскольку из волостей «присланы были в работы большая половина самых престарелых, а остальные малолетние, отчего и работы не происходило. А доимочных волостей крестьян в заводских работах тогда не было, потому что они из оного заводу бежали».

На Кажимских заводах, в отличие от Нювчимского, владельцы не менялись, но проблемы там были примерно те же. В 1770 г. на Кажимском заводе выковали 30912 пудов железа. В 1773 г. Кажимский завод был разгромлен разбойничьим отрядом при участии крестьян близлежащих волостей, через некоторое время возобновил свою деятельность, но производительность его упала. В 1777 г. была предпринята попытка организовать еще один, четвертый металлургический завод в Коми крае. Устюжский купец Афанасий Попов начал строительство железодельного завода на р. Малой Нюле в Спаспурубской волости (урочище «Завод» близ совр. с. Занулье), но постройка этого предприятия затянулась.

Поскольку железная руда залежала небольшими быстро иссякавшими гнездами, то для продолжения работы заводов требовались новые рудники, и одной из главных забот владельцев был поиск новых месторождений и получение прав на их разработку. В 1777 г. к Нювчимскому заводу приписаны вновь найденные рудные места. К Нючпасскому заводу в 1782 г. были отведены еще 11 рудников, которые удалось найти И.Я.Курочкину – наиболее инициативному из владельцев Кажимских заводов. В 1788 г. он стал единолично владеть Кажимским и Нючпасским заводами. Производительность заводов после этого повысилась: в 1789 г. на Кажимском заводе (где в 1784 г. имелось 14 кричных горнов, семь действовавших и три запасных молота, пять кузнечных горнов) выковали 49814 пудов железа, в 1796 г. – 56084 пуда. На Нючпасском заводе в 1784 г. была одна доменная печь, два кричных горна, один кричный молот, два кузнечных горна; по данным «Экономических примечаний», на нем выплавляли около 7000 пудов чугуна и выковывалось около 2000 пудов железа в год. Согласно тому же документу, Кажимскому заводу принадлежали леса и земли на 15 верст в окружности, Нючпасскому – на 12 верст, к Нювчимскому заводу относилась территория площадью 22307 десятин 1640 квадратных саженей.

Нювчимский завод к 1784 г. еще раз сменил хозяина и перешел к петербургским купцам первой гильдии Архипу и Гавриилу Михайловичам Грибановым. По данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» 1784 г., на Нювчимском заводе в 1784 г. имелись одна домна, девять кричных горнов, шесть кричных молотов, пять кузнечных горнов. Новые владельцы стремились расширить рудную базу. В конце 80-х – 90-е гг. руду для Нювчимского завода искали на Локчине, Леме и Лопью. Не обходилось без трудностей. По данным В.В.Политова, лальский купец Н.Попов и надворный советник А.Межаков пытались в 1788 г. добиться запрещения Грибановым вывозить руду из Спаспурубской волости, дабы использовать месторождения для своего предприятия, начатого на притоке Лузы р. Каланыре, но безуспешно. В 1789 г. к Нювчимскому заводу были отведены 43 рудных места. В 1790 г. Грибановы, заинтересованные в месторождениях руды приобрели у наследника А.Попова недостроенный завод близ Занулья с плотиной, постройками и рудниками. В том же году к Нювчимскому заводу были отведены еще 11 новых рудных мест в Корткеросской волости. Всего, по данным В.В.Политова, в 1788-1800 гг. Грибановы нашли 41 новый рудник на крестьянских и казенных землях. Сенат велел губернатору устроить при новых рудниках, расположенных в казенных землях, казенный железодельный завод или продать их частным предпринимателям, но желающих не

нашлось, и рудникам разрешено было в конце концов пользоваться владельцам Ньючимского завода.

После 1776 г. на заводах, помимо чугуна и железа, остававшихся основной продукцией, начали изготавливать орудийные снаряды, якоря, чугунный балласт для кораблей, листовое и «штыковое» железо. В 80-х гг. XVIII в. произошел некоторый упадок производства, но с 1788 г. дело снова пошло на лад. Как пишет В.В.Политов, в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг. на частные заводы Вологодской губернии (их было всего четыре: три – на Сысоле и один в Вельском уезде, который бездействовал из-за выработки рудников) было возложено выполнение правительственных заказов по изготовлению пушечных ядер и корабельного балласта для Архангельского порта. В 1788 г. по указанию Сената на Ньючимском заводе было отлито 11117 ядер, 3040 кнпелей, 60630 дроби; на Ньючимском заводе ядер 15173, кнпелей 4150, дроби 82770. В 1790 г. на Ньючимском заводе было изготовлено и отправлено в Архангельск ядер 9139, кнпелей 2300, дроби 45465, бомб полукартаульных 747, брандскугелей 624, гранат 3428; на Ньючимском заводе – ядер 10000, дроби 45465. В 1788 г. владельцы Ньючимского завода Грибановы заключили контракт с английской фирмой «Артур Нейли и К^о» о поставке в Архангельский порт 100 тыс. пудов железа в течение трех лет. Из-за одновременно исполнявшихся на заводе военных заказов выполнение контракта затянулось на 5 лет; продажная цена железа к тому времени повысилась, Грибановы понесли серьезные убытки, лишившись «наличного капитала».

Этим неприятности Грибановых не ограничились. В 1790 г. на Ньючимском заводе прорвало плотину. Ее починили, но в 1794 г. плотину вновь прорвало. В том же 1794 г. был издан указ, повысивший налоговые сборы с выплавленного на сысольских и других заводах металла, что сделало производство менее выгодным. Тем не менее в 1795 г. выплавка чугуна на заводе достигла 52000 пудов, выковка железа – 34827 пудов. Но в 1799 г. «по причине семейных неприятностей» владельцы Ньючимского завода лишились кредита, предприятие оказалось под угрозой остановки.

Со временем потребности в рабочей силе увеличивались. Не хватало квалифицированных мастеров и обученных работных людей. В 1797 г. владельцы Ньючимского завода купили два крестьянина для поставки их в рекруты вместо заводских рабочих. В 1799 г. на Ньючимском заводе имелось 126 работных и мастеровых людей, на Кажимском – 35 мастеровых и 115 работных, на Ньючимском – трое мастеровых.

В 1797 г. император Павел I разрешил покупать крестьян к заводам, чем вскоре решили воспользоваться владельцы Сысольских заводов. В 1800 г. Грибановы обратились в Берг-коллегию за разрешением купить крепостных крестьян (121 душу мужского и 115 душ женского пола) у обер-провиантмейстера Н.М.Походяшина и надворного советника Г.М.Походяшина в Ветлужском уезде Костромской губернии и Кадниковском уезде Вологодской губернии. В своем прошении они писали, что не имеют «для исправления заводских работ крестьян приписных казенных и собственных нисколько, а все работы, как-то: возка руд, рубка дров, выжег угля и перевозка оного из куреней на завод с начала его существования и ныне производится вольнонаемными людьми по дороговизне». В 1799 г. на Ньючимском заводе на подсобных работах весной, осенью и зимой были заняты от 250 до 1000 мужчин и от 300 до 1500 женщин, на Ньючимском – около 200 мужчин и 50 женщин, на Кажимском – около 500 мужчин и 50 женщин.

Сереговский сользавод. Первые шаги лесной промышленности

Начало XVIII в. принесло владельцам Сереговского сользавода неприятности. В 1705 г. в России установили государственную монополию на соляную торговлю. Все солепромышленники должны были поставлять соль в казну по заранее определенным ценам. Это было невыгодно, и Соловецкий монастырь отказался от попыток создать свой промысел в Серегово, а промысел Филатьева пришел в упадок, «люди разошлись рознь». Сократилась и производительность завода Панкратьевых. Для обеспечения бесперебойной работы

Сереговского завода не хватало денег. Приказчик И.А.Шергин, непосредственно руководивший работой завода (владельцы жили в Москве), 13 февраля 1701 г. писал И.Д.Панкратьеву: «За бездровицею, государь, соляное варение все стояли и начали... варить во 6-ти варницах февраля с 1-х чисел». Но несмотря на трудности, завод продолжал работать: «Сереговский ваш соляной промысел за божией помощью сохранен. И соль... варят во 6 варницах по прежнему. А на цыренах варят на всех перемену, чтоб цырены и места не ругались от стоянки» – сообщал И.А.Шергин 21 мая 1701 г. Весной 1701 г. с сользавода в Вологду по Выми, Вычегде, Малой Северной Двине и Сухоне были отправлены 7 дощаников, на которых было погружено «соли белой... 114169 пуд 1 четверик», «соли шарейной... 6101 пуд 3 четверика». Продавали соль и в самом Коми крае. В том же письме Шергин писал, что соль «на Сысоле на Воче (Вотче – Авт.) вся изошла» (продана), а «на Палаузи (Палауз – Авт.) еще стоит, мало продажи было».

Со временем Сереговский завод перешел от С.И.Панкратьева в руки его зятя действительного статского советника Ильи Ивановича Исаева, одного из крупнейших представителей торгового мира петровского времени. И.И.Исаев в 1720 г. стал первым президентом Петербургского магистрата, в 1723 г. – Главного магистрата. В 1731 г. Исаев был вице-президентом Коммерц-коллегии, в 1741 г. стал действительным статским советником и потомственным дворянином. Дочери Исаевых Ирина и Евдокия вышли замуж за адмирала Ивана Лукьяновича Талызина и Владимира Ивановича Лопухина. Сын В.И.Лопухина и Е.И.Исаевой Иван Владимирович Лопухин стал сенатором и писателем; его другом был Н.И.Новиков.

В 1746 г. овдовевшая А.С.Исаева (Панкратьева), разочаровавшись в промысле, продала завод вологодским купцам Рыбниковым (Алексею Максиму Рыбникову с детьми Иваном и Петром и Алексею Афанасьеву Рыбникову с братом Львом) за 12200 рублей. В то время завод «был весьма в несостоянии». Рыбниковы несколько расширили завод, производительность его во II половине XVIII в. увеличилась, хотя и не достигла уровня конца XVII в. В 1750-1754 гг. Рыбниковы поставляли соль на Белоозеро – в Кирило-Белозерский и Череповецкий Воскресенский монастыри, в 1770 г. заключили контракт на ее поставку в Пустозерск. Они привозили соль также в Туглим, Яренск, Устюг, Шуйский городок на Сухоне.

Время от времени на Сереговском заводе случались острые конфликты. В 1780-х гг. на Сереговском сользаводе работали более 500 человек. Заводовладелец писал приказчикам относительно крепостных: «Людей моих крепко содержать и строго почаше ковать и постегивать». Указание выполнялось. В 1788 г. на заводе произошли «бунт и разбивательство», поводом для которых стала стычка между приказчиком Армениновым и заводским крепостным Степаном Немчиновым, не пошедшим на работу. 21 апреля приказчик избил С.Немчинова и посадил его в заводскую тюрьму. Там, говорил позднее арестованный, его «стегали плетью дотоль, уже и кричать перестал, потом еще и молчащего стегали». На следующий день за невыход на работу в тюрьму попали Тихон Шидьусов семидесяти лет с двумя сыновьями. 24 апреля толпа рабочих, руководимая заводским крепостным Ефимом Немчиновым, освободила арестованных. Приказчикам Е.Немчинов заявил: «Не прежняя ваша пора, суньтесь к нам, тогда вас разорвем на мелкие части». 25 апреля на сходке в доме С.Немчинова крепостные составили жалобы, под которыми подписались 58 человек направленные земскому суду в Яренск и заводовладельцу в Вологду. Получив известие о происшествии, последний обратился за помощью к наместническому правлению, информировав, что «крепостные ево люди пришли в непослушани и должностей не исправляют». Уездный исправник коллективную жалобу работников не принял. «Для сыску возмутившихся» на завод послали военную команду и следственную комиссию. В списке возможных смутьянов, достойных привлечения к суду, значилось 78 работников. В суде они держались твердо, отстаивая свои права и впредь намеревались бороться с притеснителями из заводской администрации: «Если же от заводских приказчиков последует какое-либо притеснение или телесное наказание или в случае наложения излишних работ и

удержания платы и необычного вычета из заработных денег – будем просить земский суд» о защите. Делом заинтересовался сам губернатор, указавший: «Заводских людей привести в надлежащее послушание и без промедления поступить с ними на основании законов». 23 ноября 1788 г. суд приговорил к телесным наказаниям 62 человека. Завод продолжил работу.

Главным среди заводовладельцев был Алексей Рыбников; после его смерти завод перешел к Максиму и Федору Рыбниковым, выкупившим у других наследников их доли. Развитию производства мешали споры между М.Рыбниковым и дочерью и наследницей Ф.Рыбникова Натальей Филатовой; последняя не выделяла средств на финансирование солеварения, и М.Рыбников намеревался прибрать весь завод в свои руки. В 1795 г. завод был переведен под опеку вологодского купца Степана Митрополова (М.Рыбников умер, а его наследник Иван был еще мал). С 1790 г. по 1796 г. объемы вывариваемой соли на заводе каждый год снижались (со 194812 пудов до 142378 пудов).

По данным В.В.Политова, Сереговский завод поставлял в среднем 140000 пудов соли из 300000, ежегодно требовавшихся Вологодской губернии. Тотемский и Леденгский заводы вместе давали 45000 пудов, остальное ввозилось из Пермской губернии. Сереговская соль обходилась дешевле пермской. Казна получала чистую прибыль свыше 40 тыс. руб. в год. Неудивительно, что власти считали, что из всех соляных промыслов Вологодской губернии «самый лучший и надежный есть Сереговский».

В самом конце столетия разразился скандал. Иван Рыбников в 1799 г. обвинил опекуна в различных нарушениях и обмане. В разбирательстве по личному приказу императора приняли участие министры финансов и внутренних дел, а руководил им видный поэт и политический деятель Г.Р.Державин. Решено было передать завод в опеку купцу первой гильдии Петру Митрополову – тестю И.Рыбникова.

В XVIII столетии были сделаны первые шаги в развитии лесной промышленности в Коми крае. С двадцатых годов XVIII в. началась заготовка корабельных лесов, поначалу весьма незначительная и проводившаяся не каждый год. Чуть больше размеры лесозаготовок стали во II половине XVIII в. Вымские, затем удорские и вычегодские, а позднее и крестьяне других районов Коми края в свободное от сельхозработ время нанимались заготавливать лес для казенного кораблестроения; срубленный лес весной по реке сплавляли в Архангельск.

Сельское хозяйство, промыслы, торговля и пути сообщения

Во второй половине XVIII в. в Коми крае впервые появился диковинный продукт – картофель. Долог был его путь на Север. В XVI в. испанцы, завоевавшие Перу, узнали о существовании картофеля. Не сразу они оценили важность сделанного открытия. Лишь примерно в 1565 г. картофель из Южной Америки попал в Испанию, а выращиваться в Европе он стал с 1573 г. Первоначально картофель получил распространение в Испании и Ирландии, а много позже – и в других европейских странах. Петр I, будучи в Голландии, решил было внедрить сие новшество в России и даже прислал в конце XVII в. на родину мешок картофеля, но дело с места не сдвинулось (обрезать боярам бороды оказалось проще). В 1765 г. был издан специальный указ о посадках сей полезной культуры, из Германии завезли аж 57 бочонков картофеля, дабы распространить его посевы в империи. В 1766 г. по распоряжению архангельского губернатора Е.А.Головицына, который разослал по волостям клубни «с печатным наставлением, как употреблять сей плод в пользу», были начаты первые опыты по разведению картофеля в Коми крае, но местное население отнеслось к этому новшеству с большим подозрением. По свидетельству современников, крестьяне Архангельской губернии «не захотели пользоваться новым сим добром, рассуждали... о сем деле по-дурацки: «Вот до чего мы дожили – велят нам кормиться немецкими яблоками, а русский хлеб за море отпускают немцам»».

Впрочем, удивляться нечему – и в «просвещенной» Европе картошку выращивали поначалу как декоративное растение; многие считали, что эти клубни ядовиты. Не было у коми крестьян, естественно, и никакого опыта в обращении с невиданным ранее продуктом:

то ли вершки надо есть (иные так и делали и травились), то ли корешки... Да и природные условия не больно-то благоприятствовали нововведению: в 1771 г. яренская воеводская канцелярия сообщила, что в уезде сажали «земляные яблоки», но «по небытию дождя урожая нисколько не имелось». И в конце XVIII в. «второй хлеб», как позднее стали называть картофель, в Коми крае оставался практически неизвестен.

Основное внимание коми земледельцы уделяли все тем же, что и в прошлые века, зерновым культурам. Широко распространены были в Коми крае репа, капуста, редька, морковь.

Постепенно в Коми крае, особенно в южных районах, росли пахотные угодья, совершенствовалась обработка почвы, осуществился переход к трехполью (когда чередовались озимые, яровые и пар), что повысило продуктивность земледелия. Но крестьяне не отказывались и от старых, испытанных приемов, сочетая их с новыми. В лесном северном краю с не больно-то плодородными почвами невозможно было обойтись без подсеки: «Рубим мелкий лес и делаем новины, – рассказывали местные жители. – Для делания новин ходим...верст по тридцать и более и тем произведения хлеба более бывает». Академик И.И.Лепехин, побывавший в Коми крае в 1771 г., так описывал подсечное земледелие: «Озими их (коми крестьян – Авт.) стояли среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают палестины и, сожегши лес, ...заборонив, совершают посев. Как для облегчения работы, так и для защиты посеянному хлебу оставляют на пашне своей несколько деревьев не вырубив, которые, чтобы не вытягивали питательного из земли соку, расстоянием от корня аршина на два одирают с них кору вокруг. Такая новина служит им только на один год, ...а на другой год надобно делать новую новину».

Богатые сенокосные угодья, особенно заливные и пойменные луга, способствовали развитию животноводства. В одном из описаний XVIII в. отмечено, что в Яренском уезде «трава для скота растет весьма питательная, и рогатый скот водится и выкармливается против других мест гораздо лучше». Особенно важную роль в хозяйстве животноводство играло в северных районах края – на Удоре, Ижме и Печоре. По словам И.И.Лепехина, ижемцы «скотоводство имеют изрядное: лошади крепкие, рогатый скот не худ». Домашний скот был неотъемлемой чертой хозяйства коми крестьянина. В XVIII в. в среднем в сысольском хозяйстве имелись одна лошадь, одна или две коровы, несколько овец, а на Удоре – одна или две лошади, четыре-пять коров, пять-девять овец. Животноводство на Удоре, Ижме, нижней Печоре стало приобретать товарный характер, т.е. часть его продукции шла на продажу. Академик Лепехин писал, например, что жители Усть-Цильмы «сало говяжье и масло коровье вывозят на Благовещенскую ярмарку и меняют приезжающим туда из разных мест купцам. Масло коровье не худой доброты».

Большие изменения произошли в оленеводстве. Освоившись с новым для себя занятием, ижемские коми стали пасти оленей в тундре, составив конкуренцию ненцам. В конце XVIII в. в Коми крае имелось около 10000 оленей. Ижемцы внесли в оленеводство немало рациональных приемов: они ввели круглосуточный выпас стада, нашли наиболее удобные сезоны для перекочевков к морю и для убоя животных, положили начало селекции, выведя черномастных оленей. Именно ижемцы придали оленеводству ярко выраженный товарный характер.

Жители Коми края продолжали заниматься охотой и рыболовством, продукция которых (особенно на верхней Вычегде, Удоре и в Ижмо-Печорских волостях) шла не только на личные нужды, но и все больше на продажу. На местных ярмарках продавались семга и другая рыба, а из охотничьей добычи ведущее место занимали рябчики и беличьи шкурки; более ценного меха в крае практически не осталось, хотя продавалась и некоторая другая пушнина: горностаи, лисы, песцы, рыси и др. Если в XVII в. охотники пользовались, в основном, луком и стрелами, то в XVIII столетии все больше стало использоваться огнестрельное оружие. Наметилась тенденция к сокращению охотничьего промысла, поскольку истреблявшегося в больших количествах пушного зверя становилось все меньше. В XVIII в. на Ижме стал развиваться замшевый промысел. Появились «замшевые избы» –

специальные предприятия по производству замши. В замшевых мастерских поначалу работали хозяева и их родственники, только в некоторых наиболее крупных были немногочисленные наемные работники.

Древний Чрезкаменный путь в Сибирь в связи с появлением более удобных дорог через Урал в начале XVIII в. был официально закрыт, но местные жители еще продолжали им пользоваться. Постепенно обустроивался торговый путь с верховьев Печоры и ее притоков Волосницы на Березовку, Вишерку и другие речки до Камы. На рубеже XVII – XVIII вв. близ устья Волосницы построили пристань Хорошая Бичевка, где находился складской и перевалочный пункт чердынских купцов. Во II половине XVIII в. в верховьях Печоры появилась Якшинская пристань, что способствовало дальнейшему налаживанию торговли по Печорско-Камскому пути. Еще один путь на Каму шел с верховьев Сысолы – через Койгородскую и Ужгинскую волости проходила Большая Сибирская дорога.

В 1771 г. при императрице Екатерине была создана особая комиссия для исследования возможностей строительства канала между бассейнами Северной Двины и Камы и составления проекта канала. Проект Северо-Екатерининского канала был завершён в 1785 г., и в 1786 г. началось строительство. Канал должен был связать Северная Кельтма (приток Вычегды) с Дзюридзем (Джуричем – приток Южной Кельтмы, впадающей в Каму). Однако уже в 1788 г. работы пришлось прервать – силы и средства потребовались для ведения войн России с Турцией и Швецией (возобновили строительство канала только в начале XIX в.).

В конце XVIII в. в Коми крае действовали несколько ярмарок: две в Усть-Сысольске, одна в Турье и торжки в Важгорте (на Вашке) и Туглиме (на нижней Вычегде). В течение XVIII в. быстро росло значение погоста Усть-Сысолы (ставшего в 1780 г. городом Усть-Сысольском), как торгового центра края. Он располагался в удобном месте на пересечении торговых путей, был важным пунктом транзита грузов, ярмарочным центром, в нем существовала хорошо налаженная постоянная торговля в лавках. Одной из наиболее древних и известных купеческих семей Усть-Сысольска были Сухановы.

В сказках I ревизии 1719 г. отмечалось, что один из них, А.Л.Суханов, «имеет купечество (т.е. ведет торговлю – Авт.) в Яренском уезде и на Москве и на Макарьевской и Свинской ярмонках, и у города Архангельского и на Вятке и в Сибирских городах», покупает и продает пушнину, хлеб и «всякие земские товары мелочные». В 1723 г. братья Афанасий, Евстафий, Андрей и Иван Сухановы (сыновья Леонтия (Бажена) Суханова) были зачислены в купечество г. Яренска. В XVIII в. Сухановы сосредоточили свои силы на торговле в Коми крае и стали одними из крупнейших скупщиков продукции охоты, рыболовства и сельского хозяйства, которую поставляли в столицы империи и другие крупные города, организовали первый винокуренный завод на р. Човью. Торговую деятельность они сочетали с ростовщичеством.

Богатство Сухановых привлекло внимание «воровских людей». Они в мае 1739 г. приплыли в Усть-Сысолу с верхней Вычегды и, как позднее докладывали Сухановы на имя императрицы Анны Иоанновны, «многочисленным обступили наш двор внезапно страшным разбоем». Двор Сухановых был укреплен, имелось и оружие: пистолеты, ружья и даже три небольшие пушки, не говоря уже о луках со стрелами, копьях и шпагах. Купцы и их домочадцы и служащие отстреливались, но осадившие их разбойники сумели поджечь двор и взяли его штурмом. При этом погибли несколько человек, в том числе две дочери одного из Сухановых, их работница, учитель детей и другие. «Воровские люди» захватили немало пушнины, 25 пудов табаку, украшения, одежду и прочее; многое сгорело. Разбойники разгромили и винокуренный завод Сухановых на речке Човью. Позднее вокруг этого нападения было сложено немало легенд. Согласно одному преданию, глава семейства являлся атаманом разбойников, скрывавшимся под именем Шыпича, и сколотил состояние благодаря грабежам. Позднее он будто бы порвал с прежними товарищами по оружию, и те решили отомстить ему. Молва приписывала Шыпиче-Суханову и колдовской дар...

Как бы то ни было – благодаря ли волшебству, собственной ли смекалке – Сухановы сумели оправиться после разорения и даже приумножили свои богатства и влияние.

Академик И.И.Лепехин в 1771 г. называл их «зырянскими князьками»: «Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина и все его стяжение почти принадлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье, быт, богатство». «Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысоле и спросишь, кому они принадлежат? – отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада – принадлежат Сухановым». Академик И.И.Лепехин в 1771 г. называл их «зырянскими князьками». То было время наивысшего могущества династии. Не без их влияния Усть-Сысольск стал в 1780 г. городом и уездным центром; не случайно именно в доме купца Суханова состоялось торжественное «открытие» нового города, а на высочайше утвержденном плане застройки Усть-Сысольска значилась улица Сухановская. Степан Григорьевич Суханов ряд лет был городским головой Усть-Сысольска. В 1780-х гг. Сухановы «переписались» из яренского купечества в устьсысольское. Историк М.А.Мацук пишет, что Петр Петров Суханов в 1782 г. предъявил капитал, необходимый для регистрации лишь в качестве купца 3-й гильдии. К той же гильдии относился и представитель другой династической ветви С.Г.Суханов.

Очерк IV. КОМИ КРАЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Реформы административного деления и управления.

В XIX в. территория Коми края входила в состав Усть-Сысольского, Яренского, Мезенского и Орловского уездов. Верховья Печоры относились к Чердынскому уезду. В 1891 г. из Мезенского уезда выделилась территория бывшего Пустозерского уезда, составившая самостоятельный Печорский уезд с центром в Усть-Цильме.

Система городского и сельского управления в первой трети XIX в. не претерпела изменений, несмотря на то, что уже в начале XIX в. было очевидно, что существовавшая административная система не удовлетворяла потребностям нормального функционирования государства, и необходимо было реформирование как центральных, так и местных органов власти и управления. Однако проекты такой реформы, разрабатывавшиеся в первой четверти XIX столетия, остались неосуществленными.

Однако с течением времени правящим кругам империи становилось все яснее, что положение, в котором находится многомиллионное крестьянство России (как крепостное, так и государственное), чревато тяжелыми последствиями для страны: не только в силу возможных новых крупномасштабных восстаний, но и как тормоз для развития производительных сил государства. Назревшую проблему в середине 30-х гг. XIX в. намечено было решить путем постепенно проводившихся частичных реформ, не затрагивавших, насколько это возможно, интересы дворянского сословия.

Начать реформирование решено было с государственной деревни. В 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ (ранее, с начала XIX в., существовал департамент государственных имуществ в министерстве финансов) во главе с генералом П.Д.Киселевым, сторонником постепенной отмены крепостного права. В 1837–1841 гг. П.Д.Киселев провел реформу, целью которой было упорядочение управления государственными крестьянами. Предполагалось «дать казенным крестьянам такое устройство, которое подняв их благосостояние, вместе с тем служило бы и образцом для будущего устройства крепостных крестьян». С 1837 г. уезды делились на два полицейские стана. В 1837 г. вятский губернатор по просьбе вятских купцов обратился к правительству с предложением передать Объячевскую волость (включавшую в себя все Прилузье с Ношульской пристанью – важнейшим перевалочным пунктом на пути с Вятки на Сев. Двину) из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в состав Вятской губернии. Ходатайство было отклонено. Позднее, в 1846 г. вятский губернатор вновь обратился к правительству с предложением передать Объячевскую волость в состав Вятской губернии и предложил также построить железную (или, в крайнем случае, «железokonную») дорогу от Вятки до Ношульской пристани. Ходатайства снова были отклонены.

Создание сильного, четко работающего управленческого аппарата в волостях должно было, в частности, защитить государственных крестьян от грабежа и притеснений со стороны чиновничества. Дело в том, что ранее ведавшее казенной деревней министерство финансов, занятое главным образом поиском средств для обеспечения нормального функционирования государства, не в силах было «надлежащим образом следить за бытом казенных крестьян» которые «оказывались без защиты в руках дворянской администрации». Последняя, как считал историк В.О.Ключевский, блюдя интересы помещиков и принадлежащего им «живого имущества» – крепостных крестьян, раскладывала наиболее тяжелые натуральные повинности на государственных крестьян, вследствие чего «быт казенных крестьян расстроился; они обеднели и стали тяжелым бременем на плечах правительства. Каждый неурожай заставлял казну выдавать огромные ссуды на пропитание этих крестьян и обсеменение их полей».

В соответствии с реформой сохранялось выборное крестьянское самоуправление. Сельскими обществами, существовавшими в волостях, руководило сельское управление, волостями - волостное правление, подчинявшееся окружному управлению, а то, в свою очередь - губернской палате государственных имуществ. Во главе этой пирамиды стояло министерство государственных имуществ. В 1838 г. государственные крестьяне получили права на участие в сельских и волостных сходах, где решались вопросы местного самоуправления, на перечисление в купеческое и мещанское сословия, на обучение детей в общих учебных заведениях, на занятие торговлей и ремеслами и т.д. Это должно было сгладить конфликты, зревшие между крестьянством и властями. Министерство государственных имуществ также «уделяло большое внимание поднятию агротехнического уровня крестьянского земледелия», внедряло посадки картофеля, содействовало улучшению быта государственных крестьян – открытию школ, больниц, ветеринарных пунктов в сельской местности. По мнению В.О.Ключевского, высоко оценивавшего результаты реформы, П.Д.Киселеву «принадлежало то устройство сельских и городских обществ, основные черты которого были потом перенесены в положение 19 февраля для вышедших на волю крепостных крестьян».

В дальнейшем П.Д.Киселев планировал осуществить меры по личному освобождению крепостных крестьян с выделением им небольших наделов земли и точной фиксацией размеров барщины и оброка, однако помещики выразили недовольство этими планами, и император Николай I счел их осуществление преждевременным, хотя и считал крепостное право «злом». На его решение оказали влияние и многочисленные крестьянские выступления в государственной деревне («картофельные бунты» и др.) конца 30-х – начала 40-х гг., вызвавшие «опасение, что с началом отмены крепостного права придут в движение все классы и сословия огромной страны». В результате изменения в управлении государственными крестьянами оказалась единственным осуществленным шагом в задумывавшемся правительством Николая I деле реформирования. Вместе с тем необходимо упомянуть, что в царствование Николая I (в 1827, 1841, 1843, 1847 гг. и др.) был принят ряд законов, направленных на ограничение власти помещиков над крепостными.

Губернские и уездные (окружные) органы власти в первой половине XIX столетия не претерпели существенных изменений. Качественный уровень уездных управленцев современники оценивали весьма критически. Как отмечается в «Истории Коми АССР», «все должностные места в аппарате уездного и окружного управления занимали русские чиновники, причем это были худшие представители русской чиновной бюрократии. Архангельский губернатор признавал, что у губернского начальства нет возможности иметь “полезных и хоть несколько способных людей” и оно вынуждено определять на должности таких, “которые по неисправностям своим или по дурному поведению были уволены из других мест и не могут более приискать службы”». Конечно, не следует абсолютизировать эти слова и считать, что всё уездное руководство ни на что не годилось.

Необходимо учитывать своеобразную ситуацию, в которой оказались местные управленцы (число которых в изучаемое время практически не изменилось) после значительного роста центральных органов управления, произошедших в течение первой половины XIX в. В столице чрезвычайно выросло количество всевозможных чиновников-канцеляристов. В.О.Ключевский писал: «Центральные учреждения ежегодно выбрасывали в канцелярии, палаты десятки, сотни тысяч бумаг, по которым эти палаты и канцелярии должны были чинить исполнение. Этот непрерывный бумажный поток, лившийся из центра в губернии, наводнял местные учреждения, отнимал у них всякую возможность обсуждать дела; все торопились очищать их: не исполнить дело, а «очистить» бумагу – вот что стало задачей местной администрации; все цели общественного порядка, который охранялся администрацией, ...свелись к опрятному содержанию писаного листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись перед чиновником далеко на задний план. Все управление представляло громадный и не совсем правильный механизм, который без устали работал, но который был гораздо шире, тяжелее наверху, чем внизу, так что нижние части и колеса

подвергались опасности треснуть от слишком усиленной деятельности в верхних. Чем больше развивался такой механизм, тем менее оставалось у руководителей его возможности следить за действием его частей». Задачи реформы П.Д.Киселева (усиление надзора за крестьянами, создание сильного управленческого аппарата в волостях) не были достигнуты. Необходима была решительная перестройка структуры управления.

В 1861 г. в России начался период буржуазных реформ, которые хотя зачастую с опозданием и не в полной мере, но все же осуществлялись и в Коми крае. 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права. В Коми крае крепостных было немного - чуть более полутора тысяч человек, приписанных к Сереговскому и сысольским заводам. Они получили юридическую свободу и все права, которыми пользовались государственные крестьяне. Сереговские крепостные в 1862 г. получили земельные наделы по высшей для Вологодской губернии норме, но землю они должны были выкупать. Своевременная выплата полученной от государства на 49 лет ссуды и процентов по ней стала для большинства людей непосильной... В пользовании бывших крепостных сысольских заводов в 1863 г. сохранялись небольшие земельные наделы, за которые нужно было отработать на заводах семь лет. В 1869 г. они получили дополнительные наделы (уже по высшей для губернии норме); за пользование ими нужно было платить оброк. Бывшие государственные крестьяне по закону от 24 ноября 1866 г. должны были получить земельные наделы в собственность, но этот закон не был проведен в жизнь, и крестьяне остались лишь пользователями принадлежавшей государству земли.

25 декабря 1862 г. появились Временные правила об устройстве полиции. Прежние полицейские органы (земский капитан-исправник и земский суд, а в уездных центрах - городничий) объединялись в уездное полицейское управление, возглавлявшееся исправником, которого назначал губернатор. Исправник оставался главным должностным лицом уезда. «Централизация городской и уездной полиции расширяла полицейскую власть исправников, распространявшуюся теперь на весь уезд», – пишут авторы «Истории Сыктывкара». В конце 1860-х гг. некоторые российские ведомства стали привлекать на чиновнические должности женщин, но явление это было довольно редким и до Коми края дошло очень нескоро.

18 января 1866 г. был принят закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян...», согласно которому управление крестьянами переходило в руки Министерства внутренних дел. Была создана единая для всех крестьян (и бывших государственных, и бывших частновладельческих), именовавшихся теперь «свободными сельскими обывателями», система управления.

В сельских обществах главным органом был сельский сход, в котором участвовали все домохозяева. На волостной сход избирались уже только представители – по одному от нескольких дворов. На сходах избирались волостные и сельские должностные лица: волостное правление, волостной суд, сельский староста, писарь, сборщик податей, волостной старшина и др. Они контролировались мировыми посредниками, назначавшимися Сенатом по представлению губернских властей. По закону, мировые посредники должны были выбираться из дворян. Но, как отмечалось в «Истории Коми АССР», в Коми крае их было крайне мало, поэтому губернатор назначал посредников из числа чиновников-разночинцев. Первоначально мировые посредники призваны были решать споры в поземельных отношениях, возникавших в ходе осуществления реформы, но вскоре стали органом правительственного надзора над крестьянским самоуправлением. Мировые посредники управляли мировыми участками, на которые делились уезды (это старое название вернулось, заменив введенное в 1830-х гг. название «округ»). В Усть-Сысольском и Яренском уездах было образовано по два мировых участка. В Усть-Сысольске и Яренске проводились уездные мировые съезды. Выше уездного съезда по иерархии стояло губернское по крестьянским делам присутствие.

Первоначально определенная самостоятельность мировых посредников позволяла им более последовательно проводить в жизнь буржуазные реформы, особенно в первые годы,

что вызывало недовольство консервативно настроенных деятелей высшего государственного управления. Со временем либерально настроенные мировые посредники были отстранены от должностей. Авторы «Истории Коми АССР» полагают, что «мировые посредники чинили произвол и насилие, занимались вымогательством», «пользуясь известной самостоятельностью и бесконтрольностью со стороны губернских властей». В 1874 г. институт мировых посредников в России (кроме закавказских и западных губерний) был упразднен, их функции перешли к уездным по крестьянским делам присутствиям. В их состав входили уездный исправник, председатель уездной земской управы и правительственный чиновник. (В «Истории Коми АССР» ликвидация мировых посредников в Коми крае датирована 1882 годом).

В 1899 г. в Коми крае (кроме Печорского уезда, где после его образования в 1891 г. был создан один мировой участок) на смену уездным по крестьянским делам присутствиям пришли участковые земские начальники, получившие более широкие административно-судебные права по надзору за крестьянами. В Яренском уезде насчитывалось три земских начальника, в Усть-Сысольском уезде – пять земских начальников. Земские начальники проводили свои съезды в уездных центрах. Закон о земских начальниках (он был принят еще в 1889 г., за десятилетие до того, как был распространен на территорию Коми края), как подчеркивается в «Истории Коми АССР», способствовал «усилению в деревне административно-полицейской власти». Крестьянское самоуправление, говорится в том же исследовании, «закрепляло сословную неполноправность и замкнутость пореформенного крестьянства. Являясь низшим звеном аппарата управления, оно целиком зависело от вышестоящих его звеньев, от царской администрации и полиции».

Важной реформой стало введение земств. Согласно положению от 1 января 1864 г. создавались органы местного самоуправления - губернские и уездные земские собрания и управы, в выборах которых участвовали представители всех сословий. Земских гласных (т.е. депутатов собраний) избирали на три года, членов управ избирали из числа гласных на тот же срок. Земские собрания созывались на несколько дней примерно раз в год, управы работали постоянно. В конце 1866 - начале 1867 гг. состоялись первые выборы в земские собрания в Усть-Сысольском и Яренском уездах, а открылись они в 1869 г. (в Печорском уезде земства были введены только в 1917 г.). В состав земских органов Коми края вошли купцы, зажиточные мещане и крестьяне. Этим местные земства отличались от земств других губерний России, в составе которых было много дворян. Земства были образованы для руководства местным хозяйством, просвещением и здравоохранением. Их деятельность контролировалась губернатором. Земские органы, несмотря на ограниченные финансовые возможности, многое сделали для открытия в Коми крае школ, библиотек-читален, больниц и фельдшерских пунктов, ремонта дорог, улучшения организации сельскохозяйственных работ и др.

В 1864 г. в России была проведена судебная реформа, провозгласившая бессословность суда, независимость его от администрации, несменяемость судей, гласность и состязательность процесса и т.п. В Яренском и Усть-Сысольском уездах эта реформа осуществилась лишь осенью 1882 г., а в Печорском уезде - 1888 г. Но и после реформы сохранились некоторые пережитки прошлой системы - в частности, особые волостные суды для крестьян. Волостные судьи могли приговорить крестьян к принудительным работам, штрафу, аресту до семи дней, розгам (наказание розгами в России существовало до 1904 г.).

16 июня 1870 г. был опубликован закон о городском управлении. В Яренске и Усть-Сысольске реформа самоуправления была проведена в середине 1870-х годов. Все, кто платил в городскую казну определенные налоги (купцы, зажиточные мещане и крестьяне), получили право выбирать и избираться в городские думы. Дума создавала свой исполнительный орган - городскую управу, которую возглавлял городской голова. Эти органы занимались организацией городского хозяйства и контролировались губернатором и Министерством внутренних дел.

В органах местного управления в начале XX в. сколь-либо существенных изменений не произошло. Их структура оставалась прежней. Петровский «Табель о рангах» продолжала действовать вплоть до издания декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 10 (23) ноября 1917 г. Можно отметить лишь, что под влиянием первой русской революции право служить в государственном аппарате получили представители всех сословий. Сохранялся образовательный ценз. Участие в революционной и оппозиционной деятельности считалось несовместимым с государственной службой.

В начале XX столетия жители Коми края впервые вошли в состав высших органов государственной власти. В 1907 г. стал депутатом Государственной Думы Степан Николаевич Клочков (1869–1918), епархиальный православный миссионер, проповедовавший ортодоксальное православие среди раскольников Яренского и Усть-Сысольского уездов. Он был избран депутатом от Вологодской губернии и являлся им до 1912 г. По политическим убеждениям С.Н.Клочков был, вероятно, близок либеральным кругам. Заметной роли в Думе он не играл. По окончании срока депутатства вернулся на родину, в 1916–1918 гг. исполнял обязанности мирового судьи в городе Усть-Сысольске, был расстрелян большевиками.

Священник и поэт Дмитрий Яковлевич Попов из с. Деревянск (1862–1921), пользовавшийся известностью в церковных кругах Вологодской губернии благодаря участию в делах Великоустюжского духовного правления, в июне 1912 г. на состоявшемся в Устюге съезде духовенства был выдвинут в выборщики депутатов Государственной думы от Вологодской губернии, а в ноябре того же года избран депутатом IV Государственной Думы и переехал в Петербург. В Думе Д.Я.Попов поддерживал фракцию Прогрессивной партии, образованной левыми октябристами и частью кадетов в ноябре 1912 г. Партия выступала за расширение прав народного представительства, реформу Государственного совета, свободу слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности, свободу совести и свободу церкви, отмену сословных ограничений и привилегий, устранение посягательств на национальные особенности, культурную самобытность, родной язык и т.д. В IV Думе прогрессисты имели 47 депутатов и считались «левыми». Сам Д.Я.Попов на заседаниях Думы не выступал, но работал в составе четырех думских комиссий: по делам Русской Православной церкви (наиболее активно), по законодательным предположениям, по пенсиям, земельной. Сохранились сведения, что он в некоторой степени поддерживал в Думе депутатов-большевиков, полагая, что «только... рабочие депутаты настоящие защитники народа». По воспоминаниям известного большевика Г.И.Петровского, Д.Я.Попов несколько раз передавал в фонд газеты «Правда» 10 руб. золотом. (Позднее, в 1917 г., Д.Я.Попов вступил в партию социалистов-революционеров, а затем, на исходе гражданской войны стал сочувствующим большевикам).

Стоит сказать о том, что представители уездных властей не придавали сколько-нибудь явного значения тому, что они выполняли свои обязанности в национальном регионе, население которого имело свою языковую и культурно-бытовую специфику, прошло своеобразные пути исторического развития. Их главной целью было исполнение на вверенной территории Коми края общеимперских законов. А представители местного самоуправления, напротив, несмотря на существовавшие ограничения, связанные с формированием и деятельностью этих органов, осознавали себя не просто «управленцами» одного из многих уездов России, но и представителями коми народа. Наиболее ярко это проявлялось в Усть-Сысольском уезде, абсолютное большинство жителей которого (включая и Усть-Сысольск) составляли коми.

Так, руководители усть-сысольских органов местного самоуправления выдвинули весьма любопытную инициативу. В 1882 г. видный коми ученый и просветитель Г.С.Лыткин опубликовал в «Новом времени» статью, в которой высказал мысль о том, что 1383 год – дата образования Пермской епархии – является временем присоединения Коми края к Русскому государству. В 1883 г. эту идею поддержал председатель уездной земской управы Василий Михайлович Латкин, «из природных зырян», который обратился к вологодскому

губернатору с просьбой позволить направить депутацию к императору в связи с предстоящим 500-летием присоединения Коми края к России: «Прихожу к убеждению, что 1383 год должен считаться годом присоединения зырянского края к Московскому государству, а потому 1883 год есть год пятисотлетия этого события, а следовательно мое личное ходатайство пред Вашим Превосходительством о разрешении доклада очередному Усть-Сысольскому уездному земскому собранию 1883 года касательно выбора депутации от зырянского края с целью подвергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданнические чувства зырян по случаю 500-летней годовщины присоединения зырянского края к Московскому государству имеет положительное значение». (Копии документов любезно предоставлены авторам К.С.Королевым).

Вологодский губернатор переправил просьбу В.М.Латкина в Петербург министру внутренних дел. Тот попросил подготовить основанный на документах исторический очерк, в котором обосновывалась бы выдвинутая В.М.Латкиным идея. К сожалению, в Усть-Сысольске никаких старинных документов (летописей или чего-либо подобного) найти не удалось, и написанный В.М.Латкиным оказался не очень убедительным. Министр отправил его на рецензирование специалистам и получил ответ, что «окончательно... присоединение Зырянского края к Московскому государству последовало... в 1472 г.», после подчинения Новгорода, когда «вся Пермская земля покорилась под державную руку великого князя Московского», а потому «500-летний юбилей совершенного присоединения Перми со всеми зырянами к Москве должен быть отнесен к 1972 г.». На этом основании министр внутренних дел сообщил: «Ходатайство Латкина я не признаю возможным удовлетворить».

Но несмотря на то, что инициатива усть-сысольских земских деятелей не была поддержана российскими властями и на то, что предложенная ими датировка весьма спорна, само их обращение к проблеме присоединения населенных коми народом земель в состав России, подчеркивание важности этого процесса и стремление обратить на него внимание высших лиц государства, безусловно, весьма примечательно, особенно в условиях Российской империи. Постепенное осознание земскими и другими местными политическими и общественными деятелями себя политиками в известной мере национальными, выражающими интересы особого народа, имеющего свою специфику в культурном и историческом развитии, несомненно, закладывало базу для появления в недалеком будущем политиков, формулировавших идеи создания национальной коми государственности.

Изменения в численности и расселении жителей

В первой половине XIX в. климат стал ощутимо теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади. Условия жизни в Коми крае относительно благоприятными, поскольку в это время Север России значительно меньше, чем в прошедшем столетии, подвергался губительному влиянию неурожаев и эпидемий (хотя и те, и другие, конечно, случались, и порой довольно сильные). К тому же по мере по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость местных жителей от естественных условий. Улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда и т.п., дававшие возможность получения большего количества продуктов, постоянно уменьшало влияние последних на демографическое развитие Коми края.

Да и власти со временем стали предпринимать определенные меры для смягчения воздействия неурожаев на население; в частности, в первой половине XIX в. во всех волостях Коми края были организованы запасные хлебные магазины, в которых крестьяне могли получить ссуду семенами и хлебом. Благотворно сказалось на демографических процессах в Коми крае в XIX в., особенно во второй половине столетия, развитие медицины. Уменьшалась смертность жителей от болезней.

В 1811-1812 гг., по данным VI ревизии, в Коми крае (в границах современной Республики Коми) насчитывалось 59,3 – 60,5 тыс. жителей. В 1860 г. на этой территории проживало около 110 тыс. человек, в том числе примерно 97 – 100 тыс. коми и 10-13 тыс. русских. Несмотря на прирост населения, его плотность оставалась низкой. И.Пушкарев в 1846 г. отметил, что Усть-Сысольский, Яренский, а также соседний с ними Сольвычегодский уезды в Вологодской губернии населены беднее всех; вместе с тем тот же автор отнес г. Усть-Сысольск к числу наиболее населенных городов губернии. В 1848 г. плотность населения в Усть-Сысольском уезде составляла 0,3 души на 1 кв. версту, в Яренском – 0,5 души, а в целом по Вологодской губернии – 2,3 души на 1 версту. В Ижмо-Печорских волостях плотность населения была еще ниже, чем в Усть-Сысольском уезде.

На исходе XIX в., в 1897 г., население Коми края (в современных границах Республики Коми) составляло примерно 156-158 тыс. чел. (из них около 142 тысяч коми и 14-16 тысяч русских). В 1917-1918 гг. в крае было примерно 214 тыс. жителей, из них около 21 тысячи русских, а почти все остальные – коми. На территории нынешней республики имелся только один город - Усть-Сысольск. В 1897 г. там жили 4464 чел., в 1916 г. (с пригородами) – 6268 чел.

Вплоть до конца 1920-х гг. коми и русские жители региона активно расширяли территорию своего расселения. Наибольшие изменения произошли в Ижмо-Печорском крае. На нижней Печоре и ее притоках появилось немало селений, основанных русскими (в основном, из Усть-Цильмы). Уже на рубеже XVIII – XIX вв. (к 1805 г.) переселенцы из Усть-Цильмы Дуркины, Чупровы и др. основали на Печоре деревню Кривомежную. К 1811 г. на Печоре появились деревни Сергеево-Щелья, Уежная и Чуркина. К 1859 г. возникли также Коровий ручей, Карпушевка, Среднее, Верхнее и Нижнее Бугаево, Лаврино, Высокая гора, Харьяга, Рошинский Ручей, Камгорт, Абрамовка, Росвино и др.

В последней четверти XVIII в. или в самом начале XIX в. началось заселение берегов р. Цильмы. Первой возникла деревня Филиппово. В первой половине XIX в. на р. Цильме и ее притоке Мыле появились и другие деревни. В 1837 г. существовали Рочево, Трусово и д. Артемия Носова. В 1843 г. на Цильме имелась также д. Замежье, а в верховьях Цильмы существовал старообрядческий скит, на месте которого в 1851 г. появилась д. Омелинская. На притоке Цильмы р. Мыле в 1843 г. имелась д. Мыла, а “дальше около ста верст, в дикой пустыне, на берегу этой речки (Мылы) живет одна семья давно поселившегося там усть-цилемца Саввы” (из дневника В.Н.Латкина). По имени основателя деревня и получила свое название – Савино.

На рубеже XVIII-XIX вв. усилился приток русских из Усть-Цильмы в район между устьями Цильмы и Ижмы. Ко второй трети XIX в. население деревень Нерицы и Гаревы было, в основном, русским. К 1859 г. на Нерице были основаны русские селения Черногорская и Ильинка. На р. Пижме к 1811 г. возникла д. Чуркинская, к 1835 г. – д. Верховская. В первой половине XIX в. появились д. Степановская и Замежная, а затем и ряд других.

Берега средней Печоры заселялись коми-ижемцами. Между устьями Ижмы и Усы в конце XVIII – первой четверти XIX в. появились Няшабож, Пиль-Егор, Праскан и Новикбож, а в 50-х – самом начале 60-х гг. было основано Кипиево. Между Усть-Усой и Усть-Кожвой на Печоре на одном из важнейших путей оленеводческих перекочевков в первой половине XIX в. (к 1843 г.) возникла деревня Усть-Лыжа. В тех же местах появились к 1859 г. выселок Смольный Материк (Акись), а в 1898 г. – д. Родионово. Во II половине XIX в. была заселена территория от Няшабожа и Брыкаланска до Усть-Усы. К 1905 г. здесь появилось 13 поселений, большинство которых возникло на берегах самой Печоры, лишь немногие появились на ее притоках, причем, как правило, в самых низовьях.

Бассейн Усы (хотя коми-ижемцы еще во второй половине XVIII в. пользовались здешними пастбищами и промысловыми угодьями) в первой половине XIX в. оставался практически незаселенным (имеется в виду постоянное, а не кочевое население). Здесь имелось только одно селение – с. Колва, возникновение которого связано с постройкой здесь

в 1830 г. церкви. В последующие годы у церкви стали селиться переходившие к оседлости ненцы. Так, в 40-х гг. несколько семей ненцев-оленеводов лишились своих стад из-за эпизоотий и вынуждены были перейти к оседлости. В 1843 г. существовал Колвинский погост, где имелись церковь Николая чудотворца, два дома священнослужителей и семь домов оседлых оленеводов. Позднее к ненцам присоединились коми и русские. Документ конца XIX в. сообщает о смешанном населении Колвинской волости: "...около 100 самоедов живут оседло вместе с зырянами и русскими..."

Во II половине XIX столетия положение резко изменилось. В 50-60-х гг., возможно, возник выселок Лёк-Роговой. А к 1905 г. на Усе появилось еще три десятка поселений: Макариха, Адзъва, Адзавом, Азак-юр, Кочмес, Абезь и т.д. Заселена была вся Уса до самых верховьев, где были основаны Евсевань, Ошвор, Никит и Елец. Осваивались и притоки Усы (кроме Колвы): на р.Косью возникли выселки Косьювом, Дресвянка, Сидорова, на Роговой и Нерцете - Наум и Нерцета, на Лемве - Епа.

В первой половине XIX в. произошло заселение верхней Ижмы. Оно осуществлялось с двух сторон: ижемские коми, продвигаясь вверх по реке, основали деревни Порожск, Усть-Ухту и Пожню. Выше Пожни ижемские коми не селились из-за отсутствия удобных земель и угодий. Ниже по течению Ижмы, между Усть-Ухтой и Кедвавомом, на рубеже 1830-40-х гг. появились деревни Аким и Винла. Несколько поселений появилось в XIX в. и на нижней Ижме (Тод и др.).

Самые верховья Ижмы стали заселяться в первой половине XIX века выходцами с верховьев Вычегды и Вишеры. Первой, видимо, была основана д. Лачевская (Лач), где в 1831 г. поселились крестьяне из Богородска. Д. Роздино (Извайль) и Чулки (Лайково) основали в 1835 г. переселенцы из верхневыхегодской д. Вольдино Уляшевы. К 1859 г. в этих местах появился еще один населенный пункт – выселок Нягод или Крутая.

Немало поселений появилось в XIX в. на верхней Печоре. Ниже Троицко-Печорска были основаны деревни Лемты, Усть-Воя, Дёме, Дутово, Конецбор, Красный яг, Лемтыбож, Митрофаново, Вуктыльская (Яко), Кузьдибож и Пашня, Боярский яг, Борис-Дикост, Медвежская. Выше Троицко-Печорска к 1840 г. на Печоре была основана д. Порог, ставшая самым южным коми селением на Печоре. К 1843 г. возникли выселки на берегах Илыча: Когиль (Антон), Мортьюдин (Габо) и Сарьюдин. К 1859 г. появились Максим и Горт-му (Еремеево).

Верховья Печоры заселялись из Прикамья. В 1802–1803 гг., по данным исследователя И.Н.Сивохи, уже существовал Усть-Пожег (Мамыль), в 1834 г. – Усть-Унья и Золотуха (вероятно, располагавшаяся близ совр. д. Пачгино), в 1843 г. – Пачгино. Усть-Пожег, по преданию, основал крестьянин Афанасий из д. Пожег на верхней Вычегде, потомки которого носили фамилию Афанасьев. Позднее рядом с ним поселился выходец из коми-пермяцкой д.Мамыль (из Прикамья). Согласно другому варианту легенды, Афанасием звали беглого солдата по прозвищу Мамыль, осевшего по соседству с выходцем из Пожега. Л.Н.Жеребцов считал, что предки Афанасьевых были коми-пермяками. Между деревнями Мамыль и Порог пролегла граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре. Вероятно, между 1869 и 1872 гг. появились Светлый родник, Шайтановка и Собинская Заостровка, около 1870 г. – Усть-Бердыш, около 1878 г. – Долгое Плесо, к 1884–1886 гг. – Курья, Гаревая, Ёлма, Куски (Кусково), около 1895 г. – выселок У Камешка, к 1896 г. – выселок Узкая Прямица (Узкое Плесо).

В Прилузье осваивалось междуречье Лузы и Летки, где возникли селения Сокса, Ловля, Девятка и Кривуша, а также верховья Лузы, где были основаны Тылай, Верхолузье, Ула, Черный мыс, Бадья, Ношва и Худышино. Коми переселенцы появились даже близ р.Кузюг (приток р.Моломы, впадающей в Вятку), где основали поч.Кузюк (позднее - Зырянский или Пермский Кузюк). К 1881 г. были достигнуты максимальные пределы расселения коми в верховьях Лузы и Кузюга. В дальнейшем к коми переселенцам присоединились русские, и освоение этого района шло совместно. Осваивались притоки верхней Вычегды, на берегах

которых возникли деревни и починки Красноярская, Кузьмыльк, Жежим-Парма, Седтыдин, Куш-Кодж, Пруп, Дзель, Войпока, Лунпока и другие.

В начале XX в. продолжалось освоение Усы и ее притоков Косью, Роговая, Нерцета, Лемва, где появилось еще 12 выселков. В эти же годы началась колонизация р. Колвы, вплоть до самых ее верховьев: к 1914 г. на берегах Колвы возникли поселения Возойвисвом, Коллависвом, Конковор, Харьяга и Ыджид-Харьяга. Ряд новых селений был основан на нижней Печоре, Ижме и в других частях Печорского края. С появлением населенных пунктов на Щугоре и его притоках и на Подчерье (Мича-Бечевник, Усть-Паток, Емельусти и др.) граница коми территории в этом районе существенно отодвинулась на восток. Несколько селений появилось в верховьях Илыча. В 1916 г. граница расселения коми на Илыче проходила в районе выселков Сарьюдин и Максимово. Граница этнической территории коми выше по Печоре не изменилась: по-прежнему последним коми селением на верхней Печоре оставалась д.Порог, выше которой располагались уже русские деревни – Усть-Пожег (Мамыль) и другие. В начале XX в. возникло с. Якша.

В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901-1902 и 1907-1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали верхние Лузу, Летку, Вычегду, Печорский уезд, бассейн Вишеры (в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте). В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли.

Значительные группы коми переселились за пределы Коми края. Переселения в абсолютном большинстве осуществлялись легально. Часть жителей брала временные разрешения (паспорт) на жительство в других уездах и губерниях, а по прошествии времени многие из них не возвращались на прежнее место жительства. Немалое число коми уходило не по временным паспортам, а сразу целыми семьями переселялась на постоянное место жительства. Так, в представлении Томского губернатора в Санкт-Петербург сообщалось, что «в... 1811 году прибыли из Вологодской губернии состоящие по 5 ревизии крестьяне 13 душ, которые и зачисляются, с пятилетнею от платежа податей льготою, Красноярского уезда в Минусинской волости». Вологодский губернатор в связи с этим информировал о причинах переселения: «...По случаю недородов в хлебе, постигших жителей Яренского уезда, который по положению своему к северу наиболее всех подвержен оным через несколько рядов годов, еще в прошлом 1809 году весь хранившийся в запасных магазейнах хлеб разобран был крестьянами для поддержания в пропитании своем без остатка и в последствии времени за оскудением крестьян в быту их не только не было способов выбрать оный паки в магазейны, но еще востребовалось такое же пособие от прочих уездов губернии и даже самой казны ссудою денег для покупки хлеба на пропитание и сев полей... Перешедшие в Томскую губернию в числе 13 душ крестьяне... хлеба в магазейнах нисколько не имели...». Особенно массовыми были переселения 1835-1850 гг. из Усть-Цильмы и верхневычегодских Подъельского, Деревянского, Керчемского Помоздинского сельских обществ. Так, из Подъельского общества 112 чел. переселились в Томскую и Тобольскую губернии.

В XIX в. все больше коми переселенцев уходило на Алтай “на пашню в крестьяне”: только в одном документе названо около 650 коми, пришедших в алтайские селения в первой половине XIX в. Другой источник, относящийся к концу XIX в., перечисляет около 100 коми крестьян, прибывших на Алтай. В списках первой четверти XIX в. также названа не одна сотня переселенцев из Коми края: Иван Гичев из Керчемской волости, Арефий Трегоев из Важгорта, Никифор Ванев из Вендингской волости, Иван Уродов из Пыелдино, Петр Осипов из Палевиц и т.д.

Ижемские оленеводы в первой половине XIX в. стали летом кочевать в Зауралье, возвращаясь зимой на родину, а в середине XIX в. они стали селиться за Уралом, на р. Ляпин. Первая семья пришла туда в 1842 г. Вслед за первопоселенцами последовали другие.

Почти ежегодно на берега Ляпина переселялись по одной-две, а то и больше семей, и через некоторое время там возникла крупная деревня Саранпауль (по-мансийски - Зырянская деревня). Несколько позднее коми поселились в соседнем селении Щекурья. Особенно много переселенцев появилось в этих местах в 1878-1880 гг. В 1903 г. в Саранпауле жили 300 коми.

В 1853 г. первая коми семья поселилась в низовьях р.Обь в Обдорске (Салехард). Через пять лет к ним присоединилась еще одна, а в 1859 г. - четыре семьи. С 1863 по 1899 гг. почти ежегодно в Обдорск переселялись от одного до пяти семейств (в 1873 г. приехало целых 8 семей, в 1893 г. - 7 семей). На рубеже столетий в 1900-1901 гг. в Обдорске появилось 22 коми семьи. В начале XX в. здесь имелаь 101 коми семья.

В 1863 г. несколько коми семейств поселились в зауральском городе Березове. В с. Мужа на р. Обь коми появились в 1840-50-х гг. Первый коми переселенец Ф.Рочев отмечен тут в 1847-1848 г.. С середины 1870-х гг. приток ижемцев в с. Мужа усилился. В 1875 г. там появилось четыре семьи, в 1879 г. - еще четыре, в 1881 г. - две, 1882 г. - одна и т.д. Больше всего переселенцев прибыло в Мужа в 1891 г. (10 семей), 1897 г. (8), 1898 г. (9), 1899 г. (8), 1901 г. (8). В 1893 г. в Мужах насчитывался 351 коми, 40 хозяйств. В 1910-1911 гг. в Мужах насчитывалось около 130 хозяйств ижемцев.

Зауральские власти докладывали о переселениях коми-ижемцев на Обь: «Наплыв этой народности в здешний край мы не в силах остановить даже принудительными мерами, так как это движение обуславливается экономическим неблагополучием переселенцев на родине». Впрочем, тобольский губернатор видел в притоке ижемских коми в Зауралье несомненную пользу: «Самый подходящий элемент будущих переселенцев в этом крае - соседние...выходцы, условия быта которых более или менее тождественны с условиями быта в здешней местности... Теснимые бедностью вследствие усложнения условий жизни на родине, зыряне, как свободные переселенцы в этот край, являются вполне подготовленными для поселения в новых местностях, так как предшествующая жизнь научила их бороться за существование, и таким образом могут служить самыми лучшими акклиматизированными колонистами здешнего края».

Разумеется, поселение коми в Зауралье не обходилось без трудностей. Старейшины ненцев, хантов и манси (народов, считавшихся владельцами земли за Уралом) требовали с коми переселенцев платежи «за право постановки дома», а также ежегодные денежные взносы со двора, причем «без права пользования какими бы то ни было земельными угодьями». Для бедной части переселенцев-коми это было весьма затруднительно. Поэтому, как сообщали губернатору чиновники, некоторые «зыряне принуждены вести жизнь бивачную, временно поселяясь в домах тех счастливых земляков, которым удалось обстроиться».

Местное население выражало недовольство тем, что ижемские оленеводы со своими стадами истощали мох, которым питались олени, отпугивали дичь, что коми охотились и рыбачили в угодьях хантов и манси. Жаловались, что ижемские торговцы при приобретении меха у местных охотников прибегали к обману, спаивали промысловиков, а крупные коми оленеводы переманивали и даже отбивали оленей у местных владельцев. Конечно, такие случаи имели место, но в этом нельзя винить всех коми переселенцев; к тому же сходным образом поступали и представители других народов. «Зыряне везде сильные конкуренты русским торговцам и, естественно, вызывали недовольство и даже антипатию к себе последних. Очень вероятно, что по проискам и подстрекательствам русских торговцев поступают от инородцев те жалобы, последствия которых были бы очень плачевны для зырян, если бы решение местной администрации было проведено в исполнение», - говорится в одном из исследований начала XX в. Упомянутое «решение» заключалось в попытке полицейских властей выселить всех коми из-за Урала обратно в Коми край. «Но зыряне все-таки оставались на занятых ими местах, - докладывал губернатор в столицу, - надо полагать, ввиду наличности согласия инородцев и отсутствия законных поводов к выселению». И поныне коми живут в этих местах, сохраняя свой язык и элементы духовной и материальной культуры.

Селились коми и в других местах Сибири. Примерно в 1870 г. выходцы из Кибры, называвшейся также Спасским погостом (совр. Куратово), основали д.Кибер-Спасск на юге нынешней Омской области. В последующее время, к 1893 г., в этом же районе возникла целая группа коми деревень. Куратовы, Юговы, Колеговы, Пельмеговы и другие живут в Кибер-Спаске и сегодня. В 1896 г. группа коми с верхней Вычегды (из Бадъельска, Помоздино и других селений) поселилась на берегу р.Шиш (приток Иртыша), основав село Имшегал. По сей день там очень распространена фамилия Уляшев, есть Мартюшевы, Есевы, Ульныровы, Чувьюровы и другие.

В середине 80-х годов XIX в. группа коми-ижемских оленеводов под влиянием нехватки пастбищ, массовых заболеваний оленей решила на беспрецедентное переселение, двинувшись с Печоры на Кольский полуостров. С собой переселенцы взяли многочисленных (несколько тысяч) оленей и самое необходимое имущество. Пройдя вдоль побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря, они пересекли по весеннему ненадежному льду Кандалакшский залив и ступили на землю Кольского полуострова. Около двух лет ушло у них на это путешествие и на выбор места жительства. Зимой 1887 г. ижемцы наконец поселились близ Ловозера - древнего селения саамов. Последние поначалу недоверчиво отнеслись к пришельцам. Но коми, пообещав не трогать саамских рыболовных угодий, даря бедноте оленей, добились согласия на свое поселение. В конце XIX - начале XX вв. сюда прибыло много новых ижемских переселенцев. С ростом численности коми на Кольском полуострове там возникли и другие коми селения, часть которых существует и в наше время. В 1897 г. примерно 12 тысяч коми проживали в за пределами Коми края, более 9 тысяч из них - в Сибири.

Поиски полезных ископаемых.

Природные богатства Коми края постепенно привлекали все большее внимание российских, иностранных и местных предпринимателей. В 1847-1850 гг. на севере Коми края работала экспедиция под руководством Э.Гофмана, были обнаружены каменный уголь и другие полезные ископаемые. В 1857 г. экспедиция Морского ведомства под рук. А.Антипова обнаружила в Печорском крае месторождения каменного угля на восточном склоне Тиманского хребта. В 1858 г. А.Антипов открыл Большесынинское угольное месторождение

Много труда вложил в промышленное развитие Коми края сибирский промышленник Михаил Константинович Сидоров (16 (28) марта 1823 – 12 (24) июля 1887). М.К.Сидоров родился в Архангельске. Его отец был купцом 2-й гильдии. Первые годы после рождения Михаила семья жила обеспеченно, но затем К.А.Сидоров разорился. Михаилу оставалось надеяться только на себя. В 1845 г. он уехал в Красноярск, где судьба свела его с коми предпринимателем В.Н.Латкиным. Сидоров работал у Латкина домашним учителем, впоследствии женился на его дочери Ольге. От Латкина он узнал о природных богатствах Коми края. М.К.Сидоров занимался поиском месторождений золота и других полезных ископаемых в Сибири, организовал добычу графита, который продавал в Европе, разбогател, стал купцом 1-й гильдии. В 1860-1861 гг. он побывал в Коми крае, обследовал выходы каменного угля на Илыче, Щугоре, Соплясе, Усе, Сью, Большом и Малом Аранце (где обнаружил графит), стал добиваться в правительстве разрешения на разработку печорского угля, но получил отказ.

Тогда он решил продолжить попытки Ф.С.Прядунова и его последователей по налаживанию нефтедобычи на Ухте. Дело продвигалось с трудом: чиновники то разрешали М.К.Сидорову бурить нефть, то запрещали, выделяя то один, то другой участок. В конце концов, настойчивый промышленник добился своего: нанятые им шведские инженеры в 1868 г. пробурили первую в Ухтинском районе скважину (на правом берегу Ухты, напротив устья речки Нефть-Йоль). Было обнаружено восемь нефтеносных и два газоносных слоя, добыто около тысячи пудов нефти. Этой нефтью М.К.Сидоров хотел заправлять свои

пароходы, плававшие по Печоре и морю. Образцы нефти он послал для исследований ученому Д.И.Менделееву. Побывавшие на сидоровских нефтепромыслах участники австро-венгерской полярной научной экспедиции объявили, что «их ждет блестящее будущее». Не тут-то было... Нефтепромышленникам юга не нужны были конкуренты, и они приложили все силы, чтобы не дать Сидорову развернуться. Власти отказали в финансовой поддержке развития нефтеразработки на Ухте, и М.К.Сидоров вынужден был закрыть промысел, твердо сказав напоследок: «Я уверен, что нефтяные месторождения на Севере будут иметь в будущем обширное значение по своему географическому положению». (Подробнее о жизни и деятельности М.К.Сидорова можно прочитать в книге В.Н.Королева «России беспокойный гражданин»).

По мере ускорения промышленного развития России потребность страны в нефти росла. В поисках новых источников важнейшего сырья вспомнили через некоторое время и про Ухту. В 1889-1891 гг. экспедиция под руководством академика Ф.Н.Чернышева изучала месторождения каменного угля, серы, золота и других полезных ископаемых в бассейне Печоры. Большое внимание уделено было ухтинской нефти. На Ухте заложили несколько опытных нефтяных скважин. Ухтинский район был объявлен заведомо нефтеносным; обсуждались уже и возможности вывозки нефти по рекам (предполагалось для этого даже соединить Печору с Камой и через нее с Волгой) и по дороге, которую следовало специально проложить. На Ухту потянулись изыскатели: купец А.М.Галин, капитан Ю.А.Воронов, Б.Л. фон Врангель и другие, особо, впрочем, не преуспевшие.

В 1899 г. на Ухту приехал инженер А.Г.Гансберг, особенно много труда вложивший в разведку нефти в этом районе в начале XX в., в создание нефтепромыслов. Изучением района он занялся сразу по приезде, хотя только в 1905 г. получил участки для добычи нефти. До 1905 г. монопольным правом на разработку ухтинской нефти владел граф Канкрин, каких-либо существенных успехов в сем деле не добившийся. Бакинские нефтепромышленники продолжали тормозить выделение государственных средств на проведение геологоразведочных работ в Ухтинском районе. Частным же лицам трудно было своими силами осуществить подобные мероприятия. Да к тому же далеко не все из приехавших на Ухту собирались всерьез заниматься разведочными работами. Иные в условиях начавшегося в стране «нефтяного голода» рассчитывали разбогатеть, арендовав участки в районе предполагаемого месторождения и намереваясь затем продать их.

А.Г.Гансберг оказался одним из энтузиастов, которые на свой страх и риск решили искать нефть. Он основал Варваринский промысел, построил буровую вышку, бурил скважины. В 1909 г. по его инициативе образовалось «Северное нефтепромышленное товарищество А.Г.Гансберг, А.П.Корнилов и К^о», которое вело буровые работы. Больших запасов нефти им найти не удалось, и пять лет спустя товарищество распалось из-за слишком высоких затрат, требовавшихся для освоения ухтинского месторождения (государство субсидировать работы отказалось). А.Г.Гансберг остался на Ухте, пытаясь в одиночку наладить дело. Некоторую финансовую помощь оказывало яренское земство: оно, в частности, выдало ссуду для пуска керосинового завода, дабы «доказать доставкой на русский и заграничный рынки, что продукты ухтинской нефти, а также дебиты скважин представляют собой объект для самого обширного нефтепромышленного дела на Ухте». Здесь Гансберг находился до 1919 г., а затем вынужден был уехать.

Правительство тоже в конце концов решило внести свой вклад в поиски ухтинской нефти. В 1906 г. тут побывала экспедиция, руководитель которой В.Я.Белобородов с большим энтузиазмом отнесся к возможностям разработки нефтяного месторождения и даже предложил построить нефтепровод от Ухты до д.Весляна (на Выми), проложить железную дорогу, соединившую бы Вычегодский край с Печорским и район Усы с Зауральем. В 1911-1913 гг. геологоразведчики под руководством инженера В.И.Стукачева пробурили четыре скважины и пришли к выводу, что пока нет оснований рассчитывать на возникновение на Ухте нефтяной промышленности - слишком малоэффективны были изыскания. Но поиски нефти были продолжены Русским товариществом «Нефть», которое в 1911 г. приобрело на

Ухте участки. В 1914 г. на месте нынешнего города Ухты возник небольшой нефтяной промысел. В 1914-1917 гг. товарищество пробурило несколько неглубоких скважин и, будучи, возможно, не слишком заинтересованным в нахождении ухтинской нефти, заключило, что теперь с «несомненностью определилось отсутствие промышленного значения Ухтинского района» (несмотря на то, что проведенное в 1916 г. обследование показало большое будущее нефтеразработок на участке близ речки Чибью).

Велась в Коми крае и разведка золотых месторождений. Экспедиции Гофмана и Стражевского в 1847, 1848 и 1850 гг. обнаружили золото на Кожыме. В 1848 г. поиски золота в верховьях Печоры начала экспедиция П.М.Бурнашева, организованная по приказу главного начальника горных заводов Урала. В результате работ было установлено наличие небольшого количества золота на р. Волоснице и в некоторых других местах. В 1860 и 1861 гг. М.К.Сидоров организовал поиски золота в бассейне Щугора. Его доверенные Золотилев и Степанов открыли золотосодержащие россыпи по притокам Щугора Волоковке и Филип-Ель. Истратив на поиски около 30 тыс. руб., М.К.Сидоров сделал заявку на россыпное золото в семи местах, но разрешения на разработку не получил. В начале 1860-х гг. огромные средства в поиски золота на Печоре вкладывал Д.Е.Бенардаки, но видимых результатов не достиг.

Вспоминали и про месторождения других полезных ископаемых, казалось бы, давно забытые – в 1839 и 1841 гг. были предприняты новые попытки поисков руды на р. Цильме, закончившиеся неудачей.

Лес, соль и железо

Существовавшим в Коми крае заводам XIX в. не принес значительного прогресса. В начале XIX в. управление Кажимским и Нючпасским заводами ввиду несовершеннолетия последнего представителя семьи заводчиков Курочкиных находилось под опекой дворянина Голохвастова. Молодой Курочкин, согласно местной легенде, приведенной в книге П.В.Засодимского «Лесное царство», посетил один из заводов, где при неясных обстоятельствах погиб во время пожара. Заводы перешли в владение к Голохвастову.

Нювчимский завод на рубеже XVIII и XIX веков оказался на грани закрытия, поскольку его владельцы Грибановы лишились кредита. Тем не менее заводчики принимали меры для стабилизации положения и продолжения работ. В апреле 1801 г. владелец Нювчимского завода Грибанов сообщил в Берг-коллегию, что купил у Г.М.Походяшина крепостных крестьян (56 душ мужского и 62 души женского пола) для работы на заводе. В том же году он купил трех крепостных в Петербурге и получил разрешение Берг-коллегии на покупку еще 63 человек. В 1802 г. в поселок при Нювчимском заводе переселены для работы 60 крепостных крестьян мужского пола из Кадниковского округа Вологодской губернии. (Они были приписаны к заводу еще в 1801 г.).

Но в конце концов в 1806 г. Нювчимский завод все же был приостановлен из-за отсутствия средств у его владельцев. Грибановы обратились к морскому министру с просьбой о заключении контракта на 5 лет на отливку на заводе балласта для

Архангельского порта. Деньги они просили вперед под залог завода. Заводчики собирались также просить ссуду в Берг-коллегии на 5 лет, чтобы выправить дела на заводе. Однако все попытки Грибановых наладить работу Ньючимского завода в конечном итоге оказались безуспешны. В 1809 г. за заводом числилась оброчная недоимка 1306 руб., и Московское горное правление определило «завод в отвращение дальнейшего его расстройства на удовлетворение кредиторов и накопившейся оброчной недоимки продать с аукционного торгу». В 1811 г. военный министр Барклай де Толли сообщил Горному департаменту, что Ньючимский завод с землей и крестьянами желает купить немецкий предприниматель Вистингхаузен, дабы устроить там «фабрику для выделки инструментов для сельского домоводства, особенно же всех сортов ружей, разумея и армейские». Предложение было отклонено.

В 1813 г. Ньючимский завод купили за 43 тыс. рублей дворяне Голохвастовы, владевшие группой Кажимских заводов (Кажимским и Нючпасским на верхней Сысоле, Кирсинским и Песковским на Вятке). До 1827 г. владелицей всех Кажимских заводов была гвардии штабс-капитанша Александра Михайловна Голохвастова, затем инженер-капитанша Мария Васильевна Боборыкина, а в 1842-1856 гг. ими владел тульский купец 1-й гильдии Абрам Иванович Маликов. В 1856 г. заводы перешли в руки дворянина, отставного поручика Дмитрия Егоровича Бенардаки, владельца сибирских золотых приисков. Этими приисками управлял выходец из Усть-Сысольска В.Н.Латкин, энтузиаст развития экономики Севера. Возможно, не без его влияния Д.Е.Бенардаки принял решение о покупке Кажимских заводов. Д.Е.Бенардаки был знаком с Н.В.Гоголем, оказывал ему материальную помощь, послужил прототипом положительного героя Костонжогло в «Мертвых душах».

На предприятиях проводилось некоторое техническое переоснащение и ремонт. На кричных фабриках Нючпасского и Кажимского заводов были установлены дополнительные молоты, на Кажимском заводе построили плющильную с тремя катальными станами, а на Ньючимском заводе в 1852 г. отремонтировали плотину.

В 1828 г. на Кажимском заводе имелись две кричные фабрики, плющильная фабрика, пильная мельница, мукомольная мельница, кузница. При Нючпасском заводе имелось 63 рудника, заводская плотина, доменная печь, кричная фабрика, кузница, мукомольная мельница, при Ньючимском заводе – 78 рудников, заводская плотина, доменная печь, кричная фабрика, кузница, мукомольная мельница, плющильная фабрика. Поначалу производство развивалось и в 1840-х гг. достигло своего пика: в это время выплавлялось до 135,5 тыс. пудов чугуна и выковывалось около 153,2 тыс. пудов железа. В Ньючиме в 1840 г. выплавляли 22528 пудов чугуна и выковывали 18417 пудов железа.

При Д.Е.Бенардаки во второй половине 50-х – начале 60-х гг. на заводах построены доменная печь, пять кричных горнов, литейная вагранка. Опытные мастера были выписаны с Урала. По словам писателя П.В.Засодимского, «в эту эпоху на заводах, особенно Кажимском, жилось привольно, ...веселее, чем в... средневековом, рыцарском замке. Там была многочисленная администрация, предприятия затевались на широкую ногу; наезжали гости издалека, устраивались блестящие праздники, пикники, шампанское лилось рекой...».

Постепенно менялся состав постоянных рабочих, выполнявших основные заводские работы. Сократилось количество крепостных работников – в 1840 г. на трех заводах числилось 69 крепостных рабочих мужского пола. В то же время росла численность вольнонаемных рабочих. Большинство рабочих и в это время были русскими (среди вольнонаемных – переселенцы из Вятской и русских волостей Вологодской губерний). Выходцев из коми селений насчитывалось немного: Белоголов из Ыба, Шарапов из Визингской волости, Напалков из Усть-Кулома. На подсобных работах (добыча и подвозка руды и извести, рубка и доставка дров, жжение угля) трудились вольнонаемные крестьяне (от 1400 до 2320 чел. в 1840-х гг.) из сысольских и вычегодских селений: Ыба, Пажги, Вильгорта, Зеленца, Гривы, Усть-Нема и др. Заработная плата была низкой, наличными деньгами заводские работники ее почти не получали. Заводовладельцы вносили за крестьян подати и недоимки в казну. Крестьяне должны были отрабатывать эти деньги на подсобных

работах. Учитывая низкие расценки, расплатиться с долгами удавалось немногим; на долги начислялись проценты, увеличивавшиеся год от года долги приходилось отрабатывать уже следующим поколениям крестьян.

Все стороны не только труда, но и быта крепостных рабочих находились в ведении заводской конторы. Своя полиция следила за порядком, соблюдением религиозных правил. Основным наказанием за проступки были розги и плети, отдача в рекруты. От конторы зависело вступление в брак. Так, нювчимскому мастерскому Силину «жениться на вольной девке» разрешили «только в уважение долговременной службы отца его». Вдове нювчимского рабочего Д.Анисимовой объявили, что будут выдавать ей продукты «по общественному расчислению для одинокой женщины впредь до ее замужества, от которого по молодости своей она не должна уклоняться».

Д.Е.Бенардаки в 1860 г. организовал разведочные работы на р. Сойве (притоке Печоры) на месторождении бурых железняков, рассчитывая найти новые рудные места для своих заводов. Результаты этих поисков не известны; вероятно, особого успеха достичь не удалось. Огромные средства Бенардаки вложил в поиски золота, но каких-либо практических последствий эти исследования не имели. Возможно, эти неудачные разыскания и большие затраты привели к тому, что в 1865-1872 гг. Кажимские заводы простаивали.

Хотя продукция заводов пользовалась определенным спросом в Коми крае и за его пределами, а в 1896 г. сысольское литье было удостоено большой серебряной медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, но устаревшее оборудование приводило к низкой по сравнению со многими другими заводами России производительности труда, высокой себестоимости продукции, затруднениям с ее сбытом и в итоге к сокращению объемов производства во второй половине XIX в.

Писатель П.В.Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге скептически отозвался о состоянии сысольских заводов, однако заметил, что «если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа», то «тут можно бы ворочать миллионными предприятиями; здешние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и с европейскими рынками... Мало ли что здесь могло бы быть!» Засодимский предположил, что объединившиеся в артель рабочие могли бы с большим успехом сами организовать работу заводов.

Чикаго из Нювчима и других заводских поселков, однако, не получился. В конце XIX в. наметился был некоторый подъем в деятельности местных заводов, были введены некоторые технические новшества, но сколь-либо значительных последствий для развития заводов, повышения их конкурентоспособности это не имело.

По предположению Л.П.Роцевской, Д.Е.Бенардаки скончался, видимо, в середине 60-х гг. Его наследники владели Кажимскими заводами на посессионом праве. (Им принадлежал также Сормовский завод в Нижегородской губернии, они являлись учредителями Сибирского торгового банка, основанного в Екатеринбурге). В 1872-1880 гг. заводы арендовал екатеринбургский купец 1-й гильдии Е.П.Трофимов, с 1880 г. заводами от имени опекунского управления над имуществом и делами наследников Д.Е.Бенардаки управлял В.С.Косолапов. К открытию Нижегородской выставки 1896 г. управление издало брошюру «Кажимские заводы наследников Д.Е.Бенардаки в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии». Дети Д.Е.Бенардаки статский советник Н.Д. Бенардаки и графиня Е.Д.Перхенштейн, жившие в Париже, владели заводами до 1912 г., затем предприятия стали собственностью петербуржца В.А.Бутлерова – дворянина, промышленника, члена Государственного Совета.

В начале XX в. заводы работали неровно, производство то сокращалось, то увеличивалось. По несколько месяцев в году заводы простаивали. Начало I мировой войны принесло некоторое оживление в работу металлургических предприятий. Они стали

выполнять военные заказы (изготовление чугунных корпусов для мин и некоторые другие). В 1918 г. солеваренный и металлургические заводы были национализированы.

Продолжал действовать Сереговский солеваренный завод. В 1820 г. он перешел в руки вологодского купца Витушешникова, который постепенно сокращал количество крепостных работников и увеличивал число вольнонаемных, надеясь, что увеличится и производительность труда. С 1820 г. он начал строить новую солеподъемную трубу. В 1828 г. на заводе имелось 10 варниц, работали 16 солеваров, 16 подварчиков, 20 кузнецов, 1 трубный мастер, 1 помощник трубного мастера, 4 столяра, 2 каменщика, 102 человека «в черных работах» и др.; было выварено 192508 пудов соли. В 1830-1850-х годах вываривалось от 180 до 200 тыс. пудов соли.

В 1856 г. сользавод перешел в руки «Беломорской компании», а в 1880-е гг. его купил архангельский купец 1-й гильдии А.В.Булычев. Из-за плохой технической оснащенности завода производительность труда была низкой. В конце 1890-х гг. в год вываривалось 150 тыс. пудов соли – вдвое меньше, чем в 1830-х гг. Соль частично продавалась в самом Коми крае, а основная часть весной сплавлялась по Выми, Вычегде, Сев. Двине, Сухоне до Сольвычегодска, Котласа, Устюга, Архангельска, Вологды, где продавалась на рынках. В конце XIX в. Булычев владел тремя пароходами (он в 1868 г. основал пароходство на Северной Двине), содержал в Усть-Сысольске амбар, в котором оптом и в розницу продавались соль и морская рыба; обороты торговли составляли от 10 до 30 тысяч рублей ежегодно. Как пишет историк М.Б.Рогачев, А.В.Булычев прославился своей благотворительной деятельностью: жертвовал значительные средства монастырям, строил и украшал храмы. На его средства в 1894 г. был открыт женский Крестовоздвиженский монастырь на р. Кылтровке (приток Выми). Под конец жизни А.В.Булычев оставил дела и ушел в монастырь. Управление Сереговским заводом перешло к его жене Белявской (она сдавала завод в аренду осинскому купцу 2-й гильдии Гурылеву; управляющим заводом вплоть до национализации являлся Осетров).

Несколько более динамично в Коми крае в XIX в. развивалась лесная промышленность. В 1802 г. русские поданные получили право вывозить лес за границу. Из Вологодской и Архангельской губерний разрешалось вывозить вначале по 50000, затем по 75000 бревен ежегодно, а позднее количественные ограничения были отменены. В 1809–1813 гг. на Печоре впервые заготавливалась лиственница для Архангельского порта. Еще раз ее заготавливали в 1830–1831 гг., однако, как писала историк В.И.Цивунина, доставка леса в Архангельск с верховьев Печоры и Мезенского бассейна была чрезвычайно затруднительна, поэтому эти заготовки не могли принять широкого размера.

С 1820 г. право на лесозаготовки получила не только казна, но и частные предприниматели. Купцы из Архангельска, Вологды, Лальска и других городов нанимали прилузских, вычегодских и других крестьян на рубку деревьев, распиловку их на доски и сплав в Архангельск «для заморского отпуску». Но в целом объем лесозаготовок оставался небольшим: лишь в 1809-1813 и в 1830-1831 гг. заготавливалось довольно много лиственницы. В 1840-х гг. в районе Межога, Жешарта, Арабача и Палевиц местные крестьяне заготавливали сосновый лес и пили доски по заказу казны.

Значительные усилия по развитию лесодобывающей промышленности предпринимал Василий Николаевич Латкин (31 декабря 1809 (12 января 1810) – 28 сентября (10 октября) 1867). В.Н.Латкин родился в с. Корткерос, откуда вскоре после его рождения семья переехала в Усть-Сысольск. Он получил домашнее образование, с 12 лет занимался торговлей в Усть-Сысольске, помогая своему отцу. В октябре 1825 г. Латкин впервые приехал на Печору и находился там в течение семи недель; эти места произвели на него неизгладимое впечатление. С 1832 г. В.Н.Латкин находился в Пермской губернии на частной службе у крупного промышленника М.Г.Сведомского: управлял его винокурненным заводом, закупал хлеб. Вернувшись в Усть-Сысольск, унаследовал дело своего отца, стал купцом 3-й гильдии.

В 1840 и 1843 гг. В.Н.Латкин совершил длительные путешествия по Печоре и Ижме, изучил природные богатства края. В 1837 и 1841 гг. он разработал проекты экономического развития Коми края. В.Н.Латкин мечтал превратить отсталый в экономическом отношении аграрный край в регион с мощной промышленной и транспортной базой, предлагал организовать добычу полезных ископаемых, развивать оленеводство и другие традиционные отрасли местного хозяйства, построить новые соляные и металлургические заводы (в 1840 г. он, в частности, ходатайствовал о праве беспроходной добычи соли) и др. Руководить выполнением этих грандиозных планов должна была специальная торгово-промышленная компания, которую В.Н.Латкин предлагал создать в Печорском крае. С этими проектами он обращался в министерство финансов и министерство государственных имуществ Российской империи, но не получил поддержки.

Тогда В.Н.Латкин решил покинуть Коми край и в 1845 г. был перечислен в купечество г. Канска Енисейской губернии. В Сибири он стал управлять золотыми приисками, принадлежавшими Д.Е.Бенардаки, жил в Красноярске. Проведя за Уралом почти полтора десятилетия, В.Н.Латкин не оставил, однако, своей мечты об учреждении собственной компании на Печоре, изучал способы лесосплава по сибирским рекам и, бывая по делам в российской столице, продолжал тревожить высоких чинов в правительстве своими проектами.

В 1859 г. идея Латкина наконец осуществилась. Он перебрался в Петербург (по данным В.В.Политова, стал купцом 1-й гильдии в Царском Селе) и вместе с П.И.Крузенштерном, промышленниками Волковым и Нелидовым создал Печорскую компанию (товарищество). Латкин первым предложил вкладывать деньги в освоение Европейского Северо-Востока России, обладающего огромными природными богатствами. Он призывал не жалеть средств для освоения края: «Когда же явятся здесь капиталы, тогда страна, омываемая водами Печоры и Вычегды, процветет». На первое место В.Н.Латкин ставил разработку лесных богатств Коми края, и печорская компания была призвана заниматься заготовкой и сплавом леса к устью Печоры и экспорта его за границу. Для более выгодной торговли купец предлагал построить в устье Печоры морской порт. Правительство не поддержало начинания В.Н.Латкина. На свой страх и риск он начал заготовку и вывоз леса на Печоре. В 1860 г. три из четырех зафрахтованных им иностранных кораблей с лесом погибли в Печорском заливе, что стало для промышленника большим ударом. В 1861 г. три корабля Печорской компании добрались до Англии и Франции, но это был последний успех В.Н.Латкина. Он разорился и умер.

В 60-х гг. XIX в. заготовки леса велись на довольно обширном пространстве в бассейнах Печоры, Вычегды, Сысолы, а затем и в других районах Коми края. Упомянутый промышленник М.К.Сидоров, фактически возглавив в 1860-х гг. основанную В.Н.Латкиным Печорскую компанию, организовал вывоз лиственницы с Печоры в Англию, Голландию, Испанию и другие европейские страны, отправлял корабли с печорским лесом в Кронштадт. Он предлагал построить лесопильный завод и крупный порт в устье Печоры, выдвигал ряд других предложений по экономическому развитию Севера России. Свои идеи М.К.Сидоров изложил в поданных в правительство проектах и записках. Полученный им ответ гласил: «Так как на севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немыслимы, то... необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот... Такие идеи могут проводить только помешанные». Без помощи властей М.К.Сидоров не смог осуществить свои планы. Его суда, перевозившие лес, часто терпели крушения близ устья Печоры, принося огромные убытки. Немало денег ушло на поиски ухтинской нефти. В конце 70-х гг. XIX в. М.К.Сидоров и «Печорская компания» разорились.

Другие лесопромышленники оказались более удачливы. В 1870 г. крупная компания «Н.Русанов-сын» добилась льготных условий заготовки леса на Мезени и Вашке. Контроль за ее деятельностью был слабым, и лес вырубался почти без ограничения. Привлеченные прибылями этой компании, в последующие десятилетия заготовкой леса в Коми крае

занялись «Беломорская компания», торговые дома «Амосов, Гернет и К°», «Ульсен, Стампе и К°» и другие русские и иностранные предприниматели. Их деятельность определялась запросами главным образом иностранных (английского и других европейских) рынков. На российский рынок шла незначительная часть леса: вятские и царицынские промышленники сплавляли его по Летке и Кобре для спичечных фабрик Вятской губернии, на Царицынский лесопильный завод, в Саратов, Астрахань. Все эти компании и предприниматели занимались в Коми крае лишь лесозаготовкой, нещадно истребляя леса в стремлении как можно дешевле получить высокосортную древесину. Никаких обрабатывающих предприятий в крае они не строили, поскольку, как правило, владели лесопильными заводами в Архангельске и других городах, откуда уже в обработанном виде лес шел на рынки.

Отдельные местные купцы (усть-сысольцы А.Забоев, А.Кузьбожев, В.Оплеснин) в конце XIX в. также начали самостоятельно заниматься лесозаготовками, но им всячески препятствовали уже закрепившиеся ранее в этой сфере конкуренты. Архангельские лесозаводчики в 1898 г. даже заключили между собой соглашение об отказе закупать у усть-сысольских купцов заготовленный ими лес и требовали, чтобы правительство запретило усть-сысольцам вести заграничную торговлю лесом. Выдержать конкурентную борьбу мелким коми промышленникам было крайне сложно.

Пришедшие на Печору после М.К.Сидорова лесопромышленники на своем опыте убедились в неудобности перевозки леса с Печоры морем к лесопильным заводам других регионов. Первая же операция шведской фирмы «Альфред Лидбек и К°» по отправке нераспиленных бревен в 1900 г. завершилась полным провалом: «При передаче на морские пароходы леса особыми баржами» близ устья Печоры, - вспоминал один из работников фирмы, - «все баржи морским волнением были разбиты и весь лес рассеялся по океану». Пришлось признать правоту М.К.Сидорова, и вот в 1901 г. в устье Печоры был построен шведский лесопильный завод (сгоревший в 1905 г.). В 1903 г. там появился второй завод, принадлежавший товариществу «Стелла поларе» (его пайщиками являлись российские, норвежские, шведские и английские промышленники); в 1906 г. на заводе работало 400 человек.

В самом начале XX в. из-за экономического кризиса в России лесозаготовки в Коми крае сократились, но к 1905 г. положение улучшилось, и лесная промышленность благополучно развивалась до I мировой войны. В годы войны объем лесозаготовок и работ на лесопильном заводе «Стелла поларе» сократился.

На лесозаготовки нанимались временные рабочие (обычно составлялись артели из крестьян одного селения), рубившие и вывозившие лес к рекам. Сплавляли плоты из бревен местные лоцманы. Собственные топор да лошадь - вот и все «технические средства», имевшиеся в распоряжении коми лесозаготовителей. Не было ни нормированного рабочего дня, ни медицинской помощи, ни страховки от травм, полученных во время работы. Увечным оставалось лишь уповать на сострадание служащих той или иной фирмы. Крестьянин Безносилов из Спаспоруба «на заготовке сортового леса изувечил правую ногу и остался без работы на всю зиму, в которую мог бы заработать на пропитание семейства, состоящего из 5 человек». Он писал: «Имею честь просить вашей фирмы явить божескую милость, дать мне помощь, по крайней мере, 25 рублей».

В 1854 г. Кузьма Аслин и Иван Циммерман, выпускники Санкт-Петербургского технологического института, прибыли в с. Ижму, чтобы «развить в этом крае отрасли промышленности, которые окажутся более полезными», и попытались построить в двух верстах от села крупное предприятие по выделке замши. В от села началось строительство замшевого завода в основном завершилось к лету 1855 г. На заводе работали четыре мастеровых из окрестных селений, имелись шесть чанов и одна машина с конным приводом. В течение первого года работы на заводе было переработано в замшу 200 оленьих шкур. Но местное население, поначалу доброжелательно отнесшееся к пришельцам и их начинанию, позднее, боясь конкуренции, стало препятствовать снабжению завода сырьем. Заводчики писали, что «крестьяне вовсе не содействуют, так как находят завод соперником в выделке с

другими производителями». Торговцы замшей также предпочли иметь дело с мелкими производителями. В результате завод попал в сложное положение и вскоре закрылся.

Несколько мелких предприятий появилось в первой половине XIX в. в Усть-Сысольске. В 1820-х годах здесь имелись два небольших кирпичных завода, продукция которых сбывалась в самом городе. В 1861 г. в Усть-Сысольске существовали уже четыре заводика, а кирпичи продавались не только в городе, но и в окрестных деревнях. В 1813 г. мещанин Лежнев «при доме отца своего» имел кожевенную мастерскую. В 1816 г. в Усть-Сысольске купец Иван Еремеев открыл кожевенный завод. В 1828 г. на нем имелось 11 чанов, работали 2 мастера, 1 подмастерье, подсобных рабочих 5, было выделано «юфти черной 300 штук, подошвенной – 50, опойков – 500», «почти все оное количество продано на месте и на ярмарках». В 40-х годах XIX в. в Усть-Сысольске работало уже два небольших кожевенных завода, продукция которых продавалась в Усть-Сысольске и Устюге. Конечно, назвать эти маленькие предприятия промышленными можно лишь с огромной натяжкой.

Пути сообщения, почтовая связь и торговля

В XIX и начале XX вв. появилось немало проектов транспортного развития Коми края. В 1806 г. на Урале работала экспедиция полковника Попова, намеревавшаяся проложить канал между Обью и Печорой. Но выяснилось, что трасса канала оказалась спроектирована очень неудачно, намного выше уровня обеих рек, и работы были прерваны. Через несколько лет ведомство водных коммуникаций принялось разрабатывать проект Румянцевского канала, и снова безуспешно. Идею о соединении Печоры и Оби надолго забросили. Затем к ней вернулся упоминавшийся промышленник В.Н.Латкин, предлагавший провести дороги и каналы, которые связывали бы между собой бассейны Печоры, Вычегды, Камы и Оби (один из каналов, по его мнению, должен был протянуться от Печоры через Уральские горы к Оби). В 1850 г. за проект Обско-Печорского канала взялся видный русский металлург П.П.Амосов, однако и его начинание не имело каких-либо значительных последствий. Позднее, уже в 50-70-х годах XIX в. над возможностью соединения притоков Печоры и Оби путем строительства канала через Урал задумывался известный исследователь Печорского края П.И.Крузенштерн. Определенную помощь оказал ему в этом ижемец И.Артеев, нарисовавший карту истоков рек и указавший наиболее удобное для постройки канала место в верховьях Усы.

Большие надежды в начале XIX в. связывались с Северо-Екатерининским каналом, строительство которого возобновилось в 1803 г. по указанию императора Александра I. В 1805 г. для того, чтобы ускорить работы по строительству Северо-Екатерининского канала и усилить контроль за их выполнением, надзор за строительством был поручен пермскому и вятскому генерал-губернатору Модераху. В 1806 г. русский статистик Зябловский писал: «Канал сей заслуживает внимания частью потому, что посредством оного разные произведения из губерний Вятской, Пермской, Оренбургской могли бы привозимы быть в кратчайшее время к Архангельскому порту, а частью потому, что можно плавить беспрепятственно корабельный лес к Архангельскому адмиралтейству, растущий в великом изобилии в сей стране, особливо около Чердыня». Канал мог оживить экономическую жизнь Коми края, укрепить его связи с Прикамьем.

В 1812 г. на строительстве окончили выемку земли, но его дальнейшее обустройство было приостановлено из-за войны с Наполеоном. Частично судоходство по каналу все же открылось. В 1813 г. по нему прошли 48 судов с грузом. Вскоре выяснилась необходимость доделки канала. По поручению правительства генерал-майор Леонтьев в 1816 г. побывал на трассе Северо-Екатерининского канала и подготовил доклад, в котором высказался за завершение строительства. Работы возобновились в 1818 г. и в основном завершились в 1822 г. Через некоторое время стало ясно, что надеждам на канал не суждено было оправдаться. Он был построен с большими техническими ошибками, недостаточно глубокий. К тому же

канал проходил по необитаемым местам, наблюдать за ними было почти некому, и он постепенно засорялся и разрушался. В 1824 г. по каналу прошло всего четыре судна, в 1827 г. - семь судов.

В 1833 г. главное управление путей сообщения заключило, что Северо-Екатерининский канал не может быть причислен к числу государственных путей из-за незначительного судоходства по рекам Северной и Южной Кельтме и Джуричу, и остановило намеченные мероприятия по дальнейшему обустройству канала. В 1837 г. Северо-Екатерининский канал передали из военного в гражданское ведомство, деньги на его ремонт перестали выделяться. Уже к 1838 г. канал оказался настолько запущен, что стал непригодным для прохода больших судов и почти перестал использоваться. В конце 50-х гг. XIX в. он именовался «упраздненным Северо-Екатерининским каналом», при котором имелся выселок из двух дворов, положивший начало нынешней деревне Канава. Название ее довольно точно, увы, передает состояние гидротехнического сооружения, которому прочили такое блестящее будущее... От выселка в середине XIX в. протянулась зимняя дорога до Чердыни; использовалась она только после выпадения снега, ездили по ней на санях. А как только снег таял, дорога превращалась в полнейшее бездорожье.

С развитием металлургической промышленности в I половине XIX в. появилась зимняя дорога, соединявшая поселок при Кажимском заводе с населенными пунктами в верховьях Камы. Из Ужгинской и Койгородской волостей вела дорога к Коберской пристани, откуда отправлялись суда на Вятку. Но основной путь с Вятки по-прежнему проходил по р.Летке и от ее верховьев сухопутной дорогой на верхнюю Лузу, к Ношулю. От Ношуля Вятский тракт пролегал через Объячево, Занулье и Визингу до Усть-Сысольска. А Усть-Сысольск в I половине XIX в. был связан почтовыми трактами с Яренском и далее с Сольвычегодском и Вологдой, а по другую сторону - с Усть-Куломом, Помоздино и Троицко-Печорском. К городу Лальску в низовьях Лузы тракт шел от Занулья.

В 60-е гг. XIX в. были сделаны первые шаги в развитии пароходства в Коми крае. Свой вклад внес в это уже известный нам М.К.Сидоров. 15 июня 1863 г. он получил разрешение на учреждение пароходства на Печоре. В 1864 г. М.К.Сидоров приобрел у одного из петербургских промышленников двухвинтовой железный пароход английской постройки, который был доставлен в верховья Камы. С ее притоков по волоку пароход, получивший название «Печора», перетащили в верховья Печоры. В конце августа 1864 г. судно отправилось в свое первое плавание по этой реке. 28 августа 1864 г. троицко-печорцы впервые увидели подплывающий к их селу пароход, который они «встретили с особым торжеством и молебствием, как предвестника оживления их страны». М.К.Сидоров изучил фарватер и глубины Печоры и Печорского залива, Усы и Лемвы, готовил лоцманов из местных жителей, но его далеко идущим планам не суждено было осуществиться из-за разорения.

На несколько лет дело по развитию пароходства на Печоре заглохло, но в 1881 г. чердынский купец И.А.Суслов открыл движение буксирного парохода, тянувшего баржу от Якшинской пристани в верховьях Печоры до селения Куя в ее низовьях. За это славное начинание он получил золотую медаль от «Общества содействия русской промышленности и торговле». В последующие годы к И.А.Суслову присоединились со своими пароходами чердынские купцы М.В.Черных и другие. В 1886 г. на Печоре между Якшей и Кудей плавали три буксирных парохода, в 1897 г. - пять пароходов.

Развитие пароходства на Печоре вызвало появление в 80-е гг. идеи строительства каналов между верховьями Печоры и Камы, но ее не воплотили в жизнь. В 1895 г. правительство ввело регулярное движение товаро-пассажирских пароходов по Печоре от Куи до Щугора, заключив договор на содержание двух судов с М.В.Черных. С 1897 г. товаро-пассажирские суда стал обслуживать купец С.Н.Норицын (он был родом из г. Лальска, но жил в Ижме). С годами пароходов на Печоре становилось все больше. В начале XX в. два парохода имела, например, «Ижемская трудовая артель», организованная

местными крестьянами. В 1912 г. на Печоре имелось 16 пароходов и около 30 барж, в 1917 г. - 20 пароходов, принадлежавших частным лицам.

Во второй половине XIX в. началось движение пароходов и на Вычегде. В 60-90-е гг. здесь ходило от двух до восьми пароходов, принадлежавших разным людям; в начале XX в. количество судов увеличилось. Тремя пароходами владел хозяин Сереговского сользавода А.В.Булычев. Усть-сысольский купец А.М.Забоев имел пароход «Тотьма», крестьянин Яренского уезда П.Н.Козлов - пароход «Вымичанин». В 1898 г. было введено регулярное пароходное товаро-пассажирское сообщение от Устюга до Усть-Сысольска; его осуществляли колесные, с деревянными корпусами, работавшие на дровах суда акционерного общества «Котлас-Архангельск-Мурман» (позднее - Северное пароходное общество). Поначалу пароходы ходили из Устюга в Усть-Сысольск один раз в неделю, в 1911 г. - уже шесть раз в неделю. С 1907 г. были налажены регулярные пароходные рейсы в Усть-Сысольск из Вологды и Архангельска.

По мере усиления движения судов по Вычегде проводились работы по обустройству водных путей. В 1890 г. проводилось обследование Вычегды и заброшенного Северо-Екатерининского канала (в это время обсуждался вопрос о восстановлении водного пути с Камы на верхнюю Вычегду для перевозки грузов с Волги в Архангельск). В 1908-1909 гг. изучались возможности вывоза ухтинской нефти по Выми и Вычегде. В 1909 г. на Вычегде появился судоходный надзор, были расставлены вехи на фарватере от ее устья до Усть-Сысольска. В 1910 г. ввели частичное освещение на нижней Вычегде (бакены), а в последующие годы довели его до Усть-Сысольска. Случались, однако, и накладки: освещение («обстановка») включалось в соответствии с расписанием движения пароходов, а так как суда «часто не могут выдержать такового, то нередко пароход проходит ночью те места, где ночной обстановки нет». Слава Богу, умели плавать в те годы и без «обстановки»... С 1910 г. проводились расчистки Вычегды (в меньшей мере Выми, Сысолы, Вишеры, Нившеры и их притоков) от мелей, камней, затонувших бревен. В частности, в 1911-1912 гг. расчистили приток Выми речку Ропчу, по которой намеревались вывозить нефть с Ухты. Пытались расчистить Северо-Екатерининский канал, но без большого успеха - в 1915 г. побывавший там губернатор обнаружил канал в плачевном состоянии. Работы по обустройству судоходства продолжались даже в годы мировой войны.

Немало было сделано и для строительства дорог. В 1869 г. все тот же неуемный М.К.Сидоров разработал проект дороги с Печоры и Усы через Урал на Обь. Собирался он также построить рельсовую дорогу от с. Щугор на Печоре до зауральского с. Ляпино (Саранпауль), которая могла бы стать важной торговой коммуникацией между Европой и Азией на Севере. Печорские жители и тобольские купцы поддержали эту идею; печорцы даже высказали пожелание поселиться вдоль такой дороги. В середине 1870-х гг. начались работы по строительству Петровской (так ее назвал Сидоров) дороги, но в 1876 г. губернские власти распорядились прекратить их.

Пять лет спустя иркутский купец А.М.Сибиряков решил продолжить строительство тракта между Щугором и Ляпино. В 1884 г. А.М.Сибиряков на оленях проехал с Печоры на Обь; об этом сообщили некоторые российские журналы. Однако обустройство трассы продолжалось еще несколько лет. В 1886 г. Сибиряков начал оборудовать летний колесный путь и даже задумывался об осуществлении идеи Сидорова относительно узкоколейной железной дороги, но ни то, ни другое не было воплощено в жизнь. В 1888 г. строительство зимнего тракта, получившего название Сибиряковского, полностью завершилось. На Печору повезли сибирский хлеб, а в обратном направлении - семгу, продукцию брусяно-точильного промысла и оленеводства. Но значительного развития проходивший по нежилым местам тракт не получил - обслуживать его было весьма сложно. Правда, на рубеже XIX-XX вв. интерес к тракту усилился из-за выдвинутого сибирскими промышленниками предложения построить в устье Печоры или Оби порт для беспошлинной торговли с границей. Увы, все в очередной раз кончилось разговорами, и тракт постепенно оказался заброшен.

В Яренском и Усть-Сысольском уездах особенно большую роль в организации дорожного строительства сыграли уездные земства; они же организовали в 70-х гг. и земскую почту. В Усть-Сысольском уезде она появилась в 1872 г. Два раза в неделю уездный центр имел почтовое сообщение с волостями. Для сопровождения почты были наняты девять рассыльных. В 1881 г. закончилось сооружение проселочной дороги Шежам – Буткан, связавшей нижнюю Вычегду с отдаленными удорскими волостями. В течение 1886 г. была протянута телеграфная линия от Устюга до Усть-Сысольска (ранее телеграммы доставлялись на лошадях). 12 ноября 1886 г. работа была завершена, и после благодарственного молебна, отслуженного протоиереем Усть-Сысольского Троицкого собора, в Усть-Сысольске открылся прием корреспонденции. В 1914 г. установили телефонную связь между Усть-Сысольском и Койгородком. Был телефонизирован и нефтепромысел А.Гансберга. В 1914 г. в Усть-Сысольском уезде была введена государственная почта на направлении Усть-Сысольск – Кажим.

В 1894 г. завершилось строительство почтового тракта от с. Койнас на Мезени до Усть-Цильмы, сыгравшего важную роль в укреплении связей между Печорским и Мезенским регионами, в экономическом развитии Печорского края. Вдоль Койнасского тракта протянули телеграфную линию. В 1900 г. началось строительство дорог от Усть-Нема до д. Ксенофонтовской (Пермская губерния) и от с.Летки к железнодорожной станции Мураши. Движение по дорогам осуществлялось, как и ранее, исключительно гужевым транспортом. Правда, в начале XX в. в Коми крае, по сведениям историка М.Б.Рогачева, появился первый автомобиль. Известно, что в 1913 г. владельцы Кажимского завода впервые проехали на автомашине из Усть-Сысольска в Кажим, однако в ряде случаев из-за плохого состояния дороги пришлось тащить автомобиль на лошадях. Сколь-либо заметного развития автомобильный транспорт в дореволюционный период не получил.

В начале XX в. была предпринята первая попытка строительства железной дороги на территории Коми края. По данным краеведа Н.Д.Урюпина, в 1910 г. Чердынское земство возбудило ходатайство о постройке на казённый счёт железной дороги от станции Усольская (Усолье) до села Троицко-Печорск с ответвлением на Ухту. К ходатайству присоединились Соликамское земство, Гурлевский и Нижегородский биржевые комитеты. В ноябре 1910 г. специальная депутация приехала в Петербург и побывала у министра путей сообщения и председателя Совета министров П.А.Столыпина. Правительство отказалось строить дорогу на средства казны. Столыпин посоветовал «произвести изыскания на местные средства и приискать частных предпринимателей, которые взяли бы на себя постройку этой линии на концессионных началах при гарантии правительства».

Видный специалист по железным дорогам Г.В.Андрианов взялся руководить техническими и экономическими изысканиями, составить проект дороги и помочь в создании акционерного общества. В феврале 1911 г. в Чердынь из Министерства путей сообщения пришло разрешение «произвести изыскательные работы по Камско-Печорской железной дороге на собственные средства». Летом 1911 г. на трассе будущей дороги начали работу три отряда. Два из них вышли из Троицко-Печорска и взяли направление на Ухту и на дер. Ксенофонтово, располагавшуюся на р. Пильве – левом притоке Камы. Третий отряд, начав от Усоля, должен был сомкнуться со вторым у Ксенофонтово. Наиболее трудным для работы был Ухтинский маршрут. На пробивке просек работали крестьяне из Троицко-Печорска и д. Ксенофонтово. К осени 1911 г. полевые работы были закончены.

Протяженность этой дороги по проекту составляла 350 верст. До Троицко-Печорска намечалось шесть станций. Финансировали строительство чердынское и покчинское купечество и местные земства. Статистик Чермак в 1912 г. издал в Петербурге «Записки об экономическом положении района Камско-Печорской железной дороги и её вероятном грузообороте». По его подсчетам дорога должна была ежегодно давать чистой прибыли от 450 до 545 тыс. рублей. Вероятный грузооборот железной дороги мог составить 26 -28 млн. пудов, включая лес (более 60% всего грузооборота), хлеб и соль (до 800 тыс.пудов), рыбу,

дичь, точильный камень и прочее. Стоимость постройки дороги определялась в 2,5 млн. рублей.

В 1913 г. технический проект дороги и Устав акционерного общества были одобрены специальной комиссией по новым дорогам. Дело было передано в министерства финансов и путей сообщения, где к нему отнеслись «благосклонно». Было подготовлено и мнение среди членов Совета Министров. Но противоречившие друг другу интересы разных групп торговой и промышленной буржуазии, причем не только российской, но и иностранной (английской и шведской, в частности), мешали осуществлению проекта. Компания Нобеля препятствовала развитию ухтинского нефтяного месторождения, а без перевозок нефти эффективность Камско-Печорской железной дороги значительно снижалась. В интересах вологжан было предложено удлинить железную дорогу сначала до Усть-Нема (на 140 км), потом до станции Буй Северной железной дороги, чтобы дать выход печорскому и вологодскому лесу за границу.

В конце 1914 г. Устав акционерного общества, которое должно было заниматься организацией строительства, вернули из Министерства путей сообщения «для пересмотра» в Департамент железных дорог. Поскольку дорога связала бы в единую транспортную систему бассейны Камы, Печоры и Вычегды, вследствие чего, в первую очередь, неизмеримо облегчалась транспортировка хлебных запасов на Север из камского бассейна, резко увеличивали обороты торговли, лесоразработки, то в ее постройке особенно были заинтересованы американцы. Они и получили концессию от российского правительства на строительство дороги.

В 1912 г., по данным историка М.В.Таскаева, был выдвинут другой проект строительства железной дороги в Коми крае, получивший название «вольтмановского» – по имени одного из авторов проекта предпринимателя Вольтмана. Помимо него в проекте участвовали Цейдлер, Верт и Пашков. По их замыслу, железная дорога начиналась от села Чемашевского, что на реке Обь, пересекала Урал и через Троицко-Печорск и Ухтинские нефтепромыслы выходила на Пинегу, заканчиваясь в Архангельске. В общественных кругах эту дорогу называли «Обь–Урало–Беломорской». Но принятие решения о ее строительстве затянулось.

Усть-Сысольская уездная земская управа не была заинтересована в реализации «вольтмановского» проекта Обь-Беломорской железной дороги, которая оставляла Усть-Сысольск в стороне от трассы. Видимо, в 1915 г. была выдвинута идея строительства железнодорожной магистрали Усть-Сысольск–Никольск–Буй. В январе 1916 г. Вологодское губернское земство поддержало ходатайство Усть-Сысольского земства относительно постройки такой железной дороги, но этот проект был отвергнут российскими властями. Больше перспектив было у другого проекта, который также предполагал прокладку трассы через Усть-Сысольск. В августе 1915 г. архангельский художник А.А.Борисов представил свой проект «Обь–Котласской железной дороги», по которому дорога начиналась там, где сейчас расположен Ханты-Мансийск, пересекала Урал и через Усть-Немь, Усть-Кулом и Усть-Сысольск выходила на Котлас.

В марте 1916 г. депутация из Усть-Сысольска прибыла к депутату Государственной Думы России священнику из Деревянска Д.Я.Попову с просьбой похлопотать о «железнодорожном деле». 6 апреля Д.Я.Попов совместно с усть-сысольской депутацией посетил Министерство путей сообщения и передал министру Трепову заявление о неприемлемости для Зырянского края проекта «Обь-Беломорской железной дороги» и желании иметь Обь-Котласскую железную дорогу. Но уже на следующий день Совет Министров России рассмотрел проект Обь-Беломорской железной дороги, одобрил его и отправил для окончательного принятия во второй департамент Государственного Совета империи.

Д.Я.Попов встречался по этому поводу с председателем второго департамента графом В.Н.Коковцовым, с начальником Инженерного управления МПС Козыревым, товарищем министра МПС И.Н.Борисовым, членами второго департамента Государственного Совета

О.Р. фон Экспарре, П.Н.Думитрашко, М.В.Дмитриевым, С.И.Тимашевым, К.С.Немешаевым и др., уверяя их в неприемлемости «Обь-Беломорской железной дороги». Д.Я.Попов и А.А.Борисов убеждали высших чиновников империи, что «Обь-Котласская железная дорога» - это кратчайший путь, который соединит Сибирь через Котлас с незамерзающим Мурманским портом. После строительства дороги начнется колонизация огромного Вычегодского земельного фонда, развернется лесная промышленность, возникнет возможность сочетать скорость и дешевизну сибирского торгового экспорта. 29 апреля 1916 г. второй департамент Государственного Совета не утвердил «вольтмановский проект». Однако не был принят и проект Обь-Котласской железной дороги. Летом 1916 г. в усть-сысольской типографии З.Д.Следникова вышла в свет брошюра Д.Я.Попова «К вопросу о железнодорожном строительстве на Севере», в которой автор отстаивал строительство Обь-Котласской железной дороги. Окончательное решение относительно направления строительства железной дороги с территории Коми края на запад так не было принято. Возможно, правительство решило пока сосредоточить силы на продолжавшемся строительстве Камско-Печорской железной дороги.

Летом 1916 г. на старинном торговом пути Колва–Вишерка–Березовка–Усть-Еловка появились тысячи австрийских военнопленных. Началась рубка просеки для железной дороги шириной не менее 50 сажень, возводились бараки, склады. Усть-Еловка в это время играла важную роль в торговле чердынских купцов с Печорой. Именно через усть-еловскую пристань осуществлялась переброска камского хлеба и соли в Коми край (до 200 тысяч пудов ежегодно). Весной во время половодья пароход завозил товар в Усть-Еловку, а зимой через замерзшие болота его увозили в Якшу. И в Усть-Еловке и в Якше стояли огромные склады чердынских купцов (только в Усть-Еловке их насчитывалось до 50). Из населения в Усть-Еловке были только караульщики да проживала лесная стража. Небольшие деревни Березовка, Фадины по трассе железной дороги тоже не могли обеспечить рабочими руками ее строительство. Поэтому ставка и была сделана на австрийцев.

Строительство железной дороги осуществлялось более года. На всем протяжении трассы был проложен телеграф. Прорублена просека шириной не менее 50 сажень, начали строиться мосты. Построили десятки крупных складов и барачных корпусов для рабочих, завезли в огромном количестве инструменты, палатки, телеграфную проволоку. Начался подвоз шпал и рельсов. Местное население обогатилось на железнодорожном строительстве, устраивая меновую торговлю с австрийцами и нанимаясь на работы. Поскольку дорога из Усть-Еловки протягивалась на Троицко-Печорск, то Якша с ее складами оставалась в стороне. Поэтому решено было сплавить огромные якшинские амбары на троицко-печорскую пристань.

Как пишет М.В.Таскаев, осенью 1917 г. все работы по строительству железной дороги и канала были прекращены. Австрийцы уехали. Во время гражданской войны на трассе по-прежнему стояли бараки и склады с железнодорожным инвентарем и под охраной караулов, которые не примкнули ни к красным, ни к белым. Только в начале 1920-х гг. все имущество строительства было растащено, прорубленная трасса заросла лесом, опоры мостов рухнули, телеграф сняли.

Успехи в развитии водных путей, строительство трактов, появление вблизи Коми края в конце XIX в. железной дороги содействовали развитию торговли. Количество ярмарок в Коми крае к середине XIX в. увеличилось. Ношульская пристань в конце XVIII - I половине XIX вв. стала важнейшим перевалочным пунктом в перевозке грузов от Вятской и Пермской губерний к Архангельску. Губернские и уездные власти отмечали, что «из всех пристаней по рекам Двинской системы для торговли к Архангельскому порту признается значительную пристань Ношульская», на которой «перед открытием и во время весенней навигации при сплаве барок стекается народа до 10 тысяч человек, имеющих нужду в покупке и продаже разных, особенно жизненных произведений сельской промышленности». Для поощрения к распространению и улучшению «сельской промышленности» «и вообще торговли» власти в I половине XIX в. учредили в Ношуде ежегодную ярмарку, проводившуюся в апреле. В I половине XIX в. появились также две ярмарки в Небдино (на верхней Вычегде), одна - в

Усть-Выми, еще одна в Усть-Сысольске и торжок в Троицко-Печорске. В начале 1850-х гг. были учреждены зимние и летние ярмарки в Ижемской и Усть-Цилемской волостях, в 1857 г. - зимняя ярмарка в Усть-Куломе. Кроме продовольствия, пушнины и т.д., на рынках Коми края стали продаваться и другие, разнообразные товары. В I половине XIX в. появились, например, стеклянная, фарфоровая и хрустальная посуда (фарфор и хрусталь, впрочем, были доступны только состоятельным людям), оконное стекло из Вятской губернии (тоже предназначенное для зажиточных жителей; население попроще использовало для окон слюду).

В 1892 г. в Коми крае проводилось 19 ярмарок и 12 торжков; наиболее крупными ярмарками были Георгиевская в Усть-Сысольске, Афанасьевская в Небдино, Герасимовская в Усть-Выми и Крещенская в Важгорте. Там наряду с местной продукцией продавалось все больше привозных промышленных изделий - мануфактурных, галантерейных, бакалейных. Ими торговали как местные, так и устюжские, вятские, сольвычегодские, пермские купцы. Во II половине XIX - начале XX вв., например, в Коми край стали поступать новые для местных жителей виды крупы - манка и рис (последний вообще являлся экзотическим продуктом и завозился в небольшом количестве); греча время от времени ввозилась помногу, но особым спросом не пользовалась. В это же время в край стали привозить также сухие дрожжи, ананасы, абрикосы, арбузы, лимоны, виноград, огурцы, швейные машинки, кокосовое масло, гематоген, макароны, зонты, велосипеды, стеариновые и парафиновые свечи, колесные экипажи, паровые и электрические машины, сложный сельхозинвентарь (конные косилки и т.п.) и многое другое. Даже мебель, обувь и одежда стали, в основном, покупать, а не изготавливать в домашних условиях, как раньше.

Число купцов в XIX в. быстро росло. Например, в 1820 г. в Усть-Сысольске насчитывалось 22 купца, в 1846 г. - 49, а в 1854 г. - 69. Из семьи бывших верхневычегодских крестьян, записавшихся в начале XIX в. в усть-сысольские купцы, происходил уже упоминавшийся В.Н.Латкин. Отец его, Н.М.Латкин, занимался скупкой и продажей вятского хлеба, брат, М.Н.Латкин, в 1841 г. арендовал брусняной промысел на Печоре, позднее завел дело в Сибири.

Появились торговцы-монополисты. И.В.Александров, купец из г.Слободского Вятской губернии в конце XIX в. сосредоточил в своих руках всю торговлю спиртным в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Его оптовый склад находился в Усть-Сысольске; в разных селениях Александрову принадлежало 20 лавок, а прочие торговцы спиртным приобретали товар у него. В начале XX в. наиболее широкую торговлю пивом в Коми крае вел Г.Л.Зебальд (баварский подданный, живший в Устюге); в Усть-Сысольске он держал оптовый склад пива. В городе и в ряде вычегодских сел имелись принадлежавшие ему пивные лавки. Крупными торговцами в начале XX в. стали Д.Кузьбожев и его наследники; они продавали рыбу, соль и другие продовольственные товары. После смерти М.А.Суворова торговлю вела его вдова Л.Н.Суворова, затем сын И.М.Суворов (они продавали рыбу, хлеб, табак, изделия из чугуна и др.). Братья Иван и Василий Комлины в начале XX в. сосредоточили в своих руках почти всю оптовую и розничную торговлю мукой и мучными изделиями и заняли по торговым оборотам первое место в уезде.

Ижемцы активно занимались торговлей в тундре. Их деятельность привлекла внимание многих российских писателей и публицистов II половины XIX - начала XX вв. Правда, оценивали ее, как правило, весьма односторонне: словно бы ижемский торговец уезжал в тундру к ненцам с бочкой водки, а «через несколько дней, много через неделю или две... возвращался в свою волость с пустой бочкой, но не с одними санками и не порожними; вместо восьми оленей, привезших бочку, приводит он домой десять, двадцать, тридцать и более». Между тем водка водкой (ее не брезговали продавать и русские торговцы), но в основном именно через ижемцев шли к ненцам ножи, топоры, капканы, цепи для крепления нарт, орудия для обработки кожи, одежда и прочие товары, необходимые для хозяйства и быта. Взамен ижемцы брали оленье мясо, рыбу, дичь.

Важным торговым центром стал г. Усть-Сысольск, где проживали почти все крупные торговцы уезда. Купец второй гильдии А.М.Забоев во II половине XIX в. вел в Коми крае крупную торговлю хлебом. В тот же период значительный торговый оборот был у купцов П.А.Комлина, В.П.Оплеснина, М.А.Суворова, Ф.М.Сычева, торговавших мануфактурой, кожей, бакалеей, табаком, различными красильными и другими товарами.

Первый коми банк.

Торговля в Усть-Сысольске достигла такого уровня, что горожане пришли к пониманию необходимости организовать в городе общественный банк. Вообще банки для России к тому времени были явлением уже довольно привычным. Они стали создаваться еще в 1750-х гг. В 1754 г. открылись Банк для дворянства и банк при Коммерц-коллегии (последний кредитовал торгово-промышленную деятельность, а о предназначении первого говорит само его название). В последующее время появились Астраханский банк, Коммерческий банк, Государственный заемный банк, Учетные конторы и прочие. В 1841 г. Николай I утвердил первый устав сберегательных касс. Однако подобные учреждения концентрировались, главным образом, в столицах и губернских центрах. Уездные города редко могли похвастаться наличием в них банков.

27 февраля 1851 г. усть-сысольские купцы и мещане по инициативе купца И.М.Новоселова и некоторых других собрались для обсуждения вопроса о создании в городе банка. Поразмыслив, они пришли к выводу, что дело это весьма полезное и даже необходимое, и обратились в городскую думу с ходатайством, прося учредить в Усть-Сысольске городской общественный банк с целью "оказания вспомоществования устьсысольским гражданам в отношении торговых оборотов". Основным капиталом для банка должны были послужить деньги, пожертвованные в свое время горожанами на благотворительные цели. Городские власти одобрили сие славное начинание, но требовалось и согласие губернского руководства. Губернатор же потребовал переделать проект положения. Пока тянулось дело, купец И.М.Новоселов скончался (в 1852 г.), не дождавшись воплощения в жизнь своей идеи. В завещании он указал: "Когда в здешнем городе откроется общественный банк, то в оный взнести моего капитала 500 рублей серебром" (деньги в те времена были не те, что ныне...).

Прошло несколько лет. В 1860 г. российское правительство взялось за реформирование банковской системы, учредив Государственный банк и ликвидировав прежние банки. Госбанк стал крупнейшим коммерческим банком страны. В 1860-х гг. стали учреждаться различные коммерческие и земельные банки. Второй проект положения об Усть-Сысольском общественном банке, как раз в это время поступивший вологодскому губернатору, снова оказался отклонен как несоответствующий правилам о городских банках. Потребовались и кое-какие дополнительные сведения.

Городская дума по возможности постаралась еще раз переделать проект и собрать требуемую информацию. Дело оказалось непростым - некоторые необходимые документы сгорели при пожаре еще во время Наполеоновского нашествия - несмотря на то, что, как известно, до Усть-Сысольска французы не дошли, разве что пленные... Отправив губернатору документацию, отцы города отметили: "Открытие банка есть величайшая польза для торговли и промышленности граждан Усть-Сысольска, потому что по неимению капиталов в городе и уезде оно торговуют много иногородцы соседних губерний". Но с открытием банка устьсысольцам положительно не везло. В мае 1862 г. пожар в Министерстве внутренних дел России уничтожил проект устава и положения об Усть-Сысольском общественном банке...

25 января 1863 г. горожане снова обратились к властям с ходатайством об учреждении банка в Усть-Сысольске. Власти с разрешением не спешили. В сентябре 1864 г. устьсысольцам пришлось снова собираться и обсуждать присланные из Вологды документы. Наконец на губернском уровне всё было согласовано. Теперь дело было за столичными

инстанциями... В апреле 1865 г. длительный, более чем четырнадцатилетний процесс организации первого в Коми крае банка перешел в заключительную стадию: к удовлетворению горожан, Сенат разрешил открыть в Усть-Сысольске общественный банк "на следующих основаниях: 1) основной капитал банка составляет из 10 тыс. руб., пожертвованных гражданами Усть-Сысольска; 2) банку разрешается производить следующие операции: прием вкладов, учет векселей, выдача ссуд под залог процентных бумаг; 3) из прибылей банка две части употребляются на предмет общественного призрения и воспитания, а остальная третья часть присоединяется к основному капиталу". Деятельность открывшегося банка находилась под контролем специально выбиравшихся представителей устьсысольского общества. В том же году в городе открылась и сберегательная касса.

Банк содействовал развитию экономики края, хотя, может быть, и не в столь значительной степени, как рассчитывали инициаторы его создания. К 1896 г. основной капитал увеличился на 40% и составил 13957 рублей 99 копеек. Годовая сумма всех проведенных банком оборотов достигла 40000 рублей. В 1896-1915 годах Усть-Сысольский общественный банк увеличил общую сумму своих оборотов в 1,8 раза, но в целом историки оценивают развитие капиталистической системы кредитования в Коми крае того времени как слабое.

Сельское хозяйство и промыслы

Коми край по-прежнему оставался аграрным регионом. Каких-либо коренных изменений в развитии сельского хозяйства не происходило. По-прежнему в крае выращивались, в основном, те же полевые и огородные культуры, что и столетием ранее. Правда, в первой половине XIX в. увеличились посевы льна и конопли. В 30-е и 40-е годы XIX в. в Коми крае, как и по всей России, в приказном порядке стали распространяться посевы картофеля. В 1840 г. Николай I высочайше повелел завести общественные посевы картофеля во всех волостях государственных крестьян, а в 1842 г. император выпустил еще одно повеление относительно широкого распространения картофеля; государь рекомендовал издать специальные наставления по выращиванию и употреблению картофеля и поощрять премиями отличившихся в разведении одного продукта крестьян. Министерство государственных имуществ неоднократно присылало в Усть-Сысольский и Яренский уезды грозные указания о «непременном разведении картофеля». Уездные власти, в свою очередь, нажимали на крестьян. Но те, не привыкшие ждать чего-нибудь хорошего от начальства, не желали заниматься картофелеводством, считая его пустой тратой времени и сил. В 1846 г. современник писал: «Во многих волостях, даже вблизи самого города Усть-Сысольска еще несколько лет до сего это полезное растение вовсе не было известно поселянам. Зыряне, видевшие в огороде у дьячка своего прихода посаженные в землю «яблоки», вырыли нечистивый, по их мнению, плод и раскидали его к крайнему огорчению хозяина».

Были, конечно, и счастливые исключения. Например, неграмотный крестьянин из с. Вендинги на р. Вашке А.Е.Калинин в 1841 г. первым привез на Удору картофель и попытался его выращивать. За инициативу крестьянина в 1849 г. наградило Министерство госимуществ. Его сын В.А.Калинин, получивший сельскохозяйственное образование на Вологодской учебной ферме, добился хороших результатов в картофелеводстве, оказав огромное влияние на своих односельчан и жителей окрестных селений, также заинтересовавшихся таким полезным продуктом.

Для того, чтобы содействовать распространению в Коми крае этой нужной культуры, «грамотный зырянин» усть-сысолец Ф.Я.Попов перевел на коми язык «Краткое наставление о посеве, уборке, хранении и употреблении картофеля»; его перевод издали в Санкт-Петербурге в 1844 г. В конечном итоге усилия властей и энтузиастов из числа местных жителей сделали свое дело: площади, занятые картофелем, понемногу увеличивались, и он постепенно стал входить в быт коми крестьянина. Как писал в 1846 г. уже упоминавшийся современник, «ныне в этом же селении почти у всякого зырянина можно найти хоть

небольшое количество посаженного картофеля». Однако наибольший размах картофелеводства в Коми крае приобрело только в следующем столетии.

Нередко случались неурожаи, хотя и не столь губительные, как в прошлом. Однако же они тяжело сказывались на крестьянском хозяйстве, и на случай голода и нехватки семян для посева власти организовали хлебозапасные магазины. В них в урожайные годы население сдавало часть зерна, а затем при необходимости брало из магазинов зерновую ссуду. Ее нужно было возвращать, но зачастую крестьяне не могли этого сделать, и власти вынуждены были прощать «недоимки».

Земства пытались пропагандировать прогрессивные методы ведения земледелия и животноводства. В конце XIX в. они начали завозить и продавать крестьянам сельскохозяйственные машины, в начале XX в. стали устраивать выставки скота и проводить опыты по выращиванию лучших сортов зерновых. С 1907 г. в Усть-Сысольском, а с 1913 г. и в Яренском уездах при поддержке земств стали возникать сельскохозяйственные общества (кооперативы). В основном при этих обществах земства организовывали зерноочистительные и прокатные пункты по луговодству и полеводству, снабженные простейшими машинами и усовершенствованными земледельческими орудиями (веялки, молотилки и т.п.). К 1913 г. в Усть-Сысольском уезде появилось 13 зерноочистительных и 7 прокатных пунктов. Сельскохозяйственные общества объединяли небольшую часть состоятельных крестьян, а остальная масса пользовалась примитивными приемами производства и не имела возможности применять технику.

В Печорском крае увеличилась товарность животноводства, появился дополнительный продукт, который можно было пускать на продажу - молоко и масло. Завезя из Устюга молочный скот, ижемские коми вывели на его основе новую породу, столь удачную, что в середине XIX в. даже писали: «Ни в одном месте Архангельской губернии не готовится столь вкусное молоко и масло, как в Ижме, ...где можно делать сыры не хуже голландских». Некоторые состоятельные жители приобретали молоко и перерабатывали его на своих маслобойнях. Первая из них появилась в 1907 г. в Усть-Цильме и принадлежала Хлевинской. Работало на ее маслобойне два человека. В 1911 г. в Печорском уезде имелось четыре маслобойни, в 1912 г. - 11, в 1913 г. - уже 32. Их владельцами были самые разные люди, далеко не всегда очень зажиточные, но зато всегда весьма инициативны. Один из них, крестьянин Красноборской волости Филиппов, привез сепаратор с военной службы в Финляндии. О другом, строившем маслобойню в с. Бугаево крестьянине Дуркине, побывавший в Коми крае в 1912 г. архангельский губернатор писал, что этот «крестьянин, толковый, грамотный, но вряд ли имеющий большие средства для развития начинаемого дела», не просил у властей никакой помощи и рассчитывал на свои силы и умение.

Росло поголовье оленей. В 40-50-х годах XIX в. в Коми крае насчитывалось от 120 до 150 тысяч оленей, принадлежавших, в основном, ижемцам. В 1844 г. оленей держали 245 ижемских семей, из них только 26 семей имели меньше ста оленей. У большинства насчитывалось от 100 до 1000 оленей, а у 42 семей было более чем по тысяче оленей (некоторые владели тремя, а то и восемью тысячами). Несмотря на принимавшиеся меры по борьбе с эпизоотиями, массовые заболевания животных случались часто. Только в июне 1896 - январе 1897 гг. у коми оленеводов Печорского уезда пало более 120 тысяч оленей. Ижемец Г.Е.Семяшкин шесть раз заводил стадо, и постоянно его преследовали неудачи; в последний раз в 1898 г. после эпизоотии от более чем тысячи оленей осталось только сто.

Не хватало пастбищ для животных. Те же трудности испытывали и оленеводы-ненцы («самоеды»). В бедственном положении последних некоторые стали обвинять ижемцев. «Наводнив оленьими стадами тундры, крестьяне (коми - авт.) овладели рыбными и звериными промыслами и довели самоедов до нищеты», - говорится в документе 1864 г. Другой документ 1888 г. гласил: «В прежние годы самоеды были самый зажиточный народ и зыряне находились у них в услужении. В настоящее время самоеды - самый бедный народ и находятся большей частью в услужении у зырян».

Во II половине XIX в. стали даже разрабатываться проекты изгнания ижемцев из тундры и закрепления оленьих пастбищ исключительно за ненцами как коренными жителями района: «Все пространства тундр утвердить в потомственном владении самоедов с воспрещением всякой там промышленности лицам, не имеющим коренного права на тундры»; «зырянам Ижемской волости по скудости земледелия» предполагалось разрешить лишь ловить рыбу «в реке Усе, в Большеземельской тундре протекающей». Но эти проекты справедливо были расценены как ошибочные и не осуществились. Крупные оленевладельцы были как среди коми, так и среди ненцев и русских, и не было никаких серьезных оснований обвинять ижемцев в «ограблении» ненцев. Российское правительство отмечало также, что коми и русские в тундре «распространили уже промыслы свои в такой степени, что лишить их права пользоваться тундрами без совершенного разорения невозможно».

Ненцы стремились к максимальному увеличению оленьих стад, а не к развитию товарности оленеводства. Коми-ижемцы делали упор на товарную сторону хозяйства, развивали обработку продукции. Росло количество замшевых предприятий. В 1834-1835 гг. в Ижемской волости насчитывалось 67 «замшевых изб», большинство которых было создано «без дозволения начальства» (две самые старые из них существовали с 70-х и 80-х годов XVIII в., а остальные возникли в XIX в.). К середине XIX в. заведения с наемным трудом стали преобладать. Многие мастерские выделывали «оленьи шкуры на замшу» на заказ; возможно, были и работавшие на рынок. К началу 50-х годов XIX в. число «замшевых изб» сократилось более чем вдвое «по случаю падения оленей», «по бедности», «по ветхости» и т.д. Ижемская замша продавалась на ярмарках в Пинежском и Шенкурском уездах, в Архангельске, в Вологодской губернии, на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, в Москве, Петербурге и других городах России. К началу XX в. наряду с мелкими мастерскими возникли относительно крупные и частично механизированные предприятия, на которых работали по 25-30 наемных рабочих. Они принадлежали А.Е.Филиппову из с. Ижма, И.И.Терентьеву из Краснобора и Ф.А.Канову из Дибожа (Большое Галово). На их замшевых заводах производилось больше половины печорской замши.

Возникали в Коми крае и другие предприятия по переработке сельско-хозяйственного сырья и производству предметов обихода, часто громко именовавшиеся «фабриками» и «заводами». Например, в январе 1892 г. с оборотом не менее 1 тысячи руб. в год существовали в г.Усть-Сысольске спичечная фабрика, пять кожевенных заводов, кирпичный завод, в Визинге - два кожевенных завода, в Кочергинской волости (верхняя Луза и Летка) - пять дегтекуренных заводов (в Верхолулье, Тылае и других селениях), в д. Ловля Ношульской волости - дегтекуренный завод.

В 1904 г. в Усть-Сысольске имелось 14 фабрик и заводов, на которых работало 24 человека. На промышленный уровень эти предприятия не выходили, так как не могли выдержать конкуренцию с российской и зарубежной фабрично-заводской промышленностью, изделия которой во все большем количестве завозились в Коми край по мере развития транспорта. В начале XX в. постепенно свертывалась работа на Печорском брусяно-точильном промысле, так как его продукция не могла соперничать со скандинавской. В годы первой мировой войны число и продукция кустарных промыслов, в том числе замшеделия, значительно сократилась.

В XIX в. усилилась тенденция к сокращению охотничьего промысла. В 1841 г. власти отмечали: «Охотничий промысел в лесных волостях Вологодской губернии в последние годы сделался менее прибыточным, по причине истребления дичи и пушных зверей, частично же от уменьшения самих лесов». В Печорском уезде охота и рыболовство сохранили свое значение.

Заметно расширился в конце XVIII - I половине XIX вв. судостроительный промысел. В Яренском уезде судостроением (для перевозки сереговской соли) занимались жители Гама, Жешарта, Усть-Выми, Оквада, Коквиц, Палевиц, Серегово. На Коберской пристани изготовлялись суда для перевозки сысольского железа на ярмарку в Нижний Новгород, а в Койгородке, Визинге и Вотче - для перевозки в Архангельск зерна, муки и некоторых других

продуктов из Прикамья. На верхней Печоре строились суда для перевозки точил и точильных изделий местного промысла вверх по реке до Якшинской пристани. В Усть-Неме готовили суда для тех же товаров, отправлявшихся в Усть-Сысольск и Устюг. Наиболее крупным центром речного судостроения в Коми крае оставалась Ношувская пристань.

Как свидетельствуют документы, жители края строили суда без чертежей, «по обычаю предков», «по опыту и преданию, переходящему наследственно», «по одному навыку, под присмотром крестьян, более в сем упражняющихся». Изготавливалось все при помощи топора. Так как при этом уходило много леса, власти еще в XVIII в. начали кампанию за экономию против «топорных досок». Появились указы, предписывающие использовать пилы и делать суда из выпиленных досок, а изготовителей и владельцев «топорных судов» штрафовать и облагать двойными пошлинами. Но в Коми крае пиление досок распространялось очень медленно. В 1839 г. крестьяне осаждали прибывшего представителя лесного ведомства просьбами содействовать отмене «антитопорного» постановления. Чиновник убеждал их, что пиление досок выгоднее: качество досок лучше, меньше времени уходит на работу. У крестьян была своя логика: лишних денег у них нет, а топор дешевле, чем пила, которую к тому же, в отличие от топора, ни для какого другого дела использовать нельзя. А что до времени, то его беречь не к чему, поскольку они все равно не могут «употребить оное с пользою для себя». И все же в первой половине XIX в. появились лесопильни для нужд Сереговского и сысольских заводов, на Ношувской пристани, а в 40-е и особенно 50-е годы XIX в. постепенно стала распространяться ручная распиловка среди занятых судостроением крестьян.

Немало крестьян в поисках дополнительного заработка занимались «отхожими промыслами» за пределами Коми края, «где кто какое себе по мере его разума и склонности способное мастерство и место сыскать может». Получив «годовые паспорта», или краткосрочные «билеты» «на отлучку», жители Коми края уходили «для производства черных работ и некоторых ремесел, как-то: сапожного, портного, слесарного», «для ... услужения», были печниками, каменщиками, землекопами, коновалами в Москве, Петербурге, Архангельске и других городах Европейской России и Сибири. Женщины нанимались в качестве домашней прислуги. «Многие из мезенских зырян для приискания выгоднейших промыслов ежегодно расходятся по разным губерниям и работая на фабриках в Москве и Петербурге, отличаются быстротою, понятливостью и особенным усердием»; «зыряне ...лучшие печатники в петербургских типографиях», - сообщали современники.

Усть-цилемцы занимались перевозкой различных грузов. Документ XIX в. сообщает, что «жители в зимнее время нанимаются на лошадях в извозы», «по первому пути вывозят» с нижней Печоры «выпромышленную осенью рыбу» на Мезень и Пинегу. Ижемцы участвовали «в перевозке товаров на ярмарки и с оных в обе столицы и г.Архангельск, а также в перевозке в разные места с заводов казенной соли». Жители лузских и летских селений в XIX в. активно занимались «возкою разных тяжестей из разных городов до Ношувской пристани и прочих мест». В селе Летка и окрестных деревнях извозом промышляла почти половина мужского населения.

Выходец из с. Вьльгорт Семен Иванович Налимов (1857-1916) занимался столярными работами, затем стал ремонтировать и изготавливать музыкальные инструменты - балалайки, гитары. Инструменты получались у него замечательные, и организатор первого в России оркестра народных инструментов В.В.Андреев, познакомившись с мастером, пригласил С.И.Налимова сотрудничать. С.И.Налимов изготовил около 300 музыкальных инструментов, примерно 70 из них - для оркестра В.В.Андреева. А лично для Андреева он сделал прекрасную балалайку, переданную позднее на хранение в музей «Театр и музыка». На выставках музыкальных инструментов в Париже в 1902 г. и в Петербурге в 1906-1907 гг. С.И.Налимову были присуждены большая и малая золотые медали.

Выступления рабочих и крестьян

Несмотря на отсутствие помещичьего гнета в Коми крае, жизнь местных крестьян была трудной. Тяжесть различных налогов и повинностей и особенно введение новых, а также злоупотребление чиновников нередко вызывали протесты крестьянства. Как правило, дело ограничивалось посылкой жалоб и прошений на имя царя или губернатора. Большую популярность среди жителей Коми края приобрел уроженец Шежама Дмитрий Иванович Балин (1796-1865). Он помогал многим крестьянам писать различные обращения. За это Балин десять раз находился под судом и подвергался наказаниям. Власти запретили ему составлять для крестьян какие-либо документы, и Балин, который не мог отказать обращающимся к нему за помощью и советом, должен был изменять свой почерк и прибегать к иным ухищрениям. Он сделался легендарной личностью, и предания о нем рассказывали в вычегодских селениях даже в двадцатые годы нашего столетия.

В 1833-1838 гг. происходили волнения ижемских крестьян. Они протестовали против привлечения их к строительству новой Пинего-Мезенской дороги, трасса которой проходила вдали от Ижмы. Крестьяне отказались работать на выделенном им участке строительства, ссылаясь на обременительность повинности и злоупотребления чиновников, ухудшающие их и без того бедственное положение. Отправленные ижемцами в 1833-1836 гг. правительству и царю прошения остались без ответа. В 1837-1838 гг. положение на строительстве дороги обострилось. Свою роль сыграл в этом назначенный в 1837 г. архангельским гражданским губернатором бывший декабрист А.Н.Муравьев. Он являлся одним из основателей и руководителем первой декабристской организации «Союз спасения», созданной в 1816 г., был арестован по приказу Александра I в 1818 г. за неисправность унтер-офицеров на крещенском параде, в знак протеста подал в отставку и был уволен со службы. В том же году А.Н.Муравьев стал одним из учредителей «Союза благоденствия», возглавил его московскую управу, но осенью 1818 г. оставил этот пост, хотя остался членом союза. Он вошел в «Северное общество» декабристов, созданное в 1821 г., но активной роли не играл и вскоре отошел от участия в его деятельности. В событиях 14 декабря 1825 г. А.Н.Муравьев не участвовал, но некоторое время находился в ссылке.

В начале 1838 г. А.Н.Муравьев разработал план «водворения порядка», предусматривавший направление в Ижемскую волость 200 солдат с оружием и использование против ижемцев вооруженных отрядов ненцев, которые были недовольны растущим проникновением ижемских оленеводов в тундру. Против плана высказался министр государственных имуществ П.Д.Киселев, предложивший разобраться в жалобах крестьян и не предпринимать сразу крайних мер. В августе 1838 г. ижемцы объявили, что «кроме ныне царствующего Государя императора и наследника Всероссийского престола, мы никого не признаём своим начальством и пока не будет указ от императора за собственным его величества подписанием, то мы никаким указам не поверим и ничьих предписаний исполнять не будем». «Ежели же войска придут, – сказал красноборец Л.Филиппов исправнику, – то у меня есть 50 копий и много кос. Я сам поведу свое семейство навстречу солдатам, и пока есть у нас руки, живые не дадимся».

А.Н.Муравьев отправил из Архангельска в Ижемскую волость солдат с двумя орудиями и команду жандармов. 200 вооруженных ненцев должны были помешать возможному отступлению ижемцев в тундру. Сам Муравьев лично также намеревался прибыть в Ижму, чтобы постараться убедить крестьян исполнять распоряжения губернских и уездных властей, и только в случае неудачи использовать солдат. Он рассчитывал, что достаточно будет угрозы военной силой. Для предотвращения бегства ижемцев в Сибирь им перестали выдавать паспорта. Архангельское губернское правление распорядилось задерживать всех ижемцев, оказавшихся вне пределов своей волости.

До военных столкновений не дошло. Осенью 1838 г. император направил на Ижму своего флигель-адъютанта О.И.Крузенштерна. Несколько чиновников лишились должностей, а крестьяне были освобождены от дорожной повинности. Никто из крестьян не был наказан, за исключением их руководителя Д.И.Балина, арестованного по приказу А.Н.Муравьева. Пострадал и сам А.Н.Муравьев: 7 июня 1839 г. его уволили с должности по

обвинению «в потворстве беспорядкам» без прошения с запрещением жить в Архангельской губернии. Впрочем, в последующее время, по данным историка Л.П.Роцевской, он восстановил пошатнувшееся положение – был причислен к министерству внутренних дел, зачислен на военную службу, был военным губернатором в Нижнем Новгороде и др., содействовал подготовке крестьянской реформы 1861 г., стал сенатором.

В Усть-Куломе в 1842 г. крестьяне выступили против злоупотреблений при раскладе податей и отказались платить их до тех пор, пока не рассмотрят и не удовлетворят их жалобы. Делом заинтересовались шеф жандармов Бенкендорф и даже сам Николай I. Губернатор лично возглавил военный отряд, посланный в Усть-Кулом для наведения порядка. Известие об этом охладило пыл усть-куломцев, так что до вооруженной расправы с бунтовщиками дело, к счастью, не дошло. Ряд участников выступления был подвергнут телесным наказаниям, а руководителей сослали в Сибирь. Крестьянские выступления происходили также на Выми в 1836, 1844-1845 и 1857-1860 гг., в Палевицах и Часово в 1843-1845 гг., а также в других селениях Коми края.

В 1838 г. государственные крестьяне (так после реформ Петра I стали называться бывшие черносошные крестьяне) получили права на участие в сельских и волостных сходах, где решались вопросы местного самоуправления, на перечисление в купеческое и мещанское сословия, на обучение детей в общих учебных заведениях, на занятие торговлей и ремеслами и т.д. Это должно было сгладить конфликты, зревшие между крестьянством и властями.

И во второй половине XIX – начале XX вв. выступления рабочих и крестьян имели, как правило, экономический характер. В 1864 г. рабочие Кажимского завода отправились в Ньючим, где находилось главное управление металлургических заводов, и потребовали повышения расценок, введения отпусков для уборки сена и др. Требования их не были удовлетворены, хотя расценки через некоторое время несколько повысились. В 1871 г. группа вымских крестьян перестала вывозить дрова на Сереговский завод и потребовала денег для покупки сена. В 1905 г. рабочие Сереговского сользавода дважды выдвигали требования о повышении зарплаты, сокращении рабочего дня и т.п. Те же требования в конце 1905 г. выдвинули рабочие Кажимского завода. В том же году почтово-телеграфные работники Усть-Сысольска участвовали в общероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих и потребовали повышения зарплаты и улучшения условий жизни. В июле 1906 г. произошла забастовка на Сереговском заводе; все ее участники были уволены, а позднее вернулись на работу на прежних условиях. 20 февраля 1907 г. состоялись забастовка, митинг и демонстрация на Ньючимском заводе; наряду с основными, адресованными администрации завода традиционными требованиями повышения зарплаты и т.п. были выдвинуты лозунг «Долой царское самодержавие», требования политических свобод, равенства перед законом. Происходили выступления рабочих и в последующие годы, хотя и не часто. Неоднократно отказывались от работы в 1906-1916 гг. крестьяне, занятые на заготовке леса. Они требовали повышения расценок, и в ряде случаев их требования удовлетворялись.

Политическая ссылка. Первые партийные организации.

На территории современной Республики Коми отдельные ссылки появились в I половине XIX в.: О.Ф.Ишимов, Н.И.Надеждин, декабрист Г.А.Перетц, который 10 лет отбывал ссылку в Усть-Сысольске. Во II половине XIX столетия число ссыльных в Коми крае возросло. В пятидесятых - начале шестидесятых годов в Усть-Сысольск сослали более двух десятков человек из различных губерний России. Среди них были крестьяне, мещане, чиновники, бывший пономарь, дети священников, бывший прапорщик, сыновья обер-офицеров, двое дворян и даже один «бывший мурза» из горцев. Они попали сюда по разным причинам - в основном, за кражи (именно за это пострадали, в частности, дворяне и мурза), «за укрывательство краденной шубы», бродяжничество. «Оставной канцелярский служащий»

Н.Колмаков угодил в Усть-Сысольск за «похищение дела и ложное наименование себя приставом», а чиновник Д.Шаньгин - за «сочинение ябеднических прошений».

«Политических» поначалу было мало. В Усть-Сысольске в 1862 г. из 24 находившихся в городе ссыльных таковых было лишь трое: крестьянин Д.Сцегенный, наказанный за участие в крестьянском восстании в Польше и создание «подпольной крестьянской организации», сын местного священника В.В.Кокшаров и видный впоследствии революционер-народник П.И.Войнаральский (их сослали за участие в «студенческих беспорядках»). Через год к ним добавились девять участников польского восстания 1863 г.: В.Запоровский, С.Краков, К.Цельт и др. В 1864 г. в Усть-Сысольск сослали поляка В.Журавского. Как писал из Усть-Сысольска один из ссыльных поляков, «все пригоняют и пригоняют, негодяи, сюда нас, бедных... Сколько преступлений, сколько подлостей совершила проклятая Москва, а приносить для нашей несчастной отчизны новые жертвы уже нет сил». Некоторое время спустя поляков перевели в другие регионы. В 70-е гг. в Коми крае появились ссыльные народники. Общее число их было невелико (например, в Усть-Сысольске в 1879 г. жили шесть ссыльных, в 1886 г. - двое, в 1889 г. - восемь, в 1898 г. - десять).

[рабочие революционеры]

Какого-либо заметного влияния на местных жителей политические ссыльные не имели - за исключением небольшого круга людей, с которыми они знакомились более тесно. П.И.Войнаральский был в дружеских отношениях с поэтом и исследователем И.А.Куратовым, основоположником коми литературы. Но стоило начальству узнать, что кто-то из политссыльных начинает вызывать у обитателей несколько больший интерес, тут же следовало распоряжение о переводе его в другой населенный пункт. Того же Войнаральского в марте 1863 г. перевели из Усть-Сысольска в Яренск как «очень беспокойного человека», который «имеет весьма вредное влияние на местную молодежь». В апреле 1865 г. также «за вредное влияние на молодежь» из Усть-Сысольска в Яренск был переведен В.Журавский. Жили ссыльные в довольно хороших условиях. По воспоминаниям очевидцев, поляки, например, «старались подыскать себе лучшие квартиры» в Усть-Сысольске, что им и удавалось. Тем не менее некоторые из ссыльных падали духом, отходили от прежних идеалов, становились полицейскими осведомителями.

В начале XX в. количество политссыльных в Коми крае заметно увеличилось. В 1904 г. в ссылке тут находилось около 200 человек - главным образом, в уездных центрах и соседних населенных пунктах; лишь некоторых отправляли в более отдаленные места. В 1909 г. только в Усть-Сысольске и Яренском уездах насчитывалось больше тысячи политссыльных (довольно много для слабозаселенного края). Среди них преобладали социал-демократы (большевики и меньшевики) и социалисты-революционеры. Были также анархисты-коммунисты, эсеры-максималисты, бундовцы, кадеты, польские социалисты, члены армянской партии дашнакцутюн и др. Часть ссыльных вела себя довольно активно, распространяя листовки, устраивая демонстрации. О первой в Коми крае первомайской демонстрации полиция сообщала: «18 апреля 1905 г. около 4 часов пополудни политссыльные села Усть-Цильмы в числе 25 человек, празднуя по новому стилю 1 мая, собрались на поле за селением, пропели какую-то песню и с двумя красными флагами... прошли к квартирам политссыльных».

В крестьянском крае наиболее благоприятной обстановкой была для эсеров, именно в крестьянстве видевших силу, способную построить новую Россию в борьбе с существующим строем. Социалисты-революционеры выдвинули требование передачи земли крестьянам (их аграрную программу позднее позаимствовали социал-демократы). Но даже эсеры сумели создать в 1905-1907 гг. только четыре партийные ячейки - в Усть-Сысольске (распалась перед первой мировой войной), Яренске (действовала до 1908 г.), Усть-Цильме и Ньючиме. Первые три состояли, в основном, из политссыльных, хотя в числе членов были, по сообщению полиции, «некоторые местные жители, как то преподаватели земских школ, фельдшеры и фельдшерицы земских больниц и другая полуинтеллигенция». В усть-

сысольской организации эсеров состоял, в частности, С.О.Латкин (позднее - один из ведущих деятелей Коми края), арестованный полицией в 1905 г. за распространение эсеровских прокламаций.

Усть-сысольская организация была наиболее деятельной. Она поддерживала связь с вологодским губернским комитетом партии социалистов-революционеров и с заграничным бюро, находившимся в Германии. В июле 1909 г. в Усть-Сысольске даже побывал видный политик, один из лидеров эсеров В.М.Чернов (позднее, в январе 1918 г. именно он председательствовал на российском Учредительном собрании). В.М.Чернов выступил перед местными эсерами с докладом о задачах партии. Ньючимская ячейка партии социалистов-революционеров, созданная по инициативе дьякона Ньючимской церкви Н.В.Кашина и при поддержке приехавших из Усть-Сысольска ссыльных эсеров, готовила вместе с группой анархистов террористические акты против усть-сысольских властей, но они не были осуществлены. Эсеры в Ньючине действовали до 1909 г.

Среди коми интеллигенции и в первую очередь среди земских гласных и служащих в период первой русской революции 1905-1907 гг. популярностью пользовалась программа кадетов, включавшая такие демократические положения, как равенство граждан перед законом, свобода слова, печати, экономической деятельности, неприкосновенность личности и т.д. В 1905 г. в Усть-Сысольске возникла организация кадетской партии во главе с А.Н.Вешняковым. Он, а также председатель земской управы В.И.Беляев, земский статистик В.Ф.Попов, земский гласный А.М.Мартюшев и другие занимались сбором средств в фонд помощи политзаключенным, распространением в уезде кадетских документов и получившего большой общественный резонанс Выборгского воззвания - обращения группы депутатов распущенной I Государственной думы (кадетов, трудовиков, социал-демократов), в котором граждан России призывали не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию» до нового созыва Думы. Полиция устраивала у А.М.Мартюшева и других обыски. А.Н.Вешняков был арестован и на шесть месяцев заключен в тюрьму.

Ссылные социал-демократы во время первой революции организовали партийные группы в Усть-Сысольске и Яренске. Позднее, в 1911-1913 гг. возникли социал-демократические группы в Ижме, Красноборе, Усть-Цильме и на Пижме. Сосланные в Усть-Сысольск члены Польской социалистической партии также создали свою партийную группу. Составы всех этих групп менялись, действовали они с перерывами. Их пропагандистская деятельность не оказала сколь-либо заметного влияния на основную массу жителей Коми края. Большинство местного населения имело чрезвычайно слабое представление о различных политических партиях, даже об эсерах, не говоря уже про большевиков и прочих. К началу Первой мировой войны российское правительство прекратило ссылку политических противников на территорию Коми края, и в конце 1914 г. в Усть-Сысольском уезде, например, проживало всего 7 политссыльных (четверо в Усть-Сысольске и трое в Усть-Куломе). Политические организации в Коми крае прекратили существование. Бывшие активные политики из числа местных жителей А.Н.Вешняков, С.О.Латкин, А.М.Мартюшев и их товарищи на несколько лет отошли от политической деятельности.

К.Ф.Жаков и Демократический союз конституционалистов.

Некоторые выходцы из Коми края принимали активное участие в политической жизни России. Ученый, писатель и просветитель Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926), живший в Петербурге, в ноябре 1905 г. вступил в близкий партии кадетов Демократический союз конституционалистов (сокращенно именовавшийся «диск»), возникший 5 ноября 1905 г. по инициативе Д.Н.Бородина (вскоре вышедшего из союза). В «диск», по данным С.Н.Канева, вступили учителя, представители буржуазии, военные, студенты, рабочие. Обращение К.Ф.Жакова к политической деятельности в эпоху подъема революционного и демократического движения было не случайно. Его демократические взгляды отчетливо проявлялись в художественных и публицистических произведениях К.Ф.Жакова.

Возмущение царившими в России порядками, бюрократическим произволом, тормозящим всякое поступательное движение мысли, легко найти, например, на многих страницах автобиографической повести «Сквозь строй жизни»: «Невыносимо проповедовать в России философские идеи (а что легко в ней делать)», «Как трудно жить на земле, особенно в России» и т.д. «Бог мой, – писал К.Ф.Жаков, – в каких руках находишься ты, великая Россия. А что будет дальше. Если бы не моя вера в Бога, я повесился бы на одной из сибирских берез, и всем посоветовал бы то же самое сделать, пусть исправники развивают литературу, науку, технику, сухопутное и морское дело во всех областях». К.Ф.Жаков вошел в Центральный комитет союза, вскоре стал его лидером. 20 ноября 1905 г. он председательствовал на собрании «диска», сформулировал ближайшие задачи союза.

Программа Демократического союза конституционалистов, появившаяся в 1906 г., высказывалась за установление конституционной монархии («государством управляет сам народ через своих выборных под верховным главенством царя»), за улучшение экономического положения населения, за духовное освобождение человека. Очевидно, эта программа подготовлена под руководством и при непосредственном участии К.Ф.Жакова. Многие ее положения схожи по стилю и содержанию с публикациями К.Ф.Жакова – автобиографической книгой «Сквозь строй жизни», «Очерками из жизни рабочих и крестьян на Севере» и др., в которых видна симпатия автора к трудовому народу, его боль за тяжесть положения тружеников: «Крестьяне не имеют земли и невежественны, рабочие получают малую плату за труд свой, многие опутаны формальностями и стонут», – писал, например, Жаков в книге «Как жить на свете». «Диск» выступал против тяжелейших условий труда рабочих, малоземелья крестьян, но считал недопустимыми самовольные захваты крестьянами помещичьей земли, сопровождавшиеся уничтожением жилых и хозяйственных построек и сельскохозяйственных орудий, длительные забастовки, которые «губят промышленность» и «разоряют страну и народ». («Нельзя ли решить дружно и мирно социальные и политические проблемы и облегчить жизнь человека», – так призывал сам Жаков в книге «Сквозь строй жизни»). Руководимый К.Ф.Жаковым союз считал, что следует решать назревшие проблемы не революционным, а парламентским путем, через Государственную Думу. Любопытно, что на программу «диска» обратил внимание лидер большевиков В.И.Ленин, весьма критически высказавшийся в том же 1906 г.: «Отличие какой-нибудь прогрессивно-промышленной партии или **диска** (выделено нами – Авт.) от партии правого порядка ничтожно».

Возможно, по инициативе К.Ф.Жакова, придававшего большое значение культурно-просветительской работе среди населения, Демократический союз конституционалистов организовал ряд клубов. Для безработных союз открыл столовые с бесплатными обедами. Основное внимание партия К.Ф.Жакова уделяла выборам в Государственную Думу. В январе 1906 г. «диск» вступил в предвыборный блок конституционно-демократических партий (в него входили октябристы, партия правого порядка, прогрессивно-промышленная партия, всероссийский торгово-промышленный союз и некоторые другие), в котором занимал довольно скромное место. Не случайно газета «Русь» информировала, что в указанном блоке состоит «малоизвестная партия – Демократический союз конституционалистов во главе с К.Ф.Жаковым». В результате выборов блок конституционно-демократических партий получил весьма мало мест, и «диск» К.Ф.Жакова остался без своего представителя в первом российском парламенте (этим представителем, вполне вероятно, мог бы стать сам Жаков).

После выборов К.Ф.Жаков и его товарищи по ЦК осуществили реорганизацию своей партии, переименовав ее в том же 1906 г. в Союз народной правды. По данным С.Н.Канева, основной задачей СНП было «укрепление начал конституционной монархии на широких народных началах». Новый союз занял более близкие к партии кадетов позиции и намеревался участвовать в очередных выборах в Государственную Думу. В полном соответствии с идеями К.Ф.Жакова, которые тот развивал, в частности, и во время своих приездов в Коми край, члены СНП собирались вести широкую культурно-просветительскую работу среди населения: создавать различные кружки и клубы, организовывать общеобразовательные курсы, издавать газеты, журналы, брошюры. Однако Союз народной

правды довольно быстро прекратил существование, не успев реализовать свои планы. Не удавалось достичь своих целей и самому К.Ф.Жакову. Слушатели, приходившие на его лекции, хотели получить более конкретные ответы на тревожащие их вопросы. Жаков писал: «Я им говорил о Боге и о мире, а они спрашивали меня, почему обижают их купцы, почему земли у одних много, а у других мало. Я ничего не мог им сказать на это». «Газеты некоторые бранили, обвиняли меня, что я не понимаю классовой борьбы... Звали меня изучать Маркса». К.Ф.Жаков, очевидно, видел уязвимость своей позиции, несовершенство предлагавшегося им пути и мучительно переживал это: «Так жил я, ничего не понимая, где я, что я, что происходит вокруг, а происходило важное. И читал я всю жизнь философские книги, и ничего не узнал, и так запутался в мыслях, так заблудился в рассуждениях, как никогда не заблуждался в родных дремучих лесах моих».

После этого К.Ф.Жаков отошел от политической деятельности, разочаровавшись в ней и в возможностях существовавших партий, которых оценивал весьма скептически. По поводу одного из обращений Союза Русского Народа «ко всем истинно русским людям» К.Ф.Жаков с сарказмом заметил: «Господи! Какой такой русский народ! Где он? Мужики ничего не знают об этих «истинно русских». Чудеса. И скорбит душа о невежестве народном, именем народа чего-чего не делается». О себе он позднее говорил: «К политическим партиям я не принадлежу, отщелкивать никого не умею, наоборот, я всех жалею». «И не надо мне надевать плащ демократа, когда я сам крестьянин, и никакой роли я на себя не беру, ибо я странник земли». Основной путь улучшения общественного устройства и жизни народа К.Ф.Жаков видел не в политической деятельности, а в просвещении людей. Свою задачу он образно сформулировал так: «Мое дело маленькое: проповедовать о Боге моем, странствовать по земле, без лукавства, с наивностью ребенка описывать всё виденное и слышанное... Так создам я сказку всемирную...». «И не надо мне надевать плащ демократа, когда я сам крестьянин, и никакой роли я на себя не беру, ибо я странник земли». В последующие годы К.Ф.Жаков читал много публичных лекций, часто выступал в печати и, в частности, активно сотрудничал в издававшейся кадетами газете «Архангельск».

Либеральный публицист И.А.Шергин. Начало политической деятельности П.А.Сорокина.

Говоря о местных политических и общественных деятелях либерально-демократической ориентации, следует отметить также публициста и писателя из с. Серегово Ивана Алексеевича Шергина (1866–1930), который в период первой русской революции начал публиковать в северной печати свои статьи и очерки посвященные, в основном, Коми краю и Северу. Откликнулся он также на события политической жизни России. Много внимания публицист уделял защите людей от произвола чиновников. В 1906 г. И.А.Шергин опубликовал несколько статей о притеснениях матросов на одном из пароходов в Архангельске. Его остро критические произведения издатели принимали к публикации неохотно, опасаясь негативной реакции властей, и в 1908 г. И.А.Шергин решил сам стать издателем-редактором своих литературных сборников. В предисловии к вышедшему в 1908 г. сборнику путевых заметок, очерков и рассказов “Богатства Севера” он писал: “В предлагаемых очерках я постараюсь представить в кратких словах, приподнять завесу таинственности, скрывающую доселе никем не описанный и основательно не исследованный зырянский мир, затерявшийся в обширных пространствах Севера”. Шергин писал, в частности, о злоупотреблениях должностных лиц, о жалком состоянии народного образования, о парадном, показушном характере посещения Коми края губернаторами и прочим начальством и т.д. В 1909 г. появился сборник “В дебрях Севера”, в 1912 г. - сборники “Жизнь на Севере”, “Поездка на Север”, “На Севере” (почти все они переиздавались).

С 1910 г. все больше внимания И.А.Шергин стал уделять общероссийской тематике. По данным В.М.Полещикова, переехав из Серегово в Санкт-Петербург, публицист ближе

познакомился с российскими политиками. Наиболее близкими ему оказались либерально-демократические идеалы партии конституционалистов-демократов. И.А.Шергин возлагал надежды на реформирование политической системы России, на усиление роли Государственной думы, на введение демократических свобод. Он остро критиковал политику правительства и близких к правящим кругам политических партий, выступал против столыпинской аграрной реформы. Вместе с тем И.А.Шергин не порывал и связей с Коми краем, почти ежегодно приезжал сюда для сбора материалов, посещал также Архангельск, Вологду и другие северные города. Он поддерживал контакты и с уроженцами Коми края, жившими в Петербурге – К.Ф.Жаковым, П.А.Сорокиным и др. В 1912 г. И.А.Шергин предпринял попытку организовать свое периодическое издание - “Вестник Севера”, издал его первый выпуск. В 1913 г. удалось выпустить пять номеров “Вестника Севера”. Но в 1914 г. первый же “Вестник Севера” вызвал скандал из-за опубликованных в нем статей “Из столичной жизни” и “Заметки”, касавшихся влиятельных столичных деятелей. Тираж номера был арестован, И.А.Шергина привлекли к судебной ответственности. В марте 1914 г. Санкт-Петербургская палата сняла арест с тиража, И.А.Шергин был оправдан. Он смог издать еще один номер “Вестника Севера”, но затем из-за нехватки средств пришлось прекратить выпуск. В 1916 г. И.А.Шергина арестовали за критику министра внутренних дел. Около года он находился под следствием в устюжской тюрьме, и лишь в 1917 г. вышел оттуда и вернулся на родину.

Немало жителей Коми края вовлекались в политическую деятельность и вступали в различные партии во время своей учебы или работы в других регионах России. Уроженец Коми края Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), будущий крупный российский политик и всемирно известный социолог, в годы первой русской революции начал заниматься политической деятельностью. В 1905 г., будучи учащимся церковно-учительской духовной семинарии в с. Хреново Костромской губернии (в 20 км от Иваново-Вознесенска), П.А.Сорокин примкнул к партии социалистов-революционеров и стал, по его собственным словам, «активным агитатором за свержение царизма и руководителем отделения социалистов-революционеров в школе (семинарии) и округе». Он, в частности, привлек заниматься общественно-политической деятельностью учившегося в той же семинарии Н.Д.Кондратьева, ставшего позднее экономистом с мировой известностью и расстрелянного по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии». В конце 1906 г. за агитационную работу П.А.Сорокин был арестован, несколько месяцев просидел в тюрьме г.Кинешмы. Из семинарии его исключили. После освобождения он несколько месяцев занимался подпольной политической деятельностью в Иваново-Вознесенске и других городах Поволжья под псевдонимом «товарищ Иван», затем вернулся в Коми край в д.Римья, где жили его родственники. Н.Д.Кондратьев сменил П.А.Сорокина на посту лидера эсеровского кружка. Интересно, что Н.Д.Кондратьев, в свою очередь, привлек к работе в эсеровском кружке поступившего в ту же семинарию будущего крупного коми политика Д.А.Батиева. П.А.Сорокин в 1907 г. приехал в Петербург, учился, одновременно продолжал сотрудничать с эсерами, вел пропагандистскую работу среди рабочих Путиловского и других заводов, публиковался в эсеровских изданиях, установил контакты с депутатами ПСР и некоторых других фракций в Государственной Думе (в частности, близко познакомился с будущим премьер-министром Временного правительства А.Ф.Керенским). Его старший брат В.А.Сорокин, уехавший из Коми края работать в Петербург, также являлся социалистом-революционером, в 1908 г. был арестован и выслан в Сибирь. П.А.Сорокин в 1911 г. за революционную работу был вынужден во избежание ареста ненадолго бежать из Петербурга за границу. В 1913 г. арестовывался полицией, но через три недели освобожден благодаря заступничеству группы депутатов Государственной Думы.

Участие жителей Коми края в защите Отечества.

В июне 1812 г. армия Наполеона вторглась в Россию. Началась борьба с захватчиками. Нужны были люди и деньги. В Коми крае летом 1812 г. проводился сбор пожертвований для нужд армии. Крестьяне, купцы, чиновники, духовенство, охваченные патриотическим порывом, вносили деньги, золотые и серебряные вещи «на пользу Отечества на внутреннее ополчение». Позднее, в 1812-1814 гг. было проведено две кампании по сбору средств в фонд помощи беженцам и в фонд помощи «от войны пострадавшим и женам и детям, у коих мужья и отцы находятся на войне».

Жители Коми края вступали в армию и в ополчение. Так, усть-сысонец М.В.Суханов подал прошение, в котором писал: «Желаю военную службу...Всеусердно желаю...» Первый набор ополченцев в Вологодской губернии был произведен сразу после начала войны. В 1812-1813 гг. в ходе четырех рекрутских наборов из г. Усть-Сысольска и других селений в действующую армию отправились 487 рекрутов (в том числе из Усть-Сысольска - 53), из Ижемской волости - 64 (по другим данным, 63) рекрута. Кроме того, Вологодский губернатор провел набор охотников «с теми самыми ружьями, какие употребляют они на промыслах». Всего в Вологодской губернии было набрано 612 стрелков, составивших 18-ю дружину Петербургского ополчения. В их числе были и коми охотники. Вместе с армией Витгенштейна ополченцы прикрывали от врага Петербург, участвовали в разгроме французов при Березине, затем перешли границу в освободительном походе, прошли через Пруссию, Саксонию, Чехию, Южную Германию и закончили войну в Париже.

Общее число коми ополченцев не установлено. Известно, что их было не менее 74, 36 из которых погибли в боях (а всего из 612 вологодских стрелков вернулись в губернию 194 человека). Среди воинов были жители Шошки, Зеленца, Визинги, Объячево, Лоймы, Койгородка и других селений. Большинству было по 18-24 года, но встречались и более молодые - 16-17 лет, и постарше - под 30. Е.И.Безносикову из Ыба было около 39 (он не вернулся с войны), а Василию Ведову из Зануля - всего 14 (видимо, он был очень крепок собой и хорошо владел оружием).

В феврале 1814 г. в Коми край прислали попавших в плен французских солдат и унтер-офицеров. 6 февраля «вступила в Яренский уезд партия пленных французских солдат, состоящая из 149 человек, из числа коих 49 оставлено в городе Яренске, а остальные 100 человек 11-го числа прошли Яренскую округу и вступили в Усть-Сысольский уезд благополучно», - сообщает документ. В другом документе говорится, что среди французских солдат «оказалось немалое число больных». В Яренске и Усть-Сысольске военнопленных разместили в специальных казармах, при которых имелись лазареты.

Горожане отнеслись к пленным доброжелательно. Французы научились изъясняться по-русски, бывали в гостях у местных жителей, отмечали праздники, а некоторые даже освоили игру на балалайке. Через некоторое время военнопленные вернулись на родину. Известная русская писательница А.О.Ишимова, побывавшая в Усть-Сысольске несколько лет спустя, в рассказе «Зырянка» с легкой иронией писала, основываясь на рассказах усть-сысольцев: «Благородная часть народонаселения У. (Усть-Сысольска - Авт.) и особенно дамы и девицы восхищены были образованностью пленных; все они говорили на французском языке, о котором жительницы У. даже и мечтать не смели: так несбыточна была для них надежда когда-нибудь услышать его! И вдруг французский язык раздался посреди них!» В домах многих чиновников стали изучать французский язык («ломать несчастный свой язык на французский лад») у «военнопленных учителей», которым «открылся...вход в чиновничьи дома; на купеческие семьи влияние языка французского не распространилось, и молоденькие купчихи и на этот раз были счастливее аристократок: строгие нравы отцов избавили их от испорченного языка французского и учителей его, еще более испорченных. С удалением «просветителей» в скромном городе все вошло в прежний порядок, и следы пребывания наполеоновских «героев» остались только в изломанных фразах, которыми ученицы их менялись друг с другом». Да еще за тогдашней окраиной Усть-Сысольска, где было временное пристанище французских солдат, навсегда закрепилось манящее название «Париж»...

Участвовали жители Коми края и в Крымской войне России с англо-франко-турецким союзом 1853-1856 гг. В 1855 г. был произведен набор в государственное ополчение. В Усть-Сысольске в ополчение призвали 27 человек; на обмундирование и провиант для них каждая городская семья (кроме тех, из которых были ополченцы) внесла свой денежный взнос. Собирались солдаты и в других населенных пунктах Коми края. По окончании войны участники ополчения наградили памятными бронзовыми медалями. В обороне Севастополя принимали участие и награждены серебряными медалями «За защиту Севастополя с 13 сентября 1854 по 28 августа 1855» В.К.Габов из Богородской волости (он имел также «знак отличия военного ордена Св. Георгия»), К.А.Цыпанов из Визингской волости, Ф.Ф.Микулин из Межадорской волости, Ф.Г.Мальцев из Ибской волости, М.К.Карманов из Койгородской волости, А.А.Мишарин из Небдинской волости. В других сражениях Крымской войны участвовали М.А.Данилов и Г.И.Мелехин из Койгородской волости (награждены медалями в память войны 1853–1856 гг.). Усть-сысольскому городскому голове Н.А.Попову в 1856 г. губернатор объявил благодарность «за распорядительность по поставке в 1853 г. работников ополчения и успешное взыскание сборов в казну с мещанского общества».

Жители Коми края участвовали в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В боях погибли Д.А.Карманов из Помоздинского сельского общества (СО), Л.И.Красильников из Межадорского СО, Д.А.Васильев из Прилузья, Г.Паршуков и М.С.Карманов из Усть-Немской волости. От полученных на войне ран скончались Т.Д.Ушаков из Межадорского СО и П.Л.Мезенцев из Щугорского СО. Находясь в действующей армии на Балканах, от сыпного тифа умер Е.Н.Куратов из Кибер-Спасского СО (Куратово). Получили ранения С.М.Логинов и М.П.Тимушев из Усть-Куломской волости, Ф.В.Камбалов из Богоявленской волости (Зеленец), П.А.Маегов из Усть-Сысольска, Л.З.Попов из Помоздинской волости, П.Демин из Благовещенской волости (Пажга), С.И.Лыткин из Выльгорта.

В январе 1904 г. Япония начала военные действия против России. Огромная Российская империя оказалась недостаточно подготовлена к войне. Ее флот и армия оказались в сложнейшем положении. Вооруженные силы России понесли тяжелые потери. По данным исследователей Н.И.Суркова и В.Ф.Паршукова, в сражениях на море и суше участвовало несколько десятков жителей Коми края, некоторые из них погибли. 27 января японская эскадра в заливе Чемульпо атаковала крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». В этом знаменитом сражении участвовали матрос крейсера «Варяг» Андрей Николаевич Трофимов из д. Бор Ношульской волости и матрос «Корейца» Дмитрий Михайлович Белых из д. Гавриловской Палевицкой волости. Оба они являлись комендорами, т.е. обслуживали артиллерийские орудия. А.Н.Трофимов погиб в бою. Д.М.Белых после затопления «Варяга» и взрыва «Кореца» вместе с другими уцелевшими моряками через нейтральные страны вернулся на родину и был награжден Георгиевским крестом.

31 марта 1904 г. на японской mine подорвался и затонул вместе с командующим Тихоокеанским флотом адмиралом С. Макаровым и всем экипажем эскадренный броненосец «Петропавловск». В числе 600 погибших матросов был Илья Самсонович Осипов из Усть-Сысольска. Его брат Иван, сообщал в августе 1905 г. уездный исправник, «ушел добровольцем в ряды войск в сем году, но в какую поступил часть, сведений не имеется». От огнестрельной раны погиб в бою в 1904 г. рядовой Томского Сибирского пехотного полка И.Ермолин из Вотчинской волости. Медалями в память русско-японской войны награждены Л.Макаров и И.Тимушев из Усть-Сысольска, И.Турубанов из Койгородской, В.Аксенов из Вотчинской, В.Булышев из Усть-Немской, И.Дикоев из Визингской, З.Жижев из Богородской, Г.Уляшев из Помоздинской волости и многие другие.

Как пишет историк Н.И.Сурков, по всей стране, в том числе и в Коми крае, проводился сбор добровольных пожертвований в пользу больных, раненых и пленных защитников Порт-Артура. Эта работа проходила под эгидой Вологодского дамского комитета Российского Общества Красного Креста. Усть-Сысольский уездный исправник, получив из Вологды соответствующие документы, дал указание становым приставам открыть подписку по участкам и принять самые энергичные меры по сбору пожертвований.

За март-август 1905 года по Усть-Сысольскому уезду было выручено от продажи безвозмездно сданного крестьянами хлеба и других пожертвованных вещей и собрано наличными 126 рублей 70 копеек. В кампании приняли участие 932 человека (в натуральном сборе участвовали 426 человек, в денежном – 506 человек). Собирались в Коми крае также средства «для раздачи погибших... на крейсере «Варяг» нижних чинов».

Поначалу, как свидетельствуют приведенные выше факты, русско-японская война вызвала патриотический подъем среди населения. Но постепенно вследствие неудач на фронте, осложнения экономического положения страны, ухудшившего положение значительной части населения, создалась благоприятная ситуация для активизации антиправительственной пропаганды.

По данным историка В.И.Чупрова, в июле 1905 г. в Усть-Сысольске было расквартировано около 800 запасных солдат, собранных в уезде для отправки на фронт. 14 июля политтсыльные распространили среди них 36 экземпляров двух прокламаций (эсеровскую «Товарищи!» с девизом «В борьбе обрешь ты право свое!» и социал-демократическую «К запасным солдатам!»), в которой резко критиковалась политика правительства, связанная с русско-японской войной, предлагалось подняться по примеру потемкинцев на борьбу против существовавшего режима. Листовки кончались призывом «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует учредительное собрание!». Среди призванных в армию велась и устная революционная пропаганда. Под влиянием агитации возникли волнения. Мобилизованные намеревались отобрать имущество торговцев города и взять в плен всю полицию во главе с исправником, а полицейского пристава «пристукнуть за sleжку». Солдат поспешили изолировать от окружающего населения и отправить к месту назначения.

Как пишет В.И.Чупров, в связи с этим и подобными волнениями в других частях Вологодской губернии губернатор Лодыженский сообщал министру внутренних дел, что «война с Японией крайне непопулярна среди населения, в противоположность прежним войнам. В сознании крестьян твердо держится убеждение, что война эта не нужна была и что даже в случае благоприятного ее окончания Россия ничего не выгадает, а потому жертвы, приносимые населением на это дело, представляются бесполезными. Результатом такого убеждения является никогда в прежние времена не наблюдавшееся недовольство крестьянского населения мобилизацией запасных нижних чинов».

Вступление России в Первую мировую войну в 1914 г. жители Коми края поначалу поддержали. Интересные сведения об этом приводят в своих исследованиях О.Е.Бондаренко и Н.И.Сурков. Местные власти встретили войну заявлениями о полной поддержке правительства. 27 июля 1914 г. председатель Яренской уездной земской управы послал на имя Николая II телеграмму с «выражением любви и непоколебимой преданности по поводу открытия военных действий». Все слои населения края в первое время также были охвачены патриотическим порывом. Многие мужчины подали заявления с просьбами зачислить их в армию охотниками (добровольцами). За годы войны только из Усть-Сысольского уезда добровольцами на фронт ушли 129 человек, главным образом в первые годы войны. А всего в армию было мобилизовано более 57% трудоспособного мужского населения Коми края.

Многие уроженцы Коми края внесли свой вклад в защиту Отечества. Через армию прошли, в частности, многие будущие коми политики и деятели культуры: Д.И.Селиванов, А.Ф.Потапов, Д.М.Ваддоров, А.П.Гичев, В.Т.Чисталев, В.А.Молодцов и др. Так, 40-летний А.М.Мартюшев, известный коми политик, с началом войны был мобилизован в армию, зачислен в ополченческую дружину унтер-офицером, в октябре 1914 г. направлен на Западный фронт и, по его воспоминаниям, «всю зиму 1914/15 г. провел в памятном сидении на Бзуре и Равке, под постоянным артиллерийским обстрелом противника, нередко ураганным. Раз был контужен, несколько раз приходилось с окопов отбивать атаку немцев». Поэт А.А.Маегов, впоследствии – политический деятель и ученый, воевал с турками в Турецкой Армении, с австрийцами на Юго-Западном фронте. Немало выходцев из Коми края окончили военные училища и получили первый офицерский чин прапорщика: среди них

ставший позднее заметным политическим деятелем Коми края В.П.Юркин, ученый и поэт В.И.Лыткин, будущий организатор физкультурного движения в Коми Н.М.Жеребцов, упоминавшиеся уже А.А.Маегов и В.Т.Чисталев...

Довелось коми повоевать даже во Франции – в составе высадившегося там в 1916 г. Русского экспедиционного корпуса. Д.А.Попов из с. Глотова вспоминал: «При наступлении у г. Реймса мы взяли у немцев три линии укреплений, но бригада потеряла много людей, в нашей роте осталось 11 человек. Мне, унтер-офицеру, пришлось взять командование на себя. И еще три дня мы отбивали атаки противника». После Февральской революции солдаты потребовали возвращения в Россию. Известно, что в числе организаторов солдатских выступлений был поначалу Савин из Усть-Сысольского уезда, получивший позднее в боях тяжелые ранения. Многих участников этих выступлений арестовали и выслали в лагерь, находившийся в Африке. Среди них был и названный выше удорец Д.А.Попов. Уцелевшие в боях и в лагерях вернулись на родину уже после окончания войны.

За доблестную службу, по данным историка О.Е.Бондаренко, Георгиевскими крестами были награждены Т.К.Машкалев из Киберской волости (Куратово), П.В.Сажин из Чухломской волости, Ф.И.Мамонтов из Усть-Немской волости и др., Георгиевскими медалями – А.Н.Изьюров из Богоявленской волости (Зеленец), А.Мезенцев из Троицко-Печорской волости и т.д. Немало коми воинов пало в боях, умерли от ран в госпиталях. Многим довелось побывать в плену в Австрии и Германии. Их семьи получали пособия. Для находившихся в армии и военнопленных, а также членов их семей в Коми крае собирали продукты, одежду, проводились благотворительные лотереи.

Как пишут М.В.Таскаев и О.Е.Бондаренко, в годы первой мировой войны Коми край, как и другие окраины России, стал вначале местом содержания подданных Германии и Австро-Венгрии (мужского пола призывного возраста), проживавших до войны в центральных районах Российской империи, а затем и военнослужащих противника, взятых в плен в боях. Первые высланные появились в с. Выльгорт уже в конце августа 1914 г. Весной 1916 г. в Коми край стали прибывать военнопленные Австро-венгерской армии, позднее здесь появились также военнопленные немцы и даже турки. Первоначально Усть-Сысольский пункт размещения военнопленных был рассчитан на 60 офицеров, а в середине 1917 г. в районе Усть-Сысольска находилось уже около тысячи человек. Лагерь военнопленных просуществовал здесь, вероятно, до весны 1918 г. В Яренском уезде военнопленные пребывали до 1919 г.

Очерк V. РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОМИ КРАЕ

Народное образование

Первыми очагами просвещения в Коми крае были монастыри. Именно при монастыре - Михаило-Архангельском в Усть-Выми - в конце XIV в. Стефан Пермский открыл первую в Коми крае школу, где обучались дети из коми семей, принявших христианство. После смерти Стефана школу закрыли, и обучение грамоте велось путем индивидуального ученичества. Но несмотря на отсутствие школ, в Коми крае грамотные люди встречались не только среди духовенства и чиновников, но и среди крестьян, в том числе и небогатых (об этом свидетельствуют документы XVI-XVII вв.). В самом конце XVIII в. в Усть-Сысольске была предпринята попытка организовать групповое обучение - создали группу по подготовке сельских писарей, которых учили грамотно составлять и писать канцелярские бумаги.

Школы появились только в XIX столетии. В их организации были заинтересованы все слои населения Коми края - крестьяне и мещане, чиновники и купцы. Документы XIX - начала XX вв. свидетельствуют, что коми крестьяне ценили грамотного человека больше, чем неграмотного, рассуждая так: «Он лучше... все понимает, он человек «ходовой», он и слово Божье понять и бумагу всякую разобрать и подписать может». В своих прошениях об открытии школ жители края писали: «Сознавая пользу учения и темноту неграмотности, желаем дать своим детям обучение». Примечательно, что крестьяне видели необходимость не только в постижении азов грамоты и счета, но и более углубленного образования, дабы «просветить своих детей, будущее поколение деревни». А вот некоторые представители высшей российской власти совсем по-иному смотрели на это. Известный политический деятель начала XX в. Пуришкевич написал на прошении помоздинских крестьян об открытии в их селе нового училища: «Какое образование нужно простонародью, крестьянам? Достаточно им начальной грамоты и чтоб о большем не мечтали». К счастью, далеко не все в правительственных кругах мыслили так же...

В Яренске первое училище открылось в 1805 г. (позднее в городе были организованы духовное училище - в 1822 г. - и женское училище - в 1843 г.). На территории современной Республики Коми первая школа возникла в 1814 г. - именно тогда владелец Сереговского сользавода Рыбников устроил школу при заводе. В 1816 г. усть-сысольские чиновники сообщили в городскую думу, что они «желание имеют завести в здешнем городе для просвещения юношества училище». Горожане пожертвовали на открытие училища деньги, но их оказалось недостаточно, поскольку по существовавшему законодательству государство первоначально совсем не финансировало вновь открывшиеся приходские училища. «По бедности жителей» дальнейшего сбора с них денег проводить не стали. В городской казне денег тоже не нашлось.

Состоятельные усть-сысольцы нанимали учителей, которые обучали их детей на дому. Например, известная детская писательница А.О.Ишимова (дочь сосланного в Усть-Сысольск в 1818 г. О.Ф.Ишимова) «облегчала участь семьи, давая частные уроки» детям чиновников, в частности, сыну городничего, «которого, - как вспоминала позднее сама А.О.Ишимова, - маменька через несколько дней после нашего приезда прислала к нам с банкой помады (конфет - авт.) в руках и просьбою поучить его по-французски». Наконец, в 1822 г. в Усть-Сысольске открылось духовноприходское училище, первое в Усть-Сысольском уезде. Оно располагалось на первом этаже колокольни Троицкого собора в двух небольших комнатах (в 1864 г. его перевели в деревянный двухэтажный дом). Здесь преподавали учителя из числа священников или выпускников семинарии.

В 1822 г. появилась первая в Прилузье школа в Объячево, в 1828 г. - приходское училище в Ижме, в 1835 г. - усть-сысольское приходское училище, дом для которого пожертвовал местный купец М.Новоселов. Преподавали в усть-сысольском приходском училище священник и пономарь. Об учащих в 1843 г. сообщалось: «Учеников по

народонаселению весьма мало, и многие из них настоящие нищие, покрыты рубищами; иногда ходят в классы, а иногда ходят по миру за милостыней, некоторые из них с весьма хорошими дарованиями и имеют охоту учиться».

13 марта 1840 г. открыли усть-сысольское уездное училище. Заниматься там было трудно. «Училищный дом снаружи, - отмечалось в документе 1840 г., - особенно снутри, находится в ветхом безобразном состоянии, чему причиной должно положить не иначе как время». В 1850 г. для училища был куплен у купцов Сухановых двухэтажный каменный дом (сейчас там один из отделов краеведческого музея).

Занятия в училищах велись на русском языке. Коми ученый и просветитель Г.С.Лыткин вспоминал: «Я поступил в Усть-Сысольское приходское, затем уездное училище. И в приходском, и в уездном училищах (1844-1848 гг.) предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законоучителя (т.е. преподаватели Закона Божьего - авт.), родом зыряне, или не могли, или почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке. Не понимая смысла русских слов, на русском языке мы зазубривали краткую священную историю, краткий катехизис, краткую грамматику русского языка, краткую историю всеобщую и русскую, географию и геометрию. Из 50-ти с лишком, учившихся в приходском училище, окончили в уездном только 4, из коих двое были зыряне. Остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса». Оборудованы учебные заведения были плохо. Инспектор сообщал в Петербург об одном из усть-сысольских училищ: «Нет порядочного ни стула, ни стола, даже доски стерты до того, что написанного совершенно не видно».

Домашнее обучение в Усть-Сысольске продолжалось и после открытия первых учебных заведений и даже конкурировало с обучением в них. В 1845 г. смотритель уездного училища сообщил городничему, что четыре человека «занимаются на дому обучением малолетних детей», сокращая тем самым число посещавших училища. Городничий заставил троих домашних учителей (двое из которых - мещанка и солдатская вдова - оказались неграмотными!) пообещать впредь обучением детей не заниматься. Четвертый, пономарь П.Распутин, отвечал городничему, что «учить детей родственников, имея свободное время», он находит «весьма... приличным» своему званию.

В 1843 г. открылись сельские училища в Корткеросе, Небдино и Усть-Куломе, в 1845 г. - в Айкино и Троицко-Печорске, школа грамоты в Колве. Эти и вышеназванные учебные заведения положили начало развитию народного образования в Коми крае. Во II половине XIX - начале XX вв. количество учебных заведений в крае возросло. В 1851 г. появилось сельское училище в Визинге, в 1860 г. - в Вильгорте, в 1861 г. - в Часово, Глотова, Важгорте, Помоздино, в 1862 г. - в Летке. Увеличивалось число церковно-приходских школ, которые находились в ведении духовенства. Нередко обучение в них организовывалось на общественных началах. В с. Щугор местный священник П.В.Распутин и его супруга, «побуждаясь состраданием к бедным детям, большею частью круглым сиротам, ... принялись с 1861 г. с особою заботливостью за безвозмездное обучение этих детей». Официально училище в Щугоре открылось только в 1864 г. Вендингский крестьянин В.А.Калинин в 1878 г. открыл в своем доме одну из первых на Удоре школ и более десяти лет обучал детей со всей округи. В 1869 г. в Коми крае имелось 85 начальных школ, находившихся в ведении светских властей (министерства просвещения или земств) и духовенства. В 1911 г. их было уже 307.

Поначалу в училища и школы принимали только мальчиков. Девочки учились в «домашних школах». По воспоминаниям современников, в 1850-х гг. в Усть-Сысольске «девочки достаточных (состоятельных - авт.) родителей обучались у частных лиц женского пола... Обучала ... азбуке, чтению часослова и псалтыря старая девица..., дочь покойного священника Пелагея Дмитриевна... В кухне был стол, вокруг которого сидели девочки лет 7-8-ми...Перед всеми...лежали букварь, часослов и псалтыри». Учились здесь одновременно до десяти девочек, за год они осваивали чтение. Писать учительница обучить их не могла,

поскольку и сама писать не умела. Ее племянницы, Екатерина (работавшая позднее в училище для девочек) и Любовь Николаевны Клячины, обучали «дочерей весьма достаточных родителей, за хорошую плату... по русскому языку, и по арифметике, и разным рукоделиям, ...языкам французскому и немецкому и танцам» и «по другим предметам».

В 1853 г. в Усть-Сысольской городской думе рассматривалось предложение об открытии городского училища для девочек, но его отклонили, решив, что девочкам образование ни к чему. Но 8 сентября 1858 г. в Усть-Сысольске все же открылось женское двухклассное училище. Сначала ученицы занимались в доме купца И.Забоева, а в 1859 г. было построено специальное здание. В 1870 г. это училище преобразовали в женскую прогимназию, а в 1909 г. - в гимназию. В том же году удалось добиться открытия мужской прогимназии, а в 1912 г. ее преобразовали в гимназию. Во всех учебных заведениях города в 50-х гг. обучалось 160-170 детей - значительно меньше, чем их было в Усть-Сысольске. Впрочем, далеко не все стремились учиться. В 1858 г. на педагогическом совете усть-сысольского уездного училища отмечалось: «Школа вообще и уездное училище в особенности во мнении родителей здешнего края - есть такая исправительная мера, которой с самых ранних младенческих лет пугают они воображение детей своих. Отвращение к школе растет вместе с годами ... Он (ребенок - авт.) знает, что это дом, в котором скучно, потому что учат, страшно, потому что бьют и секут». Много детей не ходило в школу и в других районах и селениях Коми края, особенно в Печорском уезде.

Обучение в школах и в начале XX в. следовало проводить на русском языке, но во многих начальных школах, учителя которых знали коми язык, в первых двух классах детей учили на их родном языке (русским ученики владели плохо). В 1912 г. в Коми крае появились высшие начальные училища (ВНУ), положение о которых предусматривало изучение учащимися родного языка в качестве необязательного предмета (факультативно), а с согласия министерства можно было вводить его и как обязательный предмет. Во ВНУ принимали детей, закончивших начальную школу. Учились тут четыре года. Первыми были открыты ВНУ в Усть-Сысольске, Ношуле, Мохче и Яренске, в 1913 г. - в Усть-Выми, в 1914 г. - в Усть-Куломе, в 1915 г. - в Визинге и Помоздино. Ходатайствовали об открытии ВНУ жители Деревянска, Лоймы, Межадора и других сел. Недосток учебных пособий по коми языку (хотя и несовершенные, они все же стали появляться в XIX в. - см. об этом в разделе «Научные исследования») делал изучение этого предмета чрезвычайно сложным, да и руководство училищ больше занимали проблемы усвоения учащимися русского языка. В Усть-Вымском училище «в стенах школы строго воспрещалось говорить по-зырянски». Учителям Визингского училища инспектор посоветовал «не прибегая к репрессивным мерам, убеждать учеников говорить между собой на русском».

Тем, кто хотел продолжить свое обучение и выучиться, например, на учителя начальных классов, приходилось уезжать из Коми края в Тотьму или другие города, где имелись учительские семинарии. В Коми крае только в 1916 г. открылась учительская семинария, располагавшаяся в Усть-Сысольске. Помимо других предметов, в ней изучался и коми язык.

Появлялись в Коми крае и учебные заведения, в которых можно было освоить какое-нибудь ремесло. В 1890 г. земство открыло в Усть-Сысольске слесарно-кузнечную мастерскую для обучения «мальчиков из населения города и уезда». С 1904 г. здесь открылось столярное отделение. Никаких общеобразовательных дисциплин не преподавалось. Вели занятия не педагоги, а специалисты-мастеровые. В 1911 г. мастерскую закрыли.

В 1902 г. земство организовало практическую сельскохозяйственную ферму в Верхнем Чове (поблизости от Усть-Сысольска). Тут мальчики обучались различным техническим приемам земледелия, травосеяния, огородничества, животноводства. В том же году открылась ремесленная школа в Айкино (со столярным и слесарно-кузнечным отделениями), в 1910 г. - в Усть-Сысольске (со слесарно-кузнечным и слесарно-токарным отделениями; усть-сысольское земство ходатайствовало об ее открытии с 1907 г.).

В начале XX в. появились и учебные заведения, предназначавшиеся для обучения взрослого населения. 16 января 1905 г. в Усть-Сысольске открылись мужская и женская воскресные школы (просуществовавшие до 1909 г.). Занятия в них проводились по воскресеньям. Желающих учиться оказалось много, принять могли не всех. Большинство учащихся было лет 14-16 (моложе в воскресные школы не брали), но учились и люди куда более взрослые - до 30 лет и старше. Неграмотные начинали с азбуки и счета, более подготовленные изучали правописание, занимались чтением, историей, географией и др. С теми, кто плохо знал русский, занимались на коми языке. Преподаватели (А.А.Цембер и др.) работали бесплатно.

Мохченский священник П.Михайлов, видя «потребность для будущих пастырей зырянских приходов, как и для учителей и чиновников в тамошних селениях, обучаться зырянскому языку» и «руководствуясь желанием принести пользу...своими познаниями в ижемско-зырянском языке», составил «правила, таблицы и формы к изучению ижемско-зырянского языка с присовокуплением кратких приемов обыкновенного разговора», чтобы «всякий человек, умеющий читать по-русски, мог самостоятельно научиться говорить и писать по-зырянски». (П.Михайлов полагал также, что коми язык «необходимо поддерживать в детях тех священнослужителей, которые служат в зырянских приходах»). В 1873 г. в Архангельске было издано его «Практическое руководство к изучению ижмо-зырянского языка».

Благодаря росту числа школ в Коми крае все больше становилось грамотных людей. Уроженец с.Турья (на Выми) П.А.Сорокин, ставший позднее всемирно известным ученым-социологом, в одной из первых своих работ в 1911 г. даже писал, что «зыряне - третий народ по грамотности в России: первыми идут немцы, вторыми евреи и затем зыряне». Современные исследователи истории народного образования в Коми считают это высказывание преувеличением. Однако можно полагать, что даже если П.А.Сорокин и польстил зырянам, очевидно, что он воочию наблюдал положительные тенденции в развитии просвещения в крае.

Библиотеки и книжное дело

Самые первые библиотеки появились в Коми крае еще в конце XIV в. в монастырях. Состояли они, главным образом, из богослужебной литературы, жизнеописаний различных деятелей христианской церкви. Пользовались ими сами монахи. Книги там хранились бережно, по возможности пополнялись все новыми и новыми томами. В библиотечке Ульяновского монастыря в XIX в. насчитывалось около тысячи книг.

В ноябре 1837 г. в Усть-Сысольске открылась первая в Коми крае публичная библиотека (кроме нее, имелась библиотека в Яренске при тамошнем училище). Ее членами-основателями являлись местные чиновники, учителя и купцы И.Михайлов, Н.Попов, С.Мельников, А.Држевецкий и др., пожертвовавшие по нескольку книг из своих небольших собраний и давшие деньги для выписки книг из Санкт-Петербурга и Москвы. Библиотека создавалась при активном участии профессора Московского университета Н.И.Надеждина, находившегося в то время в усть-сысольской ссылке. За пользование библиотекой читатели должны были вносить определенную плату. Как сообщала газета «Вологодские губернские ведомости», «по общему согласию основателей хранителем книг избран ... титулярный советник Андрей Попов, в доме которого и помещена теперь библиотека в нарочно устроенных красивых шкафах».

В 1848 г. в библиотеке имелось около 1000 томов, в 1853 г. - 1737. В библиотеку поступали самые разнообразные газеты и журналы: «Вологодские губернские ведомости», «Земледельческая газета», «Детский журнал», «Современник», «Живописный сборник», «Художественный листок», «Журнал Министерства внутренних дел», «Вестник Императорского русского географического общества», журнал для детей «Звездочка»,

«Северная пчела», «Отечественные записки» и прочие. По количеству книг Усть-Сысольская библиотека занимала второе место в губернии (после Вологодской, находившейся в губернском центре). В 1866 г. здесь было уже 2890 томов (1020 из них - журналы и альманахи). В конце XIX в. в библиотеке имелось свыше 9000 томов. В ее фондах хранилось более 400 старинных рукописей, исторических документов, рукописей по этнографии, географии и др., но в 1892 г. их передали в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку (теперь эти рукописи хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге).

18 июня 1899 г. в Усть-Сысольске открылась городская бесплатная библиотека-читальня, учрежденная городской думой для того, чтобы «дать возможность всем без различия пола, возраста, состояния жителям г. Усть-Сысольска и пригородных слобод и деревень на расстоянии 5 верст от города безвозмездно пользоваться книгами для чтения на дому, а также и в помещении библиотеки». Заботу о хранении, приобретении и выдаче книг взяли на себя В.Е.Кичин, А.Н.Малышев, А.А.Цембер и учителя городских школ. Все они трудились тут на общественных началах. Средств на развитие бесплатной библиотеки выделялось очень мало. Газета «Север» в 1907 г. писала о ней: «Маленькая темная комната, старые, давно вышедшие в тираж издания, 100 рублей на расходы и пополнение книг ежегодно, - вот физиономия этого просветительского детища городской управы».

В 1902 г. открылась Усть-Сысольская публичная земская библиотека. Ее посетители должны были платить за услуги (бесплатно книгами могли пользоваться только земские служащие). Наконец, хорошая библиотека имелась в женской гимназии в Усть-Сысольске - сюда передал собранные им несколько сотен книг усть-сысольский чиновник и писатель Ф.А.Арсеньев.

Открывались библиотеки и в других населенных пунктах Коми края. В Выльгорте на волостном сходе 28 ноября 1894 г. крестьянин Н.П. Чеусов сказал: «Так как на большое благодеяние средствами мы не обладаем, было бы и то доброе дело, если бы мы открыли хотя бы небольшую народную читальню, ибо этим темные люди могли бы получить некоторый свет и познание для пользы своего хозяйства и государства». 28 февраля 1897 г. выльгортская библиотека-читальня была торжественно открыта. В Койгородке появились даже две библиотеки - в 1896 и 1990 гг. К началу XX в. в Усть-Сысольском и Яренском уездах открылось 9 библиотек. В начале XX в. благодаря субсидиям из фонда, созданного просветителем Ф.Павленковым, количество библиотек заметно возросло. В 1902 г. открылась бесплатная народная библиотека в Палевицах, в 1904 г. - в Дзели и Часово, в 1909 г. - в Слудке, в 1911 г. - в Ипатово и т.д. В 1915 г. в Усть-Сысольском уезде имелось 65 народных библиотек, в Яренском уезде - 41, в Печорском уезде - 4. Кроме того, существовали библиотеки и читальни при училищах и некоторых волостных правлениях (как в Выльгорте).

Конечно, библиотеки при всем своем большом значении имели и огромный недостаток: в них крайне мало было книг на коми языке. Между тем население Коми края в большинстве своем неважно владело русским, а то и вовсе не знало его. Коми книгу грамотные люди могли бы читать своим соседям, односельчанам, и нет сомнения, что это вызвало бы живейший интерес. Недаром живший в Усть-Сысольске врач А.Држевецкий писал о коми: «Это народ умный, общественный, способный к восприятию просвещения». Русские же книги могли воспринимать лишь знающие русский язык.

Понимая это, энтузиасты из числа просвещенных жителей Коми края наряду с собиранием книг предпринимали и попытки перевода их на коми язык, идя по стопам Стефана Пермского, который первым начал это чрезвычайно важное дело. Долгое время после его смерти никто не занимался переводами. Но в XIX в. начался бурный процесс переводческой деятельности. Духовенство, сокрушаясь о «недостаточной нравственности» местных жителей (именно в этом оно видело, в частности, причину крестьянских волнений в некоторых волостях края в I половине XIX в.), поощряло переводы церковных книг на коми

язык, полагая, что религиозно-нравственная литература на родном языке будет понятна и доступна населению, и ее чтение благотворно скажется на общественной морали.

Известный русский ученый П.И.Савваитов тоже полагал, что «нужда в таких сочинениях, особенно в настоящее время, при улучшении внешнего быта зырян, весьма ощутительна. В этом лично я удостоверился во время последнего своего путешествия по краям зырянским... в... 1846 году». «Некоторые из достойных служителей алтаря, - отметил он, - желая удовлетворить духовным нуждам своей паствы», уже занялись переводами «книг духовного содержания» на коми язык.

В начале XIX в. усть-сысольский протоиерей А.Шергин перевел «Евангелие от Матфея». Священник обьячевской церкви Л.В.Багин в 1821 г. также перевел на коми «Евангелие». Усть-сысольский протоиерей В.Кокшаров перевел несколько чтений из книг «Ветхого Завета», усть-сысольский священник М.Георгиевский - «Начатки Христианского учения», священник В.Куратов - «Книгу деяний апостольских», священник П.Распутин - «Псалмы» и т.д.

Переводами занимались не только священнослужители. Яренский учитель Е.Афанасьевский перевел на коми «Евангелие от Марка», отставной офицер Н.П.Попов - «Книгу псалмов». Перу А.Е.Попова принадлежат несколько осуществленных в 1840-60-х гг. переводов как религиозной, так и другой литературы общественно-полезного содержания: «Извлечение из наказа государственным крестьянам о предупреждении пожаров в государственных селениях», «Сельский полицейский устав для государственных крестьян», «Избранные места из книги училища благочестия на русском и зырянском языках с назидательными нравоучениями, приспособленными к понятиям зырян» и др. Было подготовлено немало словарей и учебных пособий по коми языку. Качество переводов далеко не всегда было удовлетворительным.

Часть переведенных книг осталась в рукописях, но немало было издано. С 1813 по 1913 гг. на коми языке вышло около 70 наименований книг, брошюр и т.п. Наибольшую известность получил труд коми ученого и просветителя Г.С.Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык», изданный в Петербурге в 1889 г. Книги печатались в разных местах. В самом Коми крае долгое время не было типографии. Только 12 мая 1906 г. в Усть-Сысольске открылась небольшая типография, принадлежавшая З.Д.Следникову. В ней изготовлялись, главным образом, визитные карточки и бланки, но именно здесь были напечатаны и сборники коми фольклора и произведений коми поэтов, сыгравшие большую роль в популяризации коми литературы и народного творчества.

Если бы в Коми крае существовала периодическая печать, то многие религиозные, художественные и прочие произведения, наставления, рекомендации на коми и русском языках могли бы иметь гораздо большую аудиторию. Видный коми ученый, писатель и просветитель К.Ф.Жаков в 1909 г. предлагал усть-сысольскому земству организовать издание такой газеты. «Газета займется изучением жизни зырян - чтобы отвлечь их от пороков, как пьянство, и познакомить их с богатствами и всеми формами труда на севере. Она опишет в своих статьях и в рассказах на родном языке их быт и нравы и пути улучшения формы жизни. Север велик, и жизнь разнообразна, следовательно, еженедельная газета, не касаясь политики, найдет обильный материал для своего содержания», - говорил он. Но, к сожалению, первые газеты в Коми крае появились только в 1917 г., а журналы - и того позже.

Театр. Кино. Фотография. Спорт

Первые любительские театральные постановки в Коми крае осуществлялись уже в 1820-е годы. Их появление было связано с сосланными в Усть-Сысольск О.Ф.Ишимовым и его дочерью А.О.Ишимовой. В свое время О.Ф.Ишимов, живя в Тобольске, руководил тамашним театром. Его опыт помог А.О.Ишимовой расшевелить провинциальный Усть-Сысольск, поставив пьесу «Филаткина свадьба». Позднее А.О.Ишимова вспоминала: «Это представление до того понравилось всем, что даже старик-купец и хозяин того дома, где оно

происходило, с удовольствием смотрел, как его дочери и подруги их разыгрывают свои роли».

В 1831 г. несколько усть-сысольских чиновников и купцов «словесно объявили» местному городничему, что «возымели они намерение временно открыть в частном доме театр» и попросили его «позволения начать театральные представления». Пьесы, которые они собирались ставить, были выписаны из Санкт-Петербургского книжного магазина. Городничий однако же пояснил, что без ведома губернатора «театрального представления позволить смелости» не имеет - мало ли что из этого выйдет - и обратился за указаниями в Вологду. Губернатор ответил, что «к дозволению домашнего театра...никакого препятствия» не видит, но на всякий случай потребовал представить ему список пьес, «которые назначены к представлению», и распорядился установить «наблюдение за сохранением порядка» в театре. Отосланный губернатору список включал 31 пьесу: комедии Д.Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», пьесу М.Загоскина «Вечеринка ученых» и др.

Нет точных данных о том, удовлетворил ли губернатора этот список и были ли осуществлены тогда театральные постановки. Вполне вероятно, что театральный кружок в городе начал действовать. Известно, что позднее, в 1840-50-х гг. в Усть-Сысольске ставились любительские спектакли; для представлений снимали дом купца Еремеева, в одной из комнат которого устроили сцену и поставили скамейки для зрителей (последних могло быть до 60-80 человек). Затем для театра стали использовать помещения бывшей городской ратуши. Любительские театральные кружки ставили комедии, водевили, пьесы русских драматургов и писателей (в частности, «Женитьбу» Н.Гоголя); некоторые из них переводились на коми язык.

В.Е.Кичин в 1865 г. сообщал в «Вологодских губернских ведомостях»: «Издавна в Усть-Сысольске возобновляются ежегодно, в зимнее время, благородные общественные спектакли, несколько перемен декораций заведено на общественный счет. На сцене домашнего театра с 1861 года по настоящий ставились пьесы по преимуществу дельных, образцовых писателей, в особенности развития публича восхищалась пьесами Островского, которые выполнялись добросовестно». «На усть-сысольской сцене с 1861 по 1865 год появились замечательные талантливые актеры в лицах И.В.Меркушева и Е.М.Кичиной, что подтверждает и сознает вся усть-сысольская публика».

В 70-х гг. здание ратуши разобрали из-за ветхости. «Бывший театр стоит в развалинах», - заметил побывавший в Усть-Сысольске в это время писатель П.В.Засодимский. Для спектаклей стали снимать дом купца Е.Фролова. Любительские коллективы ставили водевили и комедии-фарсы «Стряпчий под столом», «Жених без фрака», «Все мы жаждем любви» и др. Изредка приезжали в Усть-Сысольск на гастроли и профессиональные артисты.

На рубеже XIX-XX вв. центром театральной деятельности стал усть-сысольский народный дом, в котором имелся большой зал со сценой. Здесь выступали местные самодеятельные артисты (в основном из служащих и учителей), устраивавшие по несколько постановок в год. На вырученные от продажи билетов деньги изготовлялись декорации, оплачивалась аренда помещения. Собранные на некоторых спектаклях средства шли на благотворительные цели - для прогимназии, в помощь пострадавшим от пожаров и др. В 1900 г. «Вологодские губернские ведомости» сообщили, что в Усть-Сысольске «2 февраля...был дан спектакль, играли «Не в свои сани не садись» Островского. Спектакль прошел дружно, во время антрактов музыкальный кружок очень недурно сыграл несколько пьес. Посещение спектакля доступно здесь большею частью интеллигентной публике, между тем народных развлечений совершенно нет. Это обстоятельство побудило любителей в виде опыта повторить спектакль для народа по удешевленным ценам. Первый опыт народного спектакля показал, что зырянская молодежь весьма сочувственно относится к таким увеселениям... Помещение... не могло удовлетворить всех желающих посетить этот спектакль».

В начале XX в. профессиональные артисты чаще стали приезжать в Коми край, выступая на сцене усть-сысольского народного дома. В 1909 г. горожане увидели пьесы Е.Чеушкова «Марья Ивановна», М.Дрейера «Семнадцатилетняя», А.Островского «Бесприданница». В том же году перед ними выступила артистка петербургских театров Т.М.Дарбьяни. Учащиеся усть-сысольских учебных заведений тоже выступили перед горожанами с пьесами и инсценировками в помещении училищ. Но своего профессионального театра в Коми крае не было до 1920-х гг.

Первый фотограф появился в Коми крае в середине 1860-х гг. Это был сосланный в Усть-Сысольск поляк С.Краков. Пробыл он тут не слишком долго. В последующие годы своих фотографов в крае не было, хотя сюда не раз приезжали из других городов, чтобы сфотографировать местных жителей в национальной одежде для различных изданий. Впрочем, коми большей частью фотографироваться не желали. Русский писатель А.В.Круглов в книге «Лесные люди» (изданной в 1883 г.) рассказал, что хозяин дома в одном из коми селений, где он остановился, в ответ на его вопрос о фотографиях сказал: «Не любим мы этого». Присутствовавший при разговоре священник пояснил, что зыряне «смерти боятся»; «так они думают... коли снимут, значит - тень украдут, а уж если тень украдут, стало быть, шабаш». «Иные и соглашаются (фотографироваться - авт.), особливо которые в городах больших побывают», но порой приходилось прибегать к обману. Однажды заезжий фотограф «поставил ученика около машины-то своей, а она так в сторонке, ...прикрыта... Призвал зырянина и попросил его показать, как это они целятся на подставках. Тот и показал... Как он нацелился, этой минуточкой с машины-то покрышку - долой, ученик и снял». «А то и так случается: русский оденется в охотничью одежду и снимается за зырянина».

В 1895 г. в Усть-Сысольске открылась первая в Коми крае фотографическая мастерская, принадлежавшая П.Ф.Кулакову (по соседству с краем, в Яренске фотография появилась гораздо раньше), а в 1897 г. - еще одна, владельцем которой был А.П.Худяев. Фотографирование в те годы было делом куда более хлопотным, чем сегодня. Тем более удивительно, насколько хорошо, оказывается, были сделаны дошедшие до нас фотокарточки тех лет.

В 1895 г. во Франции состоялся первый в мире киносеанс. 10 лет спустя кино показывали уже в далеком провинциальном Усть-Сысольске. Как сообщила местная полиция, 16 августа 1905 г. «в здании усть-сысольского народного дома показывались» приехавшим из г.Глазова Вятской губернии кинооператором В.М.Платуновичем «живые движущиеся и световые картины кинематографа». Состоялся всего один сеанс. Показывали французский фильм «Погоня за женихом». Кто-то из местных жителей переводил французские надписи. Зал был полон. К сожалению, благолепие нарушил один из зрителей, который «был в нетрезвом виде, ...нарушал общественный порядок и тишину, ...громко говорил и делал замечания, ...останавливая рассказ публике о содержании картин и видов». Сеансы «синематографа» проводились в народном доме Усть-Сысольска и в последующие годы. В Яренске и Усть-Цильме в начале XX в. также имелось по синематографу, которыми заведовали уездные комитеты попечительства о народной трезвости.

Первое подобие стадиона появилось в Коми крае в начале XX в. - опять-таки в Усть-Сысольске. Горожанин В.П.Успасский в одну из зим организовал на реке Сысоле каток: на льду расчистили от снега площадку, вокруг которой для красоты натыкали в сугробы елочки, устроили освещение. Желавшая покататься молодежь платила по 2 рубля, переобувалась прямо на льду и могла заниматься спортом сколько душе угодно. Впрочем, охочих до бега на коньках было немного; гораздо больше собиралось любопытствующих зрителей.

Литература

Из глубины веков дошли до нас произведения устного народного творчества (фольклора) коми - увлекательные сказки, полные таинственности легенды, задушевные

песни, а также пословицы, поговорки, загадки, приметы и другие жемчужины народной словесности. В них в образной форме нашли свое отражение представления коми об устройстве окружающего мира (причем фантазия переплелась там с точно подмеченными закономерностями), передававшиеся из поколения в поколение и порой изменявшиеся до неузнаваемости рассказы о событиях давно минувших времен и многое-многое другое.

Русский ученый Н.И.Надеждин называл фольклорные произведения коми «поэзией», литературой - «их собственной, самородной, ниоткуда не заимствованной». Он восхищался зырянской народной литературой, которая «не навязывается на чтение, не продается в книжных лавках, ...не высказывается в поте лица насильственным вдохновением, не ловится и на лету из звучных, но пошлых фраз, лелеемых прихотью текущей минуты», литературой, «поэзией» «простой, бесправильной, безыскусственной, у которой нет ни школьной сановитости, ни салонного кокетства, ...одна есть жизнь, есть выражение, есть волшебная, очаровательная прелесть. Такова всегда и везде поэзия народная!»

К знакомым им с детства образам устного народного творчества часто обращались и первые коми поэты и писатели. Их художественные произведения на родном коми языке появились в XIX в. Василий Алексеевич Куратов (1820-1861), сын пономаря из с. Кибра (Куратово), собирал, записывал коми фольклорные произведения, а затем и сам стал писать стихи, к сожалению, не сохранившиеся. Больше повезло Петру Фостирьевичу Клочкову (1831-1853), сыну вотчинского дьячка, рукописи которого сберегли его родственники. Из-под пера П.Ф.Клочкова вышло несколько стихотворений, лирических и шуточных, ставших затем народными песнями. Особенно популярной в Коми крае сразу же стала песня «Что ты плачешь, милая девушка?» (Опубликованы песни Клочкова были лишь более чем через столетие после смерти поэта). Много стихотворных произведений на религиозные, библейские сюжеты написал современник П.Клочкова священник Петр Распутин. Среди его творений были песни, басни, сказки, псалмы и нравоучения. По словам И.А.Куратова, «Распутин глубоко заглянул в душу сентиментально-религиозных людей». Первоначально П.Распутин предназначал свои стихотворения для чтения в кругу друзей. Но затем он пришел к мысли о необходимости ознакомления с ними и с произведениями других коми поэтов как можно большего числа людей. В письме П.Клочкову П.Распутин призывал «убедить...край спящих зырян, что язык их премил и богат...для поэзии». Произведения П.Распутина тоже остались неизданными.

К числу первых «известных пиитов зырянских» принадлежал Георгий Степанович Лыткин (1835-1907), родившийся в усть-сысольской купеческой семье. Во время учебы в Вологде он заинтересовался устным народным творчеством коми, записывал коми народные произведения (некоторые он позднее опубликовал), а в 50-е годы сам написал ряд стихотворений, переводил на коми стихи А.С.Пушкина. Ему чуть больше повезло с публикациями: 17 марта 1855 г. два его небольших стихотворения - «Коми плач на смерть Николая Мудрого» (царя Николая II) и «Коми речь на воцарение Александра Николаевича» (Александра II) - были изданы в одной из петербургских типографий на отдельных листках на коми и русском языках. Кроме них, до нас дошли очень немногие рукописи стихов Г.С.Лыткина, а остальные оказались утрачены: во время одной из поездок в 1858 г. у Лыткина украли чемодан, где вместе с вещами лежали почти все рукописи... После этого он уже не занимался поэзией, отдав все свои силы научной и просветительской работе.

Произведения этих поэтов были лишь первыми, робкими шагами к созданию коми литературы. Ее действительным основоположником заслуженно считается Иван Алексеевич Куратов (1839-1875), младший брат поэта В.А.Куратова. Он родился в Кибре, учился в Яренске и Вологде, преподавал в Усть-Сысольске, находился на чиновнической службе в Казани и в Казахстане, где умер в г.Верном (Алма-Ата). И.А.Куратов начал писать стихи с 13 лет и занимался поэтическим творчеством до самой смерти. Он создал лирические и сатирические стихотворения и поэмы о жизни своих современников, об их надеждах, радостях и горестях, о труде и любви. В них нашли отражение коми народные обычаи и традиции, использовались материалы коми легенд. Кроме того, И.А.Куратов занимался

переводами на коми язык произведений И.А.Крылова, А.С.Пушкина, Горация, Р.Бернса, Г.Гейнца и др. При жизни Куратов напечатал только пять своих стихотворений, причем под видом коми народных песен и в переводе на русский язык. Его рукописи бережно хранились родственниками и были напечатаны в 1920-30-е годы.

Наиболее тесно связано с коми фольклором литературное творчество Каллистрата Фалалевича Жакова (1866-1926), родившегося в д.Давпон (сейчас часть г.Сыктывкара) в крестьянской семье. Он стал заниматься литературным творчеством в конце XIX в., во время учебы в Киевском университете, но все основные художественные произведения Жакова появились в начале XX в. Несколько стихотворений К.Ф.Жаков написал на коми языке, но большая часть его произведений (среди них были повести, рассказы, сказки, очерки, поэма и стихотворения) была написана на русском языке, и это не случайно. К.Ф.Жаков видел одну из своих главных целей в том, чтобы знакомить с коми культурой, с жизнью коми народа российскую общественность. Во многих рассказах и очерках Жакова содержится описание быта, культуры, нравов и обычаев коми. Хорошо зная предания, сказки, песни народа коми, писатель использовал их в своих произведениях. Пересказывая, а чаще создавая по мотивам фольклора собственные сказки и рассказы, Жаков вводил читателя в увлекательный волшебный мир... Его произведения пользовались популярностью в России, были известны за рубежом.

Михаил Николаевич Лебедев (1877-1951) в 90-х гг. XIX в. переводил на коми язык русские песни и романсы, затем, подражая различным авторам, стал сочинять на русском языке романы и повести, посвященные разным событиям истории русского и коми народов. В начале XX в. из-под его пера вышло несколько рассказов и повестей о жизни коми деревни. Перед мировой войной Лебедев начал писать стихи на коми языке. Многие его произведения на русском языке были опубликованы в различных российских журналах. Ряд стихотворений на коми языке в начале XX в. написал Дмитрий Яковлевич Попов (1862-1921). В это же время появились первые стихи коми поэтов А.А.Маегова (1893-1942), В.Т.Чисталева (1880-1939), В.И.Лыткина (1845-1981). Книжку стихов на русском языке «Стихотворения зырянина» опубликовал А.А.Чеусов (1882-1940).

Научные исследования

Коми народ - один из старописьменных народов России. Как уже говорилось, Стефан Пермский в 1372 г. в Устюге составил коми азбуку из 24 букв. Без сомнения, Стефана можно назвать не только просветителем, религиозным и политическим деятелем, но и ученым, первым исследователем коми языка. Стефановская письменность просуществовала до XVII в. Но ее роль в распространении грамотности среди местного населения резко уменьшилась уже при первых епископах-преемниках Стефана (они не знали коми языка и не стремились к распространению стефановской письменности). Сохранилось несколько написанных стефановскими буквами списков азбуки, надписей на иконах и приписок в русских рукописных книгах XV-XVI вв. Интересно, что древнекоми азбука в XV в. использовалась русскими писцами для тайнописи, при пересылке зашифрованных сообщений. В XVIII в. для коми письма стали использовать русские буквы, а стефановская азбука вышла из употребления.

Чрезвычайно интересный труд, повествующий о жизни и деяниях Стефана Пермского, написал его современник ростовский монах Елифаний Премудрый. В «Житии святого Стефана, епископа Пермского» содержится немало ценных сведений о древних коми (их расселении, религиозных верованиях). В 1481 г. писец Иван Гаврилов по приказу великого князя Ивана III составил описание Коми края, в котором говорится о селениях края, их жителях, обрабатываемых землях, промысловых угодьях, реках и озерах. Позднее было составлено еще несколько писцовых описаний Коми края.

О важнейших событиях в жизни Коми края сообщают нам летописи, которые вели монахи. Наиболее интересная из них - Вычегодско-Вымская летопись. Ее начал вести в

конце XVI в. основатель Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаил. После его смерти летопись продолжил священник Усть-Вымской Благовещенской церкви Евтихий (по их именам летопись получила также название Мисаило-Евтихиевской). Составители летописи не только записывали события, современниками которых они были, но и использовали другие летописи и старинные исторические документы XII-XVI вв. Это был, пожалуй, первый свод данных по истории Коми края. Небольшие сообщения о Коми крае и его жителях есть также в записках побывавших тут иностранцев С.Герберштейна, Дж.Флетчера, И.Идеса и А.Брандта, трудах российских и иностранных ученых.

В 1771-1772 гг. в Коми крае побывала экспедиция под руководством академика И.И.Лепехина (1740-1802). В опубликованных позднее «Дневных записках путешествия», подготовленных И.И.Лепехиным и его помощником Н.Я.Озерецковским, содержится много ценных сведений о населенных пунктах Коми края (Усть-Цильме, Ижме, Серегово, Усть-Сысольске, Ньючиме и др.), о культуре и быте их жителей, о полезных ископаемых, реках, почвах, состоянии хозяйства. Не случайно именно с этой экспедицией обычно связывают начало научных исследований в Коми крае.

В XIX в. число исследователей значительно увеличилось. Все больше приезжало в Коми край российских ученых, а под влиянием их все чаще к участию в исследовательской работе стали подключаться местные жители. Интерес обитателей края к науке подметил Н.И.Надеждин: «Зыряне народ чудный. Они не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение». Надеждин сделал даже такое неожиданное предположение: «Весьма вероятно, что это у них остаток древнего языческого суеверия. Вся северная чудь в старину боготворила медведей, этих мохнатых отшельников, которых уединенные берлоги неоспоримо были первообразом ученых затворнических кабинетов».

В 1808 г. Ф.Козлов, студент Вологодской духовной семинарии, составил первую «Коми грамматику», напечатанную в 1813 г. под авторством А.Флерова. «Грамматика» эта была очень несовершенна, но все же то был один из первых шагов в изучении коми языка. В 1827 г. в Коми крае побывал филолог и этнограф А.М.Шегрен (1794-1855), уроженец Финляндии, живший в России (позднее он стал академиком). Шегрен длительное время пробыл в Усть-Сысольске, совершил поездку по Сыsole, записывал народные предания, изучал коми язык, собрал немало материалов по истории края. А.М.Шегрен опубликовал несколько работ на немецком и русском языках по лингвистике, этнографии и истории народа коми. По совету Шегрена в конце 20-х гг. шежамский священник В.Михайлов и усть-сысольский мещанин И.Р.Мальцев начали составлять «Русско-зырянский словарь». Позднее к этой работе присоединились купеческий сын усть-сыsoleц А.Суханов, житель Усть-Сысольска Ф.Я.Попов и руководивший составлением словаря с 1831 г. отставной офицер Н.П.Попов (написавший и опубликовавший позднее также «Учебник зырянского языка»). В 1834 г. они передали в Академию наук «образчик зырянского словаря, заключающий литературу К». В 1843 г. словарь в четырех томах был закончен и передан в Академию наук (рукопись его до сих пор хранится в архиве Академии наук в Петербурге). Материалы этого и некоторых других словарей использовал в 70-80-х гг. XIX в. ученый Ф.И.Видеман при работе над коми-немецким словарем и грамматикой коми языка.

В 1837 г. север Коми края (Усть-Цильму и Большеземельскую тундру) изучал российский ботаник А.И.Шренк (1816-1876), напечатавший в 1855 г. большой труд по географии, геологии, ботанике, зоологии, этнографии и фольклору населения этого района. Упомянувшийся уже русский ученый и литературный критик Н.И.Надеждин (1804-1856), находясь в 1837-1838 гг. в ссылке в Усть-Сысольске, изучал и записывал коми фольклор - сказки, легенды, песни и т.д. Он опубликовал очерк «Народная поэзия у зырян», несколько статей об истории и этнографии коми, природных богатствах края, отметив: «Зыряне приняли меня очень радушно, охотно позволили изучать себя».

В 1843 г. в Усть-Цильме, Ижме и Колве находился известный финский ученый М.-А.Кастрен. Он изучил коми и ненецкий языки, написал «Элементарную грамматику коми языка» (за которую был удостоен высшей награды Академии наук - Демидовской премии) и

некоторые другие работы. Известный русский исследователь П.И.Савваитов (1815-1895) дважды в 1840-х гг. побывал в Коми крае. Он изучал коми язык, опубликовал древние памятники коми письменности, в том числе азбуку Стефана Пермского, переводил с русского на коми язык книги, в 1850 г. издал «Грамматику зырянского языка» и «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь», за которые Академия наук присудила ему Демидовскую премию. П.И.Савваитов являлся одним из руководителей созданного в 1845 г. Императорского русского географического общества (ИРГО).

ИРГО имело в Коми крае своих корреспондентов. Среди них был уже известный нам усть-сысольский промышленник В.Н.Латкин, который в 1840 и 1843 гг. исследовал Печорский край, опубликовал «Дневник» своих путешествий - большой труд по географии, этнографии и экономике, в котором подчеркнул необходимость освоения северных окраин. С ИРГО активно сотрудничал М.И.Михайлов (1821-1853), русский учитель, приехавший преподавать в усть-сысольское уездное училище. Он стал изучать историю, культуру и быт коми народа, опубликовал много краеведческих заметок о домашнем быте коми, ярмарках и т.д. в газетах, издал содержащую множество интересных сведений книгу «Описание Усть-Выми», за которую автору выразили благодарность ИРГО, Русское археологическое общество и Академия наук. Усть-сысольский краевед С.Е.Мельников, собиравший «хозяйственные и этнографические сведения о зырянах» и проводивший археологические раскопки на Сыsole, Вычегде и Выми, также был в числе корреспондентов ИРГО, Русского археологического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Усть-сысольский учитель Е.В.Кичин напечатал в «Вологодских губернских ведомостях» несколько небольших очерков об основании Усть-Сысольска, о свадебных и других обычаях коми народа. Преподаватель духовной семинарии А.И.Попов (1815-1886), уроженец Усть-Сысольского уезда, написал «Грамматику зырянского языка» - учебник родного языка для коми детей, оставшийся, к сожалению, неизданным. Уроженцы Прибалтики геолог А.А.Кейзерлинг (1815-1891) и географ П.И.Крузенштерн (1809-1881) изучали в 1843 г. Печорский край. Их книга «Научные наблюдения во время поездки в страну Печорию» удостоилась Демидовской премии. Большую помощь исследователям оказал их проводник - уже упоминавшийся Ф.Я.Попов, «образованный житель Усть-Сысольска», «знающий литературные источники» (так его характеризовали ученые). П.И.Крузенштерн затем еще 8 раз побывал в Коми крае. В 1847-1850 гг. на севере Коми края работала экспедиция под руководством Э.Гофмана, проводившая геологические, географические и астрономические исследования. Были обнаружены каменный уголь и другие полезные ископаемые, составлены карты Северного Урала и бассейна Печоры.

Во II половине XIX - начале XX вв. в Коми крае побывало множество самых разных научно-исследовательских экспедиций. Среди геологических экспедиций наиболее крупной была экспедиция 1889-1891 гг. под руководством академика Ф.Н.Чернышева, во время которой был разведан, описан и оценен ряд месторождений полезных ископаемых, изучены возможности их добычи и вывоза. В 1901-1902 гг. в Коми крае работал известный финский языковед И.Вихман. Он изучал диалекты коми языка, коми сказки, песни, загадки. Удалось ему познакомиться и с рукописями И.А.Куратова. Результаты исследований Вихмана были опубликованы в различных изданиях.

В первом десятилетии XX в. разных районах Коми края побывало несколько экспедиций, изучавших состояние земледелия, животноводства, промыслов, путей сообщения. В ходе работ исследователи собрали ценнейший материал о состоянии экономики и транспорта в Коми крае. Руководили экспедициями ученые и чиновники П.И.Соколов, Л.Рума, Н.Н.Мамадышский, А.В.Журавский и другие. Особенно много сил изучению Коми края и в особенности Печоры отдал исследователь А.В.Журавский (1882-1914). Еще в 1906 г. он добился открытия в Усть-Цильме естественно-исторической станции, возглавил ее, а в 1911 г. стал руководителем новой сельскохозяйственной опытной станции близ Усть-Цильмы. В 1913 г. станция экспонировала на Всероссийской выставке образцы

печорских растений. А.В.Журавский написал много научных работ о развитии земледелия, о научном потенциале Севера, имел большие исследовательские планы, но, к несчастью, в 1914 г. был убит при не вполне ясных обстоятельствах.

Некоторые исследователи Коми края попадали сюда не по своей воле. Ссылный поляк В.Журавский, находясь в Усть-Сысольске в 1860-х гг., писал и отправлял в журналы статьи об Усть-Сысольске. Ссылный вологжанин Н.А.Иваницкий в 1882 г. на Печоре собрал данные о растительном мире, устном народном творчестве коми, о народных традициях. В.А.Русанов (1875-1913), известный позднее полярный исследователь, в 1901-1903 гг. также отбывал ссылку в Коми крае. Он изучал, главным образом, состояние и возможности развития местного хозяйства, транспорта, природных ресурсов, обобщив свои наблюдения в труде «Зыряне». Краеведческими исследованиями занимались и многие другие ссылные.

Местные жители активно участвовали в налаживании гидрометеорологических наблюдений в Коми крае, которые велись здесь с начала XIX в. (в Усть-Сысольске - с 1817 г.). Поначалу определялись только температура воздуха, а в конце XIX в. стали обращать внимание на осадки, ветер, атмосферное давление и проч. Требовалось множество работников во всех уголках Коми края. Чаще всего за проведение наблюдений брались энтузиасты из числа учителей, земских врачей, священников, землемеров и т.д. Учитель И.В.Калинин из Вендинги (на Вашке), сын и внук первых удорских крестьян-картофелеводов, в 1893 г. открыл в своем доме первую в Яренском уезде сельскую метеостанцию, был корреспондентом Главной физической обсерватории России. В отдаленном Усть-Щугоре в конце XIX в. метеонаблюдения вел учитель А.М.Мартюшев (брат известного впоследствии политического деятеля и краеведа). В Усть-Сысольске в начале XX в. этим же занимался будущий видный коми политический деятель С.О.Латкин, в Троицко-Печорске в конце XIX - начале XX вв. в течение 14 лет вел наблюдения священник Колосов.

Сбором статистических сведений о Коми крае занимались местные власти. Правда, эта работа порой была организована из рук вон плохо. В книге писателя А.В.Круглова (1883 г.) приведен рассказ одного из местных полицейских чинов, собиравшего статданные, не зная коми языка: «Призовешь его, лесного морта, и говоришь: сколько у тебя лошадей, примерно? Он тебе сейчас» начинает отвечать по-коми. «Будет, - крикну; покажу ему два или один палец и спрашиваю: так? Он буркнет. И пишу - лошадей две... Настоящая, милостивый государь, расейская» статистика, «и лучше у нас не бывает». Позднее, на рубеже XIX-XX вв. усилиями земского служащего В.Ф.Попова удалось наладить нормальный сбор статистических сведений в Усть-Сысольском, а затем и в Яренском уездах.

Важным шагом в развитии научных исследований в Коми крае стало издание в 1889 г. книги Г.С.Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». В ней автор привел сведения об истории коми народа XIV-XVI вв., о Пермской епархии, памятниках письменности, изучил коми язык того времени (по памятникам письменности), опубликовал коми-русский и русско-коми словари и различные исторические, литературные и фольклорные тексты на коми и русском языках (с взаимными переводами) и комментарии к ним.

Коми поэт И.А.Куратов проводил языковедческие исследования. В 1865-1866 гг. он опубликовал в «Вологодских губернских ведомостях» статью «Зырянский язык», написал труд «Грамматика зырянского языка» и ряд других научных работ, которые, однако, были напечатаны только в 1930-х гг. И.А.Куратов подчеркивал важность изучения коми языка: «Зырянский язык изучить - значит изучить зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок».

Эту же мысль подчеркивал другой коми писатель и ученый-энциклопедист профессор К.Ф.Жаков: «Язык - душа народа, ... своеобразное выражение его переживаний, его логики, его понимания красоты и добра...». «Язык есть зеркало истории и жизни народа». «Долг каждой нации сохранять свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека серьезно

и свято относиться не только к языку современных культурных народов, но и ... народов исчезнувших или исчезающих». Круг научных интересов К.Ф.Жакова был очень широк: этнография и математика, философия и многое другое. Научными трудами К.Ф.Жакова интересовались крупнейшие российские и финские лингвисты, этнографы, фольклористы того времени. Он был удостоен серебряной медали Императорского русского географического общества за «Этнологический очерк зырян»; Парижское астрономическое общество избрало его своим почетным членом за труды по математике. К.Ф.Жаков создал свое оригинальное философское учение «лимитизм», которое, по его мысли, должно было преодолеть недостатки материализма и идеализма, имел немало последователей в разных городах России, Эстонии, Латвии.

В начале XX в. начал свою научную деятельность уроженец вымского села Турья Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), ставший впоследствии одним из ведущих социологов мира. Первые шаги в науке ему помог сделать К.Ф.Жаков. П.А.Сорокин изучал традиционную народную одежду коми, поселения и жилища, обычаи, верования и др., напечатал несколько статей в журналах. Тогда же появились посвященные верованиям и обрядам коми первые научные работы Василия Петровича Налимова (1879-1938), уроженца с.Выльгорт (позднее он являлся профессором Московского университета, известным этнологом).

Усть-сысонец Андрей Андреевич Цембер (1874-1957) составил и издал «Русско-зырянский словарь», в 1913-1914 гг. составил и опубликовал два сборника коми литературы и фольклора, готовил третий, но его напечатать не удалось. В 1910 г. по инициативе А.А.Цембера возникла первая в Коми крае исследовательская организация - Усть-Сысольское отделение Архангельского общества по изучению Русского Севера, где объединились местные энтузиасты-краеведы. Активно участвовал А.А.Цембер и в создании в 1911 г. Усть-Сысольского краеведческого музея. В течение пяти лет в музее собирались экспонаты по этнографии, археологии и геологии, но в 1916 г. он практически прекратил существование (возобновили его деятельность в 20-х гг.). В начале XX в. стали заниматься краеведческой работой А.М.Мартюшев и А.А.Чеусов (впоследствии - одни из руководителей Общества изучения Коми края). Уроженец Тентюково В.А.Молодцов, преподававший в годы I мировой войны в Ношуле, начал работать там над составлением своеобразного алфавита для коми языка. Его работа была закончена в 1918 г.

Медицина

Первые медицинские учреждения появились в Коми крае в XIX в. Но это не значит, что местные жители ранее оставались без какой-либо врачебной помощи. Как отмечал в конце XIX в. исследователь К.Попов, «зыряне знают многие специальные средства против болезней и с замечательным искусством умеют в этих случаях пользоваться тем, что дает им природа». Врач А.Држевецкий, живший в Усть-Сысольске в середине XIX в., также признавал, что народная медицина коми «богата и своими средствами, и своими деятелями, конкурировать с которыми нелегко».

Традиционные знания и навыки коми по врачеванию накапливались веками, передаваясь из поколения в поколение. Живя в относительной гармонии с природой, наблюдая за окружающим животным и растительным миром, люди - по воле случая или целенаправленно стремясь к этому - узнавали целебные свойства растений и продуктов животного происхождения, помогавшие им избавиться от недуга или даже предотвратить возможную болезнь.

В первую очередь для этого применялись свежие и засушенные травы, корни, ягоды, кора и почки деревьев. Использовались медвежья, оленья, лосиная, щучья желчь, кровь только что убитых животных, костный мозг оленя и лося, медвежий, олений, гусиный, утиный и рыбий жир, средства из лесных муравьев, земляных червей, гусениц и т.д. Универсальным средством считалась традиционная отапливавшаяся по-черному баня.

«Паровая баня - самое употребительное в народе при всех болезнях; ее используют в том убеждении, что с испариной выводится всякая болезнь», - писал А.Држевецкий. «Баня для зырянина - не только место мытья, нет, это - его любимое место отдохновения»; «баня - лекарство от всех болезней», - отмечал писатель А.Круглов. «Баня - все... без бани невозможно ... без бани давно умереть надо бы ... а она все болести лечит... - сказал мне один из зырян, с которым мы разговорились о здоровье».

Средства и приемы народной медицины были ведомы многим жителям Коми края, особенно пожилым, воспитавшим за свою жизнь немало детей и знавшим, как заботиться об их здоровье, и охотникам, и которые надолго уходили из селений в леса - там в случае недомогания или травмы они могли рассчитывать только на свои познания о способах их лечения. Но были среди коми люди, специально изучавшие народную медицину, владевшие более глубокими знаниями о ней. Травницы обладали секретами лечения многочисленными травами и другими средствами, повитухи могли оказывать достаточно квалифицированную помощь при родах, костоправы вправляли вывихи, лечили ушибы, переломы.

Любопытно, что при оказании помощи врачеватели хранили невозмутимость, обязательно беседовали с больными - задавали ему вопросы, объясняли свои действия, вспоминали случаи из практики или просто разговаривали на совершенно посторонние темы. Доверительная неспешная беседа, уверенность слов и действий врачевателя успокаивали пациента и имели благотворное психотерапевтическое воздействие. Конечно, для этого народным целителям необходимо было обладать терпением, выдержкой и хладнокровием. Чем успешнее действовали врачеватели, тем большая слава шла о них по деревням и селам. К самым опытным являлись из весьма отдаленных мест, прося оказать помощь родным и близким. Народные целители никогда не брали деньги за лечение, но все, кому они помогали, старались отблагодарить их каким-либо подарком, от души угостить. Эту традицию отметил на Печоре в начале XX в. врач С.В.Мартынов: «Кормят лучшими кушаньями, поят чаем с сахаром и угощают водочкой». Порой заслуги народных врачевателей, - особенно если те сочетали традиционную медицину с применением лекарственных средств, получаемых в аптеках, - признавали и власти. Вендингский крестьянин А.Е.Калинин (тот самый, что первым попытался разводить на Удоре картофель) бесплатно лечил окрестных жителей, применяя и привезенные им из яренской аптеки лекарства. За свою деятельность он был поощрен Министерством государственных имуществ похвальными листами и денежной премией.

Случалось, что болезнь не могли исцелить обычными средствами. Ее приписывали влиянию сверхъестественных сил и обращались за помощью к знахарям. Те - несомненные знатоки человеческой психологии - совершали различные магические обряды, оказывавшие на веривших им людей определенное психотерапевтическое воздействие, использовали внушение и, очевидно, некоторые другие средства и часто добивались выздоровления больного. Конечно, иные «магические» действия вызывали улыбку у наблюдавших их более просвещенных современников. Писатель А.Круглов рассказывал: «Хорошо помню, как один зырянин сжигал свернутые трубочками бумажки над стаканом воды и пил ее, смешанную с пеплом ... от лихоманки (лихорадки) ... три дня подряд, по зарям: утренней и вечерней. Мне удалось посмотреть бумажку. На ней было написано: абракалаус, бракалаус, ракалаус, акалаус, калаус, алаус, лаус, аус, ус, с и 12 сестер ее... Какой смысл и что может помогать - Бог ведает... Может быть, вера... Своей медицине зыряне сильно верят... Одно можно сказать за нее: не вредно». К несчастью, порой был и вред - когда вмешательство знахаря не помогло, а ухудшало состояние больного.

Если знахарь, помимо своих познаний в области медицины и магии, ничем более не выделялся из числа окружающих, поддерживал с ними добрососедские отношения, то совсем иное положение занимал колдун. Его сторонились, считая носителем злой, вредоносной магии. Порой все же обращались и к колдуну, дабы упротить помочь против болезни, которую будто бы наслал другой колдун, либо уговорить снять напущенную им же «порчу» (в последнем случае нередко прибегали к угрозам, физическому насилию;

некоторых заподозренных в колдовстве даже убивали). А.Круглов привел в книге забавный эпизод, участником которого он был. В коми селении вдруг поднялся переполох: по реке будто-бы приплыла насланная колдуном «порча». Люди «толпились на берегу, и хотя видели порчу, плавающую у берега, ...но подойти боялись». Круглов и местный учитель, за которыми «все с удивлением и страхом следили», «подошли к реке, нагнулись и вынули ... резиновый мячик! Как он попал сюда, откуда - решительно не знаю... Когда мы его бросили оземь, он привскочил в воздухе... Толпа с испугом попятилась назад». Впрочем, собравшиеся вскоре убедились в напрасности страхов...

Конечно, народная медицина не могла полностью заменить медицину профессиональную, которая в XIX в. делала первые шаги на территории Коми края. Первая больница появилась в 1815 г. в Усть-Сысольске. Она занимала одну комнату с двумя кроватями в частном доме и предназначалась для солдат инвалидной команды. Работавший там врач (он был один на весь город, да и на весь край) писал об условиях лечения: «Больные жалуются, что в оной больнице угар и холод... Лекарства больным ... по причине угара и холода не в пользу». В 1819 г. городские власти купили для нее одноэтажный дом. В 1830 г. в Усть-Сысольском уезде имелась все та же небольшая больница, предназначенная для лечения «нижних чинов» армии и обслуживавшаяся по-прежнему одним врачом, да богадельня (она тоже располагалась в городе). В Яренском уезде также имелись больница и богадельня, находившиеся в Яренске. В 1831 г. усть-сысольская больница получила указание лечить «за умеренную плату» и горожан.

Шли годы и десятилетия, и когда-то просторное здание стало малоприспособленным для единственной на весь Усть-Сысольский уезд больницы, в которой имелось десять коек. В 1870 г. она представляла собой грустное зрелище: «...помещалась...в ветхом, гнилом, полуразвалившемся...доме, малопоместительном, неудобном и совершенно несоответствующем своему назначению. В палатах и ... во всем доме господствовал невыносимый, спертый, затхлый запах... Никакая ремонтная работа не могла бы сделать его годным к дальнейшему помещению в нем больницы». Решено было перевести ее в другой нанятый на три года дом, а тем временем построить специальное здание. Больницу расширили до 20 кроватей. Хотя нанятое здание тоже не очень подходило для больницы, работа ее все же постепенно улучшалась. В октябре 1872 г. земские власти констатировали, что благодаря уменьшению платы за лечение и пребывание в больнице и даже полного освобождения от нее «малосостоятельных» «прилив больных как в городе, так и из уезда значительно увеличился». При больнице существовала аптека, которая снабжала лекарствами город и все уездные приемные покои. Тогда же решено было назначить второго фельдшера и установить их посменное дежурство, «чтобы больница ни на один час не оставалась без медицинского надзора и во всякое время дня и ночи могла бы подать помощь при внезапных заболеваниях», а также сиделку для ухода за больными женщинами и детьми. Полезным признали и прием сестер милосердия.

В январе 1874 г. городская больница была «в достаточном количестве снабжена ... медикаментами, инструментами, аптечными принадлежностями и посудой». Несмотря на то, что дело со строительством специального здания затянулось, это медицинское учреждение произвело хорошее впечатление на руководителей Вологодской губернии, побывавших тут и признавших усть-сысольскую больницу «одной из лучших во всей губернии, ... с ней могут конкурировать только две и при том такие, которые помещаются в домах, специально устроенных». В 1875 г. здесь начали работать уже четыре фельдшера, а лечение и отпуск медикаментов населению стали производиться бесплатно. Земцы продолжали подыскивать более удобное помещение, поскольку использовавшееся имело некоторые недостатки, например: «При доме нет сада, столь необходимого для выздоравливающих больных», «фасад дома обращен на север» и др. Наконец в 1877 г. земская управа купила здание, в котором разместилась больница уже на 30 кроватей. Позднее решено было принимать на излечение больных и «свыше установленного комплекта».

В дальнейшем количество фельдшеров сократилось, затем снова увеличилось, бесплатная выдача лекарств ставилась под сомнение и вновь признавалась необходимой... В 1887 г. больницу расширили до 35 кроватей. В 1894 г. земские власти решили организовать при городской и других больницах уезда библиотеки для больных «из народных книг», поскольку «чтение даст возможность коротать больничное время без скуки, что ... будет влиять благотворно на самочувствие больных...и на ход лечения». В 1896 г. отдельно от больницы в Усть-Сысольске открыли аптеку, где работали семь человек. Аптека снабжала лекарствами все врачебные пункты Усть-Сысольского уезда. В 1910-1911 гг. началось строительство специального каменного здания для усть-сысольской больницы, завершившееся только в 1916 г. Сходным образом развивалось здравоохранение и в другом уездном центре - Яренске; в начале XX в. там имелись больница, аптека и ветлечебница.

Постепенно появлялись медицинские учреждения и в других населенных пунктах. В 1860-х гг. в Усть-Сысольском уезде существовало 3 приемных покоя с тремя фельдшерами и 10 оспопрививателями. Земское собрание отмечало, что эти покои, «устроенные на 4 кровати каждый, были крайне бедны бельем, одеждой, необходимой мебелью, а главное - аптечными принадлежностями и медикаментами». В 1870 г. земство решило открыть приемные покои, «снабдив их в достаточной мере» всем необходимым, в Троицко-Печорске, Усть-Куломе, Визинге и Ношуле. Три последних в 1872 г. уже работали, а четвертый бездействовал «за неприисканием фельдшера». Лечение, содержание, выдача лекарств была бесплатной. В Ношуле с располагавшихся там купеческих контор собирали на содержание приемного покоя определенную сумму (до организации покоя купцы устраивали на Ношульской пристани временную лечебницу для чернорабочих). В 1872 г. открылся фельдшерский участок (без приемного покоя) в Койгородской волости «ввиду населенности той местности и удаленности ее от города...и ввиду существования там речной пристани, куда ... стекается много народа, что создает возможность занесения ... эпидемической болезни». Решено было также открыть приемный покой в Койгородке, Усть-Неме и Небдино, но это намерение не осуществилось «по недостатку денежных средств и по дороговизне квартир». Впрочем, в Небдино к январю 1874 г. фельдшерский участок, хоть и без приемного покоя, все же открылся. В 1875 г. земское собрание постановило организовать фельдшерские пункты в Лойме и Щугоре. В 1889 г. земские власти решили открыть небольшие больницы в Визинге и Усть-Куломе, куда должны были доставляться больные. Остальные приемные покои были со временем ликвидированы; остались только фельдшерские пункты. На рубеже XIX-XX вв. в Усть-Сысольском уезде, не считая города, имелись больницы на 15 коек в Визинге и Усть-Куломе, лечебные пункты на 5 коек в Объячево, Небдино, Кажиме и Троицко-Печорске, 7 врачей, 18 фельдшеров, 2 акушерки, 7 повивальных бабок, 7 оспопрививателей.

В 1880 г. открылся фельдшерско-акушерский пункт в Кослане (в 1909 г. его преобразовали в приемный покой). В 1885 г. фельдшерские участки имелись также в Айкино, Часово, Серегово, Важгорте. В 1886 г. открылся фельдшерско-акушерский пункт в Ертомe (в 1902 г. его преобразовали в лечебницу). В 1909 г. появился приемный покой в Важгорте. В 1912 г. имелся приемный покой и на Выми, в Шошке. В Усть-Цильме больница открылась в 1886 г. Позднее появилась больница в Ижме.

Фельдшеры оказывали помощь приходившим больным и должны были еще ездить по участку. Земский врач - один на весь уезд - ежемесячно бывал в ближайших к уездному центру участках, а в более отдаленные районы заезжал куда реже. Скажем, яренский врач каждый месяц посещал вычегодские и вымские селения, а на далекой Удоре бывал лишь два раза в год (летом и зимой). Конечно, этого было недостаточно для борьбы с болезнями. «Всякому, надеюсь, понятно, что одного лицезрения врача недостаточно для прекращения болезни», - с грустью писал в конце XIX в. яренский земский врач В.Л.Волк. Та же мысль звучит и в опубликованном в 1878 г. очерке «Лесное царство» писателя П.В.Засодимского: «Очевидно, что врач, будь он хоть 7 пядей во лбу, очутившись перед 70000 своих пациентов, должен только безнадежно развести руками: «Ну, мол, братцы! Как знаете, так и делайте!»

Хотите - живите, хотите - помирайте!» Зыряне так и делают. И глупо же до невероятия было бы чего-нибудь требовать и ожидать от врача, поставленного в такие условия».

Добавлялись ко всему неизбежные языковые трудности (медработниками были поначалу исключительно русские). Писатель А.В.Круглов так говорил об этом в повести «Лесные люди» (1883 г.): «Если надо немало умения обращаться с русским мужиком, то как же много нужно иметь сноровки в сношениях с зырянами. Русский мужик грубоват, нередко бестолков, но ему следует только хорошенько «вбить» в голову, повторяя совет или наставление пять, шесть раз. Зырянин - дело другое. Он так же груб (если не более), упрям, недоверчив, но, кроме того, зачастую не понимает русского языка, а если и понимает, то настолько плохо, что с ним нет никакой возможности объясниться. Надо потратить бездну времени, сил, умения, ловкости и терпения... Надо подыскивать понятные слова, разбирать, что он говорит, иначе не узнать болезни; приходится говорить, кричать, показывать всевозможными знаками... Кому это все приятно и легко? ...Обыкновенный...человек и терпение теряет, и говорить устаёт, и дело старается с рук свалить поскорее, без особой заботы о благе ближних». По свидетельству современника, побывавшего на Ижме в 1861 г., «женщины здесь ... по-русски объясняться не могут, и оригинальную картинку представляет, например, доктор в Мохче, который в своем приемном покое должен говорить с пациентками посредством знаков и мимики, или через переводчиков-мужей, нередко также с трудом его понимающих».

В результате случались порой курьезные или даже трагичные случаи. А.В.Круглов писал, что однажды к фельдшеру пришла женщина, жаловавшаяся, что у нее болит глаз - по-коми «син». Фельдшер решил, что болен сын женщины, и прописал ему курс лечения... В другом случае женщина, которой прописали мазь для втираний, приняла ее внутрь и скончалась... Наконец, некая пациентка, получившая содержащий сильное слабительное средство пряник, решила отдать это лакомство дочке...

Но несмотря на все трудности, врачи и фельдшеры не «разводили руками», а боролись с болезнями, эпидемиями, пытались их предупредить, научить оказывать больным первую помощь. Еще в 1845 г. А.Е.Попов перевел на коми язык «Наставление как уберечься от оспы, и прививка предохранительной оспы», а в 1852 г. - «Наставление как спасти жизнь людям, впавшим внезапно в смертельные случаи». Позднее земства приняли решение, что «наблюдения о состоянии уездов в отношении народного здоровья и гигиенических условий должен... делать каждый врач». При появлении больных тифом, оспой и другими опасными заболеваниями врач информировал об этом местные власти, определял район эпидемии, выяснял, когда и как возникла эта болезнь, предлагал меры по борьбе с ней.

С 70-х гг. XIX в. в Коми крае стало активно внедряться оспопрививание, но специалистов для прививок не хватало. Да и многие крестьяне не позволяли делать прививки своим детям, считая это делом пустым, а то и вредным: где ж это видано, болезнь прививать? По словам П.В.Засодимского, особенно недоверчивы были старожилы, избегавшие прививок как «страшной и ненавистой антихристовой печати». А.В.Круглов даже заметил: «Едва ли еще какой-нибудь другой народ так враждебно относится к медицине, как зыряне. Эти заклятые противники ее стараются всеми силами обойтись без доктора или фельдшера». «Уже одно то отталкивало от медицины, что врач - чиновник; а зырянин не любит чиновников, хотя боится их и оказывает им наружное почтение».

В 1890 г. в Яренском уезде вспыхнула эпидемия оспы, в 1911 г. - эпидемия скарлатины... Смертность от болезней была довольно высокой (особенно в сельской местности - где, собственно, и проживала основная часть населения края). «Болезни, усиленная смертность, краткость жизни, слабый прирост населения... - все это есть в зырянском крае, как и во всяком бедном крае», - констатировал П.В.Засодимский. «Тиф почти не выводится... Тиф первоначально появляется в бедных домах, хозяева которых питаются скудно и живут грязно... Не очень давно в самых бедных волостях - Печорской и Усть-Немской - тиф длился полтора года, и почти все крестьяне здесь переболели за это время, а смертность доходила до 30%». Врач А.Држевецкий считал, что «бедность

составляет главную болезнетворную причину в Зырянском крае. Удалив или уменьшив ее, можно было бы уменьшить наполовину цифру смертности и продлить среднюю продолжительность жизни на десять лет».

Мало-помалу здравоохранение в крае налаживалось. В начале XX в. местные медики стали изучать причины возникновения конкретных видов болезней, время года, в которое они чаще всего встречались, выбирали наиболее эффективные медикаменты и другие меры для лечения. Врач С.В.Мартынов в 1903-1904 гг. участвовал в экспедиции, работавшей в Печорскому уезде, и провел медико-санитарное обследование этой обширнейшей территории. Между прочим, он записал и некоторые данные о коми народной медицине, об отношении населения к народным врачевателям. Особенно важную роль в улучшении работы медицинских учреждений края сыграли земства.

Очерк VI. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В 1917 – СЕРЕДИНЕ 1918 ГОДА

Коми край после Февраля 1917 г.: от «смены вывески» к смене власти

Первые месяцы 1917 года. Третий год идет мировая война. Ее последствия: хозяйственная разруха, «обострение выше обычного нужды и бедствий...», крепнущее убеждение едва ли не всех слоев населения в том, что сохранение прежнего порядка управления губительно для страны. В светлый разум государя-императора и его кабинет министров больше не верят даже в глухой провинции, которой являлся тогда Коми край. Сюда почти не поступает хлеб, цены растут едва ли не ежедневно, люди проклинают спекулянтов и перекупщиков, спрашивая друг друга, наступит ли когда-нибудь конец всему этому. Зреют конфликты между разными слоями населения - но пока еще где-то в глубине, а внешне все пока относительно спокойно, никто не хватается за оружие. Местные власти в январе-феврале 1917 г. решают обычные текущие вопросы хозяйственной жизни. На собраниях Усть-Сысольской городской думы, например, обсуждались движение сумм Усть-Сысольского городского общественного банка, организация в городе ассенизационного обоза, отвод плановых мест для застройки и т.п. - и ничего о возможных беспорядках и тому подобных явлениях. Больше беспокойства вызывали вероятные проблемы с военнопленными - в феврале 1917 г. в Усть-Сысольск прибыли более 400 австрийцев.

В конце февраля 1917 г. в далеком Петрограде начались волнения рабочих, затем вспыхнул солдатский бунт, который привел к падению монархии в России. 27 февраля (12 марта) был образован Временный комитет Государственной Думы под председательством Родзянко. 2 (15) марта император Николай II отрекся от престола. Власть была передана Временному комитету. Но провинция еще несколько дней оставалась в блаженном неведении...

Положение изменилось 6 (19) марта, когда в Коми край поступило известие о свершившейся в Петрограде революции - видимо, только тогда до Усть-Сысольска и Яренска дошли телеграммы Вологодского губернского комитета Всероссийского союза городов от 2 (15) марта о падении старого правительства и передаче власти Временному комитету Госдумы и от 4 (17) марта с призывом поддержать всеми силами "новое народное правительство".

Уездные власти отреагировали на полученные известия спокойно и деятельно взялись за организацию новых органов управления. В Яренске уездный временный комитет (УВК) был создан в тот же день, 6 марта. В него вошло 12 человек, в том числе воинский начальник Богуслав, земский начальник В.В.Воинов, член окружного суда Н.И.Белецкий, а также священник, учитель, письмоводитель податного инспектора, техник уездного земства и др. Председателем УВК стал врач К.Е.Добряков.

Усть-сысольский городской голова А.Е.Суханов 6 марта отправил в Вологду телеграмму с запросом о возможности созыва чрезвычайного заседания городской думы. Получив разрешение и пожелания успеха от Губернского Временного комитета, он 7 (20) марта собрал гласных городской думы на экстренное заседание (присутствовал 21 гласный, а также имевший право совещательного голоса начальник местного гарнизона подполковник С.Д.Колпаков), ознакомил их с телеграммами от отречения от престола Николая II и Михаила и об учреждении в столице России новой власти - Временного комитета Государственной Думы. Суханов предложил обсудить вопрос о том, подчинится ли городская дума новым правителям. Единогласно решено было подчиниться и организовать соответствующий уездный орган управления. С.Д.Колпаков доложил, что организовал охрану порядка в Усть-Сысольске, но городской гарнизон невелик, и сил у него на случай каких-либо серьезных эксцессов недостаточно. На собрание пригласили главу уездной полиции исправника А.Л.Дядика, который согласился оказать помощь в охране порядка. Городской голова разослал извещение: «Покорнейше прошу господ представителей

воинских частей, общественных учреждений и организаций, рабочих кооперативов и представителей политических партий пожаловать во вторник 7-го сего марта в час дня в помещение городской управы для участия в избрании членов Временного уездного комитета».

Тем временем о петроградских событиях стало известно в городе. С наибольшим энтузиазмом откликнулась на новости учащаяся молодежь. Около 10 часов утра 7 (20) марта усть-сысольские гимназисты, возбужденные известием о революции, сорвали занятия и высыпали на улицу. Тут же нашелся заводила, призвавший “молодежь идти к новой, счастливой жизни”. “Молодежь”, видимо, задумала пойти туда немедленно и, раздобыв где-то красный флаг, с бодрым пением революционных песен продефилировала по Спасской (Советской), Суханова (Бабушкина), Троицкой (Ленина) и Покровской (Орджоникидзе) улицам аккуратно к женской гимназии. Там “революционно настроенные” юноши решительно вовлекли в свои ряды гимназисток. Не остались в стороне и ученики приходских училищ, молодежь из пригородных слободок. На митинге у здания городской думы состоялся митинг, на котором, как водится, говорилось о свободе, равенстве, братстве. Большая же часть населения отнеслась к революции сдержанно, отчасти с опаской и даже некоторым сожалением; что будет дальше, никто толком представить не мог...

Во второй половине дня состоялись выборы Усть-Сысольского Уездного временного комитета. В них участвовали мужчины, достигшие 21 года (всего их пришло 322 человека). Подсчет голосов производили уже ночью выбранные специально для этого уполномоченные. Результаты выборов были объявлены в 11 утра на следующий день. Среди 15 членов УВК и 5 кандидатов были С.Д.Колпаков, бухгалтер земской управы Н.И.Забоев, а также податной инспектор, письмоводитель управления воинского начальника, акцизный чиновник, врач, учитель, приказчик купца и т.д. А.Е.Суханов был избран председателем УВК, С.Д.Колпаков и Н.И.Забоев – его товарищами (заместителями). В начале марта возник УВК в Печорском уезде. К этим комитетам и перешла власть в уездах. Воинские гарнизоны в Усть-Сысольске и Яренске поддержали образовавшиеся уездные комитеты.

Переход власти к новым органам осуществился довольно легко и безболезненно, что и неудивительно: несмотря на коалиционный характер возникших органов временной уездной власти, среди новых руководителей преобладали прежние чиновники, заявившие, правда, о своей приверженности демократическому правительству. Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. прямо заявили: "Местная власть в Зырянском крае ныне находится в руках пришлых и ничего общего с интересами местного населения не имеющих чиновников, назначенных еще старым правительством, ...которые препятствуют проведению демократических идей в крестьянскую массу". (Решение собрания было опубликовано отдельной брошюрой и разослано по всем волостям края).

По-иному и не могло случиться: в Коми крае фактически не существовало оформившихся партийных организаций, имелись только отдельные сторонники той или иной партии, склонявшиеся, в основном, к кадетским или эсеровским взглядам. Не было и сколько-либо влиятельных организаций, способных стать выразителями интересов достаточно широких слоев общества. Этим успешно воспользовалось чиновничество – наиболее организованная и сплоченная группировка, державшая в своих руках все рычаги воздействия на массы.

Представители бывших оппозиционных сил в составе УВК были крайне немногочисленны: в Яренске – В.Ф.Попов (в годы первой русской революции активно поддерживавший кадетов, человек либерально-демократических взглядов), в Усть-Сысольске – А.Н.Вешняков (организатор существовавшей в те же годы усть-сысольской ячейки кадетской партии), Н.В.Лодыгин (бывший политссыльный, социалист-революционер) и, возможно, В.А.Тентюков (вступивший позднее в организацию левых эсеров). 17 апреля Усть-Сысольский УВК был реорганизован. Его состав расширили до 35 человек, 14 из которых составили руководящий орган – Совет УВК. В числе новых членов УВК оказались два будущих кадета: В.Н.Городецкий и И.П.Петроканский, причем последний стал его

председателем. Партии кадетов симпатизировал и Н.И.Митюшев, а К.Е.Добряков принадлежал к близкой ей партии народных социалистов.

В волостях стали создаваться временные волостные исполнительные комитеты, которым надлежало передать власть. Вместо уездных земских начальников были введены должности уездных комиссаров. В Усть-Сысольске этот пост в конце марта 1917 г. занял тридцатидевятилетний Н.И.Митюшев, коми, окончивший лесной институт и занимавший должность лесного ревизора, в Яренске – К.Е.Добряков, врач, заведующий Яренской городской земской больницей, в Усть-Цильме – врач А.Б.Фукс. На уездных комиссаров возлагались все дела административного характера.

Временные комитеты занимались решением текущих вопросов хозяйственной жизни Коми края и не планировали проведение каких-либо значительных реформ, ограничиваясь косметическими мероприятиями. Например, Усть-Сысольский УВК 22 марта обратился к настоятелю городского Троицкого собора со следующим письмом: «Завтра... в день погребения в Петрограде жертв революции, ...комитет просит отслужить ...панихиду по павшим жертвам революции. Панихида имеет быть отслужена на Рыночной площади у часовенки в 11 часов дня, куда и надлежит прибыть духовенству с иконами и хоругвями...».

17 апреля 1917 г. уездные временные комитеты заменили полицию милицией (в результате этой реформы едва ли не весь полицейский аппарат остался на прежнем месте, а начальником милиции в г. Усть-Сысольске, например, стал бывший исправник А.Л.Дядик). На этом, как вспоминал позднее один из яренских политических деятелей Ф.С.Коковкин, стоявшие у власти лица "считали революцию законченной".

Вероятно, тем бы и закончилось воздействие революции, если бы под влиянием демократических идеалов Февраля в Коми крае весной 1917 г. не появились новые общественно-политические организации.

Большинство таких организаций - «Союз служащих Усть-Сысольского земства», «Организация учащихся Усть-Сысольского уезда», «Организация учащихся (т.е. учителей - авт.) Усть-Сысольского уезда», «Союз служащих правительственных учреждений г.Яренска», «Союз рабочих и служащих г.Яренска и уезда» и т.п. - объединяли людей по профессиональному признаку и имели узкие цели (защита материальных интересов своих членов, регулирование отношений между ними и руководителями учреждений и т.д.). Но возникшее 30 апреля 1917 г. «Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» преследовало иные, более широкие задачи: «Пробуждение трудового населения Усть-Сысольского уезда к сознательной общественно-политической жизни и активное его участие в местных органах самоуправления». Инициаторами создания «Общества обновления» являлись В.Ф.Попов, А.М.Мартюшев и А.Н.Вешняков. Общество объединило все силы, недовольные упорно державшимся за власть прежним чиновничеством - от либерально-демократических деятелей типа А.Н.Вешнякова и В.Ф.Попова до настроенных пробольшевистски А.П.Гичева и В.Чуистова. Председателем исполкома общества стал В.Ф.Попов, его заместителями В.Чуистов и А.П.Кудинов, казначеем - А.Н.Вешняков, секретарем - А.Д.Синцов.

«Общество обновления» активно занялось пропагандистской работой среди местного населения: читались лекции, проводились беседы, выпускались воззвания. 18 мая 1917 г. вышли «Известия общества обновления...». Это была первая газета в Коми крае. Огромный интерес населения вызвало воззвание общества «К коми народу», отпечатанное на коми языке. В нем критиковались существовавшие местные органы власти, говорилось о необходимости реформ. «Теперь любое дело делают выборные люди. Объединение, действие сообща - залог всех успехов для начала новой жизни», - говорилось в воззвании. В волостях стали возникать отделения общества. Уже в мае они появились в Керчомье, Руче, Лойме и других селениях.

Руководители Усть-Сысольского УВК почувствовали угрозу своей власти и попытались оказать давление на «Общество обновления». 9 мая 1917 г. УВК принял постановление, в котором говорилось: «Так как данным воззванием («К коми народу» - авт.)

внушает населению недовольство выборами должностных лиц, происходившими в марте и апреле сего года, и вселяется недоверие к народной власти..., что может иметь неблагоприятные последствия в настоящее время, когда всюду замечается самоуправство и игнорирование распоряжений местной власти, то просить Комитет «Общества обновления местной жизни» воздержаться от распространения данного воззвания, всемерно поддерживать порядок и спокойствие и призывать население к единению и доверию к народной власти».

Употребление слова «просить» очень показательно - реальных сил для воздействия на «Общество обновления» у Временного комитета оставалось все меньше и меньше. Уже в самом начале деятельности УВК подполковник С.Д.Колпаков докладывал на одном из заседаний «о малочисленности состоящей в его распоряжении команды» и о возможных затруднениях с обеспечением безопасности в городе. А с возникновением в апреле 1917 г. Совета солдатских депутатов усть-сысольского гарнизона положение УВК стало еще более шатким. Хотя поначалу во главе Совета стоял чиновник, а затем офицер, этот орган под давлением солдат постепенно выходил из-под контроля Временного комитета. Солдаты были недовольны, в частности, ходом реорганизации полиции в милицию. В мае на одно из заседаний УВК «вошла толпа солдат от 10 до 15 человек, притом четверо из них были вооружены и находились в страшно возбужденном состоянии и, видимо, ...в состоянии опьянения. Вооруженные в повышенном тоне стали предъявлять...требования», угрожая, что «арестуют весь состав...Уездного временного комитета». Правда, кончилось все мирно: солдаты заявили, что «доверяют» УВК «и извиняются», после чего удалились восвояси.

К лету состав уездных временных комитетов расширился за счет крестьянства. На местах стали возникать волостные исполнительные комитеты (в Вологодской губернии они появились весной, в Печорском уезде - летом). 30 мая 1917 г. открылся Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, объявивший себя выразителем интересов всего крестьянства уезда. Он не претендовал на передачу ему власти, но потребовал, чтобы Яренский УВК считался с ним. В начале июня 1917 г. были проведены перевыборы Яренского уездного временного комитета, и он был реорганизован «в желательном для крестьянства направлении». 20 июня 1917 г. вышел из печати первый номер «Яренской газеты». В отличие от эпизодически издававшихся «Известий общества обновления», это была действительно периодическая газета. Она сыграла огромную роль в пропаганде общедемократических идей в Яренском уезде.

В Усть-Сысольском уезде во второй половине июня 1917 г. возникли первые волостные советы крестьянских депутатов - в Ношуле, Спаспорубе и Черныше; в июле они были организованы еще в восьми волостях. Авторитет деятелей «Общества обновления» стремительно рос. Один из лидеров общества С.О.Латкин в начале июня был избран делегатом Всероссийского крестьянского съезда; ему поручалось "защищать интересы трудового народа-земледельца". Впоследствии Латкин стал одним из лидеров белого движения в Коми крае и объектом, пожалуй, самой яростной критики на страницах всех трудов, посвященных гражданской войне. 23 июля 1917 г. состоялись выборы в городскую думу Усть-Сысольска; ее председателем стал В.Ф.Попов, членами думы были избраны обновленцы Е.Ф.Вежева, М.Д.Кузьбожева, С.О.Латкин. На своем первом заседании, состоявшемся 2 августа 1917 г., «Усть-Сысольская Зырянская Городская Дума, избранная всенародным голосованием, ...единогласно постановила выразить полное доверие коалиционному Временному правительству и в лицах министра-председателя Керенского и министра внутренних дел Авксентьева приветствовать твердое решение их со всей полнотой власти вести страну на путь борьбы с внешним врагом и с внутренней разрухой на счастье Свободной России». 1 августа 1917 г. был избран Усть-Сысольский городской Совет земледельцев (мещан); председателем исполкома Совета также выбрали В.Ф.Попова.

31 июля 1917 г. уездная земская управа, оценив складывающуюся ситуацию, сообщила комитету "Общества обновления" об организации при управе смешанной комиссии по организации крестьянского съезда и о включении в нее председателя общества

В.Ф.Попова. Комитет общества потребовал, чтобы в комиссию включили также В.М.Чуистова, А.Н.Вешнякова и А.Д.Синцова. 1 августа 1917 г. был избран Усть-Сысольский городской Совет земледельцев (мещан); председателем исполкома Совета выбрали В.Ф.Попова. 6 августа 1917 г. открылся первый Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов, в работе которого активнейшим образом участвовали лидеры "Общества обновления" В.Ф.Попов, М.Д.Кузьбожева и другие. С.О.Латкин стал председателем съезда, А.М.Мартюшев - товарищем председателя. Еще одним товарищем председателя съезда являлся Д.Я.Попов, член партии эсеров, один из наиболее крупных политических деятелей Коми края, депутат Государственной Думы, приехавший на съезд из Петрограда.

На съезде был избран уездный Совет крестьянских депутатов и его исполком. Председателем исполкома стал С.О.Латкин, его заместителем - А.Н.Вешняков; вошел в состав исполкома В.Ф.Попов и другие деятели «Общества обновления». Съезд решил, что «в основу земельной реформы», которую должно будет осуществить Учредительное собрание России, «должны быть положены следующие положения: 1) Частная собственность на землю в пределах Российской республики отменяется навсегда. 2) Земля со всеми водами, недрами и лесами объявляется всенародным достоянием. 3) Все граждане и гражданки имеют равное право на пользование землей при условии обработки ее личным трудом в пределах не свыше трудовой нормы».

Вообще о большевистском влиянии на крестьянство Коми края того периода говорить не приходится. Несмотря на большевистскую агитацию некоторых демобилизованных или приезжавших в отпуск солдат и матросов (можно упомянуть В.В.Удуратина из с. Деревянск и Ф.М.Русь (Муравьева) из Ыба), на появление в коми селах газеты "Правда", население мало что знало о РСДРП(б), а местные органы власти относились к ним однозначно недоброжелательно. Вот, например, резолюция Усть-Сысольского УВК от 25 мая 1917 г.: «...Ленина же и его сторонников, на немецкие деньги проповедующих поражение России и ядом своих учений отравляющих малодушных и истомленных людей, мы признаем злыми врагами нашей свободы и требуем против них применения самых решительных мер, включительно до высылки их из пределов России в объятия их кровожадного друга - германского императора». Совет солдатских депутатов Усть-Сысольского гарнизона, узнав о большевистском выступлении в Петрограде против Временного правительства, отправил туда телеграмму: «Солдаты Усть-Сысольского гарнизона единодушно выражают полное доверие Временному правительству и готовы поддержать и по первому требованию идти на защиту Родины и революции». За поддержку Временного правительства и против большевиков высказалось большинство выступавших на собрании «Общества обновления» 18 июня 1917 г. И первый Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов также постановил «поддерживать всеми силами Временное правительство в его твердой решимости охранить страну и революцию от гибели». В этом отношении и старое чиновничество, и новые политики были единодушны. Эти лозунги и призывы в целом отражали настроения жителей Коми края, но лишь до поры до времени...

В августе и особенно после съезда деятельность "Общества обновления" стала гораздо менее активной - вероятно, потому, что надобность в существовании организации, объединявшей столь различные политические силы, по мере укрепления положения лидеров обновленцев в различных политических структурах уезда и уездного центра, мало-помалу отпадала сама собой. Кроме того, в августе в Усть-Сысольске уже существовали организации партии социалистов-революционеров (эсер С.О.Нестеров выступал на уездном съезде крестьянских депутатов с изложением программы своей партии по земельному вопросу на коми языке) и партии кадетов, объединявшие в значительной мере тех же обновленцев.

Официально "Общество обновления" было распущено только 15 октября по решению комитета общества (подписанному А.М.Мартюшевым), но в последние два-три месяца оно существовало, пожалуй, только на бумаге. Как писал позднее А.М.Мартюшев (пожалуй, несколько сгушая краски), "месяца через два" после возникновения "забыли о

существовании общества... даже мы сами, организаторы". Газета "Вольный голос Севера" 31 августа иронично писала об "общественной жизни" Усть-Сысольска: "Есть еще в городе "Общество обновления местной жизни". Раза два или три оно обновило чьи-то стены своими заседаниями и почило на лаврах". Впрочем, та же газета весьма скептически отозвалась и о делавшей первые шаги усть-сысольской организации социалистов-революционеров: "Есть в городе маленькая группа эсеров, положение ее среди враждебно настроенной уездной обывательщины, да еще со старыми пошибами властей предержавших - воистину ужасное. За отсутствием средств и недостатком в работниках, группа мало пока чем проявила себя".

В Яренском уезде эсеровская организация была значительно сильнее. Эсеры играли главную роль в "Яренской газете", первый номер которой вышел 20 июня 1917 г. (в газете отмечалось, что она издается "при ближайшем участии Яренской культурно-просветительской комиссии, уездной организации социалистов-революционеров и исполкома Совета крестьянских депутатов Яренского уезда"). Членами уездного земельного комитета, созданного на заседании УВК 21 июня, стали, в основном, социалисты-революционеры или сочувствующие им. 2 августа в Яренске открылся уездный съезд эсеров (присутствовали 48 человек с правом решающего голоса), на котором был создан уездный комитет партии в составе семи человек (председатель - А.А.Черепанов, казначей - М.Ванеев).

Выступая на съезде с докладом о задачах партии, Г.П.Иванов сказал: "Личность совершенная - идейное стремление социалистов-революционеров; развитие этой личности даст социалистическое будущее, общество взамен капиталистического настоящего, где с одной стороны мы видим классы эксплуататоров капиталистов и с другой стороны класс эксплуатируемых, трудовое крестьянство и рабочие... Капиталистическая эпоха не дает совершенствоваться человечеству ни физически, ни духовно. Она должна быть заменена строем социалистическим, царством трудового народа... Социалисты-революционеры причисляют к рабочим и трудовое крестьянство - не разделяя их, а объединяя в один класс эксплуатируемых. 2000 лет тому назад раздалось учение социализма в учении Христа, ...проповедовали его ... Фурье, Сен-Симон, Роберт Оуэн..." Выступил на съезде и Д.А.Батиев, доложивший "о возникновении Гамской партийной ячейки и о работе ее".

6 августа открылся II Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, работой которого руководили социалисты-революционеры. Они же и возглавили исполком уездного Совета (В.А.Исаков - председатель, С.А.Марков - секретарь).

В Печорском уезде общественно-политическая жизнь была развита гораздо слабее, чем в других уездах края. Сведений о существовании здесь в 1917 г. каких-либо партийных организации не обнаружено. Но и в управлении этим регионом постепенно происходили изменения. 27 июля наконец-то начала работу Печорская уездная земская управа обновленного состава (председателем ее стал учитель А.В.Попов, членами - Н.Стародубровский, П.И.Кириллов, Н.К.Чупров). Управа деятельно занялась организацией волостных земств.

Мирному сосуществованию различных местных органов власти способствовало то, что все они имели одну основную цель - созыв Учредительного собрания, которое должно было решить все главные вопросы устройства России, объявленной 1 сентября 1917 г. республикой. Окончательно уступить власть политикам "февральской волны" старые чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Усть-Сысольском и Яренском уездах они состоялись в сентябре, в Печорском уезде - в октябре. В результате, например, председателем Усть-Сысольской земской управы стал С.О.Латкин, земскими гласными были избраны А.М.Мартюшев, В.Ф.Попов, Д.Я.Попов. Уездные временные комитеты прекратили существование. Должность уездного комиссара Временного правительства сохранялась до конца 1917 г., но власть теперь была сосредоточена в руках земства.

Уездные и волостные Советы крестьянских депутатов, Совет солдатских депутатов Усть-Сысольского гарнизона, яренский Совет рабочих и солдатских депутатов,

образованный 23 июля 1917 г. (ранее в Яренске с 20-21 марта действовал Временный комитет солдатских депутатов), не претендовали на власть и являлись лишь «выразителями интересов» определенных слоев населения в диалоге с уездными органами управления. Суть деятельности новых властей оставалась во многом прежней: решались текущие вопросы оргработы в уездах, ликвидировались наиболее ненавистные черты прежнего режима, шла постепенная подготовка к реформам, осуществление которых откладывалось до Учредительного собрания.

Установление Советской власти в Коми крае

Шел месяц за месяцем. Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политическом строе, организацией новых выборных органов местного самоуправления, сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей, конца которым было не видать. Не хватало самого необходимого. «В последнее время в городе нельзя найти ни одного коробка спичек. Скоро ли будут они и кто будет заботиться об обеспечении ими населения - судить трудно. Думают ли об этом кому нужно?» - вопрошала осенью 1917 г. «Яренская газета». «Главные затруднения в уезде возникают из-за продовольствия», - сказал на заседании усть-сысольской городской думы 10 октября 1917 г. С.О.Латкин. В связи с этим местные жители требовали, в частности, выселения из Коми края «в более хлебородные губернии» размещенных здесь немцев-военнопленных, которым также требовались продукты.

Наличие немецких военнопленных в Усть-Сысольске, между прочим, сказывалось даже на «интересах учащихся в гимназиях, в особенности младших классов». Оказывается, как заявил на заседании городской думы 10 октября Г.Г.Кассандров, немцы были размещены в квартирах в центре города, и учащимся (неместным) пришлось «нанимать квартиры на окраинах города (в Кируле и Нижнем конце)»; между тем «многие из них бедняки, не имеют теплой одежды и обуви, почему им приходится очень трудно ввиду наступления зимы». Кассандров предложил выселить немцев на окраины города, поскольку «им ходить каждый день в город незачем, а ученики должны... посещать классы каждый день», и им надлежит жить ближе к школе, в центральной части города. Председатель думы В.Ф.Попов в ответ на выступления Латкина и Кассандрова пояснил: «Германское правительство чрезвычайно чутко относится к судьбам и интересам своих подданных, оставшихся в плену, и оно через норвежскую и шведскую миссии, очевидно, постоянно находится в курсе вопроса - где и каково в России живет германским военнообязанным и пленным. Он, председатель, опасается, чтобы наше постановление, слишком резко сформулированное и проведенное, не повредило участи русских пленных, находящихся в Германии».

Нервозности добавляло и ожидание возможной частичной демобилизации армии «и вследствие этого большого скопления в городе солдат» и «эксцессов на почве отсутствия квартир» для их размещения. Солдатская масса была крайне политизирована и под влиянием пропаганды различных партий и окопной жизни в значительной мере утратила прежнее доверие к послефевральским органам управления. В условиях тяжелого экономического положения населения, также лишившегося значительной части своих симпатий к властям, выступление солдат могло оказаться губительным для уездных руководителей. Последние сознавали шаткость своего положения. «В последнее время внутри России во многих местах начались погромы, повальные грабежи и пожары, от которых гибнет достояние населения. Возможно, что волна погромов может перекинуться и в нашу местность, а именно при возвращении солдат на родину, в свои края», - говорил на заседании устьсысольской городской думы 22 октября 1917 г., за три дня до Октябрьского переворота в Петрограде, гласный Э.А.Смолковский. «Хотя в нашем уезде помещичьих и крупных... имений не

имеется, но не исключается возможность нападения деревни на город. Появление в газетах телеграммы министра внутренних дел губернским комиссарам о содействии местных общественных управлений и прочих беспартийных организаций к предотвращению погромов нужно рассматривать как крик о помощи..." Смолковский предложил организовать в Усть-Сысольске "охрану из местных жителей", но это не было сделано.

В конце октября 1917 г. начали работу первые сессии Земских собраний нового состава Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов. Выступая в Усть-Цильме на заседании сессии, председатель Земской управы А.В.Попов особо отметил "важность момента открытия первого в Печорском крае уездного Земского собрания". На повестку дня были вынесены вопросы социально-экономических преобразований демократического характера в уездах.

Но 27 октября (9 ноября) в Усть-Сысольске получили из Вологды ошеломляющую телеграмму: «В Петрограде большевики захватили власть...». (Между прочем, к этому приложили руку и жители Коми края. Так, по данным исследователя М.Д.Игнатова, матрос Е.Е.Игнатов из Помоздинской волости в ночь на 25 октября помогал командору Огневу при осуществлении сигнального выстрела с "Авроры" к началу штурма Зимнего дворца, после этого с группой матросов участвовал в захвате Зимнего дворца и аресте Временного правительства. 20 лет спустя он был репрессирован...).

Все местные органы власти встретили это известие резко отрицательно. Февральская демократия, с таким трудом дошедшая до Коми края, очутилась под угрозой. В Усть-Сысольске полученные 27 октября телеграммы были тотчас оглашены на заседании земского собрания. "Для выяснения отношения к происходящим событиям и совместного обсуждения вопроса о настоящем весьма тревожном моменте в Петрограде" земцы решили созвать совещание с широким составом участников. В тот же день в Усть-Сысольске состоялось объединенное заседание уездного земского собрания и представителей уездного земельного комитета, городской думы, исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, кооперативов, "политических и общественных организаций". На заседании "с разъяснением значения событий, совершившихся в Петрограде", выступили Д.Я.Попов, В.Ф.Попов и С.О.Латкин. В принятой на собрании резолюции говорилось, что "все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии, к разрушению армии и дезорганизации тыла", выражались "глубоко продуманное негодование и решимость не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми и решительными мерами". Резолюция была направлена в Петроград (Комитету спасения Родины и революции), в Вологду (Совету крестьянских депутатов), а также распространена по волостям в качестве обращения уездной земской управы к населению Усть-Сысольского уезда.

29 октября (11 ноября) состоялось заседание усть-сысольской городской думы "с представителями духовенства". В.Ф.Попов сообщил о поступивших в городскую управу телеграммах из Москвы, от Комитета Всероссийского Совет крестьянских депутатов "с призывом не верить Петроградскому Совету рабочих и Солдатских депутатов и теснее сплотиться вокруг своих крестьянских организаций" и "о готовности казачества содействовать водворению спокойствия и порядка в стране", и о других полученных в городе известиях. После обсуждения сложившегося положения единогласно решено было направить Комитету спасения Родины и революции в Петроград телеграмму, в которой говорилось, что "...гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением живых сил страны вокруг комитета спасения Родины и революции и восстановлением коалиционного Временного правительства, - что городская дума ставит себе священным долгом и неотъемлемой обязанностью".

В Петроград и другие места полетели телеграммы: "Яренское объединенное заседание представителей местных самоуправлений, комитетов и организаций рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно протестует против захвата власти большевиками, требует признать большевизм врагом Родины и революции..." Печорское Земское собрание

приняло резолюцию "не подчиняться той власти, которая будет организована большевиками". "Весь Усть-Сысольский гарнизон, как один человек, присоединяется к казачеству с надеждой восстановить в стране твердую власть и порядок, которые готовы защищать с оружием в руках. Просим принять самые решительные меры в борьбе с большевизмом и анархией", - телеграфировал Совет солдатских депутатов.

Для сельского населения края, впрочем, октябрьские события прошли почти незаметно, поскольку сколь-либо влиятельных пробольшевистских организаций здесь не было. Можно выделить только события в селе Керчомья Усть-Сысольского уезда. Уже летом-осенью 1917 г. в село начали прибывать демобилизованные и отпускные солдаты, которые составили ядро группы, вступившей в активную борьбу с волостным земством. В результате прошедших осенью 1917 г. выборов (в которых могли участвовать все граждане волости) из 32 гласных Керчомского волостного земства 16 являлись купцами и торговцами. Хотя подобное произошло, вернее всего, в связи с нежеланием части крестьянства участвовать в выборах и быть избранными, такой состав земского собрания не мог удовлетворить большевистски настроенную часть жителей села.

29 октября (11 ноября) 1917 г. в Керчомье по инициативе солдат состоялось общее собрание граждан села, участие в котором приняла лишь часть жителей, в основном солдаты и беднейшая часть населения. На собрании были выдвинуты уполномоченные в так называемый "Рабочий комитет", занявший пробольшевистскую позицию (видную роль в его создании и деятельности играл А.П.Гичев), но особым влиянием в первое время он не пользовался.

В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, наглядно показавшие расстановку политических сил в Коми крае в этот период. За список кандидатов №1 (от Совета крестьянских депутатов и партии социалистов-революционеров) в Усть-Сысольском уезде проголосовало 83% избирателей, в Яренском уезде - 87%. В Пожегской волости Усть-Сысольского уезда за социалистов-революционеров проголосовали 655 человек из 723 участвовавших в выборах, в Пажгинской - 852 из 931, в Ручевской 876 из 910, в Ношульской - 1231 из 1268, в Усть-Сысольске - 1108 из 1735, и т.д. В Гамском избирательном округе Яренского уезда из 341 голосовавшего 316 высказались за список эсеров, в Айкинском округе - 207 из 217, сходным образом складывалась ситуация и в других округах (за исключением г. Яренска, где эсеры уступили народным социалистам и кадетам, городского гарнизона, где они были на втором месте после РСДРП, и Георгиевского округа Ертомской волости, в которой социалисты-революционеры следовали после народных социалистов). В Печорском уезде победу на выборах также одержали социалисты-революционеры: "Поголовно почти все желают подать голос за партию социалистов-революционеров", сообщила газета "Воля Севера". Немалую роль в исходе выборов сыграла активная пропагандистская работа коми эсеров. В Большелуге этим деятельно занимался Е.М.Мишарин, будущий председатель Коми облисполкома, в Гаме и других нижневыхгодских селениях - Д.А.Батиев, который, по воспоминаниям очевидца, ездил «на розвальнях с прикрепленным сзади плакатом. Он разезжал по деревням и вел пропаганду за список эсеров, за Питирима Александровича Сорокина под лозунгом: "Коми войтыр, эн вунодй ассыныд Питиримтö!"» («Коми народ, не забывай своего Питирима!»).

У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистское владычество не установится. Но дни шли, и надежды эти таяли. В губернских центрах установилась Советская власть. В Архангельске это произошло 17 ноября, в Вологде - 6 декабря. Постепенно сил для осуществления антибольшевистских мер у местных органов управления становилось всё меньше, а давление новой центральной власти нарастало. «В ночь на 30-е ноября (13 декабря - Авт.) в Яренске образовался Военно-революционный комитет. Цель и задача его - быть проводником идей «Народных Комиссаров». Сразу же комитетом был смещен начальник милиции, приступлено к учету товаров в магазинах», - сообщила «Яренская газета». В уездные центры поступали суровые телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с

указаниями большевистских лидеров. Стало ясно, что надежды на провал большевистского переворота и на то, что до Коми края новая власть добраться не успеет, не оправдались.

10 (23) декабря 1917 г. В.Ф.Попов на заседании усть-сысольской городской думы сказал: «В России многое изменилось. События идут быстрым темпом. Большевистское правительство, захватив власть, укрепляется... Необходимо нам организовать самозащиту от всяких хулиганствующих шаек, выступающих обыкновенно в подобные острые моменты для грабежей и погромов под флагом борьбы с «буржуазией»...» О «решительной борьбе с большевизмом» речь уже не заходила - день спустя тот же В.Ф.Попов подчеркнул, что «народная охрана» «нужна не в целях борьбы с вооруженными силами большевистского правительства, а для самообороны и для предупреждения в разных подонках местного населения нежелательных самочинных действий, и главное, для реального противодействия возможным самочинным выступлениям темных элементов с целью погромов и грабежей». Во главе дружины решено было поставить прапорщика И.И.Евтушенко. Кроме того, уездные власти намеревались обратиться в Вологду с просьбой о присылке военных отрядов "на случай водворения в г.Усть-Сысольске и его уезде порядка от могущих возникнуть волнений на почве большевистского движения".

Атмосфера в крае между тем накалялась. 6 (19) декабря 1917 г. керчомский Рабочий комитет потребовал от волостной земской управы обложить налогом купцов и подрядчиков, конфисковать частные мельницы, установить твердые цены на хлеб и запретить вывозить его из волости. Позднее, в середине декабря (старого стиля) в Керчомье возник "Солдатский комитет", также пробольшевистский; возглавлял его, вероятно, Д.М.Ваддоров. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. Заверения большевиков в скором заключении мира с немцами (на любых условиях), передача всей собственности (в том числе земельной и финансовой) в собственность трудящихся, передел всего и вся - все эти основные моменты большевистской пропаганды находили сторонников в Коми крае. К тому же большевистская агитация стала вестись на местах более целенаправленно, чем во время выборов в Учредительное собрание. В крае появились специально присланные агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных сторонников нового российского большевистско-левоэсеровского правительства. В частности, в Усть-Сысольске появился прибывший М.Ф.Зайков.

В декабре 1917 г. в Усть-Сысольск прибыла из Москвы по поручению Московской солдатской секции группа агитаторов во главе с сочувствующим левым эсером М.Ф.Зайковым. В городе к тому времени существовала небольшая организация из пробольшевистски настроенных солдат - фронтовиков под руководством И.С.Юрьева, куда входили С.П.Малыгин, А.А.Малыгин, И.Д.Заболоцкий, В.Трубачев, Д.И.Лыткин и др. Группа Зайкова установила контакт с Юрьевым и провела общее собрание лиц, заинтересованных в уездном перевороте и установлении советской власти в масштабах Усть-Сысольского уезда. Объединившись, организация Юрьева и группа Зайкова стали называть себя "ячейкой советской власти". Для проведения большевистской агитации по волостям на Вычегду решено было отправить И.С.Юрьева, на Сысолу - М.Ф.Зайкова.

Усть-Сысольская уездная земская управа пыталась бороться с распространением большевизма по Коми краю. 8 (21) декабря 1917 г. председатель управы С.О.Латкин разослал по волостям предписание об уничтожении большевистской литературы "в виде брошюр, листовок, газет и т.п.". 14 (27) декабря 1917 г. управа постановила "лишить права поступления на службу в Усть-Сысольское земство" бывшего земского служащего, ветеринарного фельдшера, большевика М.Ф.Зайкова, а также лишить пособия его семью. Но подобные меры уже не могли исправить ситуацию.

Зимой были предприняты первые попытки захвата власти пробольшевистскими силами. В декабре 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел опубликовал обращение "Ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов", в котором речь шла о полномочии Советов, о замене ими всех органов прежнего местного управления. В Усть-Сысольске 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) группа демобилизованных солдат и местных

обывателей (всего около 300 чел.) по инициативе А.А.Хатанзейского (приехавшего в Усть-Сысольск проездом на Печору) при участии жителей городских окраин устроила митинг и демонстрацию. Собравшиеся потребовали улучшения положения демобилизованных солдат, объявили о своей поддержке Октябрьского переворота в Петрограде, о переизбрании Совета солдат местного гарнизона и потребовали передачи земством власти избранному на этом собрании новому Совету солдатских депутатов (именовавшемуся также “Усть-Сысольским Советом рабочих и солдатских депутатов”); в состав Совета вошли Хатанзейский, Панюков, Чепелев, Панин и Логинов. Секретарь нового Совета А.А.Хатанзейский сообщил о произошедшем в столицу (в Совнарком) и попросил: “Просим указать, куда нам обращаться за помощью о свержении старого Совета?” (Сведений о том, что посоветовали из столицы, не имеется).

Жители края к новоявленным претендентам на власть отнеслись с осторожностью. Так, когда Яренский военно-революционный комитет предложил крестьянам с.Айкино послать своих представителей для работы в этом комитете, то «общее мнение схода было резко отрицательное к идее организации нового, неизвестно для чего организуемого военно-революционного комитета, и решено было не посылать никаких депутатов в Яренск. Впрочем, на всякий случай намечены были все же два кандидата», - сообщила «Яренская газета». Сходным образом отреагировали и в других волостях уезда. ВРК остался на бумаге, а его функции как органа власти возложили на исполком Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Продолжало действовать и земство; лишь уездный комиссар К.Добряков подал в отставку.

И в Усть-Сысольске требование А.А.Хатанзейского и его сподвижников о передаче им власти было отвергнуто. Совет солдатских депутатов не признал перевыборы законными и продолжал функционировать в прежнем составе и проводить прежнюю политику. 20 декабря 1917 г. состоялось общее собрание Союза служащих Усть-Сысольского земства, обсудившее резолюцию общего собрания солдат. Земские служащие решили “отвергнуть с негодованием требование общего собрания солдат..., направленное к узурпации прав народа, который один волен распоряжаться судьбами земства”, в случае насильственного захвата пробольшевистскими силами власти в уезде прекратить работу во всех учреждениях, “так как всякий честный гражданин и истинный патриот должен считать позором и предательством службу большевикам”. 22 декабря С.О.Латкин известил низовые земские органы в волостях, что «всемирно избранные представители уездной земской управы не оставят власти до тех пор, пока власть эта не будет захвачена изменниками и предателями родины путем грубого насилия, и земская управа до последней возможности строго будет выполнять все обязанности по земскому управлению и хозяйству».

Возможности эти были, однако, весьма ограничены. Снабжение региона товарами и продовольствием все ухудшалось. Обстановка в Коми крае обострялась, чему способствовала деятельность пробольшевистских сил. Возникали все новые претенденты на руководство. Совет, руководимый А.Хатанзейским, просуществовал недолго - его лидер уехал из Усть-Сысольска в Печорский уезд, дабы там готовить захват власти. Но в городе появился пробольшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (СРСКД) во главе с С.П.Малыгиным и И.С.Юрьевым, организованный на собрании жителей пригородных слободок (где жила, в основном, беднота) между 20 и 22 декабря (2-4 января 1918 г.). Этот Совет распорядился закрыть и опечатать магазины Усть-Сысольска, проводил обыски у торговцев, осуществлял конфискации товаров (в первую очередь продовольственных). Против этого выступил Совет солдат гарнизона; часть городского гарнизона, не поддерживавшая пробольшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вошла в состав дружины под руководством прапорщика И.И.Евтушенко, организованной ранее городской думой. Произошли стычки между гарнизонными солдатами и сторонниками СРСКД. 26 декабря (8 января) "ячейка советской власти" Юрьева-Зайкова выпустила воззвание - инструкцию, как организовывать в волостях подобные "ячейки".

Усть-сысольский уездисполком Совета крестьянских депутатов осудил действия СРКСД и поддержал попытки земства и думы остановить рост большевизма в уезде и городе. 4 января 1918 г. он обратился ко всем волостным Советам крестьянских депутатов с воззванием, в котором, в частности, отмечалось: "В г. Усть-Сысольске небольшой кучкой граждан образуется образован никем не признанный Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов... Выпускаются самозванные... объявления... Исполком Совета Крестьянских Депутатов предлагает никаких распоряжений, выходящих от новой организации не выполнять и ни в какие официальные сношения с ней не входить", "так как все крестьянство вместе с землевладельцами города Усть-Сысольска, не признавшими власть самочинцев, составляет один мощный союз - Совет крестьянских депутатов, вмещающих в себе волю трудового народа Усть-Сысольского уезда". Воззвание подписали председатель уездисполкома А.Н.Вешняков и секретарь А.Д.Старцев. Помимо вышеназванных Советов, функционировали уездное земское собрание и его управа, действовала городская дума. Трудно было разобраться в нагромождении разнообразных усть-сысольских "руководящих органов"...

Часть волостей поддержала пробольшевистский СРКСД. В Керчомье 24 декабря (6 января) возникла большевистская ячейка, секретарем которой стал А.П.Гичев (официально она не была утверждена вышестоящими большевистскими органами). 25 декабря (7 января) рабочий и солдатский комитеты объединились, позднее взяв на себя функции Совета рабочих и солдатских депутатов, то есть без всяких выборов, явочным порядком объявили себя властью. Председателем комитета стал Д.М.Ваддоров, его заместителем ("товарищем") - А.Е.Булышев. В тот же день Комитет рабочих и солдатских депутатов затребовал из Усть-Сысольска от СРКСД "оружие до 20 штук (винтовок) с патронами" для "защиты прав беднейшего слоя населения" Керчомьи "от спекулянтов и буржуазии". 26 декабря (8 января) в Керчомье организовали первый в Коми крае отряд Красной гвардии (20 человек) во главе с И.К.Ваддоровым. 31 декабря 1918 г. Керчомский Комитет рабочих и солдатских депутатов направил В.И.Ленину телеграмму: «...Решено немедленно произвести пере выборы всех старых гласных, как противников нового строя, выбрать новых из солдат. Просим дать распоряжения. Ждем скорого ответа». 6 января 1918 г. был получен ответ от наркома внутренних дел Г.И.Петровского: «Проявляйте больше революционной инициативы, действуйте в принятом вами направлении».

Большинство волостей поддерживало Совет крестьянских депутатов и иные «легальные», «законные» органы, доверие к которым в то же время стремительно падало. Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края, пострадавшие от нехватки всего, чего только могло не хватать, обращали свои взоры не к большевикам, эсерам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть.

Об этом точно сказал один из видных местных политических деятелей, бывший депутат Государственной думы священник Д.Я.Попов: «Тревога за хлеб, за жизнь заставляет желать какой-либо власти. Такая власть необходима для объединения народа и успокоения, чтобы никто не препятствовал никому трудиться для себя и на пользу государству. Власть желательно создать сильную, верховную, единую... Бывшая до сих пор власть потеряла авторитет, а без нее может наступить анархия...Неавторитетная власть вызовет всеобщее недоверие и вражду». Выступление Д.Я.Попова перекликается со словами уроженца Коми края, очень популярного среди местных жителей П.А.Сорокина (в то время - одного из лидеров партии эсеров, секретаря А.Ф.Керенского), сказанными им в сентябре 1917 г. перед открытием Демократического совещания в Петрограде (на том совещании присутствовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д., обсуждавшие вопрос о положении в стране, о власти). П.А.Сорокин сказал тогда: «Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на все

глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падает благодаря экономике и новый строй...» (Просто удивительно, до чего современно звучат эти слова!).

Никто из «старых» и «новых» претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами. 12 января 1918 г. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» объявила Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежит вся власть в центре и на местах». Но на призыв пробольшевистского СРСКД к населению уезда прислать делегатов от волостей на съезд для решения вопроса о власти 15 (28) января 1918 г. откликнулись немногие - в Усть-Сысольск прибыло 16 человек, а волостей в уезде насчитывалось более 50. 14 января 1918 г. СРСКД принял решение обратиться с просьбой к уездному земскому собранию «о допущении для участия на земских собраниях представителей от Совета». При обсуждении этого вопроса гласный В.Ф.Попов отметил, что «означенный Совет работает в большевистском направлении и мы не можем с ним работать в этом направлении». Противная сторона в ответ утверждала, что «Совет не исключительно большевистский и организуется он для всех партий».

Солдаты гарнизона, в свою очередь, видя неспособность земства в одиночку совладать с ситуацией, на своем собрании решили сформировать 17 января 1918 г. уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Совет солдатских депутатов обратился к земским деятелям с предложением организовать новую власть в уезде «для предотвращения наблюдаемых разных скандалов и беспорядков, нарушающих тишину и спокойствие». Для выработки «проекта организации высшей власти» представители земства приглашались в Совет солдат Усть-Сысольского гарнизона.

Земское собрание решило «взять на себя инициативу создания высшей власти». Для обсуждения этого вопроса в Совет солдатских депутатов были делегированы три представителя земства. Утром 17 января 1918 г. земский гласный А.М.Мартюшев докладывал собранию, что из первых разговоров с солдатами у делегатов сложилось впечатление, что «что-то им хочется сделать, но что и сами не знают». По его словам, солдаты заявили, что они не большевики, а беспартийные, и декреты народных комиссаров будут проводить в жизнь лишь в том случае, если они применимы для нашего края. На общем собрании с земскими гласными было принято решение организовать пока временную единую сильную власть в Усть-Сысольске при участии земского собрания, Продовольственного съезда, прибывших крестьян, солдат, представителей мещан и разных политических организаций и союзов в виде Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оставшись без вооруженной опоры (гарнизона), земцы согласились на создание комиссии по организации Учредительного съезда для создания "высшей власти" в уезде. Помимо земцев, в комиссию вошли представители местного гарнизона; городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; уездисполкома Совета крестьянских депутатов - всего 12 чел.

16 января 1918 г. С.О.Латкин созвал в Усть-Сысольске 48-ю чрезвычайную сессию уездного земского собрания и I продовольственный съезд. Открывая сессию, председатель земского собрания Н.И.Митюшев заметил: "Условия для нашей работы создались чрезвычайно тяжелые... Центральная власть в России захвачена... в сущности Великой России нет, она, как Вам известно, разделилась на отдельные самостоятельные государства... Разделение государств сопряглось с анархией, которая катится по всем уголкам России и дошла до нашего уезда. За последнее время были гнусные явления в нашем уезде. Темные массы народа затеяли вражду между населением и нарушают всякое спокойствие в уезде, чего ранее в нашем уезде не замечалось. Для чего это делается, мне совершенно не понятно, и я думаю, что те люди, которые делают смуту, сами не понимают для чего это делают.

Теперь, кажется, нет ни одной волости, где бы не нарушена мирная жизнь... Когда будет конец всему этому и наступит отрезвление, никто из нас сказать не может".

Любопытно, что земское собрание отменило декабрьские решения управы, принятые в пылу борьбы с распространением большевизма. Так, гласный Д.Я.Попов осудил управу за запрет рассылки газет и телеграмм большевистского направления, "когда в России объявлена свобода печати". По поводу же увольнения Зайкова он заявил, что "управа поступила в высшей степени непродуманно, нарушив тем самым дарованные народу права и свободы". Его поддержал гласный А.М.Мартюшев, сказав, что управа "стала на точку партийности... Она жестоко ошиблась, уволив фельдшера Зайкова за принадлежность к большевистской партии". Ряд гласных поддержали выступающих, заявив, что управа не имела никакого права преследовать за политические взгляды, что в свободной России каждый имеет право на свои убеждения. Постановления управы были отменены собранием. Эти высказывания и поступки земских гласных наилучшим образом демонстрируют высокий уровень демократических начал в земской среде.

Продовольственный съезд, открывшийся под председательством А.М.Мартюшева (в дальнейшем работой руководил Д.Я.Попов), решал в основном вопросы по снабжению Усть-Сысольского уезда хлебом и, кроме того, "о выделении пяти северо-восточных уездов губернии в самостоятельный продовольственный район". Однако сами делегаты съезда (103 чел.) представляли из себя значительную политическую силу.

По предложению Совета солдатских депутатов гарнизона и по согласованию с земством участники всех этих форумов (в том числе прибывшие на планировавшийся пробольшевистскими силами съезд), а также представители всех уездных и усть-сысольских городских органов власти для того, чтобы "вести местную жизнь в колею", собрались 17 (30) января 1918 г. на учредительный съезд (своего рода местный аналог всероссийского Демократического совещания).

Открыл работу этого съезда Д.Я.Попов, председательствовал на нем А.М.Мартюшев. На съезде присутствовало 204 делегата: от Земского собрания - 42, от Продовольственного съезда - 103, от солдат гарнизона - 12, от крестьян - 16 (имелись в виду делегаты, приехавшие по призыву пробольшевистского СРСКД), от мещан - 9, Союз служащих - 15, Союз казначейских служащих - 1, Союз учащихся - 6 чел. На съезде были представлены все общественно-политические объединения в Усть-Сысольском уезде, хотя партийность делегатов не афишировалась. По фамильному списку участников можно определить, что на съезде имелись представители эсеров, кадетов, большевиков и сочувствующие им. Однако при открытии съезда особо было подчеркнута, что он проходит на "беспартийной основе" и возможность высказаться получили все: от поборников советской власти (И.С.Юрьев, С.П.Малыгин и др.) до ее противников (С.О.Латкин, И.П.Петроканский и др.).

Съезд работал один день. Представители антибольшевистских сил пытались противопоставить идее о создании верховного уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов свою точку зрения о том, что "власть уже есть - земское и городское самоуправление" (выступления И.П.Петроканского, А.Н.Вешнякова). Однако большинство делегатов высказалось за создание "сильной верховной власти для края, выражающей волю народа... которая будет носить название Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов". Съезд осудил (как антидемократические) действия председателя уездной Земской управы С.О.Латкина, запретившего в декабре 1917 г. распространение большевистской литературы. Почти единогласно, при шести воздержавшихся, делегаты проголосовали за резолюцию "считаться с центральной властью, поскольку распоряжения ее клонятся ко благу местного населения". Должность уездного комиссара Временного правительства съездом была упразднена. Делегаты приняли платформу II Всероссийского съезда Советов. Это был один из первых уездных съездов Вологодской губернии, официально признавший советскую власть.

На учредительном съезде в Усть-Сысольске впервые в практическую плоскость как одна из задач новой власти был поставлен вопрос о коми автономии. В конце работы съезда

Д.Я.Попов выступил с очень важной речью. «Сегодня мы... создали верховную власть, после чего я могу свободно сказать вам о чрезвычайной важности автономии для нашего края, по примеру других автономных единиц. Богатство нашего Севера и открывающиеся после войны перспективы позволяют нам создать свою автономную единицу. Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш раньше служил лишь окраиной Великороссии, когда он имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море. Мы должны послать делегата на имеющий быть в недалеком будущем съезд представителей Северо-Восточных губерний для выработки общего положения об образовании из губерний: Уфимской, Пермской, Вятской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской особой автономной окраинной единицы. Мы должны послать нашего делегата, чтобы заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах». Д.Я.Попов закончил речь под аплодисменты: «Да здравствует свободный зырянский народ и его Совет!» О важности автономии говорили также Г.Г.Кассандров и Н.И.Митюшев; последний предложил созвать специальное учредительное собрание «от всего населения» для обсуждения и принятия окончательного решения по этому вопросу.

Решено было выборы нового уездного органа власти произвести сейчас же, но считать представителей временно избранными, впредь до утверждения их самими крестьянами или посылки вновь избранных в постоянный Совет по расчету на каждую волость по одному представителю. Был избран временный уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Как ни парадоксально, но в первый состав Усть-Сысольского Совета (56 чел.) попали как сторонники, так и противники советской власти, поскольку было решено представить в нем почти все общественно-политические объединения Усть-Сысольского уезда: от Совета солдат усть-сысольского гарнизона - 12, от крестьян - 21, от мещан - 11, от московской солдатской секции зырян - 1 (М.Ф.Зайков), от Союза учащихся - 3, от Союза Служащих - 1, от духовенства - 1 (А.Н.Малевинский), от судебной организации - 1, от Партии социалистов-революционеров - 1 чел. (Е.Ф.Вежева) и др.. Позднее вместо Вежевой в Совет от ПСР был кооптирован священник Д.Я.Попов (за участие в работе Совета Вологодская духовная консистория в мае 1918 г. лишила его сана). Несмотря на присутствие в Совете эсеров, официально он считался беспартийным.

18 января на организационном собрании провозглашенного съездом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран председатель Совета, его заместители, сформирован исполком в составе 16 чел.: 7 - от крестьян, 3 - от солдат, 3 - от мещан, 3 - от различных организаций. Хотя Совет считал себя беспартийным, его скорее можно отнести к многопартийной организации: в состав исполкома Совета вошли 1 большевик, 3 сочувствующих большевикам и 7 сочувствующих левым эсерам¹. Председателем Совета и исполкома стал А.М.Мартюшев. По собственным словам А.М.Мартюшева, он стал своего рода буфером между левыми и правыми; его знали как человека демократических взглядов, образованного, чуждого авантюризму и к тому же выходца из народных низов. Мартюшев не являлся ни эсером, ни социал-демократом, "в жизни ни к какой партии не примыкал, ни на одном партийном собрании не участвовал, так и остался навсегда беспартийным" (из его автобиографии). Его заместителем ("товарищем") избрали Д.Я.Попова.

С центральной властью решено считаться постольку, «поскольку распоряжения ее клонятся к благу местного населения». Обращаясь к населению Усть-Сысольского уезда, Совет и его исполнительный комитет под председательством А.М.Мартюшева заявили, что "власть... перешла Совету 17 января. В тот день произошло объединение с Советом крестьянских депутатов... В городе и уезде спокойно, происходят реквизиции и конфискации хлеба и товаров". Уездная земская управа, городская Дума, волостные земства не упразднились, но являлись "исполнителями постановлений и распоряжений Совета

Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов", как это прозвучало в постановлении уездного Совета от 12 февраля 1918 г. Все ранее существовавшие Советы объявили о своем самороспуске. С поддержкой свергнутого большевиками правительства было покончено. Так в Усть-Сысольском уезде была установлена Советская власть – правда, пока только на уездном уровне.

В первые месяцы 1918 года исполком Усть-Сысольского уездного Совета занимался организационной работой: формировались отделы исполкома и т.д. На заседаниях Совета в январе 1918 г. Д.Я.Попов развил свою мысль о статусе организованной власти и об автономии для коми. По его мнению, уездная (а в будущем подразумевалась, вероятно, и краевая) власть должна создаваться с участием всех групп населения, на «беспартийной» (правильнее, вероятно, – многопартийной, коалиционной) основе, но признавать решения II Всероссийского съезда Советов. Новой власти в Коми крае, считал Д.Я.Попов, «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления». Она действовала бы исключительно в интересах местных жителей: «Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны - то согласимся, если не правильны, не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчинение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности». «Мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе». Выступления Д.Я.Попова содержали в себе целую программу по созданию автономной Коми республики в составе России – первую программу национально-государственного строительства в крае.

Совет принял также резолюцию “о безусловном подчинении” ему гарнизона и милиции, которыми он будет пользоваться “как силой”. Таким образом, для проведения в жизнь своих решений Совет получил возможность использовать и вооруженную силу. В конце января 1918 г., когда в связи с демобилизацией был распущен старый гарнизон и набран новый, в основном из коми солдат, твердо стоявший на стороне уездного Совета.

23 марта 1918 г. открылся первый съезд Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда, на котором был избран уже не временный, а постоянный исполком Совета, который вновь возглавил А.М.Мартюшев. В избранный на этом съезде уездный исполком вошли деятели различной ориентации: семь сочувствующих левым эсерам (среди них А.Ф.Богданов, Д.Я.Попов, М.Ф.Зайков, А.О.Канов и др.), большевик П.Н.Елькин, трое сочувствующих большевикам (в том числе И.С.Юрьев), три интернационалиста (В.Н.Конанов, А.А.Чеусов и Я.П.Потапов) и беспартийные. Председателем вновь стал А.М.Мартюшев. Началась организация волостных Советов депутатов как действительных органов власти на местах (в марте-апреле они появились почти повсеместно), земские органы управления ликвидировались. 15 мая 1918 г. был организован Усть-Сысольский городской Совет, сменивший ликвидированную городскую думу.

Обсуждались и вопросы, связанные с автономией коми, причем мнения высказывались самые разные. Д.Я.Попов на заседаниях Совета говорил о необходимости "самостоятельности" Коми края, которую он понимал в форме создания Коми автономии в составе России. В Помоздино по инициативе А.А.Маегова возникла организация "Коми автономист чукор" (группа коми автономистов). А.А.Маегов рассчитывал, что “Коми автономист чукор” будет политической партией, которая боролась бы за образование "национальной автономной Зырянской республики". Однако его детище не получило известности за пределами верхней Вычегды до июня 1918 г., когда в одном из первых номеров газеты "Зырянская жизнь" появилось воззвание маеговских "автономистов". В воззвании, подписанном Шаховым, в частности, говорилось: "Товарищи зыряне!.. Устраивайте сами свою судьбу, своё счастье. Русские уже "устроивали" нашу судьбу в

течение нескольких столетий, - скажите, товарищи, по совести, какую нам пользу принесли?.. Не пора ли нам задуматься об этом?"

Позиция А.М.Мартюшева была весьма взвешенной и реалистичной. "Я не принадлежу к автономистам... - говорил он. - Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч."

Весной 1918 г. Советская власть (в лице уездных Советов крестьянских депутатов) была установлена в Яренском и Печорском уездах. III яренский уездный съезд крестьянских депутатов, проходивший 5-14 марта 1918 г., объявил об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на небольшевистских позициях. В июне 1918 г. в исполком входили 2 эсера, 8 левых эсеров, 1 трудовик, 1 интернационалист, 1 большевик и 1 анархист. Земские учреждения в Яренском уезде функционировали до лета 1918 г. В июле 1918 г. на IV уездном съезде крестьянских депутатов было решено ликвидировать их. Уездные земские органы прекратили существовать в июле, волостные - в ряде мест действовали еще и в августе.

В Печорском уезде в январе 1918 г. группа демобилизованных солдат объявила о создании в Красноборе "РСДРП большевиков" (т.е. ячейки этой партии); официально она не была зарегистрирована вышестоящими большевистскими органами. Красноборские большевики заявили о своем намерении бороться против волостного временного комитета и за Советскую власть. "Борьба" эта, впрочем, затянулась до марта... 23 января 1918 г. в селе Ижма состоялось организационное собрание по выборам в волостной Совет (в состав оргкомиссии входили Ф.П.Попов, М.Филиппов и Канев; организация Совета шла по указанию Н.И.Зыкова). Был организован первый в Печорском уезде Совет под председательством Ф.П.Попова. 24 января Совет приступил к работе.

В Мохченской волости Совет возник 25 февраля 1918 г. по инициативе Н.И.Зыкова - бывшего политссыльного, ставшего местным торговцем. Осенью 1917 г. Н.И.Зыкова избрали гласным волостного земского собрания. Особенно видной роли в земском собрании Н.И.Зыков не играл. К большевизму Н.И.Зыков первоначально никакого расположения не испытывал; в своем дневнике он высказал недоумение, почему никто не убьет лидера РСДРП(б) В.И.Ульянова (Ленина).

Зимой 1917-1918 гг. Н.И.Зыков решил выступить инициатором установления в Мохче власти Советов. Сделать это было довольно сложно. Сам он писал в Архангельск, что "почва здесь для Советов крайне скверная. Крестьянин - плохой "советник". Вот унылый вывод, к которому я пришел после 10 лет жизни в разных уголках этой... губернии". Поэтому опорой Н.И.Зыкова должна была стать та часть населения волости, которая хотя бы в какой-то мере оторвалась от собственно крестьянской жизни: в первую очередь, демобилизованные солдаты и матросы, а также вернувшиеся домой временные рабочие лесопильного завода "Стелла поларе" (завод располагался в низовьях Печоры), те, кто трудился на сезонных лесозаготовках, и, наконец, работники точильного промысла и деревенская беднота.

25 января 1918 г. (по новому стилю) в Мохче состоялся сход, на который пришло около полутора сотен человек, в основном принадлежавшие к вышеперечисленным категориям. Выступив перед ними, Н.И.Зыков предложил упразднить в Мохче земскую управу и образовать волостной Совет крестьянских депутатов. Собравшиеся поддержали его призыв, однако принятое на сходе решение не было осуществлено: очень уж небольшая часть жителей волости участвовала в этом собрании. Н.И.Зыков писал: "У нас население тысяч пять. На собрание обычно приходит человек 100 мужчин. Для выборов Совета собралось 150. Выбрали Совет. А буржуи кричат потом: "Кто вас выбирал? Передача власти Совету от земской управы не состоялась, а сам Зыков был арестован волостным судом; через некоторое время его освободили под залог в сумме 500 рублей, и он продолжил работать в земской управе.

В феврале 1918 г. в Мохчу поступила телеграмма от архангельского Совета с требованием повсеместной организации Советов и красногвардейских отрядов, обложения

чрезвычайным налогом “буржуазии”. В том же месяце (13 февраля) бывшие фронтовики Мохчинской волости созвали свое собрание (с участием представителей некоторых других волостей) и приняли решение: “Время настало, дальше откладывать вопрос о создании на Печоре Советской власти нельзя”. 23 февраля к Н.И.Зыкову в управу пришли 5-6 вновь прибывших в Мохчу демобилизованных солдат. В ходе обсуждения существовавшего положения, писал Н.И.Зыков в своем дневнике, “я разошелся, решил, что дальше ждать — преступление. Будь что будет, а я выступлю без промедления”. 25 февраля состоялось новое собрание мохчинцев, на котором присутствовало 270 человек. Н.И.Зыков выступил с докладом “Кто такие большевики и какая разница между Советами и земством?” Он высказался в поддержку большевиков и вновь предложил создать волостной Совет. Около двухсот человек поддержали его, проголосовав за создание Мохчинского волостного Совета крестьянских депутатов. Там же было решено создать вооруженный отряд Красной гвардии (в него записался 21 чел.), ставший опорой Совета. “Совет без оружия — писарь без руки, — считал Зыков. - Дурака и подлеца без палки не уверишь” (из письма в Архангельск 14 марта 1918 г.).

Узнав о событиях в Мохче, в село 3 марта 1918 г. приехал уездный комиссар. Он созвал собрание мохчинских граждан, на которое пришли 496 чел. Убедившись в популярности идеи Советов среди значительной части населения, уездный комиссар предложил придать волостному Совету статус наблюдателя за деятельностью земской управы, сохранив в то же время руководство в руках последней. Но, как писал позднее Н.И.Зыков, “народ еще чище подчеркнул, что земством он сыт. За нас (за Совет — авт.) было 420 голосов, против — 76”. Собрание постановило окончательно упразднить волостное земство.

После этого Н.И.Зыков и руководимый им Совет занялись изъятием “излишков” продовольствия у зажиточного крестьянства в пользу бедноты, пытаясь таким образом решить проблему нехватки продуктов. Конфискации вызвали недовольство немалой части населения. “Сильно портит дело укрепления Советской власти вековая привычка населения чтить капитал”, - писал Н.И.Зыков. В противовес Красной гвардии противники Совета стали создавать свой вооруженный отряд. Атмосфера в селе накалялась. Положение Мохчинского Совета было не очень прочным. Несмотря на успех на прошедших собраниях, Н.И.Зыков отдавал себе отчет, что в избрании Совета большинство населения не участвовало (сходное положение было и в других волостях). “Советы избираются как попало, — писал он. - Иногда на собраниях присутствует 30-40 крестьян из 5-6 сотен. Какие же это выборы? И какой возможен Совет, когда его выбрали 30 человек?” “Сторонники всеобщего, равного, прямого и т.д. (избирательного права, голосования — авт.) то и дело кричат, что Совет выбрала кучка людей”. При этом Н.И.Зыков считал вполне возможным и приемлемым “захват власти 30-40 людьми во имя свободы и блага народа”. Однако, наблюдая равнодушие или переменчивость настроения жителей, активизацию противников Совета, он выражал беспокойство, что таким же путем, как и они, может поступить и противная сторона: “Но всегда ли можно рассчитывать на то, что захват произведен именно нами, а не “ими”? Не будучи в силах рассчитывать на поддержку большинства жителей в борьбе с противниками Совета, Н.И.Зыков просил Архангельский губисполком помочь Мохченскому Совету вооружением: “Если получим оружие - мы им сумеем показать...”, — писал он.

20 марта 1918 г. по инициативе уездного комиссара Г.Г.Недашковского в Усть-Цильме был созван уездный съезд Советов крестьянских депутатов, избран исполком, но власть осталась у прежних органов. Вопрос об установлении Советской власти в уезде считался преждевременным даже некоторыми из немногочисленных печорских большевиков, входивших в созданную уже знакомым нам А.А.Хатанзейским 1 марта 1918 г. “фракцию большевиков”. В частности, А.М.Томилов говорил на заседании “фракции” 17 марта 1918 г.: “Нельзя все сразу сделать, а нужно постепенно наладить, и притом же Советскую власть не все население признает законной властью, а некоторые личности обзывают бандой хулиганов, а членов (Совета - авт.) - кучкой мошенников... В Совете нет

хороших работников, и стало быть власть захватывать мы не можем, а захватом же хорошо налаженную организацию (управления - авт.) разрушим, а новую трудно создать". Видимо, того же мнения придерживалось и большинство других членов "фракции большевиков", потому что ее организатор и лидер А.А.Хатанзейский, настаивавший на немедленном захвате власти (он писал в Архангельск, прося прислать оружие для созданной им Красной гвардии), вскоре был исключен из фракции за неумение руководить и авантюризм и вынужден был уехать в Архангельск.

В Мохче обстановка продолжала ухудшаться, 19 марта 1918 г. Н.И.Зыкова ранили. 20 марта он отправил в Архангельский губисполком телеграмму: "Черная сотня перешла в наступление. Меня ранили в голову. Пошлите помощь. Надо оружия побольше". Своими силами совладать с ситуацией не удавалось: слишком много недовольных было среди середняков и зажиточных крестьян. Да и состав самого Совета не удовлетворял Зыкова. "Идеал Советской власти не скоро еще привьется в этом болоте. В Совет полезли и кулаки, и черная сотня, и вся эта рвань, которая прежде орала: "Не надо нам Советов, земство — то же, что и Совет" и т.д.", — писал он.

К концу марта 1918 г. волостные Советы существовали в Бакуре, Гаме, Ижме, Красноборе, Мохче, Сизябске, Усть-Ухте, Щельяуре, в апреле они имелись в большинстве волостей. На II уездном съезде Советов, открывшемся 14 апреля 1918 г., решено было провозгласить Советскую власть и ликвидировать земские органы (сказалось возросшее давление центра). Вместе с тем уездный исполком оставался на небольшевистских позициях.

Это был компромисс, вынужденное соглашение всех политических сил - от большевистских до либерально-демократических. Никто в Коми крае в тот момент не мог удержать власть в своих руках в одиночку. Пробольшевистские элементы были слишком слабы. Ориентировавшиеся на павшее Временное правительство круги также поняли невозможность продолжения прямой конфронтации с большевистскими центральными властями. В руках уездных и волостных Советов находилась тогда реальная, а не декларируемая власть. Правда, таковой она оставалась недолго, всего полгода...

Захват власти большевиками

Установление Советской власти в Коми крае прошло при минимальном участии пробольшевистских сил, и последние почти не пользовались каким-либо влиянием в Советах. Беспартийные (или, может быть, многопартийные) Советы пытались по мере сил наладить хозяйственную жизнь в уездах и волостях Коми края, стабилизировать политическую ситуацию, удержать население от конфликтов.

Одной из наиболее острых проблем был недостаток продовольствия. В конце апреля голодало более 60% населения Яренского и Усть-Сысольского уездов. 15 мая 1918 г. Усть-Сысольский уездный исполком «ввиду острого продовольственного кризиса» запретил въезд в уезд «ищущим работы и желающим поселиться»; «прибывающие без разрешения...будут выселяться принудительным порядком обратно». Аналогичное положение было и в соседних районах, в связи с чем А.М.Мартюшев издал распоряжение: «Ввиду запрещения въезда в Котлас, Устюг, Вологду, Архангельск ... билеты на пароходы без разрешения Советов рабочих депутатов никоим образом выдаваться не должны».

Было ясно, что одними запретами не отделаешься. Решено было изъять под проценты вклады состоятельных горожан в сберкассах, обложить местных торговцев чрезвычайным налогом специально для закупки продовольствия. А.М.Мартюшев предложил обратиться к сельским обществам с призывом "принять такие же меры по отношению к капиталистам на местах". Когда зажиточные горожане отказались выплатить деньги, их на некоторое время заключили в тюрьму. "Нужно умело распределить запас между населением... Богатым крестьянам, забывшим бедных крестьян, нужно уступить бедному... народу, у которого и денег нет, тем более хлеба", - призывал член усть-сысольского исполкома А.А.Чеусов.

Удалось добиться получения кредитов для выплаты долгов по заработной плате учителям, медикам, почтовым служащим.

Большевики и сочувствующие им требовали от властей более крутых насильственных мер, выходящих за рамки действовавших тогда основных законов и связанных с изъятием «излишков», перераспределением земли и т.д. В апреле 1918 г. во время подготовки к севу руководимый Н.И.Зыковым Мохчинский Совет изымал у зажиточных крестьян семена. Обстановка продолжала накаляться. Острый конфликт между различными слоями мохчинского крестьянства неизбежно должен был вылиться в кровопролитие. Это случилось 27 мая 1918 г. Н.И.Зыков был убит, еще двое красногвардейцев ранены мохченцами из числа противников деятельности волостного Совета. Похожая ситуация складывалась и в некоторых других местах Коми края.

Если находившиеся у руководства Советами деятели видели в вышеназванных мероприятиях вынужденную и кратковременную меру, то их оппонентам виделась иная перспектива: насилие должно было сделаться постоянным структурным элементом системы власти в ущерб более-менее мирному сосуществованию, связанному с постепенным вытеснением «эксплуататоров» с помощью экономических методов (именно такого, последнего курса держалось Советское правительство в первые месяцы после Октября).

До поры до времени деятельность местных властей Коми края укладывалась (хотя и с оговорками) в рамки требований центральных органов, возглавлявшихся большевиками. Но в середине 1918 г. положение изменилось. Руководители большевистской партии пришли к выводу, что в условиях продовольственного кризиса и т.п. продолжать курс на постепенное вытеснение «капиталистических элементов» города и деревни через систему товарного производства и товарного обращения невозможно. Решено было осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике.

Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 11 июня 1918 г. декрета ВЦИК о создании деревенских комитетов бедноты (комбедов), которые должны были содействовать властям в изъятии «излишков» хлеба и распределять хлеб, предметы первой необходимости и сельхозорудия между жителями. В руках комбедов, крестьянской бедноты оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением большей (средняцкой и зажиточной) части крестьянства, а это неизбежно привело бы к конфликтам. Лидеры левых эсеров выступили против комбедов, объявили их антисоветской организацией, подменяющей советскую демократию диктатурой сброды. Один из левых эсеров, Трутовский, говорил: «Беднота - это ведь не класс. Здесь и пьяница, и трудолюбивый неудачник, и батрак, и проходимец. Почему они становятся первыми фигурами в деревне? Что в этом социалистического? Где пределы взаимной экспроприации? Почему нужно формировать армию для борьбы против своих и мириться с тем, что немцы эшелонами вывозят хлеб в Германию? (Имелись в виду продотряды и условия Брестского мира - Авт.). Ведь страшен, страшен будет результат: раскол России сверху донизу, резня, запустение, ненависть навеки...»

Эту опасность поняли руководители Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов. II Усть-Сысольский уездный съезд Советов позднее «отверг декрет об устройстве деревенских комитетов бедноты как учреждений, могущих повлечь в деревнях раскол и посеять вражду среди крестьян, и как учреждений, дающих возможность одной части населения жить за счет другой». Сходным образом высказывались члены Яренского исполкома: «Наша задача - тишина и спокойствие в уезде... Незачем натравлять одну часть населения против другой»; задача исполкома - «избежать конфликтов между частями населения». IV Яренский уездный съезд Советов отверг предложение о создании комбедов и продотрядов. Аналогичную позицию заняли власти Печорского уезда.

Между тем ситуация все ухудшалась. За короткое время, прошедшее после установления Советской власти, уездные руководители физически не могли решительно оздоровить обстановку, улучшить снабжение населения - тем более, что в пропасть катилась вся страна. А люди устали ждать. Экономическая разруха, угроза голодной смерти отнюдь не

способствовали остужению страстей. В июне 1918 г. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 11843 «голодающих» и 86062 «полуголодающих». «Очень скудно насчет продовольствия» было в июле 1918 г. в Печорском уезде. Часть населения требовала немедленных решительных действий, улучшения положения любым путем - в ущерб законности, правам человека, не взирая на возможные катастрофические последствия. Выразителями интересов этой части жителей стали большевики. Только они могли осуществить провозглашенные центральной властью чрезвычайные меры на местах - этого от них требовала как партийная дисциплина, так и собственная убежденность в необходимости скорейшего построения социализма и коммунизма для всеобщего блага.

Но в Коми крае в первой половине 1918 г. коммунисты ввиду их малочисленности не пользовались известностью и авторитетом в массах (даже при том, что в стране в целом их партия уже в течение нескольких месяцев находилась у власти). Даже летом 1918 г. население Яренского уезда «совершенно ничего не знало о коммунистах», отметил один из местных большевистских лидеров П.И.Покровский на II губернском съезде РКП(б). В докладе яренского уездного комитета (укома) РКП(б) в марте 1919 г. также подчеркивалось: «Организационная и агитационная работа (коммунистов - Авт.) началась только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке». Сходное положение, несмотря на пропагандистскую деятельность пробольшевистских деятелей в Усть-Сысольске, Керчомье и некоторых других местах, было и в Усть-Сысольском уезде. Большевики и сочувствующие им не имели до июня 1918 г. в уезде даже своей организации. В Усть-Сысольском уездном исполкоме Совета был только один пробольшевистский деятель - врач Д.И.Розанов, активный пропагандист “свободной любви” и защитник права женщин на занятие проституцией (Октябрьская революция, убеждал он на педсовете в одном из городских училищ своих менее прогрессивных коллег, освободила женщин, и те могут теперь делать всё, что захотят), да и тот в мае-июне отказался работать в недостаточно левом для него органе. В Яренском и Печорском уездисполкомах большевиков и сочувствовавших им не было вовсе, а об отношении жителей к большевистским идеям достаточно красноречиво свидетельствуют приводившиеся выше слова Н.И.Зыкова и А.М.Томилова.

Не случайно именно в Усть-Сысольск в конце мая 1918 г. приехала жена премьер-министра свергнутого большевиками Временного правительства Ольга Львовна Керенская. С ней были сыновья Олег и Глеб и мать В.Л.Барановская. Идея приезда Керенской в относительно спокойный Коми край принадлежала, вероятно, П.А.Сорокину, бывшему секретарю А.Ф.Керенского; жена П.А.Сорокина, Е.Сорокина-Барятинская, была подругой О.Л.Керенской. Сорокины и Керенские покинули Петроград вместе с уроженцем Коми края архитектором А.В.Холоповым, его женой В.Д.Новодворской-Холоповой и дочерью (с Холоповыми Керенская была также знакома в Петрограде, хотя и не столь близко, как с Сорокиными). Холоповы сопровождали Керенскую до Усть-Сысольска, помогли ей снять жильё в Кочпоне. Здесь О.Л.Керенская и ее родные весьма скромно и тихо прожили три месяца. Лишь однажды «Зырянская жизнь» опубликовала заметку «Керенская приехала», в которой, в частности говорилось, что О.Л.Керенская, по слухам, покупает на городском базаре продукты, не торгуясь, чем якобы способствует повышению цен. 20 июня та же газета опубликовала небольшой отклик О.Л.Керенской: «...Гибнет Россия – наша родина, в борьбе изнемогают брошенные нами союзники, немцы уже готовы праздновать кровавый пир победы, а для «Зырянской жизни»... важнее, какую цену платит Керенская за продукты, причем сообщаются заведомо ложные сведения...»

Впрочем, и представители других партий не могли похвалиться успехами в популяризации своей деятельности. Отсутствие крупных городов, разбросанность населения по сельским поселениям затрудняли партийную пропаганду в Коми крае. Только эсеры, для деятельности которых крестьянская среда была наиболее благоприятна, пользовались относительно большей известностью у местных жителей (что показали, в частности, выборы в Учредительное собрание осенью 1917 г.) и еще в 1917 г. создали уездную организацию с волостными ячейками в Яренском уезде; вероятно, существовала таковая и в Усть-

Сысольском уезде. Однако и они после раскола партии социалистов-революционеров на правых и левых в конце 1917 г. только через полгода смогли создать свои новые уездные организации: яренский уездный организационный комитет партии левых эсеров возник в июне 1918 г., усть-сысольский - в июле 1918 г.

Политическая сознательность основной массы местного населения была весьма низкой; жители были очень плохо информированы о политических и экономических программах партий и движений. Да и партийные различия в Коми крае в первой половине 1918 г. были выражены очень слабо; упоминавшийся уже Д.Я.Попов в начале 1918 г. говорил, что партий как таковых в крае нет. Принадлежность к той или иной партии в 1918 г. скорее декларировалась, чем существовала реально; осознание даже членами партий целей и задач своих парторганизаций, отличие их от программ других движений было весьма слабым.

Показательна в этом плане близость заявлений лидеров двух разных уездных парторганизаций: «Социализм ведет к установлению Царства божия на земле. Что такое социализм? Это - учение, требующее выполнения библейской заповеди: «Не работающий да не ест...»; «Мы, ... открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, давая им понять, что идея коммунизма - священная идея и что социальный строй - это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус». Первое заявление принадлежит яренским эсерам (1917 г.), второе - усть-сысольским большевикам (1918 г.). Многие деятели, числившие себя еще в начале 1918 г. эсерами (Е.Ф.Вежева, Д.А.Батиев, Е.М.Мишарин и др.), во второй половине 1918 - первой половине 1919 гг. вступили в РКП(б). Неудивительно, что население Коми края ориентировалось не на программы партий, а главным образом на понравившиеся, обнадеживающие заявления и обещания тех или иных претендентов на власть безотносительно к их партийной принадлежности (будь то коммунисты, монархисты, либералы или эсеры). Разумеется, в таких условиях были возможны и даже неизбежны шарахания политических симпатий населения из одной крайности в другую.

Сплочение местных пробольшевистских сил происходило благодаря поддержке губернских органов власти, находившихся в руках коммунистов. Н.И.Зыков в марте 1918 г. настаивал: «Для торжества народного дела в уезде необходимо прислать организаторов и оружия человек на сто... Буржуазия многочисленна и упорна. Необходимы хорошие вожжи». «Организаторы» через некоторое время появились во всех уездах Коми края.

Прийти к власти большевики могли только путем переворота, причем последнему должны были содействовать внешние силы. Аналогичные условия существовали во многих частях страны - например, на Украине. Украинский писатель и политический деятель В.Винниченко отметил в своем дневнике в 1920 г.: «Революция на Украине проводится военными силами. Пролетариата почти нет. Тот, что был, расплылся по селам, бросился в спекуляцию, ушел на фронт». В Усть-Сысольске главной силой переворота стал отряд С.Н.Ларионова.

В это время в Усть-Сысольске стремительно развивался острый конфликт, связанный с именем торговцев Кузьбожевых в местечке Човью. Кузьбожевы являлись наиболее крупными землевладельцами Усть-Сысольска. Согласно законам, принятым Советской властью, все частновладельческие земли национализировались. Однако владельцы имели право пользоваться находившейся у них землей при условии, что они сами, своим трудом будут ее обрабатывать. 27 мая 1918 г. Кузьбожевы обратились в городской земельный отдел с просьбой разрешить им самим обрабатывать их девять десятин земли, но получили отказ. Тогда Кузьбожевы адресовали ту же просьбу в уездный Совет. 30 мая уездный земотдел и исполком решили предоставить Кузьбожевым право обработки земли, но только в текущем году и "с отнесением могущего быть урожая в общегосударственный продовольственный фонд". Вопрос с передачей земли в постоянное трудовое пользование Кузьбожевых должен был решиться позднее, с учетом законов и норм, выработанных центральными и местными

земельными органами. Пока же, констатировал исполком, все земледельцы Усть-Сысольска продолжают обрабатывать свои наделы "по прежним основаниям впредь до равного уравниения земли между трудящимися". Трудно со всей уверенностью говорить, в силах ли были Кузьбожевы обрабатывать эту землю своими силами. Но несомненно одно: исполком, действуя в рамках закона, не учел субъективного фактора - настроений безземельной и малоземельной бедноты города, рассчитывавшей получить наделы в Човью и крайне отрицательно относившейся к попыткам Кузьбожевых сохранить землю в своем пользовании, пусть даже и в трудовом.

В принципе горожане могли обжаловать решение уездных властей, обратившись в губернский земотдел (так же, как Кузьбожевы обжаловали решение городских органов в уездных). Но события (вероятно, под влиянием декрета о комбедах) стали развиваться иначе. Произошел взрыв недовольства, непосредственным поводом к которому стал следующий инцидент. Еще весной горземотдел решил поселить на части Кузьбожевских земель безземельного устьсысольца М.Цивилева. После разрешения уездных властей на обработку земли Кузьбожевы собрались выселить Цивилева. Тот пожаловался соседям по слободке Нижний конец, и группа разъяренных горожан решила провести передел земли явочным порядком.

13 июня 1918 года около 20 вооруженных жителей Нижнего конца явились в Човью, избивли двух членов семьи Кузьбожевых и потребовали, чтобы Кузьбожевы покинули Човью, угрожая в противном случае на следующий день сжечь их вместе с домом. А.М.Мартюшев, получив известие об этом во время совместного заседания исполкома и съезда лесничих, посоветовавшись со своим заместителем А.Ф.Богдановым, направил туда члена исполкома А.А.Чеусова. По сообщению газеты "Зырянская жизнь", "товарищ Чеусов, явившись с отрядом в Човью, застал полную картину разрушения... По предварительному дознанию пять человек, участвовавших в погроме и избивении, были арестованы и приведены в городскую милицию". В Човью для охраны Кузьбожевых от ожидавшегося посягательства на их жизнь был оставлен милиционер Потапов.

Известие об аресте взбудоражило население Нижнего конца. Собравшаяся толпа в две-три сотни человек по инициативе председателя горземотдела Х.Ф.Кудинова явилась в город к зданию, где размещалась милиция. В этом стихийном участии приняли участие и руководители городского Совета, придерживавшиеся пробольшевистских взглядов. Немногочисленных милиционеров разоружили, арестованных освободили, пытались найти также жившего в том же доме А.М.Мартюшева, чтобы убить его "за приказание арестовать погромщиков" (к счастью, Мартюшева не было дома). Член исполкома В.Н.Конанов, прибывший к месту происшествия и пытавшийся образумить собравшихся, едва не был поднят на штыки. Вмешался командир отряда красноармейцев С.Н.Ларионов, прибывший в город в разгар описываемых событий.

Он заявил, что не допустит самосуда. Часть отобранного у милиции оружия была передана красноармейцам. После этого в центре города наступило относительное затишье. Но поздно вечером Х.Ф.Кудинов и еще четыре-пять вооруженных людей явились в Човью и попытались ворваться в дом Кузьбожевых. Находившийся там милиционер потребовал сообщить, кто они и зачем пришли. Не получив ответа и зная об угрозах по адресу Кузьбожевых, он применил оружие и застрелил одного из нападавших (им оказался Кудинов). Остальные ретировались. Опасаясь повторного нападения, Кузьбожевы отправились в с.Слободу.

В 5 часов утра 14 июня экстренно собравшийся уездный исполком постановил "ввиду происходящих вооруженных выступлений анархической толпы, самосуда, произведенного над гражданами Горовым и Кузьбожевым, и обезоружения милиции объявить город Усть-Сысольск на военном положении" и обратился за помощью к Ларионову и его красноармейцам как к наиболее организованной силе. Свою позицию А.М.Мартюшев и его коллеги сформулировали чуть позднее так: "Исполнительный комитет как местный орган власти, стоя на страже истинного социализма, равенства, братства и неприкосновенности

личности, не может... стать на такую позицию, чтобы вопреки ясных законов Советского правительства некоторые граждане, хотя бы и бывшие буржуи, были вне всякого закона о гарантии жизни и чтобы можно было их свободно бить и убивать кому вздумается".

Поначалу Ларионов как военный комендант города взялся за наведение порядка. 15 июня утром были арестованы несколько человек как организаторы и активные участники анархических выступлений (в их числе оказался член горсовета В.Осипов). Но к вечеру положение резко изменилось. Упомянувшийся выше русский большевик матрос И.П.Андрианов, прибывший в город в конце мая и успевший войти в тесный контакт с руководителями горсовета, встретился с Ларионовым.

Подробности разговора Андрианова и Ларионова неизвестны, но ясно, что именно после этого Ларионов прекратил поддерживать уездный исполком и стал на сторону анархистствующих элементов и поддерживавшего их городского Совета. Вероятно, на упомянутой встрече решено было использовать стихийно возникшую ситуацию для осуществления переворота с целью усиления влияния большевиков в уездных органах власти. Опорой переворота стал отряд Ларионова.

С.Н.Ларионов, не сообщивший уездному исполкому о крутой перемене своей позиции, вечером 15 июня организовал в здании женской гимназии собрание с участием членов горсовета, своих красноармейцев, представителей городской бедноты с окраин, солдат местного гарнизона и крестьян Вильгортской волости, а также нескольких членов уездного исполкома и сотрудников некоторых его отделов. Вначале он сделал доклад "о текущем политическом моменте". Принятая по докладу резолюция (заботливо подготовленная заранее) призывала объединить "все революционные силы" и особенно "беднейших крестьян" для поддержки политики Совнаркома и ВЦИК (и в первую очередь декрета о комбедах) и объявляла "беспощадный террор всем врагам трудового народа и завоеваний Октябрьской революции".

Затем Ларионов взялся за воплощение этой резолюции в жизнь. Он, по сообщению "Зырянской жизни", "всё собрание вел с заранее определенным направлением" - добиться осуждения деятельности уездного исполкома и реорганизовать его. Частично это ему удалось. А.М.Мартюшев и члены исполкома В.Н.Конанов, А.А.Чеусов и И.Евтушенко были отстранены от должностей, вместо них ввели коммунистов и их сторонников (Д.И.Розанова, И.П.Андрианова, М.М.Фролова и В.И.Сорвачева). Андрианов стал начальником милиции вместо Евтушенко.

Примечательно, однако, что несмотря на подбор участников собрания, Ларионову и Андрианову не удалось добиться безоговорочной поддержки. Они не смогли, в частности, удалить из исполкома одного из активных его деятелей А.Ф.Богданова: большинство собравшихся, к неудовольствию организаторов собрания, решило оставить его членом исполкома и даже "временным заместителем председателя". А представители вильгортских крестьян заявили, что вообще отказываются от голосования, поскольку "один город не имеет право производить реорганизацию исполкома, а это... может решить [только] весь уезд". Возможно, поэтому организаторы переворота не довели его до конца и не заменили полностью весь состав уездного руководства своими ставленниками. Это могло вызвать недовольство значительной части населения, а отряд Ларионова не смог бы дольше задерживаться в Усть-Сысольске, чтобы охранять полностью прокоммунистическое руководство от направленных против него выступлений - нужно было уходить на Печору, где тоже остро требовались "организаторы". Но часть дела была сделана.

Для того, чтобы завершить переворот и окончательно уездных руководителей, свергнуть избранных на съезде Советов, решено было срочно создать большевистскую ячейку. 16 июня 1918 г. в Усть-Сысольске по инициативе Ларионова, его помощника Дубровина и Андрианова состоялось организационное собрание местных прокоммунистических сил из числа работников горсовета и членов "Союза бывших военнослужащих". Ларионов поведал слушателям о том, что такое партия большевиков и откуда она взялась, а затем предложил образовать большевистскую ячейку, что и было

исполнено. В организационный комитет партии вошли 16 человек (в том числе и Д.И.Розанов). Председателем оргкомитета стал И.П.Андрианов, его заместителями - В.И.Чуистов и А.О.Канов, казначеем - В.П.Осипов, секретарем - М.А.Молодцова. Организаторы сразу же поставили перед ячейкой задачу овладения властью. С.Н.Ларионов высказался на сей счет достаточно ясно: "Политическая борьба есть единственный путь к достижению экономических требований"; "необходимо, чтобы у власти были свои люди", а для этого "нужна организованность". Создание тогда еще немногочисленной, но облеченной доверием и поддерживавшейся губернскими властями коммунистической организации стало одним из важнейших шагов к ликвидации демократических органов власти, установлению коммунистической диктатуры в Коми крае и фактическому лишению местного населения каких-либо прав.

17 июня уездный исполком с участием "старых" и "новых" членов обсуждал вопрос о произошедших событиях. Большинство осудило переворот и анархические события населения. Розанов же от имени коммунистов предложил считать, что июньские события вызваны "недоразумением". В конечном итоге решили временно согласиться с произошедшими в составе уездисполкома изменениями, дабы не обострят обстановку, и созвать для окончательного демократического решения вопроса о власти уездный съезд Советов.

А.М.Мартюшев на прощание заявил: "Отстаивать свое право и продолжать службу под дулом направленного на меня револьвера я, конечно, не могу. Я слагаю с себя нравственную ответственность за всякие нежелательные для населения уезда явления, могущие произойти... Я ушел под давлением силы и насилия... В своей деятельности я руководствовался, когда уезд поставил меня во главе исполкома, постановлениями съезда и писаными нормами прав человека и гражданина. Теперь, когда говорят, что никаких норм, никаких законов не нужно, и что всякая кучка никем не уполномоченных людей может явочным порядком в любое время удалить со службы представителей своего уезда - я уже вижу, что в стране наступает анархия со всеми разрушительными последствиями". Эти слова оказались пророческими...

17 июня Розанов и Андрианов (в руках которого осталась милиция) объявили, что на съезд "должны быть присланы истинные защитники Советской власти, а если будут присланы другие, то им место в тюрьме".

Пример большевиков, создавших свою ячейку, оказался заразительным и для левых эсеров. 1 июля 1918 г. "Зырянская жизнь" известила об организации в Усть-Сысольске "партии левых социалистов-революционеров", в комитет которой вошли Н. Суворов, Чеусов и др. Левые эсеры объявили, что "великие завоевания социализма в смертельной опасности" и объявили запись в свою "боевую дружину": "В партию и к оружию!.. Да здравствует Всемирное восстание трудящихся против всех угнетателей, грабителей и империализма!"

4-10 июля 1918 г. в Усть-Сысольске проходил Второй уездный съезд Советов, на который было избрано 99 делегатов. Председателем съезда абсолютным большинством голосов выбрали А.Ф.Богданова; выдвинутый коммунистами Д.И.Розанов собрал лишь шесть голосов — и это при том, что 31 делегат относил себя к большевикам и сочувствующим!

После того как съезд Советов осудил предпринятое Ларионовым смещение Мартюшева (большевики и левые эсеры опять предложили считать все это "недоразумением" и решительно отреклись от какого-либо руководства выступлениями "народных масс", говоря, что присоединились к бунтовавшему народу одними из последних), отверг декрет о комбедах и избрал исполком, где коммунисты не получили большинства, последние решили выполнить свою угрозу, высказанную еще в июне.

Еще 31 июня губернское руководство разослало на места свое указание о необходимости «разгонять вооруженной силой» неудобные большевикам Советы. Телеграммой Вологодского губисполкома 7 июля 1918 г. «белогвардейцы, правые эсеры и меньшевики, все буржуазные элементы» объявлялись «врагами трудового народа». 21 июля

1918 г. руководимые Андриановым устьсысольские большевики решили, что "современный состав исполкома должен быть безотлагательно реорганизован" с преданием отстраняемых от руководства "суду революционного трибунала". В тот же день, сообщила позднее (25 июля) "Зырянская жизнь", "было экстренное заседание Чрезвычайной комиссии по реорганизации исполкома", постановившее "удалить... с преданием революционному суду" председателя и трех членов исполкома, "а на место отстраненных ввести" большевиков, что и было исполнено на следующий день, 22 июля. Были арестованы члены исполкома Конанов, Королев и Рочев. С председателем Богдановым обошлись милостиво: его отстранили от должности и взяли подписку не агитировать "против существующей ныне Советской власти" (пригрозив в противном случае отправить за решетку). Председателем уездисполкома стал большевик А.А.Кузнецов, его заместителем — В.И.Сорвачев, политическим секретарем — М.А.Молодцова.

Еще день спустя, 23 июля, в уезде была образована Усть-Сысольская уездная ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В ее состав вошли член исполкома В.П.Чуистов, начальник уездной милиции И.П.Андрианов, член Следственной комиссии при комиссариате юстиции В.М.Панюков и от РКП(б) Д.И.Розанов. Вскоре ЧК арестовала нескольких либеральных политических и общественных деятелей, в числе которых был бывший депутат Государственной думы С.Н.Клочков, бывший уездный комиссар Н.И.Митюшев, председатель съезда мировых судей уезда Л.А.Ленин и другие, отправленные в Котлас и расстрелянные. (Любопытно, что, как пишет исследователь М.Д.Игнатов, по некоторым данным после смерти дяди Л.А.Ленина — Николая Егоровича Ленина в 1902 г. лидер российских большевиков В.И.Ульянов воспользовался его паспортом для конспирации и взял его фамилию «Ленин» себе в качестве псевдонима. Для Л.А.Ленина приход к власти человека, которому они «одолжили» свою фамилию, оказался роковым...). 20 августа 1918 г. на квартире О.Л.Керенской в Кочпоне устьсысольскими чекистами был устроен обыск в поисках «подозрительного». В конце августа 1918 г. Керенская и ее семья под конвоем чекистов В.А.Савина и С.М.Колегова были этапированы в Котлас. (Позднее Керенские эмигрировали в Англию)

В Яренске распоряжение о разгоне некоммунистических Советов до сентября 1918 г. выполнять было некому. Лишь 1 сентября 1918 г. в Яренске по инициативе С.А.Жавнера (представителя командующего Котласским районом военных действий, приехавшего в город для организации уездной ЧК с группой политработников и агитаторов 6-й армии красных в конце августа 1918 г.) «было созвано собрание членов революц[ионной] коммунистической партии и сочувствующих коммунистам». Среди организаторов коммунистической ячейки были также прибывшая из Котласа Е.П.Тарасова и находившийся в Яренске «бывший анархист» А.И.Хуппонен-Мурзин. На собрании была создана «яренская группа коммунистов в девять членов партии и 24 сочувствующих». Ее лидерами стали братья Покровские. Новая организация сразу же нацелилась на захват власти. «Мы, организовавшись, сразу же поставили очередной задачей нашей партии борьбу с уездным исполнительным комитетом», — говорил П.И.Покровский на II Северо-Двинском губернском съезде РКП(б). Возможность компромисса, коалиции, налаживания диалога с демократическими, небошевистскими слоями населения решительно отвергалась: «Рано ли, поздно ли жизнь должна была сделать нас или коммунистами, или решительными противокмунистами... Кретины и провокаторы говорят о возможности соглашения, компромисса. Нет! Средних позиций не найти...» — заявил в местной газете в связи с созданием коммунистической организации С.И.Покровский

4 сентября 1918 г. губернский съезд РКП(б) постановил «принять все меры по реорганизации Советов, не допуская туда левых социал-демократов и других элементов». 5 сентября 1918 г. Совнарком РСФСР под руководством Я.М.Свердлова принял в связи с произошедшими 30 августа покушениями на В.И.Ленина и М.С.Урицкого постановление «О красном терроре». В постановлении, в частности, говорилось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Это постановление целиком соответствовало указаниям председателя Совнаркома В.И.Ленина,

который еще в августе требовал «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных (!) запереть в концентрационный лагерь», «расстреливать заговорщиков и колеблющихся (!), никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». В день принятия постановления «О красном терроре» яренские большевики приняли в свои ряды еще 20 человек. На следующий день, 6 сентября 1918 г., объявила о начале своей работы яренская ЧК, организованная приехавшими из Котласа и Устюга работниками. Возглавил ее А.И.Хуппонен-Мурзин, его заместителем стал политработник 6-й армии Верновский.

9 сентября состоялось объединенное заседание уездного исполкома и комитета яренской организации коммунистов. Под давлением большевиков и особенно С.А.Жавнера, опиравшегося на авторитет штыков 6-й Красной армии, было принято решение о созыве 1 октября 1918 г. Чрезвычайного уездного съезда Советов, на котором коммунисты планировали провести своих кандидатов в уездные органы власти. П.И.Покровский как председатель яренской организации РКП(б) получил право участвовать в заседаниях исполкома. Но съезда большевики ждать не стали.

11 сентября из Устюга пришла телеграмма с требованием «немедленно приступить к организации» комбедов; «ответственность за неисполнение предписания, — подчеркивалось в телеграмме, — всецело ляжет на председателей Советов депутатов». Однако уездные руководители по-прежнему не спешили с организацией комитетов бедноты. 12 сентября 1918 г. в Яренске получили телеграмму за подписью наркома внутренних дел Г.И.Петровского. В ней, в частности, говорилось: «...Чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны местных Советов показывает, что несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет. С таким положением должно быть немедленно покончено. Все известные местным правые эсеры должны быть взяты немедленно под арест. Из буржуазии, офицерства должны быть взяты значительное количество заложников. При дальнейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейских рядах должен применяться безоговорочно массовый расстрел... Все означенные меры должны быть проведены немедленно. О всяких нерешительных... действиях... местных Советов... немедленно донести Народному комиссариату внутренних дел. Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора». После получения этой телеграммы подготовка переворота перешла в завершающую стадию. Окончательно все было решено на совместном заседании политработников 6-й армии, чекистов и местных коммунистов 13 сентября.

14 сентября яренская ЧК при содействии братьев Покровских и других коммунистов арестовала председателя и нескольких членов исполкома. А.И.Мурзин от имени ЧК составил воззвание к населению Яренска. Как писала местная газета, «Чрезвычайная комиссия предложила выделить» коммунистам «из своей среды заместителей на места арестованных». П.И.Покровский позднее, на Северо-Двинской губпартконференции в январе 1919 г., сообщил: «Раньше, чем уездный исполнительный комитет был смещен съездом, он был арестован Чрезвычайной комиссией, и тогда весь комитет партии коммунистов прошел в исполнительный комитет». «Все правильно оценивали эти события как переворот», — констатировали яренские «Известия...» П.И.Покровский стал председателем исполкома.

Поначалу предельно простые, доступные пониманию жителей обещания большевиков быстро накормить людей с помощью ужесточения политики реквизиций «излишков» продовольствия и имущества в сочетании с наглядно продемонстрированной ими решительностью действий, пренебрежением к законности и - что особо важно - с поддержкой их акций центром (за ними стояли компартия и Красная Армия) привлекли на их сторону немалую часть населения Коми края. Конечно, основная масса жителей не была настроена пробольшевицки, но она оказалась равнодушна и к демократическим деятелям, не оправдавшим их надежд на улучшение жизни. Это-то равнодушие к судьбе избранных органов власти сыграло громадную роль в успехе организованных красноармейцами,

чекистами и коммунистами переворотов в Усть-Сысольске и Яренске и в том, что население не выступило против организаторов переворотов, приняло власть новых большевистских Советов.

На Печоре ситуация сложилась иначе. Правда, С.Н.Ларионов со своими красноармейцами в июне-июле 1918 г. побывал во многих селениях уезда, «делал обновления в составе Советов и давал указания им в работе» (можно догадываться, какие именно). В Мохче он пытался расследовать убийство Н.И.Зыкова, расстреляв двоих зажиточных крестьян из числа недовольных деятельностью пробольшевистского волостного Совета. В уездном центре Усть-Цильме Ларионов организовал новый волостной Совет и коммунистическую ячейку, но устроить переворот и заменить руководство уездного Совета не успел - поступили сведения об ухудшении положения в Архангельске, и Ларионов увел свой отряд туда. Оставленная без военной поддержки большевистская ячейка не смогла захватить власть, а в августе 1918 г. Печорский уездный Совет поддержал белых. В то же время во многих волостях, особенно на Ижме, имелись вооруженные отряды, находившиеся на стороне коммунистов. Ни те, ни другие не пользовались достаточной поддержкой населения уезда для того, чтобы справиться с противником и рассчитывали на то, что им будет оказана помощь извне.

В Усть-Сысольском и Яренском уездах процесс, начавшийся с захвата большевиками власти в уездных Советах, развивался дальше. Все Советы должны были находиться под полным контролем коммунистов. Еще 21 июля 1918 г. усть-сысольские большевики приняли решение: «На будущее время при подборе служащих руководствоваться рекомендацией таковых со стороны Усть-Сысольского Комитета РКП(б)». 15 сентября 1918 г. из усть-сысольского горсовета вывели всех беспартийных, и там остались только большевики.

На V Яренском уездном съезде Советов в октябре 1918 г. большевики объявили, что «все поступающие в Совет должны иметь рекомендации или от организации коммунистов или от деревенских комитетов бедноты». В резолюции I съезда РКП(б) Усть-Сысольского уезда (декабрь 1918 г.) говорилось: «Все ответственные служащие в советских учреждениях должны быть партийными, и вся работа должна вестись под контролем партии коммунистов».

После прихода большевиков к власти в уездах были приняты решения о создании комбедов. Последние стали заниматься решением самых разных вопросов деревенской жизни. Вскоре они и коммунистические ячейки фактически подменили собой Советы, лишив последних всякой власти. Об этом прямо сказал на Северо-Двинской губпартконференции делегат от усть-сысольской уездной организации большевиков Д.Н.Улитин: «Волостные ячейки сразу после своей организации взяли в свои руки все управление волостью». П.И.Покровский говорил: «Наши агитаторы...поставили почти повсюду бедноту у власти, и только беднота послала своих представителей» на Чрезвычайный съезд Советов Яренского уезда в октябре 1918 г. (Неудивительно, что съезд «одобрил тактику коммунистов и вынес полное порицание политике старого коалиционного исполкома» и высказался за «организованный красный террор в ответ на жалкий белый террор трусливого врага»).

Логическим завершением указанного процесса могло стать полное упразднение Советов депутатов как демократически избираемых органов власти всего населения - т.е., по сути, ликвидация Советской власти на местах в том виде, в каком она создавалась и в каком была с энтузиазмом воспринята немалой частью населения. Это намерение стало осуществляться по решению VI Всероссийского съезда Советов, принявшего под диктовку большевиков решение о создании вместо Советов депутатов иных органов - Советов бедноты. В декабре 1918 г. это решение стало проводиться в жизнь в Коми крае. Местная печать признавала, что в крае «постоянно возникали трения между Советами и комбедами»; теперь же власть вполне официально передавалась Советам бедноты, выборы которых проводились под контролем коммунистов и комбедовцев.

Яренские «Известия...» писали: «Советы бедноты явятся тем постоянным и подлинным выразителем бедной...деревни, который будет главной опорой при проведении в

жизнь декретов из центра, коренным образом переустройствающим крестьянское хозяйство... Тов.коммунистам деревни предстоит большая работа: провести своих верных и твердых людей в совбеды». Среднякам (при том, что по свидетельству той же газеты, «наш крестьянин середняк где-нибудь в центральных или иных губерниях считался бы настоящим бедняком») обещалось некое немногочисленное «представительство» в совбедах, но при условии, что эти представители будут идти «за беднотой». О представительстве зажиточных крестьян, естественно, и речи не было. Созданием совбедов закончилась борьба, которую большевики вели против власти Советов в Коми крае с лета 1918 г.

Очерк VII. В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Издержки бесконтрольной власти и падение авторитета коммунистов

Осенью 1918 г. власть коммунистов и комбедовцев в Усть-Сысольском и Яренском уездах стала фактически бесконтрольной (по крайней мере, со стороны большей части беспартийного местного населения), а любая бесконтрольная власть развращает обладающих ею людей. Тем более это сказывается тогда, когда они не обладают достаточными политическими и иными знаниями, что было характерно, к сожалению, для коми коммунистов, причем не только в 1918 г., но и в последующие годы. «Большинство волостных ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительную, ни агитационную работу», - говорилось в сводке по партработе яренского укома РКП(б) за июль 1919 г. В марте 1923 г. секретарь Коми обкома А.М.Чирков сообщал на IV облпартконференции: «Марксистов у нас ... во всей областной организации не более пяти...»; усть-сысольская организация «из 200 человек может выделить не более 30 членов в марксистский кружок пониженного типа, остальных нужно посадить за политграмоту. Это передовая организация...» Март 1924 г., V облпартконференция: в докладе о работе агитпропа обкома РКП(б) констатируется, что «до 80 процентов членов всей областной организации политически неграмотно». Коми край не был исключением - по данным общепартийной переписи, в 1922 г. 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными.

Делегат IV облпартконференции С.С.Трофимов сказал: «В деревнях при изучении программы и устава партии случаются казусы. Некоторые параграфы программы являются такой новостью, что можно думать, что члены РКП(б) попали в партию по недоразумению». О недоразумении, впрочем, говорить не приходится. Оценив сложившуюся осенью 1918 г. обстановку, коми крестьяне поняли, что в условиях беспомощности Советов и всевластия коммунистических ячеек единственный способ влиять на решения местных властей, иметь какие-то привилегии - это вступление в РКП(б). К этому их порой просто вынуждали обстоятельства.

Леушин, организатор ячейки РКП(б) в поселке Кажим, рассказал на I Северо-Двинской губернской партконференции, что поначалу в ячейке состояло 6 человек. Но после того, как поступили сведения, что голодающее население получит хлеб, если в поселке будет крупная парторганизация, сразу же «навербовалась партия в 120 человек, куда вошли спекулянты, купцы и т.п. Я не в силах был с этим бороться», - говорил Леушин. Участник революционной борьбы в Керчомье Е.А.Напалков вспоминал, что в одном только этом селе в сентябре-ноябре 1918 г. «членов партии доходило до 150 человек и сочувствующих около 300 человек. Благодаря такому сильному росту в партию попадал совершенно чуждый элемент, и организация потеряла свой большевистский облик. Во время «красного террора» в партию вошли даже противники Советской власти».

Неудивительно, что уже 3 ноября 1918 г. Яренский уком РКП(б) постановил «произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов». Чистки, впрочем, мало помогали. Численность коммунистов в Коми крае, особенно в Усть-Сысольском уезде, достигла феноменальных по тем временам размеров. Д.Н.Улитин на I губпартконференции в январе 1919 г. отметил: «Усть-Сысольский уезд стоит на первом месте с губернии по численности действительных членов. Их более двух тысяч человек и также более двух тысяч сочувствующих. В этом отношении его можно сравнить со всеми остальными вместе взятыми уездами нашей губернии». В отчете Яренского укома РКП(б) за май 1919 г. говорилось: «В Яренском уезде ячейки выросли быстро. В каждой волости было по ячейке, а в некоторых даже по две и по три. Но когда стали объявлять мобилизации, то ячейки стали распадаться одна за другой... потому, что

были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма».

От местных большевистских лидеров ждали - как до этого от всех предшествовавших руководителей уездов - улучшения жизни. Но обещанное улучшение не наступило. 30 октября усть-сысольский уездный продовольственный комиссар Е.М.Мишарин докладывал: «Население Усть-Сысольского уезда голодает. Положение с продовольствием... приняло угрожающие размеры...». Отрицательно сказывались на состоянии населения и негативные последствия всевластия большевистских ячеек и комбедов, в деятельности которых наблюдалось немало «перегибов» и прямого злоупотребления властью. Вот что услышали делегаты I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) в декабре 1918 г. от представителя парторганизации села Большелуг: «Первоначально ячейка действовала удовлетворительно, но впоследствии некоторые члены, во главе с председателем Поповым стали преследовать личные цели и проявлять систематическую форму обирательства граждан, забирая у них, питающихся соломой и разными суррогатами, последние предметы первой необходимости». Делегат от ячейки села Аныб рассказал съезду эпизод из деятельности своей парторганизации: «По слухам, один солдат Аныбской волости Лобанов привез с военной службы 18000 рублей. Ячейка потребовала эти деньги целиком, но Лобанов не хотел дать их добровольно, за что он в виде острастки был опущен в прорубь на непродолжительное время, но не по горло, а только помочил ноги».

Коммунисты села Керчомья во главе с руководителем местной ячейки Д.М.Ваддоровым решили в 1918 г. заняться организацией церковной жизни: устроили выборы священника, которым стал член партии, участвовали в церковных песнопениях. Ваддоров, являвшийся одновременно председателем волостной ЧК и зав. отделом внутреннего управления волости, по случаю первой годовщины Октября издал специальный приказ о порядке празднования с включением церковного богослужения, «целодневного звона», церковной панихиды на могилах коммунистов и т.п. Об этом с иронией сообщили яренские «Известия...» и даже губернская газета «Борьба бедноты».

В Ыбе в начале 1919 г. совбед разделил местное крестьянство на 3 категории; у первой (зажиточные) изъяли по 3-4 коровы, причем часть изъятого скота была заколота для совбедовцев. Мяса оказалось так много, что последние не смогли его использовать; испортившееся мясо было выброшено в реку. Керчемский комбед в 1918 г. занимался реквизициями даже у бедняков, причем реквизируемое в значительной части шло самим же комбедовцам. В число дружинников были набраны уголовники. В Мадже и Додзи комбедовцы угрожали торговцам расстрелом, заставляли их копать для самих себя могилы, добываясь таким образом выплаты различных контрибуций.

Далеко не всегда большевики были примером в том, что касалось выполнения решений своего же руководства. Так, побывавшие в Часово петроградские большевики-агитаторы докладывали, что волостной военный комиссар член партии Логинов «спрятал хлеб от учета. Но крестьяне нашли, и пришлось его (Логинова) арестовать. Это страшно отразилось на крестьянах, которые волновались на собраниях, указывая, что вот вам и коммунист, а хлеб прячет... Были страшно возмущены... Пришлось действовать на них угрозой...».

Отнюдь не способствовал налаживанию дел и невысокий культурный уровень большей части местных политических «вождей», особенно на волостном уровне. Что говорить о 1918 годе, если даже в активе членов президиума (бюро) коми обкома РКП(б) первого состава (1921 г.) были лишь церковно-приходская школа да - в лучшем случае - двухклассное уездное училище.

Трудности с продовольствием, продолжавшиеся реквизиции, сопровождавшиеся всякого рода «перегибами» и «искривлениями» и т.п. вызвали конфликты в деревне, об опасности которых предупреждали свергнутые большевиками лидеры демократических Советов. Росло недовольство и сопротивление властям, но одновременно и власть, почувствовав это, усиливала нажим на деревню, стремясь силой провести в жизнь «

генеральную линию». Это не могло не привести к террору с обеих сторон - к террору власти и террору против власти.

Сообщения газет, донесения местного руководства осенью 1918 г. уже через месяц полтора после «большевизации» местных органов власти, напоминают сводки с места военных действий. «6 сентября в деревне Граддоре Шошкинской волости неизвестными лицами убит крестьянин Арсений Васильевич Сивков. Следственной комиссией по этому делу арестованы 5 человек («Зырянская жизнь», № 25). «В ночь на 9 сентября в с. Керчомья неизвестными лицами убит секретарь волисполкома Александр Павлович Гичев» («Зырянская жизнь», № 27). 18 сентября «Керчемский комитет партии коммунистов-большевиков доносит, ...что следствие об убийстве... А.П.Гичева продолжается. В первое время было арестовано более 20 человек, 3 человека как главные виновники убийства расстреляны на месте, а двое убежали. Реквизиции и конфискации имущества и лишних вещей продолжаются. Установлен полный порядок».

Жители Гарьи в начале сентября решили распустить свой контролировавшийся комбедовцами волостной Совет, утративший всякое их доверие, избрать туда новых людей. В ответ на это «был командирован туда отряд в количестве 40 человек с пулеметами, который восстановил старый состав исполкома»; активистов выступления арестовали («Зырянская жизнь», № 27). 22 октября в Керчомье во время завязавшейся при реквизиции скота перестрелки крестьянином Самариным был убит дружинник-коммунист Жикин (последний, по некоторым данным, был нетрезв). Керчемская ЧК сообщила: «Вся родня Самарина арестована в числе 21 человека обоего пола. Следствие продолжается и аресты...». Самарин с сыном скрылись в лесу, за ними были отправлены «200 человек, вооруженных чем попало... На рассвете нами отправлен добавочный отряд в 600 человек...» «Самариных настигли в лесу... и на месте расстреляли». В качестве доказательства смерти у одного из убитых отрубили кисть руки и доставили в следственную комиссию.

«29 октября 1918 года в селе Лозыме группа из 5-ти хулиганов ворвалась в дом секретаря исполкома Н.Макарова, намереваясь его убить... Покушавшиеся арестованы» («Зырянская жизнь», № 37). 9 ноября помоздинский волвоенком сообщал в Усть-Сысольск: «В Скородумской волости раскрыт контрреволюционный заговор, направленный открыто на свержение Советской власти. Главари в числе 7 человек арестованы. Ввиду распутицы, препятствующей препровождению в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?» Уездный военком Маегов, сообщая о событиях в Скородуме губернскому военному, доложил, что «9 ноября в Скородумской волости было объявлено осадное положение. Арестовано 23 кулака...».

В ноябре в селе Кибра (Куратово) был распущен волостной Совет. «Тотчас же было отдано распоряжение отряду красноармейцев, находящемуся недалеко от Кибры, восстановить порядок, что и сделано. Главари арестованы. Поводом к беспорядкам послужило наложение контрибуций на кулаков, реквизиция лошадей», - доложил уездный военком командующему Котласским военным районом А.И.Геккеру. 20 декабря уездный военком телеграфировал губернским властям: «В с.Мыелдино собрание кулаков... на сходе постановило удалить весь состав исполкома. Принимаются меры комиссией Чрезвычайкома...». 25 декабря позтыкеросский волвоенком сообщал уездному начальству: «Настроение масс... по волости явно контрреволюционное...»; 22 декабря в селе Позтыкерос «собравшаяся толпа подступила к находящимся в канцелярии волисполкома членам... ячейки коммунистов-большевиков и с криками и угрозами стала вытаскивать всех за волосы и топтать... Потом... приступлено было к перевыборам всего состава волостного Совета», а прежние начальники обратились за помощью к уездным властям.

О наиболее ярких эпизодах провинциальной политической жизни сообщала и центральная пресса. «Петроградская правда» 5 марта 1919 г. опубликовала статью И.А.Шергина «Коквицкие «коммунисты», ясно выразившую отношение демократической интеллигенции к событиям такого рода. Комбед д. Нижние Коквицы обложил в январе 1919 г. чрезвычайным налогом зажиточных крестьян Полугрудова, Паршукова и др. Те отказались

платить; вспыхнул конфликт с взаимными угрозами. На следующий день «в 5-ом часу... в деревню... наехали 139 «коммунистов», вооруженных винтовками... Все спали... «Коммунисты» ворвались в дом П.Д.Полугрудова», избili его прикладами. «В дом десятого были согнаны пять человек. Началось истязание. В 200 саженьях от деревни... есть озеро. Туда и погнали «коммунисты» после истязаний несчастных», которые и были там расстреляны. «...-Один не умер! - прорычал Окулов. - Давайте еще патроны! - Пока Окулов ходил за патронами, «коммунисты» добили Паршукова штыками...» После расстрела в доме одного из расстрелянных участники акции «потребовали хлеба, масла, молока, ...весело пировали. Окончив «поминки», коквицкие «коммунисты» принялись за обыски», забрали продукты, деньги, шерсть, кожу, гимнастерку, шинель...

И дело было не только в «примазавшихся к партии элементах», в случайных ошибках или в скверных личных качествах какого-то поддавшегося соблазну человека. (Все это неизбежно присутствует в любом движении, надо только честно смотреть на вещи, не приукрашивая ни истории, ни настоящего). Действия или слова идейных коммунистов, добровольно взваливших на себя нелегкую участь - железной рукой гнать коми крестьянство к счастью, ожесточенно борясь со всеми, кто «сознательно» или «по недомыслию» противился этому, порой тоже вызывают, мягко говоря, противоречивые чувства. Яренский большевик П.И.Покровский сказал на I Северо-Двинской губпартконференции по поводу событий в Коквицах: «Ведя борьбу, ячейки иногда, может быть, превышают свою власть». В Коквицах «местная ячейка коммунистов расстреляла пять кулаков. Это вопреки всем декретам и распоряжениям центральной власти, вопреки тому духу политики, который оттуда идет». И какой же вывод сделал П.И.Покровский из своих обличительных слов? - «Товарищи, если вы коммунисты, ... то я думаю, что у вас не найдется слова осуждения для коквицких коммунистов». 6 участников коквицких событий были ненадолго арестованы, затем освобождены и заняли подобающие своей революционной сознательности должности. Яренский уком РКП(б) лишь пожурил активистов коквицкой акции, отметив «революционную прямолинейность тактики Коквицкой организации». То, что события в Коквицах - не исключение, признавали и сами большевистские вожаки. В докладе Яренского укома РКП(б) 19 марта 1919 г. говорилось: «Коммунисты нередко зарывались, делали ошибки... У нас еще не кончен деревенский Октябрь. То, чем разрядилась раскаленная борьбой атмосфера деревни в Коквицах, могло случиться почти в любом другом месте уезда, в любой волости. Атмосфера везде напряженная...».

Численность коммунистов в Коми крае в 1919 г. стала стремительно уменьшаться, сократившись с 4423 до 288 человек. Этому способствовали не только начавшиеся мобилизации большевиков на фронт, но и разочарование основной массы населения в деятельности партячек. Притягательность голых лозунгов всегда недолговечна... А улучшить жизнь в крае новым властителям не удавалось. О ситуации красноречиво свидетельствует докладная, направленная в 1919 г. в губком РКП(б) из Усть-Сысольского уезда: «В упордкоме ничего не имеется... Население в полном отчаянии. Только стойкость и твердость характера зырянского народа до сего времени удерживали от голодных выступлений. Но за дальнейшее никто не ручается, тем более, когда этот недостаток продовольствия охватывает всю губернию... Предыдущие мобилизации выкачали всех активных работников из волостных организаций...»

Попытка упразднить Советы депутатов, заменив их Советами бедноты, введение в январе 1919 г. продрозверстки - все это не способствовало сохранению надежды жителей на благоприятные последствия нахождения большевиков у власти. В Серегово часть вступивших в РКП(б) решила в 1919 г. откеститься от коммунистов. Собравшись, они постановили распустить Сереговскую ячейку РКП(б) и создать другую партию: «Они (большевики - авт.) идут по программе коммунистов, а мы будем работать по платформе Советской власти». «Оппозиционеры» даже вывесили объявление: «Желающие, записывайтесь к нам работать». В новую партию перешел и секретарь Сереговской ячейки РКП(б). Необычный сереговский плюрализм скоро, впрочем, прекратили уездные власти:

организаторов «альтернативной партии» (пусть даже «на платформе Советской власти») арестовали, отправили в Усть-Вымь, через три дня выпустили, потом опять арестовали...

О том, что отношение населения к большевистским властям складывалось в конце 1918-1919 гг. не лучшим образом, честно сообщали и местные коммунистические лидеры. В.А.Савин, возглавлявший устьсыольский уком РКП(б), писал, что авторитет компартии в уезде «в корне» подорван, «а слово «коммунист» стало чуть ли не пугалом для детей». На I Северо-Двинской губпартконференции П.И.Покровский сообщил, что в Яренском уезде «средняки почти повсюду в оппозиции к коммунистическим ячейкам», а делегат Кузнецов сказал, что в Усть-Сыольском уезде «крестьянство недоверчиво относится к коммунистам».

«Деревня следила за каждым шагом коммунистов, распускала небылицы о них, словом, травила как инородное тело», - говорилось в докладе яренского укома партии от 19 марта 1919 г. «На деревенских коммунистов население смотрит враждебно» (из отчета укома РКП(б) за май 1919 г.). «Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам, и они остаются одиноки» (июль 1919 г.). В результате яренским большевикам оставалось только констатировать, что летом 1919 г. «при выборах волостных Советов бедноты проходят беспартийные, вновь выбранных в волостных Советах нет ни одного коммуниста».

Кризис, который переживали большевистские власти, выразился не только в охлаждении отношения рядовых граждан к лицам, власть придерживающим, но и в раздорах между самими коммунистическими вожаками. Яркий пример этого - события в Усть-Сыольске в ноябре 1918 г., когда перепившееся по случаю годовщины Октябрьского переворота (празднество длилось несколько дней, для этого в местной аптеке ведрами брали спирт) большевистское руководство принялось арестовывать друг друга (чудом обошлось без кровопролития). В.И.Сорвачев, один из первых коми коммунистов, так докладывал Северо-Двинскому губкому РКП(б) по этому поводу: «Все началось с того момента, когда лица, стоящие у власти, начали узурпировать власть... Лица, имеющие власть, разделились на две стороны, одна из них опиралась на партию, другая на Красную Армию. А также в этом деле большую роль играла Чрезвычайная комиссия, которая своим усердием создала из себя болезненное впечатление...» (Коми край, впрочем, не был исключением: на том же заседании губкома РКП(б) говорилось, что как в Усть-Сыольске, так и в Котласе и в самом губернском центре Устюге шли склоки «между партийными и другими организациями и учреждениями, старающимися везде играть первенствующую роль»). Решением губкома Усть-Сыольская городская парторганизация и партячейки, имевшиеся в городе, были целиком распущены.

С помощью силы большевистскому руководству при поддержке центра удавалось удержаться у власти. Но держались они теперь только на военной силе, так как население больше им не верило; волостные ячейки не в состоянии были руководить без опоры на штыки. От месяца к месяцу положение их становилось все отчаяннее. Коммунисты «в настоящее время совершенно загнаны в подполье середняками и кулаками, которые их ненавидят из-за прошлых реквизиций и конфискации», - честно признавалось в сводке по парработе яренского укома РКП(б) за июль 1919 г.

Гражданская война на Печоре осенью 1918 - весной 1919 гг.

Наиболее отдаленные районы Коми края - Печора и Удора - оказались первыми затронуты военными действиями. События на Печоре тесно связаны с именем «Печорского Чапаева» - бывшего австрийского офицера Морица Мандельбаума, вступившего в компартию и зачисленного в войска ВЧК. В начале сентября 1918 г. М.Мандельбаум с небольшим отрядом из латышей, венгров и немцев прибыл в Усть-Сыольск, где к нему присоединились добровольцы из местных жителей, а затем двинулся вверх по Вычегде в

Печорский край. По пути он производил реквизиции и конфискации денег и имущества в Ульяновском монастыре, Корткеросе, Небдино, Кужбе и др. селениях. По словам очевидцев, М.Мандельбаум при этом «терроризировал и среднее крестьянство. В Керчомье и др. местах... по приказу Мандельбаума расстреляно более 10 чел., между ними были и безвинные... Жестокость и неправильный подход к населению вооружили против него последнее». Один из членов отряда вспоминал, что Мандельбаум во время допросов «подозрительных лиц» «часто пускал в ход плетку». В Керчомье Мандельбаум арестовал 20 человек. Не добившись от них никаких «признаний», он выбрал троих, «поведение которых было наиболее подозрительным», и приказал расстрелять их публично. В Усть-Неме был арестован и затем расстрелян священник, якобы занимавшийся антисоветской пропагандой. Не жалел «интернационалист» и женщин: по его приказу в д.Озел «за сопротивление Советской власти и оскорбление Российской коммунистической партии» были застрелены старая владелица бывшего имения Човью Кузьбожева и две ее совсем еще юные родственницы (одной было 17 лет, другой чуть за 20).

Белые также послали на Печору небольшой отряд, прибывший в Усть-Цильму в начале сентября. В середине сентября 1918 г. группа набранных в Усть-Цильме добровольцев под командованием белых офицеров направилась вверх по Печоре. Близ Усть-Щугора произошли стычки белых с появившимися из Чердынского уезда красноармейцами. В это время на место событий прибыл отряд М.Мандельбаума. Белые отступили в Усть-Цильму; присланные из Архангельска офицеры решили вернуться назад, а добровольцы из местных жителей не стали оказывать сопротивления красным. 27 сентября М.Мандельбаум занял Усть-Цильму без боя. Красные убили несколько человек, угрожали стереть с лица земли все село, «ограбили почти все местное купечество», захватили деньги уездного казначейства, телефонные и телеграфные аппараты и другое имущество и 28 сентября покинули Усть-Цильму, даже не восстановив органы Советской власти! На обратном пути М.Мандельбаум арестовал руководителей чердынского красного отряда братьев Аппога вследствие возникших между ними разногласий из-за захваченных в Усть-Цильме денег, а их отряд разоружил.

В конце ноября 1918 г. красные захватили с.Ляпино (Саранпауль) за Уралом, где находились огромные запасы хлеба, и начали вывозить его на Печору. В это же время на нижней Печоре вновь появились белые, занявшие Усть-Цильму и Ижму. К концу декабря красным удалось отбить Ижму, но это был их последний успех. В январе 1919 г. белые выбили красных из Ляпино (большая часть хлеба так и осталась там). Предпринятое Мандельбаумом наступление на с.Диюр в низовьях Ижмы завершилось полным провалом. Командование красных, недовольное Мандельбаумом, назначило нового командующего Печорским отрядом (позднее преобразованным в Ижмо-Печорский полк) - Г.Комиссарова, но выправить положение на Печоре было уже невозможно. Главной причиной тому стало крайне отрицательное отношение печорского населения к Мандельбауму и его отряду. Зимой 1918-1919 гг. местные жители голодали, ели солому, смешанную с пихтовой корой. Они обращались к Мандельбауму с просьбой выделить голодающим часть огромных запасов ляпинского хлеба. Даже командующий армией А.А.Самойло приказывал Мандельбауму: «К населению отнеситесь ровно, твердо, не раздражая особенно без нужды, приходя к нему на помощь и содействуя в продовольствовании голодающих». Однако Мандельбаум жителям Печоры не дал ничего. Вывезенный из Ляпино хлеб он переправил из Щугора в Троицко-Печорск, откуда его должны были вывозить дальше за пределы Печорского края. Командарму Самойло Мандельбаум «объяснил»: «Население на севере большинство шкурники, сегодня красноармейцам, а завтра белогвардейцам», поэтому нет необходимости с ними церемониться.

По словам очевидцев, «отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору. Окружив какое-нибудь селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще «пригодятся» для красных». У

одного «крестьянина все близкие были убиты красным отрядом Мандельбаума, а сам он совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшным пыткам; грудь его была вся в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода». Мандельбаум постоянно проводил реквизиции и конфискации продовольствия и имущества жителей Печоры и Ижмы, причем его действия вызывали протест даже у некоторых его помощников и у руководителей местных органов Советской власти. Проведение реквизиций стало настолько привычным делом, что красноармейцы порой, вопреки всяким армейским правилам, самостоятельно принимали решения на сей счет, не дожидаясь приказов командира. Один из участников Печорской экспедиции Мандельбаума упомянул «процветавшие при нем (Мандельбауме - авт.) самовольные конфискации, которым подвергались не только кулацкие хозяйства, но часто и имущество кооперативов и комбедов». Направленный в Печорский отряд политкомиссар М.Т.Трубачев объяснил развитие «самовольных конфискаций красноармейцев, которые подрывали моральный и политический кредит отряда в его тылу», «отсутствием дисциплины в отряде». По его словам, «штабу... было достоверно известно, что армия Мандельбаума деморализована и распущена и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения, даже не относящегося к классу эксплуататоров». Комиссаров сообщил штабу армии: «Жители края находятся в ужасном положении. Во многом я вижу вину Мандельбаума, не умевшего поставить дело в крае и только пугавшего жителей битьем физиономии, не платившего...крестьянам за перевоз хлеба и грузов». «Этот Мандельбаум своими жестокими и преступными действиями восстановил против Советской власти печорское население, которое даже в 1923 г., в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем», - писал позднее один из руководителей ВЧК М.С.Кедров.

В начале февраля 1919 г. на Печоре начались восстания против красных. 4 февраля 1919 г. в Троицко-Печорске взбунтовались набранные из жителей печорских селений красноармейцы, не желавшие сражаться и умирать за большевиков. К ним присоединилось население села, возмущенное намерением увезти хлеб из Троицко-Печорска на Вычегду и далее на запад. Возглавил восстание волостной военрук Мельников. Настрадавшиеся от действий руководимых Мандельбаумом красных жители Печорского края сводили счеты со всеми, в ком видели своих притеснителей. Крови пролилось много - были убиты 129 человек (по другим данным, до 150), в основном руководители коммунистической ячейки, совбеда, оказавшиеся в Троицко-Печорске партработники из Чердынского уезда, приехавшие за ляпинским хлебом члены Чрезвычайной комиссии по снабжению, отказавшиеся сдать оружие и перейти на сторону мятежников красноармейцы и др. Вскоре произошли крестьянские восстания в Покче, Савиноборе, Подчерье, поддержанные подошедшими с верховьев Печоры отрядами Сибирской армии белых. В конце февраля красные отступили с Печоры на Ижму.

В конце марта Ижмо-Печорский полк стал отходить и с Ижмы. «Сколько-нибудь сносной организованности при эвакуации не было», - вспоминал один из участников событий. - Часть красноармейцев ухитрилась выехать на лошадях, выведенных из крестьянских дворов: при отступлении обходили по дворам и забирали имевшихся лошадей», не разбирая, кто хозяин - бедняк, середняк или зажиточный крестьянин. В Извайльской волости в верховьях Ижмы забрали вообще всех лошадей.

В апреле 1919 г. на верхней Вычегде отступавший Ижмо-Печорский полк встретили представители военного командования. М.Т.Трубачев вспоминал, что за бойцами Мандельбаума шло множество подвод, нагруженных малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеялами, швейными машинками, граммофонами, самоварами и другими вещами, отобранными у населения Ижмо-Печорского края. Полк был подвергнут обыску, все награбленное имущество у красноармейцев отобрали. 24 апреля 1919 г. Мандельбаум был арестован и за дискредитацию Советской власти «в Печорском крае путем насилий над мирным населением, кулачных расправ, незаконных арестов» и другие

проступки в том же году осужден на пять лет заключения, но амнистирован. В 1920 г. он воевал на Южном фронте, а затем как один из «самых преданных делу революции, самых грамотных в политическом отношении людей» был направлен в распоряжение Коминтерна...

Власть большевиков в Ижмо-Печорском крае пала. Только в самом глухом его углу в верховьях Вычегды, где располагалась Извайльская волость (несколько разбросанных по лесам деревень), местные коммунистические лидеры объявили о создании красного партизанского отряда и о готовности оборонять волость от белых. Из-за наступившего весной бездорожья Извайльская волость почти не имела связей с внешним миром, и белые, находившиеся на Ижме, лишь летом 1919 г. с удивлением узнали о существовании там Советской власти (об этом им сообщил один из членов компартии, недовольный действиями своих лидеров и пробравшийся из Извайльской волости к белогвардейцам). Небольшой отряд белых чудом сумел добраться до Извайля. Красные партизаны не оказали им никакого сопротивления, укрывшись в лесных избушках. На выручку подоспел красноармейский отряд с верховьев Вычегды, выбивший белых из Извайля и вернувшийся затем назад на Вычегду. Позднее партизаны дважды успешно вступали в стычки с белыми разведками. Но в конце ноября 1919 г., когда появилась возможность добраться до Извайльской волости зимним путем, партизаны приняли решение распустить свой отряд и скрыться в лесах, не вступая в бой с белыми. Но на этот раз с приходом белых местные жители, притеснявшиеся большевистским руководством и недовольные деятельностью красных партизан (часть деревень и ранее отказывалась подчиняться красным), стали разыскивать их; несколько человек были весьма жестоким образом убиты, часть арестована. Примечательно, что при белых волостью руководили те же люди, что и при красных (за исключением коммунистических лидеров).

Гражданская война на Удоре (осень 1918 - весна 1919 гг.)

В сентябре 1918 г. на Удору прибыл отряд красногвардейцев под командованием Н.И.Ворсина, направленный из Яренска для проверки деятельности волисполкомов, организации комбедов и реквизиции хлеба. Вначале отряд находился на верхней Мезени, где, в частности, разогнал исполком Чернутьевского Совета как стоявший на небольшевистских позициях, реквизовал хлебные «излишки» (они остались на складе в Чернутьево, позже их должны были вывезти в Яренск). Затем красные отправились на верхнюю Вашку.

Узнав об этом, жители Важгортской и Чупровской волостей обратились за помощью к властям Мезенского уезда, стоявшим на стороне белых. При поддержке прибывших с низовьев Вашки русских добровольцев под командованием местного учителя, бывшего офицера Калининского жители Важгорта и Чупрово в середине октября оказали вооруженное сопротивление отряду Н.И.Ворсина и вынудили его отступить в Ертом (население которого поддерживало красных). В ноябре 1918 г. на подмогу из Яренска прибыл отряд красноармейцев под командованием И.В.Епова, но объединенные силы важгортцев, чупровцев и вновь поддержавших их добровольцев с низовьев Вашки разбили предпринявших новое наступление красных.

Во второй половине ноября на верхнюю Мезень за реквизируемым хлебом прибыл небольшой красный отряд. Чернутьевцы попытались оказать сопротивление и не дать увезти хлеб, но красноармейцы вместе с чернутьевским комбедом арестовали нескольких крестьян и отправили их в Кослан для заключения в тюрьму. В это время в Чернутьево приехал сын одного из арестованных Л.П.Марков (он участвовал в работе уездного съезда Советов в октябре 1918 г., выступал там против действий Н.И.Ворсина на Мезени, был арестован, затем мобилизован в Красную армию и отпущен на несколько дней домой). Узнав о случившемся, он собрал группу средних и зажиточных крестьян, ликвидировал волостной Совет и восстановил земскую управу, затем занял Кослан, освободил арестованных. Никто

не оказал им сопротивления; местные коммунисты предпочли эвакуироваться в Яренск. Вся верхняя Мезень оказалась в руках восставших. Подразделения Белой армии (очень немногочисленные) в это время находились в с.Пысса на Мезени. Первоначально между ними и марковцами произошел конфликт, но затем они договорились о совместных действиях против красных. Узнав о событиях на Мезени, красные ушли и с верхней Вашки.

В декабре 1918 г. красные собрали силы и перешли в наступление на верхней Мезени, заняли Кослан, Чернутьево и другие населенные пункты. Белые укрепились в Пыссе. Силы их заметно уступали красным, и командир белогвардейцев Н.И.Макаровский пускался на разные хитрости, чтобы ввести красных в заблуждение относительно численности своих бойцов. Однажды он, например, «велел натоптать следов человек на 100» возле одной из мезенских деревень, «чтобы попугать красных». До поры до времени его военные хитрости помогали, но в январе 1919 г. сформированный красными Вашко-Мезенский полк перешел в наступление, занял Пыссу и несколько селений севернее нее, а на Вашке - все коми селения, кроме Коптюги.

Жители Коптюги и белогвардейский отряд с нижней Вашки превратили село в настоящую крепость. После нескольких безуспешных атак в конце января - начале февраля 1919 г. красные в течение полутора месяцев не предпринимали у Коптюги активных действий. На Мезени после отчаянной попытки Н.И.Макаровского в середине февраля разбить красных, закончившейся разгромом белых и его гибелью, тоже наступило затишье. В ночь с 30 на 31 марта 1919 г. красные открыли артиллерийский огонь по Коптюге, выпустив около 400 снарядов и превратив большую часть села в развалины и пепелище. Но захватить Коптюгу им так и не удалось. В апреле 1919 г. красные отступили с Удору без боя. Во время отхода они подожгли дом Л.П.Маркова, которого считали «организатором Мезенского фронта»; в результате вспыхнувшего в Чернутьево пожара сгорело почти три десятка домов. Это оказало пагубное для красных воздействие на местное население, и так относившееся к Советской власти с большим скептицизмом. Весной 1919 г. красные в Чернутьево производили конфискации вещей даже у бедняков, причем забирали все подчистую - вплоть до спичек, платков и даже поношенного женского белья! Часть красноармейцев, набранная из местных жителей, дезертировала.

Регулярные части белых заняли Удору, но вскоре были выведены. В июне-сентябре 1919 г. на Удоре не было ни белых, ни красных властей. Удорцы предпочли учредить собственное «Верхнее временное правительство», ключевую роль в котором играл Л.П.Марков. Конечно, это «правительство» ориентировалось все же на белых - те согласны были сотрудничать с ним, а красные относились к «контрреволюционерам» однозначно отрицательно. Какие-либо репрессии против сторонников коммунистов марковцами не проводились. Разведчик красных сообщил: «Были угрозы, что семейства советских работников будут высечены», однако «бесчинств и насилий не производили».

Кай-Чердынский район боевых действий

Крестьянское восстание в Троицко-Печорске, появление на верхней Печоре отрядов Сибирской армии белых и угроза наступления последних со стороны Чердыни и Кая (верхняя Кама) на верхнюю Вычегду и верхнюю Сысолу вызвали необходимость организации обороны красных на этих направлениях. 7 февраля 1919 г. образовали Кай-Чердынский военный район, которым временно стал руководить усть-сысольский военком В.П.Юркин. Поначалу он действовал неплохо и удостоился одобрения штаба 6-ой армии красных. Однако затем его деятельность стала вызывать нарекания. Реввоенсовет армии приказал Юркину не позднее 25 февраля начать наступление на Троицко-Печорск, но приказание не было выполнено. 25 февраля последовало новое распоряжение о наступлении, и 26 февраля В.П.Юркин распорядился выступить на Троицко-Печорск. Однако поход потерпел полную неудачу, так как Юркин бросил в наступление лишь небольшую часть имевшихся у него войск, причем совершенно не изучил местность. В результате

наступавшие красные обнаружили отсутствие моста через речку, которую должны были пересечь, только выйдя на ее берег; никаких плавсредств у них не было. Пришлось отступать, а при отходе одна из групп красноармейцев попала под обстрел своих же товарищей по оружию... Наступления на Троицко-Печорск предпринимались в марте и в августе 1919 г., но столь же безуспешно.

В свою очередь, белые в феврале 1919 г. предпринимали попытки прорваться в верховья Вычегды со стороны Верхнего Воча, Канавы и соседних с ними населенных пунктов в бассейне Сев.Кельтмы, но безрезультатно. В апреле 1919 г. белоказаки появились в районе Кажимского завода, рассчитывая занять сысольские селения, но красным удалось отбить противника. В сентябре 1919 г. подразделения Кай-Чердынского полка (так весной 1919 г. стали называться красные отряды, воевавшие на вышеназванных направлениях) были выведены из Коми края и (как ранее Ижмо-Печорский и Вашко-Мезенский полки) переброшены на Северную Двину. Оборона края была возложена на караульные роты. Впрочем, уездные руководители не ждали каких-либо опасностей в ближайшем будущем (поскольку Сибирская армия белых отступила за Урал). Но они просчитались...

Разгром красных на Вычегде осенью 1919 г.

Жители вычегодских и сысольских волостей Коми края не могли отстранить от власти большевиков, лишившихся всякого их доверия, своими силами, а отряды Белой армии до этих мест долгое время прорваться не могли. Осенью 1919 г. ситуация резко переменялась. В сентябре на Удору прибыл Особый Вычегодский добровольческий отряд, сформированный в Архангельске из бывших красноармейцев, решивших воевать против большевиков. Командовал отрядом капитан Н.П.Орлов - русский дворянин из Владимирской губернии, участник мировой войны. Удорцы встретили белых доброжелательно.

Известия о появлении белых вскоре достигли не только Яренска и Усть-Сысольска, но и командования красных в Котласе. Из Котласа в Яренск одно за другим поступали распоряжения готовиться к возможному нападению противника, к мобилизации сил для наступления на Удору. Но яренские руководители полагали, что особо беспокоиться не о чем, поскольку сил у белых было куда меньше, чем у красных. Однако в конце октября 1919 г. отряд Н.П.Орлова вышел на нижнюю Вычегду. 29 октября были заняты Айкино и Шежам. По словам одного из участников событий, в Айкино «захватили красноармейцев около роты», а все остальные «по приходе нас разбежались кто куда». Население встретило белых колокольным звоном. Советскую власть упразднили, и в Айкино и Шежаме состоялись выборы в восстановленные земские учреждения.

Появление белых на Вычегде повергло коммунистических лидеров Яренского и Усть-Сысольского уездов в состояние, близкое к панике. Оба уезда были объявлены на осадном положении. Красные военкомы сосредоточили на нижней Вычегде, между Яренском и Усть-Вымью, около 1000 человек и рассчитывали ударом с двух сторон разбить уступавший по численности белогвардейский отряд. Однако красноармейцы не испытывали желания сражаться за большевиков и Советы. Часть наступавших от Яренска красноармейцев разбежалась по дороге, другие сложили оружие при стычке с противником у Гама 3 ноября, а остатки отряда отступили назад в Яренск. Белые захватили Гам, затем Межог, а 6 ноября - Яренск, где была восстановлена власть уездной земской управы. Красные отступили вниз по Вычегде.

Из Яренска Добровольческий отряд двинулся вверх по Вычегде, где повторилась та же история. 12 ноября в Тыдоре красноармейцы отказались выходить из казарм для обороны селения от белых; часть их сдалась, остальные разбежались. 13 ноября сдались красные в Усть-Выми; почти все они вступили в ряды белых, а один из их командиров, военспец А.О.Прокушев был восстановлен в чине штабс-капитана русской армии и возглавил наступление белогвардейцев в сысольские волости.

15 ноября 1919 г. отряд белых занял Усть-Сысольск, где была восстановлена уездная земская управа, и усиленный местными добровольцами, продолжил движение на юг. 17 ноября он занял Ыб, Межадор (где народ встретил белых крестным ходом и колоколами), а 19 - Визингу. Все это время красные в панике отступали. Некоторые из них сумели закрепиться в Чукаыбе, иных удалось остановить лишь в Прилузье. 19 ноября в связи с этим руководство красных в Усть-Сысольском уезде издало приказ, где, в частности, говорилось: «...Многие трусливые презренные людишки, не отдавая отчета в своих действиях, всем жалким существом своим, безумным бегством помогают белогвардейской сволочи... Задерживать провокаторов, шептунов и предателей, ...сеющих панику, арестовывать и направлять в ревком для предания суду трибунала. Сопrotивляющихся расстреливать на месте». В то же время белые, двигаясь со стороны Усть-Сысольска и от Троицко-Печорска, захватили всю верхнюю Вычегду. За красными остались только Прилузье, верховья Сысолы, Чукаыб и Кибра.

Обычно в публикациях о гражданской войне в Коми крае при разборе причин поражения красных осенью 1919 г. говорилось о плохой подготовке войск, предательстве командиров, скверном вооружении и т.п. Все это в той или иной степени соответствует истине. Но дело не только в этом. Огромную роль сыграло настроение населения. А жители Коми края, устав от красных эксцессов, не дождавшись выполнения обещаний и грядущего царства равенства и справедливости, обратили свои взоры к новым претендентам на власть - белогвардейцам Орлова. В заключении военно-следственной комиссии красных о причинах сдачи белым Яренска и Усть-Сысольска прямо указывалось на «сочувственное отношение населения к белогвардейцам» как на один из способствовавших этому факторов. Позднее, после разгрома белых в Яренском уезде провели опрос волисполкомов об отношении жителей к белым и красным. От руководителей Сереговской волости прибыл такой ответ: «Сочувствие к белым имела 3-я часть населения, но (в связи с) чем оно выражалось, толком сообщить не можем, понять совершенно невозможно». Из соседней Серегово-Горской волости сообщили: «Сочувствие белым было (у) более половины населения. Чем оно вызываемо, исполком даже понять не может».

Волисполкомы лукавили. Симпатии к себе белогвардейцы вызвали тем же, чем в свое время коммунисты: они пообещали быстро улучшить снабжение товарами и продуктами и, кроме того, прекратить большевистские реквизиции. С.О.Латкин, бывший председатель усть-сысольской уездной земской управы, которому белогвардейское правительство в Архангельске передало власть на отвоеванной у красных территории Северо-Двинской губернии, объявил, что «население может спокойно молотить свое зерно. Крестьянский хлеб, как и все остальное имущество ни под какой учет не входит... Большевистская власть вместо того, чтобы снабжать население продовольствием, отбирала от него при размоле зерна с каждого пуда четыре фунта.. Я отменяю это большевистское распоряжение.» Он запретил «всякие самочинные обыски и аресты». «Реквизованное большевиками имущество немедленно» должно было быть «возвращено законным владельцам».

Из Коквицкой волости в ответ на упоминавшийся опрос сообщили: «Вызывалось сочувствие обещанием белыми достаточно хлеба и проч. товаров и продуктов и свободной торговли хлебом и проч. и восстановлением частной собственности». О том же информировали исполкомы Айкинской и других волостей. Примечательно, что «сочувствие к белым было как со стороны кулачества, так и со стороны середняков и бедняков».

На заседании Северо-Двинского губревтрибунала было доложено, что «настроение крестьян антисоветское... Белые для привлечения населения раздадут ему весь хлеб с ссыпных пунктов». Котласский райком РКП(б) сообщал, что «население Яренска видит в белых избавителей от тягот, наложенных войной. Коммунистов выдают белым». «При белых население выдавало коммунистов (так было в гор. Яренске, Жешартской, Гамской, Айкинской, Коквицкой волостях)», - отмечалось в сводке Яренского укома по партработе за ноябрь-декабрь 1919 г. Известны случаи, когда даже дети указывали белогвардейцам, где прячутся большевики.

Весьма показателен такой факт. Отряд нювчимских рабочих, стоявший в Семуково (на нижней Вычегде) и узнавший о взятии белыми Усть-Выми, решил выбираться из возможного окружения. Опасаясь расправы со стороны расположенного к белогвардейцам крестьянства, нювчимцы во время отступления выдавали себя за белых! В деревнях, оставленных советской властью, отряд «освободителей от большевизма» встречали хлебом-солью, выносили молоко, масло, приводили не успевших бежать коммунистов или списки последних. Так было в Ипатово, Шиладоре... В конце концов лесными тропами красные, благополучно избежав крестьянского гнева, вышли к Чукабы и соединились с окопавшимися там основными силами.

В разных волостях ситуация складывалась по-разному: где к белым «радушно отнеслось большинство» (Серегово-Горская волость), где «в меньшинстве сочувственно» (Гам) или «особого сочувствия населения к белым не наблюдалось» (Часово). Но то, что поражение большевиков, сама перемена власти была встречена с равнодушием повсеместно, оспаривать не приходится. Да и как иначе объяснить, что, по воспоминаниям уроженца Подъельска П.Д.Королева, записанным исследователем М.Б.Рогачевым, в ряде крупных верхневычегодских сел (Подъельск, Аныб, Руч, Деревянск) свергли Советскую власть и арестовали коммунистов всего четыре человека (два офицера и два солдата). Усть-сысольский военком Юркин так рассказывал об обстоятельствах отступления красных из города: «Настроение города было безучастное, враждебности открытой (к красным - авт.) не было проявлено, но и никакой помощи не было оказано отступающему отряду, подводы пришлось забирать силой». Обманувшую - вольно или невольно - ожидания людей красную власть основная часть населения не поддержала. Да и что говорить о беспартийном населении, если в Усть-Куломе вся коммунистическая парторганизация почти единогласно (против высказались четыре человека из 118) на своем собрании постановила... торжественно встретить белых! В течение трех дней в селе в ожидании белогвардейцев звонили колокола. Навстречу задержавшемуся белому отряду отправилась делегация с хлебом-солью во главе с коммунистом Уляшевым, заверившая, что у белогвардейцев в Усть-Куломе нет противников ни среди беспартийных, ни среди большевиков...

Завершение гражданской войны

Белый режим также не оправдал надежд местных жителей. Вместо оживления хозяйственной жизни, улучшения снабжения и всего остального, что обещалось новыми властителями, последние занялись репрессиями против наиболее активных деятелей свергнутой советско-большевистской власти. Каратели из числа местных жителей пользовались случаем и для сведения личных счетов. По данным исследователей, в Яренском уезде белые расстреляли 84 чел.; в ряде случаев расстрелы сопровождалось издевательствами над арестованными. В Коквицкой волости в разных селениях при белогвардейцах были расстреляны 24 человека. В имеющихся публикациях сообщается также о репрессиях белых в Усть-Сысольском и Печорском уездах. Это произвело тягостное впечатление на население. Крестьяне, особенно в Яренском уезде, где Орлов реквизирует для обслуживания соединявшего Удору и нижнюю Вычегду тракта до 1400 подвод с лошадьми, стали воспринимать белых так же негативно, как ранее - большевистские продотряды.

«Классовое самосознание граждан уезда, в связи с произведенным насилием и зверствами белых, увозом хлеба, мануфактуры, лошадей и проч. более прояснилось, и симпатии к Советской власти растут», - отмечали советские руководители Яренского уезда. Коквицкий волисполком в начале 1920 г. доложил, что «настроение массы в период оккупации белыми до расстрелов у большинства было в пользу белых; в настоящее время в связи с расстрелами настроение масс подавленное, и в период возвращения (красных - авт.) было у большинства скрытно радостное». Настроения коми крестьян встревожили белых, командование которых отреагировало на изменившиеся симпатии жителей строгими

приказами: «Всякое выступление кого бы то ни было, распространение ложных слухов, агитации и преступные явления будут караться по всем строгостям военного времени. Население не должно забываться и проявлять свои темные стороны, явно характеризующие симпатии нашему противнику». Этот приказ касался жителей района Помоздино, но сходная ситуация сложилась и в других местах Коми края.

Этим положением умело воспользовались большевики. Руководство красных в сжатые сроки сосредоточило немалые силы против занявших Коми край белогвардейцев. В конце ноября 1919 г. в результате ожесточенных боев красные взяли Яренск, 2 декабря - Гам и Айкино. Белые, лишившись погибшего в бою командира - Н.П.Орлова, - отступили с нижней Вычегды на Удору. На Сыsole в те же дни белые потерпели поражения под Чукайбом и Межадором и оставили Усть-Сысольск, отступив на верхнюю Вычегду. 1 декабря красные появились в Усть-Сысольске, 4 декабря - в Усть-Выми. Началось наступление красных на верхнюю Вычегду. После длительных боев они заняли Пезмог и Небдино. 9 декабря белые оставили Сторожевск. После этого в военных действиях наступил перерыв.

Обе стороны перегруппировывали силы. Белые провели мобилизации среди крестьянства. В числе мобилизованных оказались и коммунисты, о партийности которых белым было хорошо известно. Об этом свидетельствовал в 1925 г. председатель усть-немского волисполкома коммунист П.Н.Игнатов: «Никаких репрессивных мер к коммунистам или сочувствующим советской власти и вообще к населению не применялось... Мы, коммунисты, чувствовали себя хорошо и ходили спокойно и свободно». В Усть-Куломе В.Н.Бобров и еще несколько коммунистов организовали для белых телеграфно-телефонную связь; местные жители в связи с этим направили белому командованию письмо, в котором возмущались, что коммунисты работают то на красных, то на белых. Мобилизованных коммунистов привлекали не только к хозяйственным работам, но и к охране, несению караулов, непосредственно к военной службе. Позднее их за это исключили из партии.

В январе 1920 г. военные действия на верхней Вычегде и Удоре возобновились. На Удоре белые вначале сопротивлялись довольно успешно, но, узнав о взятии в конце февраля красными Архангельска и эвакуации белого правительства, решили сдаться. В начале марта 1920 г. красные приняли капитуляцию белогвардейцев на Удоре, арестовали и позднее расстреляли офицеров.

На верхней Вычегде 4-5 марта 1920 г. после упорного сопротивления капитулировали белые гарнизоны Аныба и Керчомьи. 5 марта без боя сдались белые в Усть-Куломе, Помоздино и Усть-Неме (часть белогвардейцев с оружием в руках скрылась в лесах). 6 марта сложил оружие гарнизон Троицко-Печорска. Все взятые в плен белые офицеры попали в концентрационные лагеря, рядовой состав белогвардейских частей был отправлен на службу в Красную Армию.

Как ни парадоксально, для большевиков их временный разгром и краткий период белого владычества в Коми крае оказался спасительным: натерпевшись от «освободителей», отчаявшиеся коми крестьяне вновь обратили взоры на большевиков. Коммунисты Прокопьевской волости в 1920 г. констатировали, что «настроения масс после авантюры капитана Орлова видимо изменились в пользу Советской власти». Конечно, следует вести речь не о восторженном приеме победивших красноармейцев, а опять-таки о равнодушии большей части жителей края к судьбе белой власти и об апатии, охватившей народ после трехлетней чехарды обещаний и обманов, разочарований и надежд. Реставрацию красной власти жители приняли довольно спокойно, хотя и настороженно, памятуя о прошлом. «Настроение масс... в период возвращения красных войск - спокойное», - сообщали из Часовской волости; «...колеблющееся...» - информировали из Серегово-Горской. Часть жителей предпочла красным белых и ушла с последними. Таких насчитывалось немного, но они были. Из Коквицкой волости с белогвардейцами ушли 60 человек. Примечательно, что среди ушедших с белыми имелись далеко не одни «кулаки и спекулянты». Из Жешарта бежали от красных 33 человека, в том числе 25 бедняков, из Межога - 12 человек (9 бедняков).

Особого авторитета у восстановленной Советской власти и большевиков не было. Так, в Прокопьевской волости, по словам местных большевиков, хотя «колеблющиеся (!) бедняки более сочувствуют коммунистам, ...все же ...ни беднота и ни середняки не примыкают к коммунистам». Руководители Яренского уезда отмечали в конце 1919 г., что после возвращения красных «первоначальное настроение населения обрисовывали запуганное, теперь атмосфера неясности проясняется, есть симптомы сдвига, которые необходимо использовать в нашу пользу». Но в то же время «вооружение коммунисты просят потому, что эта неопределенность настроения может быть использована как красными, так и белыми».

Сохранявшиеся трудности со снабжением, политика военного коммунизма, жесткие репрессивные меры против «классового врага» («мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр ...или в Чека, или прямо в тыловые работы и в концентрационные лагеря», - докладывал Усть-Сысольский уком РКП(б) 6 апреля 1920 г.) популярности большевистской власти не добавляли. Местные организации РКП(б) весной 1920 г. оказались в глубоком кризисе. Крестьяне отказывались вступать в компартию; в апреле развалилась парторганизация рабочих на Ньючимском заводе. На I Всезырянском съезде коммунистов в январе 1921 г. говорилось об отрицательном отношении части населения Сысольского района к Советской власти.

Накапливавшееся недовольство вылилось в крестьянские восстания. Одно из них началось 18 мая 1921 г. в Усинском районе (Усть-Уса, Колва, Адак, Ларвань, Ниедзьель...), готовились выступления в Ижме и Усть-Цильме, тогда же происходило восстание за Уралом, в Березовском уезде. Непосредственным поводом для них стали непомерно высокие поборы по продразверстке. Части особого назначения красных ликвидировали Усинское восстание в июне; при этом им пришлось столкнуться с явно сочувственным отношением большинства местных жителей к «белым бандам»: красным указывали заведомо неверные пути отхода белых; проводники, взятые в деревнях, вели их не в ту сторону. В то же время для скрывавшихся в тундре участников восстания «каждый оленевод...был приютом, и долго еще пришлось их искать». В середине 1921 г. отряд Е.Кириллова, также пользовавшийся поддержкой местных жителей, предпринял попытку ликвидировать власть коммунистов на Пижме, но был разбит подошедшими красноармейцами. Это были последние вспышки гражданской войны в Коми крае, хотя отдельные малочисленные группы белых в отдаленных районах уцелели и до более позднего времени. Небольшой отряд удорца Л.П.Маркова действовал, например, до 1925 года.

Очерк VIII. КОМИ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Новой власти досталось весьма скудное наследство. Империалистическая, а затем гражданская войны привели хозяйство Коми края к полной разрухе. По сравнению с довоенным периодом почти наполовину сократились все показатели сельского хозяйства, дававшего крестьянину основную массу продукции для пропитания своей семьи. Не менее губительным для экономики было то, что до минимума свернулись хозяйственные связи, а производство крестьянского двора все больше приобретало полунаатуральный или даже натуральный характер. Рассчитывать на внутренние источники для подъема хозяйства не приходилось.

Территория проживания коми народа по-прежнему оставалась разделенной между разными губерниями - в основном Архангельской и Вологодской. Более того, два крупнейших района этнической территории коми - Вычегодский и Ижмо-Печорский - практически не были связаны транспортными коммуникациями. Наряду с отсутствием материальных и финансовых ресурсов, необходимых кадров все это делало весьма гипотетичной задачу быстрого возрождения края.

Тем не менее такая задача местным руководством была поставлена сразу же после окончания гражданской войны. Победа большевиков в этой войне означала стабилизацию политической власти. Отношение населения к ним было, по крайней мере, сдержанным, но людям не могли не imponировать обещания в кратчайший срок решить все проблемы. Общий перелом в настроениях коми крестьянства в пользу советской власти произошел в 1921 г., когда в стране была введена новая экономическая политика. Предоставление крестьянину определенной экономической свободы сняло уже открыто проявлявшееся недовольство политикой военного коммунизма, угрожавшее самой власти большевиков. Это стало решающим для проведения энергичного курса по реализации ими своих установок.

Как и в других регионах, в Коми крае преобразование возглавила областная партийная организация большевиков. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что продолжали действовать некоторые партии, в частности, эсеров, однако какого-либо влияния на реальную ситуацию они уже не оказывали. Тем более, что большевики не склонны были делиться с кем-либо властью.

Первые большевистские организации в Коми крае возникли в годы гражданской войны. 8-13 января 1921 г. в Усть-Сысольске состоялся первый съезд коммунистов Коми области, организационно оформивший областную партийную организацию. В тот период ее численность превышала немногим 900 человек. Даже к концу 20-х г. численность коммунистов в области была небольшой - около 1700 человек. Однако ключевые государственные и общественные посты находились в их руках. Поскольку в структуре политической системы страны партия большевиков оказалась единственной, то вполне естественно, что вскоре она стала подменять собой государственные органы. Этот процесс ярко проявился и на местах. Уже на первом съезде коммунистов Коми края основное внимание делегаты уделили не партийному строительству, а созданию национальной государственности коми народа.

Ситуация в стране благоприятствовала этому. Советское государство сразу же заявило о своем намерении решить национальный вопрос. Революции 1917 г. вызвали всплеск национальных движений. Вслед за февральскими событиями появились идеи национального самоопределения коми народа, высказанные коми солдатами. Эти идеи были подхвачены в крае и в 1917-1918 гг. получили вполне четкое оформление. Они активно обсуждались в учительской среде, а также на съездах советов. Уже в начале 1918 г. вопрос о создании национальной государственности коми народа был поставлен со всей определенностью. Приоритет в этом несомненно принадлежит Дмитрию Яковлевичу Попову, который 17 января этого года на Учредительном съезде выступил с предложением "установить

автономию на совершенно свободных началах в порядке внутреннего управления...” . В марте 1918 г. I съезд Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов послал в Архангельск телеграмму, в которой предлагалось “выделить в особую административную единицу зырян по этнографическим границам с правом законодательства, кроме армии, внешних сношений, монеты”. По утверждению В.И.Чупрова, это был первый официальный документ по самоопределению коми народа. В 1918 г. при Наркомнаце был создан Зырянский отдел. Таким образом, готовилась почва для создания государственности коми народа.

Как только закончилась гражданская война, эта работа была возобновлена. Поскольку национально-государственное строительство рассматривалось как составная часть планов построения нового общества, то естественно усилия партийных и государственных органов были сконцентрированы на этом. Газета “Зырянская жизнь” 20 ноября 1920 г. писала, что предстоящая “грандиозная работа” возможна лишь при условии “немедленного... открытия автономной зырянской области с центром в г. Усть-Сысольске...”.

Возобновил свою деятельность зырянский отдел Наркомнаца. В 1920 г. его возглавил Дмитрий Александрович Батиев, сыгравший одну из ключевых ролей в создании государственности коми народа. При его непосредственном участии были подготовлены все необходимые документы, ставшие предметом обсуждения на первом всезырянском съезде коммунистов, состоявшемся в январе 1921 г.

В его работе приняли участие 40 делегатов с решающим и 2 делегата с совещательным голосом. Большинство из них не имели опыта практической государственной работы, за исключением участия в гражданской войне. Тем не менее, увлеченные революционным творчеством, они горячо взялись за решение чрезвычайно трудных задач.

Выступивший на съезде с докладом Д.А.Батиев предложил создать государственность в форме автономной республики, включающей в себя территории коми-зырян и коми-пермяков, нижнюю Печору, Приполярную тундру и острова Ледовитого океана, а также ряд русских волостей соседних губерний. Вряд ли правомерно объяснять эти предложения проявлением национал-шовинизма, как это делалось в традиционной советской литературе. Материалы съезда не свидетельствуют о каких-либо крайних воззрениях его делегатов. Тем более, что здесь же прозвучали возражения Д.А.Батиеву. Так, А.В.Нахлупин считал, что в силу высокой интегрированности коми в русскую культуру нет необходимости создания собственной автономии. Некоторые делегаты высказывали мнение, что с этим надо повременить. Вполне понятна национальная страстность участников съезда, впервые получивших возможность решать судьбы своего народа. Им импонировали взгляды Д.А.Батиева, предлагавшего получить максимально возможное в благоприятствующих тому политических условиях. Поэтому его предложения делегаты съезда в основном поддержали. В принятой резолюции говорилось: “...а) в целях быстрого возрождения народа коми необходимо объединить всех коми в одну административную единицу с управлением, соответствующим общему социалистическому строю республики, с одной стороны, и особенностям духа зырян, с другой, в форме автономной советской социалистической республики Коми”. Съездом были избраны кандидаты в Областной Революционный Комитет (Обревком), на который возлагалась задача организации Коми АССР. Его председателем стал Д.И.Селиванов, заместителем Д.А.Батиев. Был избран также Коми обком РКП(б) во главе с Я.Ф.Потаповым.

Вскоре эти решения были утверждены Москвой. Однако, несмотря на то, что Д.А.Батиев упорно отстаивал свою позицию, центральные органы не согласились с предложением создать государственность в форме автономной республики. В конечном итоге 22 августа 1921 г. ВЦИК принял декрет “Об автономной области Коми (Зырян)”. Тем самым завершился первый этап формирования национальной государственности коми народа.

Началась активная подготовка к I Коми областному съезду Советов. К этому времени Обревком уже сформировал народные комиссариаты, которые брали в свои руки управление

территорией. В ноябре-декабре 1921 г. были проведены уездные партийные конференции и съезды Советов, избравшие уездные партийные комитеты и исполкомы Советов. Практически на всех форумах было поддержано решение I Всезырянского съезда коммунистов о создании автономной республики. То же самое подтвердил первый коми областной съезд Советов, прошедший 22-29 января 1922 г. в Усть-Сысольске. Он избрал первый областной исполком в составе 25 членов и 5 кандидатов. Председателем ОИК стал Д.И.Селиванов.

Однако дискуссии о формах автономии на этом не прекратились. Они стали составной частью поиска путей развития молодой государственности коми народа. Подпитывала эти дискуссии и политическая ситуация в стране.

Поскольку Коми автономия являлась составной частью федеративного государства, существовала опасность, что ее интересы будут подчинены интересам центра. Симптомы этого уже обозначились. С начала 20-х годов разрабатывались проекты нового экономического районирования страны, в соответствии с которыми Коми автономия попадала в состав Северного края с центром в Архангельске. В этом случае она теряла часть своих суверенных прав. Тем более, что Архангельск активно добивался своих целей. Так, в своем официальном издании “Северо-Восточная область”, вышедшем в 1924 году, его плановые органы недвусмысленно обосновывали необходимость включения Коми автономии в состав новой административно-экономической единицы.

Добиваясь подчинения Коми автономной области, Архангельск имел в виду ее ресурсы, прежде всего лесные, пытаясь сосредоточить у себя их переработку. В то же время коми руководители возлагали большие надежды на лес, предполагая создать у себя деревообрабатывающие и лесохимические предприятия и за счет этого изыскать средства на реализацию своих экономических проектов. Дискуссия между Архангельском и Коми достигла своего апогея во второй половине 20-х годов. В нее были вовлечены общественность коми автономии, средства печати. Различные мнения публиковались на страницах местных газет, в краеведческом журнале “Коми му” (“Коми край”), в специальных изданиях. Накал страстей дошел до того, что появились утверждения о том, что “Коми не признаются за национальность” и чтобы оградить свои права, надо преобразовать Коми автономную область в республику. Главным аргументом против вхождения Коми автономии в состав Северного Края являлись опасения о превращении области в сырьевую окраину центра. Как показали дальнейшие события, они оказались небезосновательными. В первый же год после создания Северного Края в 1929 г. план заготовки древесины на территории Коми автономной области был увеличен в два раза. Но даже несмотря на это коми руководство некоторое время продолжало отстаивать свою позицию. Выступая на первом Северном краевом съезде Советов в Архангельске в августе 1929 г., председатель Коми областного исполнительного комитета И.Коюшев заявил: “Коми область остается автономной областью, ...остается независимой от некоторых краевых отделов... Область Коми будет иметь особые бюджетные права...” Но долго такое в условиях ужесточившегося политического курса в стране продолжаться не могло. Вскоре И.Коюшев, а также редактор журнала “Коми му” (“Коми край”) М.Попов и редактор местной газеты “Югид туй” (“Светлый путь”) Н.Шахов были обвинены в национализме и освобождены от занимаемых должностей.

Одновременно это стало последним актом в попытках добиться повышения статуса Коми автономии. Тот же И.Коюшев и некоторые другие на всем протяжении 20-х гг. ставили перед Москвой вопрос о ее преобразовании в автономную республику. Они вполне резонно считали, что в таком случае национальная государственность коми народа получит больше возможностей для самостоятельного развития. Было очевидно, что Коми область, обладающая большими природными ресурсами, может обеспечить их освоение за счет собственных средств. Но при одном условии - если значительная часть денежных поступлений будет оставаться в распоряжении местных властей. Но этого не было. Например, только пушнины в пределах области за 1921-1924 гг. было заготовлено на сумму

3,5 млн. рублей, однако в силу сложившихся экономических условий местный бюджет от этого практически ничего не получил. Автономная же республика в этом случае обладала бы большими правами.

Как уже отмечалось, в первое время далеко не все создатели национальной автономии поддерживали идею республики. Они считали, что для этого нет необходимых условий. Однако вскоре скептические настроения были преодолены. Вопрос стал обсуждаться совершенно открыто и часто становился одним из главных в повестках дня областных партийных конференций и областных съездов Советов. Уже II Коми областная партконференция (январь 1922 г.) со ссылкой “на национально-бытовые и экономические условия народа коми” признала, что “...единственной формой правления является Автономная Советская Социалистическая Республика”. Подобные же решения неоднократно принимают съезды Советов, областной исполнительный комитет. Последний 31 марта 1923 г. специально рассмотрел вопрос “О преобразовании Коми области в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику” и решил сделать соответствующий доклад в центральных органах. Появляются многочисленные публикации по этому поводу. Один из основателей Коми государственности Д.Батиев в 1924 г. в журнале “Коми му” прямо заявляет, что есть все основания для создания республики. Соответствующая работа местными руководителями проводилась и в Москве. Однако, там она не встретила понимания. Только в 1936 г. автономная область была преобразована в Коми АССР, что в условиях сформировавшегося унитарного государства во многом было формальным актом.

А в 20-е гг. вопрос о форме автономии вовсе не был схоластическим. По мысли местных деятелей, он укладывался в общую схему развития области, которая в ходе дискуссий приобретала все более четкие очертания. Ее ядром была концепция экономического развития области. Как уже указывалось, она исходила из наличия богатых запасов сырья в крае. Задача заключалась в том, чтобы определить оптимальные пути их освоения. Единого мнения по этому поводу не было. Одни предлагали взять за основу сельское и лесное хозяйство, другие - минеральные ресурсы и так далее. Однако главная проблема заключалась в отсутствии необходимых средств и материальных ресурсов. Как справедливо отмечается в литературе, “отсталость и разруха народного хозяйства обусловили узость внутриобластных источников накопления”, вызвав серьезные финансовые затруднения. Даже в середине 20-х гг., когда бюджет области несколько стабилизировался, собственные доходы в его составе не превышали 40%. В то же время разрабатывались весьма амбициозные проекты. Так, Д.Батиев предлагал создать собственный порт, построить для автономии причалы в портах Архангельска и Мурманска.

Однако в процессе обсуждения стали зарождаться более реальные планы. Они формировались в результате серьезной работы над перспективами развития области. Уже в 1923 г. было начато составление перспективного планирования на ближайшие 10-15 лет. По утверждению О.Кузивановой, “к середине 20-х гг. у плановых органов Коми АО сложилась концепция дальнейшего развития народного хозяйства области”. И хотя она не подтверждает это фактическим материалом, документы свидетельствуют о правильности такого вывода. В 1925 г. Коми областной исполнительный комитет приходит к выводу о том, что для стабилизации бюджета необходимо максимальное расширение лесных и пушно-сырьевых заготовок, выявление природных ресурсов области и для их освоения привлечение концессионного и государственного банковского капиталов и сельскохозяйственного кредита.

Более четко задачи экономического развития были сформулированы в статье “Автономная область Коми в вопросе о районировании Севера”, опубликованной в 1925 г. в журнале “Коми му”. В ней говорилось, что “будущее Коми области должно идти по пути использования, с одной стороны, служащих основой для развития индустриальной промышленности огромных богатств, заключенных в лесе и недрах Коми области, и, с другой, по пути дальнейшего развития и рационализации как сельского хозяйства, так и существующих промыслов..., но для этого прежде всего необходимо во всей полноте

развернуть дорожно-транспортное строительство". Эти же мысли излагались и в других изданиях.

Приведенная формулировка знаменует собой этап в осмыслении перспектив развития экономики края. Несмотря на то, что подавляющая часть населения области была занята в сельском хозяйстве и промыслах, был взят курс на индустриализацию народного хозяйства. Конечно, и в самом сельском хозяйстве предполагалось осуществить коренные преобразования. Намечалось провести землеустройство, повысить культуру земледелия и животноводства, переориентировать производство на выпуск животноводческой продукции, постепенно свертывая возделывание зерновых. В качестве одной из центральных задач ставилось содействие развитию кооперации. При этом учитывались особенности сельскохозяйственного производства в северной деревне, где кооперация соответствовала интересам крестьян. Уже к концу 20-х гг. она объединяла более половины крестьянских хозяйств.

И все же основной целью являлось создание индустриального типа хозяйства Коми области. В перспективе вырисовывался контур развитого промышленного узла в южных районах области, прежде всего основанный на использовании и переработке лесных ресурсов с транспортным выходом в другие области страны.

Последнее было головной болью местных руководителей. Дело в том, что транспортная освоенность территории автономии к моменту ее создания была предельно низкой. Кроме водных и малообустроенных грунтовых дорог других в крае не было. Создание развитой сети дорог являлось важным и с точки зрения национального развития коми народа, способствуя его консолидации. Не меньше волновало местные власти и отсутствие транспортной связи с соседними областями, морскими портами и промышленными районами страны.

В связи с этим появилось поразжающее обилие проектов, намечавших выход на Ленинград, Мурманск, Архангельск, Индигу, Новороссийск и другие пункты. Поскольку было ясно, что для их реализации нужны огромные средства, предполагалось привлечь к этим проектам внимание центра. Во многих случаях они обосновывались необходимостью включения в хозяйственный оборот природных ресурсов Сибири, выход к которым должен был пролегать через Коми автономию. Отметим, что такие же проекты разрабатывались еще раньше и в принципе были целесообразными. В итоге появились программы строительства железнодорожных магистралей Омск-Тюмень-Соликамск-Ухта-Индига (2,3 тыс. версты), Омск-Тюмень-Котлас-Званка-Ленинград (2,7 тыс. версты) и целый ряд других. Ни одна из них не была реализована. Единственное, чего удалось добиться областными руководителям, это строительства железной дороги Сыктывкар-Пинюг, которая позволяла связать автономию с другими областями страны. К возведению дороги приступили в 1929 г., а в начале 30-х годов оно было прекращено в связи со строительством железной дороги Котлас-Воркута. Таким образом, южные районы области и ее центр остались в стороне от транспортных коммуникаций, что способствовало их превращению в сырьевой регион.

Это прямо противоречило планам развития экономики края, разработанным в 20-е годы. Представляется, что они были предпочтительней, в том числе и с точки зрения национальных интересов коми народа, чем реализованная впоследствии структура хозяйства. Пытаясь создать в южных районах области промышленную базу, местные органы учитывали опыт хозяйствования коми крестьянства. Важным его занятием издавна были лесозаготовки. Сельское хозяйство не обеспечивало потребности крестьянской семьи. Большое количество жителей края вынуждено было ежегодно искать заработки за пределами области. Создав промышленность в южных и центральных районах, можно было занять часть излишней рабочей силы и совместить интересы сельского хозяйства и промышленности. Кроме того, это дало бы возможность сформировать сбалансированную структуру национальных кадров. Не случайно в 20-е годы намечалось создать полный цикл обработки древесины: лесозаготовку, деревообработку и лесохимию. При этом важное значение придавалось организации целлюлозно-бумажного производства, способного заложить основы глубокой

переработки сырья на территории области. Попытки создания предприятий подобного профиля предпринимались вплоть до конца 30-х гг., но так и не нашли поддержки в Москве. Она исходила из своих интересов.

Мы не случайно подробно рассмотрели проекты и дискуссии о путях развития Коми автономной области, проходившие в 20-е гг. Это был этап наиболее демократического развития Советского государства. Шло не только активное национально-государственное строительство, но и одновременно нарабатывались опыт и культура решения национального вопроса.

Наряду с составлением общих планов развития территории руководству молодой Коми автономии приходилось прежде всего заниматься налаживанием повседневной политической и экономической жизни. Трудности встречались неимоверные. Старый управленческий аппарат был разрушен, для создания нового не хватало самого необходимого. Об этом эмоционально докладывал на пленуме обкома партии в ноябре 1921 г. председатель Усть-Куломского ревкома Г.А.Напалков. Вот выдержка из его выступления: “Для организации районных учреждений в Усть-Куломе было командировано в начале июля из Усть-Сысольска 3 человека. В виду отсутствия работников и полевых работ конструирование районных аппаратов было отложено до 1 сентября. Предварительно разузнав, кого из волостных учреждений можно мобилизовать, вызвали таковых персонально. Были найдены помещения. Отношение населения было отрицательное, особенно после занятия поповского дома под Ревком. Во время отсутствия членов Ревкома в названном доме был произведен разгром: разбили зеркала, лампы, захвачена часть документов. Не было ничего. В распоряжении Ревкома было 5 перьев и 1/2 стопы бумаги. В настоящее время функционируют 8 отделов. Нет военкомиссариата и финансового отдела”. Подобное положение было повсеместным.

Примечателен факт разгрома помещения ревкома. Отношение населения к мероприятиям Советской власти в первое время было довольно настороженным. Вот характерные замечания по этому поводу (на май 1922 г.): “Настроение населения (Усть-Сысольского уезда - авт.) в большинстве безразличное, враждебности нет. Население Вычегодского района более сознательно относится к переживаемым событиям, чем Сысольского, более сытого...”, “...настроение населения уезда (Усть-Куломского - авт.) безразличное, в некоторых волостях враждебное - на почве голода, от них идет один стон...Кроме местного голодающего населения в уезде насчитывается человек 400, прибывших из Поволжья...”.

Крестьяне особенно чутко реагировали на экономическую политику государства, прежде всего на налоговую, и соответственно формировали свое отношение к местным Советам, партийным организациям. Только где-то к середине 20-х гг. ситуация стабилизировалась и мероприятия Советской власти стали находить все большую поддержку. Рецидив негативного отношения к проводимой политике затем был спровоцирован еще один раз при осуществлении коллективизации и массового вовлечения (принуждения) коми крестьянства в лесозаготовки.

Немалую сумятицу положение, вызванное осуществлением новой экономической политики, внесло и в ряды партийных и советских работников. По этому поводу шли ожесточенные дискуссии на пленумах и конференциях областного комитета партии. С трудом преодолевались “отрывки” военного коммунизма. В одном из документов, датированном 1923 г., отмечается, что только теперь критика Советских органов перестала восприниматься как антисоветское выступление. А поводов для такой критики было более чем достаточно. В силу объективных причин низовые органы власти, особенно волисполкомы, с трудом налаживали свою работу. Иллюстрацией тому является, например, заметка, опубликованная 30 мая 1923 г. в газете “Югид туй” под названием “Ну и исполком!”. Вот она: “В Вильгортском волисполкоме стало вовсе неладно. Председатель, выбившись из сил, почти уже махнул на все рукой. Товарищ председателя бурлачит и не показывается в исполкоме. Секретарь, чуть не умерев с голоду, вышел со службы. Его

примеру последовали 2 делопроизводителя-подростка. Весь архив около 50 пудов продан спекулянту. Оставшиеся дела раскурены и расхищены. Текущие дела спят мертвым сном и никто о них не думает. Волостной съезд Советов никаких распоряжений относительно ВИКа не делал и средств на содержание не назначал". Заметка настолько ярко характеризует все сложности низовой работы на местах, что может быть вполне отнесена к ситуации в целом по области.

Кроме того недовольство части трудящихся вызвала ярко выраженная классовая политика партии и государства - опора на бедняцкие массы населения. Масштабы, формы и методы работы с беднотой хорошо описаны в исторической литературе. Это и бедняцкие собрания, батрацко-бедняцкие конференции, группы бедноты при сельсоветах и других выборных органах в деревне. Такая политика не всегда находила понимание даже среди середняков, которые считали, что по своему положению они мало отличаются от бедняков. В 1925 г. по данным областного земельного управления процент бедняцких хозяйств по районам определялся в пределах 21-32%, середняцких - 62,5 - 72,5% и зажиточно-кулацких - 5-5,5%. Даже эти скорее всего весьма приближенные к действительности, цифры показывают, что главной фигурой в коми деревне являлся середняк. Несмотря на это доля рабочих и батраков, а также крестьян-бедняков в местных органах власти неуклонно повышалась. Так, в 1929 г. удельный вес бедняков в составе депутатов сельских советов составил 42%.

Следует признать, что ортодоксальная классовая политика наносила значительный ущерб национальному строительству, т.к. в государственное управление было вовлечено большое количество малообразованных людей, зачастую не подготовленных к выполнению возложенных на них функций. Одновременно формировалась почва для сосредоточения власти в руках "аппарата", взрастившая административно-командную систему управления обществом.

Однако это случилось позднее, а к середине 20-х годов была сформирована единая и эффективно действующая система управления областью, составившая каркас национальной государственности коми народа. С точки зрения развития государственности был завершен определенный организационный период. Управлением охватывалась вся обширная территория автономной области, сформировавшаяся в 20-е годы.

Проблема определения территории также оказалась непростой и вызвала острые споры с соседними областями. Так, когда организаторы коми автономии поначалу заявили претензии на нижнюю Печору, Архангельский губисполком вообще высказался против создания государственности народа коми, предложив ее в виде культурной автономии. Добиваясь присоединения нижнепечорских территорий, руководство Коми АО имело в виду свободный выход в море через устье Печоры. Оно занимало весьма упорную позицию вплоть до конца 20-х годов и даже заявило протест против создания Ненецкого национального округа в 1929 г. Однако единственное, чего сумели добиться руководители Коми автономии, это включения Усть-Цилемского района в составе области. И то только потому, что Архангельск уступил его, когда стало ясно, что вся Коми область войдет в состав Северного края. Это случилось в 1929 г.

Сложные взаимоотношения возникли и с органами власти Пермской губернии из-за коми-пермяцких территорий. Основатели коми автономии изначально считали, что они должны быть составной частью единой национальной государственности коми народа. Уже в 1921 г. Д.А.Батиев без согласования с пермскими и центральными властями начал предпринимать активные действия в этом направлении. Разразился скандал, и в спор вмешались центральные органы. Из-за "недипломатичных" действий Коми автономии пермское руководство заняло жесткую позицию. Административным репрессиям подверглась часть коми-пермяцких партийных и советских деятелей, также выступавших за создание единой государственности коми народа. Сегодня некоторые исследователи считают, что Москва приняла компромиссное решение, постановив 26 февраля 1925 г. образовать Коми-Пермяцкий автономный округ. Возможно, это утверждение справедливо.

По крайней мере, как пишет М.П.Дмитриков, “Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Коми облисполкома и представителей пермяцкого населения об объединении пермяцких волостей с Коми АО ... ввиду значительной территориальной отдаленности Пермьского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими двумя районами”. Утверждение об отсутствии “взаимной связи” являлось вполне справедливым, хотя Советское государство не раз весьма энергично налаживало таковые, если считало это целесообразным. В любом случае центр активно участвовал в формировании территории Коми автономии не оставляя без внимания обоснованные просьбы и передавая ей в необходимых случаях отдельные волости и деревни из других губерний. В то же время решительно пресекались чрезмерные требования, такие, например, как требование передать в состав Коми АО ряд волостей бассейнов рек Камы и Вятки с обоснованием возможного соединения в одну федерацию удмуртов и коми.

Одновременно с определением границ осуществлялось внутреннее административно-территориальное устройство Коми автономии. В первое время предполагалось создать на территории области 6 уездов, однако из-за нехватки средств от двух пришлось отказаться. В соответствии с декретом ВЦИК от 2 мая 1922 г. были сформированы Усть-Сысольский уезд в составе 38 волостей (центр - г.Усть-Сысольск), Усть-Куломский в составе 16 волостей (центр - с.Усть-Кулом), Усть-Вымский в составе 21 волости (центр с.Усть-Вымь), Печорский (Ижмо-Печорский) в составе 25 волостей (центр - с.Ижма). Такое деление просуществовало до 1929 г., когда в связи с новым районированием страны на территории Коми АО были созданы 9 районов. К середине 20-х гг. окончательно была закреплена и структура местных органов власти.

Сформировавшаяся система управления территорией и организация власти обеспечивали декларированное вовлечение широких народных масс в социалистическое строительство. Структура власти не замыкалась только на официальных органах. Ее важнейшим элементом являлась огромная по масштабам работа различных конференций, собраний, сходов, съездов, совещаний, в которых участвовали тысячи людей. В отчете облисполкома за 1924-1925 хозяйственный год отмечалось, что за этот период проведено 170 только крестьянских конференций. Население области активно втягивалось в политическую жизнь. Уже в 1926 г. более половины избирателей участвовало в выборах в Советы.

Одним из уникальных демократических институтов в рассматриваемый период были съезды Советов. Они не являлись специфичными для области, а были общесоюзным явлением, однако сыграли особую роль в определении исторических судеб малых народов. Областных съездов Советов прошло всего одиннадцать. Период их деятельности в основном приходится на 20-е гг. и в этом факте заложен ключ к пониманию развития советской демократии в 20-30-е гг. Сложившаяся административно-командная система не смогла ужиться с подобным мощным демократическим институтом и проведение трех съездов в 30-е гг. нельзя рассматривать даже как попытку интегрирования его в эту систему, а скорее всего как стремление использовать некоторые традиции для окончательного закрепления сталинской формы правления.

Однако в ранний период развития автономии съезды решительно стояли на страже ее интересов. Любые попытки посягнуть на суверенные права национальной государственности тут же вызывали реакцию. Так в связи с намечаемой к созданию Северо-Восточной области 3-й Областной съезд Советов (14-21 декабря 1923 г.) записал в своей резолюции: “...структура Автономии и после деления ее на округа, независимо от того, будет ли она входить в особую экономическую область или нет, не должна претерпеть никаких изменений в смысле ослабления ее прав на непосредственное сношение с центральной властью...” Более того, съезды Советов последовательно принимали решения о преобразовании Коми АО в Коми АССР, причем в резолюциях применялись такие выражения как “решительно настаивать перед ВЦИК” (о преобразовании - авт.). Отстаивание национальных интересов - одна из характерных особенностей съездов. Это выражалось и в комплексном анализе состояния экономики, культуры, политических процессов в области и в определении путей

их развития. В качестве примера остановимся на материалах 5-го областного Съезда Советов, проходившего 24 января - 4 февраля 1926 г. На нем присутствовало 93 человека, в том числе 87 мужчин и 6 женщин. Интересен возраст делегатов: 37 человек до 29 лет, 47 от 30 до 39 лет и только 9 делегатов были старше 40 лет. В то же время всего лишь один из избранных на съезд был с высшим образованием, в то время как 61 делегат имел низшее и 2 являлись неграмотными. Повестка дня была сформулирована следующим образом: 1. Международное и внутреннее положение Союза ССР; 2. Отчетный доклад Облисполкома; 3. Советское строительство; 4. Финансы и местный бюджет; 5. Лесное хозяйство области; 6. Состояние сельского хозяйства и скотоводства; 7. Торговля и кооперация; 8. Народное образование; 9. Здравоохранение; 10. Выборы Облисполкома. По всем из них прошли острые дебаты. И были приняты соответствующие резолюции.

Интересно отметить, что отчетный доклад по первому вопросу Ф.И.Булышев сделал на коми языке, что не было таким уж исключением, и с точки зрения закона вполне допустимым, т.к. 3-й областной съезд Советов объявил на территории Коми АО два государственных языка - русский и коми. Вслед за Булышевым многие выступили на коми языке, а самоедин Ледков даже на ненецком. При этом осуществлялся перевод на коми и русский языки. В своем заключительном слове председатель ОИК Е.М.Мишарин (по итогам обсуждения доклада облисполкома) заявил следующее: “Нам, коми, ждть нечего, за нас работать никто не будет и всю работу придется делать нам самим и коми народ это сделать может, да и делает. Коми народ не будет восхвалять себя, не глупый и не хуже других. У коми народа хватит и энергии, твердости и смелости, и если взять упрямотво коми, то его больше чем достаточно, а это еще лишний раз подтверждает, что мы на своем настoим и сделаем то, что нужно. Упрямотво должно рассматриваться не иначе как энергия...” Любопытные слова, хотя, к сожалению, “настоять на своем” удалось далеко не во всем а, может быть, и в самом главном. Уже в конце 20-х годов содержание съездов стало меняться. Они в основном начали обсуждать официальные установки, выполнение плановых заданий, спускаемых сверху. Например, 9-й областной съезд Советов (февраль 1929 г.) полностью одобрил “историческое для Северного края решение ЦК ВКП(б)” о доведении объема лесозаготовок по Коми области к концу первой пятилетки до 16 млн. кубометров в год. Далее мы увидим, чем это обернулось для коми народа. Делегаты следующего, десятого съезда не только восхваляли вхождение Коми АО в состав Северного края, но устами председателя облисполкома И.Г.Коюшева, одного из недавних противников экономического районирования, осудили те “националистические элементы”, которые противились созданию Северного края. Это были явные признаки ужесточавшейся политической ситуации в стране.

Одновременно с созданием национальной государственности и новой политической системы осуществлялись энергичные социально-экономические преобразования. Они достаточно подробно освещены в исторической литературе. Исходя из экономических процессов исследователи определяли периодизацию советской истории: восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.); построение экономических основ социализма (1926-1932 гг.); завершение социалистической реконструкции народного хозяйства (1933-1937 гг.). Эта периодизация имела свою логику и в принципе отражала процесс возрождения и чрезвычайно быстрой структурной перестройки экономики Коми АО.

Однако если исходить из комплексного анализа ситуации в советском обществе, то следует все же выделить 20-е годы как особый этап в развитии Коми автономии. Это был период, когда экономическая политика в большей или меньшей степени основывалась на принципах НЭПа.

Учитывая аграрный характер края, в первую очередь необходимо было стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве и создать условия для его дальнейшего прогресса. По данным переписи населения 1926 г. в Коми АО проживало 255,5 тысяч человек. 92,2% из них составляли коми. Абсолютное большинство жителей было занято или в той или иной степени связано с сельским хозяйством. В области насчитывалось свыше 40 тысяч крестьянских хозяйств. Труд крестьянина основывался на рутинной технике,

урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота были низкими и не обеспечивали потребности крестьянской семьи. Натурализация хозяйства привела к тому, что деньги практически ничего не значили. Многочисленные торгующие организации предлагали свои товары преимущественно в обмен на пушнину. Осуществленная в начале 20-х гг. денежная реформа стабилизировала ситуацию в этой сфере и создала стимулы для развития производства.

В восстановлении сельского хозяйства решающее значение сыграли специальные мероприятия советского государства. Их целью являлось предоставление определенной экономической свободы крестьянину, повышение общей культуры сельскохозяйственного производства и развитие кооперации в деревне. За короткий срок во всех этих направлениях были достигнуты впечатляющие результаты. Пожалуй, впервые за последние годы сельский производитель почувствовал о себе заботу государства.

В 1924 г. на базе Усть-Сысольского отделения Северного общества сельскохозяйственного кредита открылся "Комисельбанк", который стал выдавать крестьянам целевые ссуды на развитие хозяйства. Конечно, и здесь сказывался так называемый классовый подход к крестьянству. Ссуды в основном попадали к менее крепким хозяйствам, которые и могли использовать их менее эффективно. Учитывая к тому же краткосрочность ссужаемых средств вряд ли есть основания преувеличивать их роль в налаживании хозяйственной жизни. Тем не менее при почти полном отсутствии свободных денег у крестьянина это все же для него было хоть каким-то подспорьем.

Вскоре после образования Коми автономии в область стал поступать сельскохозяйственный инвентарь. Только в 1922-1925 гг. было реализовано около 6 тыс. плугов, 18 сеялок, 42 молотилки и другая техника, в селах открылось более 20 прокатных пунктов. В деревне начались землеустроительные работы, туда же направлялась семенная ссуда, значительно увеличились объемы агрокультурных работ. В область стали возвращаться специалисты, обученные в различных учебных заведениях страны, появились многочисленные сельскохозяйственные кружки, начали свою работу сельскохозяйственный выставки. Развернулась опытническая работа, возобновила деятельность Усть-Цилемская сельскохозяйственная опытная станция, в 1925 г. в Ижме был открыт ветеринарно-бактериологический институт.

Одной из важных тенденций развития коми деревни в 20-е гг. являлось развертывание кооперативного движения. В соответствии с установками центра местная власть всячески способствовала этому. В документах тех лет кооперирование крестьян регулярно подчеркивалось как одна из центральных задач партийных и советских органов. Тем самым исключительно точно была подмечена главная отличительная черта северного аграрного комплекса, а именно та, что рост производства продукции здесь возможен лишь при объединении усилий ее производителей. Возникли кооперативы всевозможных видов: кредитные, молочные, мелиоративные, по совместной обработке земли, потребительские и другие. Колхозы и совхозы, появившиеся в крае еще в 1918 г., вплоть до конца 20-х гг. какой-либо существенной роли в жизни деревни не играли. В 1928 г. в их распоряжении находилось всего около 1 тыс. га земли и не более 100 коров. Зато потребительские общества к этому времени охватывали около 80% крестьянских хозяйств области, сельскохозяйственные объединения - 55%.

Результаты проводимого аграрного курса не замедлили сказаться. Уже к середине 20-х гг. коми деревня восстановила свои довоенные показатели, а вскоре превзошла их. Так, в 1928 г. посевная площадь в области достигла 47,8 тыс. га и в 1,5 раза превысила довоенный уровень, поголовье крупного рогатого скота составило 154 тыс. голов. Специализация сельского хозяйства практически не изменилась, рожь и ячмень занимали 3/4 посевных площадей. Однако уже в первой половине 20-х гг. была поставлена задача преимущественного развития животноводства, реализованная в отдаленной перспективе. Не произошло, да и не могло произойти за столь короткий период заметного повышения урожайности возделываемых культур и продуктивности скота. Товарность сельского

хозяйства оставалась крайне низкой, большую часть товарной продукции давало оленеводство.

Сельское хозяйство не обеспечивало прожиточного минимума крестьянской семьи. По-прежнему в некоторых районах значительное место в занятиях сельских жителей играли охота и рыболовство. Кроме того, крестьяне вынуждены были искать заработки за пределами области. Число отходников на уральские заводы и в другие места в середине 20-х гг. доходило до 6 тыс. человек. Важным источником заработков для коми крестьянина стали лесозаготовки, объем которых возрастал с каждым годом. Число занятых в лесу крестьян-сезонников достигало 18-19 тысяч человек.

Новая экономическая политика, основанная на использовании рыночных отношений, привела к активизации социальных процессов в деревне. Усилилась поляризация крестьянства. По данным В.Н.Давыдова, в 1927 г. единоличные хозяйства области использовали труд 14 тысяч сроковых и поденных рабочих, в 1928 г. 14,1% хозяйств не имели рабочего скота, в то время как 12,1% имели по 2-3 рабочих лошади. Такая ситуация вызвала у бедняков и части среднего слоя населения недовольство. Документы тех лет зафиксировали подъем настроений, отраженных в вопросе “За что боролись?” С другой стороны, как уже отмечалось, часть крестьян была недовольна явным благоволением государства к беднякам. Таким образом, хотя положение в деревне и улучшилось, полного успокоения в среде крестьянства не наступило.

Одновременно с решением аграрных проблем местные власти предпринимали энергичные усилия по структурной перестройке народного хозяйства области. Мы уже указывали на разработку весьма амбициозных проектов по созданию развитой промышленности на территории Коми автономии и транспортному строительству. Речь таким образом шла о вовлечении в хозяйственный оборот имеющихся богатых природных ресурсов, об организации переработки сырья в пределах области. Активно поддерживались изыскательские работы. При содействии местного руководства уже в 20-е гг. на территории области работали многочисленные экспедиции, подготовившие научное обоснование для освоения запасов угля, нефти и других ресурсов. Однако их разработка являлась отдаленной перспективой, а времени для ожиданий не было. Три горных завода дореволюционной постройки - Кажимский, Ньючимский и Нючпасский - с введением хозрасчетных отношений оказались в тяжелом положении. Последний вскоре вовсе был закрыт. Из существующих перспективным являлся только Сереговский солеваренный завод, также требовавший коренной реконструкции. Во второй половине 20-х гг. были найдены средства и началось обновление оборудования на этом заводе.

Основные надежды руководство области пока связывало с лесными ресурсами. Поэтому объемы лесозаготовок к концу 20-х гг. по сравнению с 1913 г. возросли почти в 2 раза. Поначалу заготовку древесины осуществляли государственный трест “Северолес” и акционерные общества “Руссанглолес” и “Руссголландлес”, а в 1927 г. был создан трест “Комилес” на долгое время ставший основным производителем древесины на территории области.

В этот же период было положено начало индустриализации народного хозяйства. В 1926 г. в Усть-Сысольске вступил в строй лесопильный завод, в с. Усть-Уса началось строительство мясо-рыбного консервного завода, в Усть-Выми, Ижме и в некоторых других пунктах были построены электростанции. В Усть-Сысольске формировалась база строительной индустрии. Однако каких-то коренных изменений в структуре народного хозяйства в рассматриваемый период не произошло. В 1926 г. доля промышленности в валовой продукции составляла лишь 1,3%. Более 60% приходилось на сельское хозяйство, 27% - на лесное хозяйство, остальную часть давали кустарная промышленность, охота и рыболовство. Малочисленным пока оставался рабочий класс, признаваемый социальной опорой Советской власти.

Наиболее впечатляющие результаты, пожалуй, были достигнуты в развитии культуры. Они хорошо освещены в литературе, поэтому остановимся на главном. В кратчайший период

была создана разветвленная система народного образования. Наряду с начавшейся ликвидацией неграмотности она обеспечила широкий доступ трудящихся к знаниям. Феноменом в области культурного развития стало быстрое формирование национальной школы. Созданный в 1918 г. В.А.Молодцовым коми алфавит позволил организовать выпуск учебников и других печатных изданий на коми языке. Исследовавший этот процесс А.А.Попов отмечает, что в 1924/1925 учебном году из 230 школ 217 работали на коми языке. Этому способствовала так называемая политика “зырянизации” (комизации), ставившая целью перевод делопроизводства на коми язык и привлечение коренных жителей в органы управления. Этот процесс был непростым и шел в условиях постоянных дискуссий, однако он принес свои результаты. Наряду с тем, что на коми языке был налажен выпуск книг, периодических изданий можно утверждать, что в 20-е гг. появилась прочная основа для развития национальной культуры. Быстрыми темпами развивались коми литература, искусство. Произведения В.А.Савина и других писателей приобрели широкую популярность в народе.

Создавалась и система подготовки квалифицированных кадров. Уже в 1925 г. на территории области работали педагогический и сельскохозяйственный (Ульяновский) техникумы, две профессионально-технические школы (в Усть-Сысольске и в с. Айкино), четыре учебно-показательные мастерские. Отметим, что большим преимуществом системы образования являлась ее доступность, поскольку содержание учебных заведений, также как и обучение в них осуществлялись за государственный счет.

Таким образом, 20-е гг. стали одним из самых благоприятных и динамичных периодов в развитии коми народа. Осуществляемый советским государством курс внес успокоение в местное общество, создавал необходимые условия для социального и национального прогресса. Казалось, ничто не предвещало бури...

Очерк IX. ГОДЫ БОЛЬШИХ ПОТряСЕНИЙ

Признаки сгущающихся туч на политическом небосклоне страны обозначились уже во второй половине 20-х гг. Все ожесточенней становились политические дискуссии, заканчивавшиеся отстранением от власти видных деятелей компартии и Советского государства. Укрепив свои позиции, И.Сталин решительно приступает к реализации своих представлений о путях и методах строительства социализма.

На материалах Коми автономной области четко прослеживается начальный рубеж ужесточения курса. Таким рубежом стал 1929 г. В этот год Коми АО вошла в состав Северного края. Решительно прекращаются всякие дискуссии о возможных вариантах развития национальной государственности. Более того, даже невинные попытки отстаивания ее интересов начинают квалифицироваться как проявление национализма и национал-шовинизма. Появляется литература, в которой даются крайне жесткие оценки событиям 20-х гг. Так, авторы обширного сборника статей, изданного к 10-летию Коми автономии, обвинили журнал “Коми му” в превращении в орган националистов. Особенно досталось лицам, стоявшим у истоков национальной государственности коми народа. Указывалось, что это дело попало в руки людей, “...в прошлом принадлежавших к анархистам”. Д.А.Батиев обвинялся в стремлении создать буржуазную республику, А.В.Нахлупин и В.И.Сорвачев - в великорусском шовинизме и т.п.

Следует особо сказать о журнале “Коми му”, ставшем уникальным явлением в общественной жизни области. Основанный в 1924 г. как орган активно работавшего “Общества изучения Коми края”, он привлек обширный круг авторов, публиковал интереснейшие материалы о проблемах развития Коми АО, порой выступая в качестве генератора идей и в вопросах национально-государственного строительства. В 1929 г. журнал был “реорганизован”, в 1930 г. закрыт. Само общество прекратило существование в 1931 г. Внешне нет прямой связи между прекращением работы журнала и началом разворачивания в том же году на территории области лагерной системы, однако и факт совпадения этих двух событий далеко не случаен. Журнал со своей самостоятельной позицией, дискуссионным характером не вписывался в систему безусловного подчинения национально-государственных образований распоряжениям центра. Одновременно с этим прекращается выпуск многочисленной литературы, появившейся на свет в предшествующий период развития автономии, которая содержала огромный материал о политических, экономических и культурных проблемах области. Эта литература останется прочно забытой вплоть до второй половины 80-х годов. Появившиеся в 30-е гг. редкие издания будут иметь строго охранительный характер, рассказывая только о достижениях в развитии области.

Это были явные признаки изменившегося политического курса в стране. Однако местные руководители вряд ли догадывались об этом, тем более, что все делалось под благовидным предлогом ускорения темпов строительства социализма. Имя И.Сталина укоренялось в массовом сознании как выразителя генеральной линии партии, усомниться в правильности которой уже становилось крамолкой. Сам же И.Сталин умело использовал настроения части населения и прежде всего посредством разжигания ортодоксальных классовых страстей. Нельзя не признать, что коренной поворот в политическом курсе страны, осуществленный на рубеже 20-30-х гг., опирался на определенную реальную почву, важным компонентом которой являлись традиции уравнительности в общественном сознании значительной массы крестьянства.

Когда в 1929 г. грянула коллективизация, местное руководство отреагировало на это организованно. Конечно, и для него она в определенной степени стала неожиданностью. Были известны решения недавно прошедшего XIV съезда ВКП(б), в которых не ставилась задача сплошного обобществления крестьянских хозяйств. В материалах Коми обкома партии вплоть до 1929 г. коллективизация, как правило, выступала в качестве второстепенной задачи и представлялась процессом постепенным и добровольным. Укажем,

что в 1927/28 гг. 30 небольших колхозов и 6 совхозов произвели 1,4% валовой продукции сельского хозяйства области. По данным Г.Ф.Доброноженко, ни 15-летний план культурно-хозяйственного строительства Коми области, ни первый пятилетний план, принятый в марте 1929 г. не предполагали форсированной коллективизации. Ее уровень к концу пятилетки должен был составить около 5%, причем имелись в виду не одни колхозы, а и другие виды кооперации. Однако уже с августа 1929 г. эти планы начинают пересматриваться, а в октябре утверждается форсированный рубеж - 15% коллективизации в 1929/30 г. Еще раз подчеркнем, что особых возражений этот курс не вызвал. Встает вопрос - почему? Однозначного ответа на него нет. Нам кажется, что тому был целый комплекс причин. Одной из них является сформировавшаяся система управления обществом, которую принято называть административно-командной. Она предполагала безусловное подчинение мест указаниям центральных органов. Следует учесть и то, что формально коллективизация логически вытекала из широко развернувшегося кооперативного движения и многим действительно представлялась, как тогда говорили, его высшей формой. Нельзя не отметить и весьма здравый смысл в самой идее обобществления сельского хозяйства, распыленного к концу 20-х гг. на тысячи мельчайших производителей. Поднять производительность труда в этих хозяйствах требовались десятки лет. Новая власть столько ждать не могла, поскольку была поставлена задача в кратчайший период построить основы социалистического общества.

События развивались лавинообразно. Сегодня опубликована многочисленная литература, освещающая ход коллективизации. Во всех средствах массовой информации была поднята огромная пропагандистская компания. Проводились многочисленные собрания бедноты и других слоев крестьянства, активно заработали партийные, комсомольские организации. Зачастую прямо на своих собраниях они принимали решения об организации колхоза. Особым энтузиазмом была охвачена молодежь. Вот телеграмма койгородской комсомольской ячейки в адрес пленума обкома ВЛКСМ, датированная 11 марта 1931 г.: "Большой привет пленуму. Создали колхоз в деревне Венибе, вступили все комсомольцы. В деревне Ваддор организуется колхоз из 25 хозяйств. Решение партии претворим в жизнь. В лесу организовали четыре новые бригады из 40 человек. Все комсомольцы в лесу. Впредь еще усерднее будем работать на социалистическом фронте". Между отдельными сельсоветами и даже районами развернулось соревнование за достижение наивысших показателей в коллективизации. Все это инициировалось Коми обкомом ВКП(б). Уже в начале 1930 г. он поставил задачу довести уровень коллективизации к осени того же года до 50%. В итоге были получены ошеломляющие результаты. Если на 1 января 1930 г. в колхозах состояло 9,5% крестьянских хозяйств области, то на 1 апреля уже 21,4%. Таких темпов преобразования жизненных устоев коми деревня никогда не знала. Поэтому она воспринимала происходящее с глухим недовольством. Это недовольство выражалось в разной форме. В деревнях шли разговоры о том, что советская власть желает разорить крестьян. Значительная часть сельских жителей отказывалась вступить в колхозы. Тем более, что местные власти в своем рвении повсеместно перегибали палку. Документы зафиксировали факты, показывающие абсурдность ситуации. Порой у крестьянина обобществлялось все имущество, а затем колхоз вынужден был за тридевять земель закупать для него скот. Распространенными методами нажима на крестьянина были прямое насилие, угрозы, шантаж. О том, что крестьянин вынужден был вступать в колхоз под нажимом, свидетельствовали события, последовавшие после мартовского 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) "О борьбе с исправлениями партлинии в колхозном движении". Начался массовый выход крестьян из колхозов. Уже в мае того же года уровень коллективизации в Коми АО снизился до 15%. Однако формальное осуждение насильственных методов, названных перегибами, оказалось всего лишь тактическим маневром И.Сталина. Г.Ф.Доброноженко, исследовавшая политику коллективизации на Европейском Севере, в последнее время выявила многочисленные факты двойной документации, когда публичные решения

партийных и советских органов тут же перечеркивались секретными инструкциями, распоряжениями прямо противоположного характера.

Для устрашения крестьян была осуществлена специальная программа раскулачивания. По всем подсчетам число зажиточных хозяев в Коми области едва ли достигало 3%. Как правило, это были хозяйства, ненамного превышающие средние показатели по области. Хотя следует отметить, что влияние зажиточных на деревенское общество было значительным. Об этом свидетельствуют материалы сельских сходов, на которых беднота и даже середняки, как правило, не имели решающего голоса.

На кулаков обрушились тяжелейшие репрессии. По отношению к ним уже в предшествующий период были приняты ограничительные меры. Так, в решении июньского (1928 г.) пленума Коми ОК ВКП(б) отмечалось, что “кредитование зажиточно-кулацкой части надо совершенно прекратить”. Эти ограничения затем превратились в репрессивную политику. В годы коллективизации многократно возрос налоговый гнет на кулаков, на них спускались дополнительные задания по сдаче сельскохозяйственной продукции, порой превышающие стоимость самого крестьянского имущества. За их невыполнение накладывались штрафы, применялись судебные меры. Кулаков обязывали работать на лесозаготовках, причем для них устанавливались повышенные нормы выработок. Имущество раскулаченных частично распродавалось, частично передавалось в колхоз. Отсутствие четко определенных признаков кулацкого хозяйства позволяло подводить под эту категорию и середняков и даже в некоторых случаях бедняков. Все зависело от произвола местных властей. В этих условиях выжить крепким хозяйствам не было никакой возможности, они были уничтожены.

Первая пятилетка завершилась полной “победой” политики коллективизации. В 1933 г. в Коми области насчитывалось 540 колхозов, в которых находилось около 24 тысяч или более половины крестьянских хозяйств.

Такие действия вызвали у крестьян ответную реакцию. В литературе зафиксированы случаи террористических актов против сельских активистов, поджоги и порча колхозного имущества, потрава посевов и т.п. Как нам представляется, не это было главным в сопротивлении крестьянства осуществляющему курсу. В годы коллективизации оно нанесло мощнейший удар по производительным силам страны. Такого ущерба ни до ни после этого деревня не испытывала. В советской исторической литературе эти факты или замалчивались, или упоминались мимоходом. Единственный статистический сборник, изданный в нашей республике в 1957 г., т.е. в годы хрущевской “оттепели”, приводил эти потрясающие показатели. Для наглядности воспользуемся включенными в него данными, составив небольшую таблицу.

Поголовье продуктивного скота в Коми автономной области, тыс. голов.

Показатели	1928 г. (на 1 июля)	1932 г. (на 1 июля)
Крупный рогатый скот	153,8	114,3
в т.ч. коровы	87,9	76,5
Свиньи	16,4	4,9
Овцы и козы	157,9	107,5

Укажем, что и в 1933 и даже в 1934 г. происходила убыль поголовья скота. Приведенные цифры не нуждаются в комментариях. Чтобы не сдавать скот в колхоз, крестьяне просто-напросто его забивали.

Однако, следует отметить, что с точки зрения сформировавшейся системы коллективизация имела свою логику, самих крестьян - определенные преимущества. Объединив многочисленные единоличные хозяйства в колхозы, власть получила

значительно более управляемую деревню. Маломощные крестьяне, да и середняки, оказавшись в коллективном хозяйстве, обрели устойчивое экономическое положение, огражденное от рыночной стихии. Последнее было немаловажным, поскольку проблема выживания, особенно в северных условиях, для крестьянина на протяжении веков являлась чуть ли не главной в его повседневных заботах. Поэтому трудно согласиться с новейшими воззрениями о том, что порочной была сама колхозная идея. Точней было бы сказать, что порочными оказались методы ее реализации.

Коллективизация была первым актом в создании общественной системы хозяйства в деревне. Однако нанеся урон деревне, государство поставило себя в крайне трудное положение. Во многих районах страны начался голод. Коми область не входила в их число, но и здесь положение было чрезвычайно тяжелым. Маломощные колхозы не могли обеспечить население продукцией. Необходимо было поставить их на ноги. Начала осуществляться специальная политика укрепления колхозов. В годы второй пятилетки и в предвоенные годы на эти цели были направлены значительные средства. Одновременно продолжалась осуществляться коллективизация. В 1940 г. в республике было создано 718 колхозов, в которых находилось более 90% крестьянских хозяйств. Оставшиеся единоличники практически уже не были связаны с сельским хозяйством, а работали на различных государственных предприятиях. Таким образом, в 30-е годы завершился один из самых крупных социальных переворотов в истории деревни. По переписи 1939 г. из 320 тысяч человек, проживавших в Коми АССР, 290,3 тыс. составляли сельские жители. В их числе удельный вес колхозников достиг 55,2%, а некооперированных кустарей и крестьян-единоличников сократился до 4,4%. Остальную массу составляли рабочие и служащие. Несмотря на исключительно бурные социальные процессы, количество сельских жителей не сократилось, а наоборот возрастало. Это объяснялось тем, что ведущие отрасли промышленности, в частности, лесная, развивались в пределах сельской местности, где и происходило перераспределение рабочей силы.

С созданием колхозного строя стал быстро меняться и социальный облик самого крестьянства. Началась массовая подготовка квалифицированных кадров, появилась административно-управленческая прослойка, в деревню стали поступать специалисты сельского хозяйства. Их подготовку вели Ульяновский сельскохозяйственный и Ижемский зооветеринарный техникумы. В 1936 г. в Сыктывкаре открылась школа механизации сельского хозяйства, во всех районах были организованы колхозные школы, осуществлявшие курсовую подготовку по разным специальностям. В 1940 г. только в МТС работали 747 трактористов и бригадиров тракторных бригад, 57 комбайнеров, 92 шофера и другие механизаторы. Заметим, что они были подготовлены за неполных 10 лет.

Несмотря на огромные трудности, которые приходилось преодолевать в ходе колхозного строительства ситуация в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалась. Тому способствовали усилия, которые прилагало государство по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, подъему их экономики. В 30-е гг. за счет государственных средств началась механизация сельского хозяйства. Первая машинно-тракторная станция была открыта в 1932 г. в Визинге, затем они появились почти во всех районах. Перед войной в республике действовали 16 МТС, в которых работали 520 тракторов, 97 грузовых автомобилей и 74 комбайна. В 1940 г. МТС обслуживали около 80% посевных площадей колхозного сектора. За произведенную работу колхозы рассчитывались с машинно-тракторными станциями натуральной продукцией. Механизация имела не только производственное, но и важное социальное значение, поскольку, как уже отмечалось, повлекла за собой появление совершенно новых для деревни профессий.

Несомненный прогресс в 30-е гг. был достигнут и в укреплении колхозной экономики. По этому поводу следует подчеркнуть следующее. С самого начала своего существования колхозы попали под мощную государственную регламентацию. Практически все стороны колхозной жизни регулировались или специальными постановлениями, или непосредственно райкомами партии и райисполкомами. В этом смысле колхозы в первые же

годы деятельности стали терять свою кооперативную природу и превращаться в государственные предприятия. Но нельзя и абсолютизировать этот процесс. Некоторые демократические институты, такие как колхозные собрания, выборность и отчетность руководителей, действовали. Они были закреплены в новом примерном Уставе сельскохозяйственной артели, утвержденном на II Всесоюзном съезде колхозников в 1935 г. Вслед за тем колхозы Коми республики разработали и приняли свои уставы, что сыграло позитивную роль в упрочении колхозного строя. Тем не менее колхозная демократия развивалась в чрезвычайно стесненных условиях. С одной стороны, осуществлялись меры по ее расширению, с другой - постановления, их перечеркивающие. Так, только в 1938 г. центральными органами было принято два постановления, регламентирующих распределение денежных доходов колхозов.

Тем не менее процесс укрепления экономики колхозов становился все более заметным. Только во второй половине 30-х гг. их денежные доходы возросли в два раза и составили в 1940 г. около 33 млн. руб. Из них 16% давало растениеводство, 49% - животноводство, остальное - подсобные предприятия, промыслы, заработки на стороне. С 1932 по 1941 гг. поголовье крупного рогатого скота в колхозах возросло с 38,6 тыс. до 84,0 тыс. голов, в целом же по республике со 114,3 тыс. до 131,5 тыс. голов. Однако показатели 1928 г., т.е. до коллективизации, к этому времени не были достигнуты. В предвоенные годы были реализованы программы по развитию в республике свиноводства и овцеводства. За 1938-1941 гг. поголовье свиней увеличилось в два раза и достигло 40,4 тыс. голов, овец - с 99 тыс. до 112 тыс. голов. Кроме того, в колхозах было сосредоточено 95,6 тыс. оленей.

В земледелии не произошло существенных структурных изменений, хотя увеличивались посевные площади. Перед войной 71% колхозных полей было занято под зерновыми, 7,2% под картофелем. На 7,5% площадей возделывались технические культуры (лен, в основном в Прилузском районе). Следует отметить огромный рост посевных площадей в республике, происшедший в 30-е гг. Если в 1928 г. вся посевная площадь составляла 47,8 тыс. га, то в 1940 г. - 90,1 тыс. га. Техническое перевооружение сельского хозяйства значительно облегчило работу по освоению новых площадей. К этому следует добавить, что впервые в истории коми деревни развернулись широкомасштабные работы по повышению культуры земледелия и животноводства. Средняя урожайность зерновых культур достигла удовлетворительного уровня и составила в 1940 г. 10,1 ц с га. Во многих хозяйствах получали урожай, значительно превышающий средние показатели. Достижения ряда колхозов, районов республики демонстрировались в предвоенные годы на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. О росте колхозного богатства свидетельствовало и то, что стоимость неделимых фондов сельхозотраслей в годы третьей пятилетки увеличилась почти в два раза.

Более устойчивым стало материальное положение колхозников, хотя оплата труда в колхозах оставалась на низком уровне. Так, в 1940 г. в среднем по республике было распределено 0,64 коп. деньгами, 0,96 кг зерна на трудодень. Исключительно большое значение для колхозной семьи имело личное подсобное хозяйство, размеры которого были сопоставимы с колхозным производством. Так, в 1940 г. в колхозах было 29,5 тыс. коров, в личных подсобных хозяйствах колхозников - 26,8 тыс., свиней соответственно 12 и 14,8 тыс. голов.

Создание колхозного строя было составной частью общей перестройки социально-экономической системы коми автономии. Как уже отмечалось, местные власти разрабатывали в 20-е гг. многочисленные планы выхода из кризисной ситуации и быстрого подъема народного хозяйства. В этих проектах центральное место занимало создание современных отраслей промышленности. Ход развития Коми автономии в первое десятилетие ее существования подтверждал плодотворность выработанного курса. Однако к концу 20-х гг. политическая ситуация в стране кардинально изменилась. Установка на построение социализма "в исторически минимальные сроки" перепутала все планы.

В то же время предложенный центром путь развития экономики был весьма заманчив, а по формальным признакам совпадал с заложенными до того планами: коллективизация, казалось, логически вытекала из кооперативного движения, осваивались богатейшие ресурсы области, мощное развитие получала лесная промышленность, в кратчайший срок была проведена Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Однако содержание и особенно методы осуществления экономических планов оказались прямо противоположными наметками предшествующего периода.

В первую очередь резко возросли лесозаготовки. Объем вывозки леса в 30-е гг. увеличился многократно и достиг 7 млн. куб.м. В связи с этим огромная нагрузка пришлось на местное крестьянство и без осуществления коллективизации “загнать” крестьян на лесозаготовки было практически невозможно. На каждый колхоз был спущен план лесозаготовок. В соответствии с разрядкой они вынуждены были выделять рабочую силу и лошадей для работы в лесу. В 1937 г. среднегодовое число постоянных рабочих в лесной промышленности республики составляло 5,1 тыс. чел., в то время как сезонных - 6,2 тыс. человек. Насколько напряженными были планы лесозаготовок, свидетельствуют данные из брошюры “К перевыборам Советов (от IX к X областному съезду). 1931-1934”, изданной в Сыктывкаре в 1934 г. В ней отмечалось, что “в период наибольшего подъема” в лесу работает свыше 30 тыс. чел., на сплаве 20 тыс., на разделке - 5 тыс.

Одновременно осуществлялась реорганизация лесной промышленности, укрепление ее материально-технической базы. К концу второй пятилетки в республике действовали 10 леспромхозов, в которых работало 109 тракторов. Однако они вывозили всего лишь немногим более 10% заготовленной древесины, остальная часть приходилась на конную вывозку.

Лесная и деревообрабатывающая отрасли промышленности стали одними из ведущих в структуре народного хозяйства. В 1936 г. в Сыктывкаре вступил в эксплуатацию новый лесопильный завод, в связи с чем объем выпуска пиломатериалов увеличился более чем в два раза. Появились и другие предприятия деревообработки и таким образом производство пиломатериалов в республике в 1940 г. было доведено до 355 тыс. куб.м.

Огромные средства были направлены на освоение природных ресурсов северных территорий. В кратчайший период удалось развернуть добычу нефти и угля. В годы второй пятилетки на развитие Печорского промышленного района объем капитальных вложений возрос в 4 раза и составил 65 млн. рублей в 1937 г. Нефтедобыча развернулась на Чибюском и Ярегском месторождениях. Уже в 1934 г. в Ухте был введен в действие нефтеперерабатывающий завод, а в предвоенные годы построена первая шахта для добычи тяжелой нефти. Кроме того, в 1933 г. вступил в строй асфальтовый рудник, который начал обеспечивать сырьем электротехническую и лакокрасочную промышленность страны.

В чрезвычайно суровых климатических условиях создавалась угольная промышленность. Угольные месторождения стали осваиваться с 1929 г., а в 1934 г. в Воркуте вошла в строй первая эксплуатационная шахта. В этом же году начала функционировать узкоколейная железная дорога от пос. Рудник до р. Усы длиной в 64 километра. Уже в предвоенные годы третьей пятилетки завершилось строительство новой мощной шахты “Капитальная”, а в 1940-1941 гг. были заложены еще 5 новых шахт. Добыча угля достигла 330 тыс. тонн. Одновременно велись широкомасштабные изыскательские работы с целью расширения сырьевой базы для добывающих отраслей промышленности.

Создание нефте- и угледобывающей базы потребовало резкого улучшения транспортных коммуникаций. Продукция новых предприятий поначалу вывозилась по узкоколейке, затем неоднократно перегружаясь, водным путем доставлялась к местам потребления. Это крайне затрудняло выход продукции в промышленные районы страны. В 1937 г. было принято окончательное решение и начато строительство Северо-Печорской железной дороги. На ее возведение были брошены огромные силы и средства. Магистраль, протяжением свыше 1 тыс. километров, вступила в строй в рекордно короткие сроки: уже в

ноябре 1941 г. открылось рабочее движение до Воркуты. Можно сказать, что в 30-е гг. республика превратилась в огромную строительную площадку.

Кроме указанных отраслей создавались пищевая промышленность, строительная индустрия, судостроение и другие. Заново был сформирован речной флот, осуществлявший основной объем грузоперевозок. Во второй и третьей пятилетке появился и воздушный транспорт, открылись авиалинии, связывающие Сыктывкар не только со многими райцентрами, но и с некоторыми городами за пределами республики. Изменялась география размещения промышленности. Во многих райцентрах появились промышленные предприятия. В 1929 г. в Усть-Цильме началось, а в 1932 г. было закончено строительство крупного замшевого завода. Это была действительно индустриализация народного хозяйства области.

Такие темпы промышленного развития обеспечивались во многом благодаря энтузиазму рабочих и колхозников. Массовые масштабы приняло трудовое соперничество или социалистическое соревнование. В 1935 г. развернулось стахановское движение, многие рабочие стали в несколько раз перекрывать нормы выработки. Имена передовиков, таких как Анфиса Пудова, Михаил Чайковский, Иван Рассыхаев, достигавших на лесозаготовках рекордных показателей, в тот период были широко известны в республике. Люди работали самоотверженно, порой в исключительно тяжелых условиях, искренне увлеченные идеей строительства социализма. Партийные и советские органы всячески поощряли трудовой энтузиазм. Проводились слеты передовиков, им давались премии, их имена публиковались на страницах газет, освещался опыт работы лучших представителей рабочего класса. Социалистическое соревнование хотя порой и имело формальный характер, но в то же время являлось ярким примером стремления сделать жизнь лучше, внести свой вклад в укрепление экономической мощи страны.

Однако не в меньшей степени индустриальный подъем области был обеспечен за счет массового применения подневольного труда. 30-е гг. в полной мере вместили трагедию народа, попавшего под сталинские репрессии. Уже в 20-е гг. Коми область становится местом высылки лиц, неугодных советской власти.

Полномасштабная деятельность ГУЛАГа на ее территории развернулась в 30-е гг. В 1929 г. был создан Ухтапечтрест, который начал освоение угольных и нефтяных месторождений именно с помощью труда заключенных, большинство из которых составляли незаконно репрессированные в годы культа личности И.Сталина. В кратчайший период на территории области была создана система лагерей. Уже в 1936 г. в Ухтапечлага насчитывалось 100 тыс. заключенных. Отметим, что Ухтинская экспедиция ОГПУ, прибывшая на Чибью в 1929 г. насчитывала всего лишь 125 заключенных. Во второй половине 30-х гг. создаются самостоятельные отделения Ухтпечлага: Ухтинское, Печорское, Воркутинское, Интинское, Усинское. В 1938 г. из Ухтпечлага выделяются как самостоятельные Ухт-Ижемлаг, Воркуто-Печорский и Северный железнодорожный. Кроме того развернули свою деятельность два лесозаготовительных лагеря - Усть-Вымьлаг и Локчимлаг. Вот что пишет в работе "Печальная пристань" (Сыктывкар, 1991 г.) Н.Морозов: "Трудно сказать, сколько человек составляла империя Комилага. Нет пока обобщающих цифр, соответствующих архивных материалов. По некоторым данным, численность заключенных в Коми АССР на 1 января 1942 г. достигла 200 тыс. человек...". Это была действительно империя. По численности она превосходила численность населения самой республики. Трудом заключенных почти полностью были возведены нефтяные и угольные предприятия, Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Кроме того, они работали в лесной промышленности, в сельском хозяйстве. В республику были сосланы также тысячи раскулаченных. Именно они в довоенные годы создали одно из передовых сельскохозяйственных предприятий на севере страны - крупнейший совхоз "Новый бор". Через лагерную систему осваивалась основная часть капитальных вложений. Так, из общего объема затрат на развитие народного хозяйства области, составивших в годы второй пятилетки 373,4 млн. руб., 68% было освоено по линии Ухтапечтреста.

Ради справедливости следует отметить, что руководители области не особенно противодействовали разворачиванию деятельности ГУЛАГа. Причиной тому была не только сложившаяся политическая обстановка в стране. Есть основания предположить, что предложения центра об использовании труда заключенных были встречены с пониманием. Более того, они совпадали со стремлением развернуть широкомасштабное строительство на территории области, одним из препятствий на пути которого была чрезвычайная ограниченность внутриобластной рабочей силы. Некоторые документы наводят на такую мысль.

Вскоре после того, как ВСНХ РСФСР в сентябре 1929 г. рассмотрел вопрос об использовании труда заключенных в промышленности и послал соответствующий запрос в адрес треста “Комилес”, через Прилузский район заключенные были завезены в область. На пленуме Коми обкома ВКП(б), проходившем в октябре 1929 г., отвечая на высказывавшиеся сомнения о нереальности обеспечения форсированных темпов развития промышленности, докладчик М.И.Попов заявил, что “есть надежда” на увеличение численности строительных рабочих в 1929 г. до 15 тыс. чел. против 2,8 тыс. в предыдущем году, занятых на лесозаготовках - с 32 тыс. до 46 тыс. человек. Помимо крестьянства существовал лишь один источник такого роста - заключенные и спецпереселенцы. Это только один факт из серии подобных, свидетельствующий о крайней противоречивости условий развития Коми автономии.

Таким образом, на ее территории стали функционировать как бы две промышленные системы: одна - основанная на труде заключенных и генетически не связанная с местным населением, другая - крайне деформированная лесная отрасль, основную нагрузку в которой практически все довоенные годы несли сельские жители. Тем самым подрывались и суверенные основы государственности коми народа. И дело даже не в том, что не были реализованы намечаемые в 20-е годы местным руководством планы хозяйственного строительства в области. В конце концов, Коми автономия, ее экономика являлись составной частью единого экономического комплекса страны и местные интересы в какой-то мере неизбежно должны были подчиняться общесоюзным интересам. Нет, например, никакого сомнения в том, что древесина как воздух нужна была для быстро поднимающейся промышленности и если ее можно было взять на территории Коми области, то это так и надо было сделать. Проблема заключается в другом. Усилия целого народа были сконцентрированы на обеспечении одной отрасли - лесозаготовительной, последствия чего в социальном развитии республики сказываются до настоящего времени. На заготовке леса были замкнуты интересы коми деревни.

С другой стороны, создавались целые отрасли промышленности на территории самостоятельного национально-государственного образования, оказавшегося к этому малопричастным. Конечно, нельзя представлять их полностью изолированными от народного хозяйства области. Без того же леса немыслимо было возведение железной дороги, шахт и других промышленных объектов на Севере. Однако государственные, партийные и хозяйственные органы Коми автономии оказались как бы сторонними наблюдателями огромного промышленного строительства, развернувшегося на их территории.

Если в конце 20-х гг. доля местного бюджета в развитии промышленности достигала 37% и была одной из высоких среди автономных образований, то в последующем она неуклонно снижалась. Помимо всего прочего это лишало возможности приобретения опыта в организации крупного производства и наряду с союзной подчиненностью новых отраслей народного хозяйства все больше и больше превращало народ, являющийся носителем государственности, в объект для выполнения, по выражению тех лет, “хозяйственно-политических задач”.

Однако, как бы то ни было 30-е гг. стали поворотным периодом в изменении экономического и социального облика Коми автономии. Именно в этот период был создан “индустриально-аграрный тип” хозяйства, заложены основы промышленных производств,

надолго определивших пути развития республики. Уже в 1937 г. на долю промышленности приходилось 75% валовой продукции народного хозяйства области. О темпах индустриального развития свидетельствует тот факт, что только за три последних предвоенных года промышленное производство возросло почти в два раза.

В этот же период сформировался рабочий класс. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в народном хозяйстве республики было занято 44 тыс. рабочих. Среди них значительная доля приходилась на лиц коми национальности, что свидетельствовало о явном прогрессе самого народа. А в таких отраслях как лесозаготовительная, пищевая, легкая они составляли большинство. В то же время, например, в горнодобывающей промышленности доля лиц коренной национальности составляла всего лишь 19,1% (на 1939 г.). Промышленное развитие оказало воздействие на изменения в размещении рабочего класса и населения республики в целом. Возникли новые крупные населенные пункты - Ухта (1939 г.), Воркута (1940 г.), Железнодорожный (1941 г.), целый ряд лесных поселков.

Такие темпы развития Коми автономии невозможны были без создания соответствующей политической системы. В основных чертах она сформировалась уже в предшествующий период и окончательно была закреплена в 30-е гг. Сложившуюся структуру власти и методы ее исполнения в последнее время характеризуют как административно-командную систему, вкладывая в это определение негативный смысл. Это верно, но только лишь отчасти. Дело в том, что административно-командные методы в управлении применяются любым государством, их роль особенно в переломные этапы развития общества резко возрастает. Исходя из того, что в 20-30-е гг. советское государство переживало как раз такой период, администрирование и сильная централизация власти были оправданы. Именно благодаря этому удалось мобилизовать ресурсы страны для ускоренного подъема экономики. Однако этот курс был чреват тем, что мог полностью подмять демократические институты и до предела урезать права народа на распоряжение собственной судьбой. Что и случилось в 30-е гг.

Практически вся государственная власть перешла в руки партийных органов. На местах ни один мало-мальски серьезный вопрос не мог быть решен без согласия областного комитета, гор- и райкомов партии. С 1930 по 1940 гг. численность коми областной партийной организации возросла с 1691 до 4379 человек. Удельный вес коммунистов в общей численности населения был невелик, однако партийные организации охватывали своим влиянием все сферы жизни. В их руках был мощный рычаг управления любым коллективом - распоряжение кадрами. Назначение на абсолютное большинство руководящих должностей осуществлялись при согласии партийных организаций. Несмотря на то, что партийные решения формально носили рекомендательный характер, постепенно они стали обязательными для выполнения во всех государственных учреждениях, на предприятиях, в колхозах. В 1940 г. в Коми республике действовали 289 первичных партийных организаций, 121 кандидатская группа, кроме того 13 партийно-комсомольских групп. В осуществлении своей политики партия опиралась на комсомольские организации. На 1 февраля 1940 г. в них состояло 12860 человек, объединенных в 985 первичных комсомольских организаций.

Эта система обеспечивала выполнение двух взаимосвязанных задач - мобилизацию населения на обеспечение высоких темпов развития народного хозяйства и его идеологическую обработку. Была создана разветвленная сеть политической учебы, которая обеспечивала изучение партийных документов и разъяснение целей и задач осуществлявшегося курса. Особенно усилилась идеологическая работа в связи с выходом в свет в 1938 г. "Краткого курса истории ВКП(б)", надолго определившего развитие общественной мысли в стране в соответствии со сталинскими догмами. Основной целью пропагандистской деятельности стало обоснование правильности проводимой партией политики.

В стране сформировалась обстановка, в которой исключалось всякое инакомыслие. Развернувшиеся в 30-е гг. репрессии не обошли и Коми республику. Многие деятели культуры, партийные и государственные работники, хозяйственные руководители оказались

в сталинских лагерях. Среди них были один из создателей коми автономии Д.Батиев, основоположник коми литературы В.Савин, председатели облисполкома И.Коюшев и Ф.Тараканов, крупный организатор народного хозяйства области А.Бабушкин и многие другие. Репрессивная политика особенно тяжело отражалась на кадрах руководителей. За любой недостаток в работе они могли быть обвинены во вредительстве. Только за 1938 -1939 гг. в республике сменилось 465 или более половины председателей колхозов.

В этой ситуации предельно урезанными оказались права местных органов власти - Советов. Они в основном стали заниматься текущими хозяйственными проблемами. Тем не менее через Советы в государственное управление была вовлечена большая масса населения. Приведем выдержку из доклада Коми облисполкома "О советском строительстве" за 1921-1936 гг.: "связь Советов области с широкими рабочими, колхозными массами непрерывно растет. Массовые организации Советов резко увеличились, особенно после последних перевыборов в 1934 г. Число секций Советов доходит сейчас до 900..., депутатских групп в колхозах насчитывается 365 с числом членов 2906, в лесном производстве 194 депутатские группы с числом членов 1549...В деле коренизации советского аппарата Коми автономной области достигнуты крупнейшие успехи. Сельские Советы, райисполкомы, весь низовой советский аппарат области сейчас почти полностью укомплектован из местных людей - коми трудящихся. В областных аппаратах работников коренной национальности насчитывается до 80% общего состава работников в них. Создана мощная полиграфическая база по изданию печати на родном языке, учреждения обеспечены техническими и множительными средствами по ведению коми письменности в учреждениях. Успехи социалистического строительства области внесли коренные изменения и в состав Советов области. На 1 января 1936 г. из общего числа 4353 членов и кандидатов в члены советов колхозники составляют 94%, а единоличники только 1%, остальные - рабочие и специалисты колхозного села..."

Вторая половина 30-х гг. стала важным этапом в дальнейшем упрочении государственной власти. В соответствии с конституцией СССР 1936 г. Коми автономная область была преобразована в Коми Автономную Советскую Социалистическую республику. 23 июня 1937 г. чрезвычайный XI съезд Советов Коми АССР единогласно принял ее Конституцию. Первая статья Конституции гласила: "Коми Автономная Советская Социалистическая республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян...". Конечно, в смысле самостоятельности в сложившихся в стране политических условиях республика по сравнению с автономной областью каких-то существенных преимуществ не получила, тем не менее формально статус национальной государственности коми народа был повышен. В 1938 г. прошли выборы в Верховный Совет Коми АССР, который затем сформировал правительство республики - Совет Народных Комиссаров. На первой сессии Верховного Совета председателем Президиума был избран Г.В.Ветошкин, председателем СНК - И.И.Оплеснин.

Завершающим этапом перестройки системы государственной власти стали выборы депутатов в местные Советы Коми АССР, состоявшиеся 24 декабря 1939 г. В них участвовало 92,2% избирателей, депутатский корпус составил 2947 человек. Составной частью совершенствования государственной власти являлись административно-территориальные изменения. Как уже отмечалось, при районировании в 1929 г. на территории области было создано 9 районов. В последующем из Усть-Куломского района был выделен Троицко-Печорский (1931 г.), из Ижемского - Усинский (1931 г.), из Летского - Прилузский (1935 г.). Ижемский, Усинский и Усть-Цилемский районы затем вошли в состав созданного в 1936 г. Печорского округа, просуществовавшего до 1941 г.

Преобразование Коми автономии в Коми АССР и прошедшие затем выборы населением были встречены с большим энтузиазмом. Не в малой степени он был вызван пропагандистской работой, развернутой партийными и комсомольскими органами. Но не только. Существовали и реальные основания для поддержки осуществляемых преобразований. Несмотря на то, что хватало и трудностей, люди ощущали реальные

перемены в жизни. Пожалуй, не менее чем в экономической они проявлялись и в культурной сфере.

В годы предвоенных пятилеток в области культуры были достигнуты исключительно большие результаты. На эти цели государством направлялись крупные ресурсы, а такие отрасли как просвещение, здравоохранение и другие рассматривались приоритетными в государственной политике. Итоги проделанной работы следующим образом характеризовались в постановлении Президиума ВЦИК от 9 сентября 1936 г. “О хозяйственном и культурном строительстве автономной области Коми за 15 лет существования”: “Трудящиеся Коми за 15 лет существования автономной области ... добились крупных успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Осуществлено всеобщее начальное обучение, 85% детей, окончивших начальные школы в 1936 г., охватываются семилетним обучением, успешно ликвидируются неграмотность и малограмотность взрослого населения, организованы 2 вуза, 12 техникумов, 3 рабфака, 2 школы ФЗУ, 2 леспромхозуча и др. Созданы письменность на родном языке на родном языке, художественная литература, национальный театр. Растут кадры писателей, искусства и музыки...”. Эта оценка полностью соответствовала действительности.

В указанный период было завершено формирование системы народного образования. В 1940 г. в республике работали 375 начальных, 103 семилетних и 27 средних школ. Расходы на просвещение достигли 70% денежных средств, выделяемых на социально-культурные мероприятия. Сеть школ обеспечивала полный охват детей обучением. По данным А.А.Попова в 1938/1939 учебном году в 71,8% школ обучение велось на коми, в 7,4% - на коми и русском, в 20% - на русском языке. Сложилась и система подготовки педагогических кадров. В 1932 г. открылся Коми государственный педагогический институт, с 1934 г. подготовку преподавателей вел учительский двухгодичный институт. Кроме того, работали Сыктывкарское, Усть-Вымское и Мохченское педучилища. Конечно, были и трудности в развитии общеобразовательной школы. В частности, серьезно осложнил ситуацию перевод коми письменности в начале 30-х гг. с молодцовского алфавита на латинизированный, а затем ее обратный перевод в середине 30-х гг. на молодцовский, а с конца 30-х гг. на русскую графическую основу. Однако, в целом система народного образования функционировала весьма успешно.

Помимо этого, в 30-е гг. была создана разветвленная сеть средних специальных учебных заведений. В 1940 г. они подготовили 468 специалистов против 70 в 1927 г.

Развитие народного образования и других сфер культуры стало возможным бурному росту печатного дела. В Сыктывкаре и в районах формировалась полиграфическая база, практически обеспечивавшая потребности республики в печатных изданиях. На месте выпускались все учебники для национальной школы, художественная литература, газеты. В 1939 г. печатная продукция коми книжного издательства в два раза превысила уровень 1930 г., количество названий возросло в 5 раз. Помимо районных и окружной выходили 4 республиканские газеты: “Коми колхозник”, “Вөрлэдзысь” (“Лесной рабочий”), “Коми комсомолец” и “За новый Север”.

На новые рубежи вышла коми литература, основы которой заложил В.А.Савин. В конце 20-х - начале 30-х гг. к активной творческой деятельности подключилась и целая плеяда талантливых писателей и поэтов: Г.Федоров, И.Изьюров, В.Юхнин, И.Пыстин, В.Елькин, В.Латкин, А.Размыслов, Я.Рочев, Н.Фролов. Их произведения уже в предвоенные годы стали широко известны читателю. В 1941 г. вышел в свет первый коми национальный роман “Алая лента” В.Юхнина.

В то же время следует отметить, что в 30-е гг. как художественная литература, так и вся культура оказались предельно идеологизированными. В соответствии с партийными установками разрешалось только хвалебное освещение социалистической действительности. Любые отклонения от официальных установок решительно пресекались Коми обкомом ВКП(б). Во второй половине 30-х гг. по решению облисполкома стала изыматься и частично уничтожаться, а частично закладываться на специальное хранение многочисленная

литература, изданная в 20-е гг. Особенно это касалось публикаций, освещающих проблемы национально-государственного строительства. Окончательная трактовка состояния национально-государственного строительства была закреплена в издании Коми облисполкома “XV лет Коми автономной области. Итоги хозяйственного, социально-культурного и Советского строительства” (Сыктывкар, 1936) и затем многие годы оставалась неизменной. Огромный материал, собранный в книге и показывающий действительные успехи в социально-экономическом и культурном развитии области, должен был свидетельствовать о единственно правильном избранной партией пути. Создавалось впечатление, что все проблемы или уже решены, или успешно решаются. Кстати сказать, ответственные редакторы указанного издания М.П.Минин и А.И.Бабушкин впоследствии были репрессированы.

Крайне политизирована была и работа созданной сети культпросветучреждений. В 1940 г. их насчитывалось 269, в том числе 180 изб-читален и колхозных клубов, 13 районных домов культуры. Они осуществляли огромную работу по культурному просвещению населения. В 1938 г. только на селе было проведено более 2,3 тыс. лекций, бесед, докладов. Значительную их часть составляли выступления и по марксистско-ленинской теории, социалистической демократии, разъяснению партийных документов. Была развернута огромная антирелигиозная пропаганда. Только в 1940 г. состоялось 520 лекций, 1030 коллективных бесед и чток по антирелигиозной тематике. В 30-е гг. было закрыто абсолютное большинство церквей, многие из них разрушены. Среди них оказались крупнейшие церковные здания Стефановского и Троицкого соборов в Сыктывкаре.

В культуре, как и в других сферах жизни, отразились противоречия развития советского общества в 30-е гг. И все же основным было то, что постепенно изменялся облик целых районов, всей республики. Одним из характерных в этом отношении был Сторожевский район - участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. До 1917 г. грамотность населения здесь составляла не более 20%, а в 1940 г. свыше 90% жителей в возрасте от 8 до 50 лет умели писать и читать. В районе работали 16 начальных, 8 неполных средних и 1 средняя школы. Жителей обслуживали районный дом культуры, 10 изб-читален, 13 красных уголков, 3 библиотеки, звуковой кинотеатр и 6 кинопередвижек. Была создана система здравоохранения. В районе работали 2 больницы, 3 врачебных амбулатории, 9 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 роддома, туберкулезный санаторий. Сформировались кадры интеллигенции. В социально-культурных учреждениях насчитывалось 126 учителей, 51 медработник, 14 специалистов сельского хозяйства. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1940 г. участвовало от района 15 колхозов и 25 передовиков сельского хозяйства. Колхозы “Выль ордым”, “Ленин туйод” и “Победа” были отмечены дипломами выставки. Укажем, что Сторожевский район ничем существенно не отличался от остальных районов республики. Несмотря на все трудности, экономика и культура Коми АССР находились на подъеме.

Очерк X. КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Занятые мирным трудом советские люди мало верили в возможность войны. Способствовала тому и официальная пропаганда, резко сбавившая в конце 30-х гг. критический тон в отношении фашистской Германии. Да и действительно, не хотелось верить, что после стольких испытаний и трудностей, когда жизнь уже наладилась и стала относительно спокойной, вновь придется браться за оружие. Однако, 22 июня 1941 г. радио неожиданно известило о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Еще многие помнят знаменитый голос Левитана, прочитавшего это известие. Через годы, десятилетия, этот голос будет напоминать о той роковой черте, которая резко очертила грань времени, принесшего столько горя, слез и испытаний нашему народу. Пройдут 1418 дней, прежде чем будет произнесено долгожданное слово “Победа”. А до этого предстояло пройти путь, полный невзгод и лишений, путь великого подвига.

Уверенные в победе встретили трудящиеся Коми АССР начало войны. В первые же дни агрессии в учреждениях и на предприятиях, в колхозах, почти во всех трудовых коллективах прошли митинги. Их лейтмотивом была одна мысль - отдать все силы на отпор врагу. Вот фрагмент одного из характерных обращений трактористок Визингской МТС, опубликованного в республиканской газете “За новый Север” 29 июня 1941 г.: “...На защиту Родины, для разгрома фашистской гадины идут в действующую армию наши братья, мужья, товарищи по работе, подлинны патриоты социалистической Родины. Можем ли мы, советские женщины, ограничиться ненавистью к злейшему врагу? Нет, не можем! Наши советские женщины - патриотки счастливой Родины - сделают все для того, чтобы обеспечить победу над коварным врагом с малыми жертвами и за короткий срок. Для этого надо, чтобы наши заводы, фабрики, колхозы, МТС работали бесперебойно и могли дать для фронта все необходимое...”. Эти люди многое перенесли в довоенные годы, им жилось нелегко, но это была их жизнь, и они готовы были ее защищать до последней капли крови. Вот только “малыми жертвами” сделать это не удалось.

О массовом патриотическом порыве трудящихся республики свидетельствовали тысячи заявлений с просьбой отправить их в действующую армию, поступивших в военкоматы в первые дни войны. А уже 27 июня 1941 г. из Сыктывкара на фронт был направлен маршевый батальон резервистов. Стремление добровольно выступить с оружием в руках на защиту Родины было характерным явлением для всех лет войны и превратилось в массовое патриотическое движение.

Оно подпитывало и народное ополчение, формировавшееся по всей республике. Ополченцы обучались военному делу, несли патрулирование в населенных пунктах, осваивали противоздушную и противохимическую оборону, знакомились с основами санитарных знаний. В кратчайший период была создана эффективная система подготовки резервистов, поставлявшая фронту уже вполне обученных солдат.

Созданная в стране в предвоенные годы политическая и экономическая система при всех ее недостатках имела одно несомненное преимущество - она обладала мощными мобилизационными возможностями. Централизованная система управления позволяла направлять ресурсы на решение первоочередных задач. Уже в 1941 г. областным комитетом ВКП(б), Президиумом Верховного Совета, Советом Народных Комиссаров Коми АССР были приняты необходимые постановления, определившие меры по перестройке работы органов власти, общественных организаций, трудовых коллективов в соответствии с требованиями военного времени. Для промышленных предприятий и колхозов были определены дополнительные задания по выпуску продукции, расширению ее номенклатуры. К примеру, в постановлении бюро Коми обкома ВКП(б) “О работе промышленных предприятий г.Сыктывкара” 17 ноября 1941 г. говорилось: “...1. Обязать Сыктывкарский ГК ВКП(б), первичные партийные организации, директоров предприятий, на основе доклада т.Сталина с ноября с.г. перестроить всю работу на военный лад, обеспечив безусловное

выполнение и перевыполнение планов по каждому предприятию как по валовой продукции, так и по ассортименту. Выполнение специальных заданий: производство лыж, валенок, полшубков и выделку овчин взять под ежедневный контроль, организовать на этих предприятиях круглосуточную работу, приняв меры по выполнению задания в установленные сроки. Направить на горпромкомбинат на постоянную работу 10 коммунистов...” Таким образом расписывались задания для всех государственных и хозяйственных органов. Принимались решения о создании новых промышленных предприятий, причем не только работающих на нужды обороны страны, но и обеспечивающих потребности населения в товарах широкого потребления.

Это принесло результаты уже в первый год войны. Показатели работы промышленности республики в 1941 г. оказались значительно выше, чем в предшествующем. Так, древесины было заготовлено на 1,7 млн. куб. м больше, в том числе до 1 млн. куб. м древесины военного назначения. Местная промышленность выпустила продукции в два раза больше, чем в 1940 г. При этом было освоено значительное количество новых видов изделий. Уже в 1942 г. все деревообрабатывающие предприятия изготавливали лыжи, на Усть-Цилемском замшевом заводе стала производиться специальная замша, в том числе для применения в авиации, промкомбинаты и другие предприятия начали выпускать большое количество различных товаров военно-технического назначения.

Люди работали с утроенной энергией, прилагая героические усилия для скорейшего расширения производства. Так было, например, на Ижемских сажевых заводах, когда в связи с оккупацией западных территорий прекратилась поставка горелок. Местные инженеры, возглавляемые П.Палкиным в короткий срок разработали новый вид керамических горелок из местных материалов. К концу войны были освоены мощности 5 сажевых заводов. Здесь же, занимаясь поисками сырья для производства горелок, репрессированный геолог В.А.Калюжный обнаруживает повышенное содержание титана в горных породах. При строительстве железнодорожных мостов вместо металлических широко стали применяться деревянные конструкции. Для Северо-Печорской железнодорожной магистрали были демонтированы и переброшены конструкции строившегося в Москве Дворца Советов, а также один из металлических мостов через канал Москва-Волга. В годы войны пропускная способность железной дороги была значительно увеличена, это позволило полностью обеспечить вывоз воркутинских углей, лесной и другой продукции в места их потребления. Значение этой магистрали было настолько велико, что в 1943 г. немцы сбросили специальную диверсионную группу с целью взорвать железнодорожный мост через р.Печору. Однако она не успела выполнить задание и оказалась обезвреженной.

Республика поставляла фронту, стране крайне необходимую продукцию, среди которой стратегическое значение имели нефть, уголь, лес. Добыча нефти “Ухтакомбинатом” в годы войны возросла почти в два раза и составила в 1945 г. 172,5 тыс. т. На полную мощность заработала первая в стране нефтешахта № 1. Добываемая здесь нефть поступала и перерабатывалась на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе, который вдвое увеличил ассортимент выпускаемой продукции. Была открыта целая группа газовых месторождений и создан мощный газодобывающий комплекс. Излишне говорить, насколько важны были для промышленности страны продукты, выпускаемые на основе нефти и газа. Например, получаемая здесь термическая сажа в значительной степени обеспечивала потребности в ценнейшем сырье для изготовления термических и морозоустойчивых резиновых изделий.

Исключительно высокими темпами развивался Печорский угольный бассейн, обеспечивавший углем Северный морской флот и многие промышленные предприятия Ленинграда, Кирова, Горького, Москвы. В годы войны было заложено 29 новых шахт в Воркуте и Инте, 12 из которых вступили в строй. На их строительство были направлены крупные материальные и финансовые ресурсы. В 1945 г. добыча угля комбинатом Воркутауголь составила 2,2 млн. т., набирали мощности шахты Инты.

Вывоз угля обеспечивался не только за счет увеличения пропускной способности Северо-Печорской железнодорожной магистрали, но и благодаря новаторской работе

железнодорожников. Вот что писала газета “Гудок” о работе Героя Социалистического Труда, машиниста паровоза Елены Чухнюк в 1943 г.: “...Коллективу Северо-Печорской дороги памятен один из первых рейсов машиниста Чухнюк. В ту пору еще никто не преодолевал пути от Ижмы до Княжпогоста быстрее, чем за 2-3 дня. Чухнюк обязалась доставить тяжеловесный поезд без дополнительного набора топлива в пути следования, просила только обеспечить ей “зеленую улицу”. Диспетчеры приняли ее вызов на соревнование. Рейс был совершен за 11 часов! Он сыграл большую роль в борьбе за скоростное продвижение поездов на Северо-Печорской дороге...”.

И так было во всех отраслях народного хозяйства. Огромные усилия прилагались партийными и советскими органами для обеспечения заготовки необходимых объемов древесины. Условия работы в лесу были очень тяжелыми. Не хватало самого необходимого, отсутствовало благоустроенное жилье. Многие лесорубы проживали в землянках, где порой за ночь нельзя было высушить промокшую одежду. А утром, зачастую в тридцатиградусные морозы, приходилось идти на работу. Необходимо было обеспечить бесперебойное снабжение крепежным лесом угольную промышленность, заготавливать возросшее количество дров, выпускать необходимые пиломатериалы. Тем не менее сохранить довоенные показатели лесная промышленность не смогла. Если в 1940 г. вывозка древесины по Коми АССР составляла 6,8 млн. куб. м, то в 1944 г. - всего лишь 4,2 млн. Сказалось резкое сокращение рабочей силы и ослабление технической базы лесной промышленности. Техника и инвентарь выходили из строя, но не было ни запасных частей, ни новых механизмов. Большинство видов работ в лесу выполнялось вручную. Но и в этих условиях Коми республика бесперебойно снабжала лесопродукцией 40 крупных предприятий страны, обеспечивала работу оружейных и других заводов, ряда железных дорог.

Наряду с указанными отраслями бурное развитие получила местная промышленность. Число мастерских и цехов в райпромкомбинатах в 1945 г. по сравнению с 1940 г. возросло в 19 раз. Было освоено большое количество новых видов продукции, обеспечивавших нужды армии и населения. Из районов на фронт отправлялись тысячи пар обуви, полушубков, меховых жилетов, шапок, рукавиц. Вошли в строй и крупные предприятия местной промышленности. В Сыктывкаре был построен кожевенно-обувной комбинат, производивший до 100 тысяч пар обуви и другие кожтовары. Всего же в Коми АССР выпускалось более 400 наименований изделий в основном из местного сырья.

Следует иметь в виду, что развитие промышленности, как и сельского хозяйства, происходило в крайне трудных условиях. Только в первые три месяца войны в армию ушло более трети рабочих и служащих. Причем это была наиболее трудоспособная и квалифицированная часть населения. Многие предприятия испытывали острейший недостаток рабочей силы. В 1943 г. на Усть-Цилемском замшевом заводе вместо потребных 68 человек работали всего 49 рабочих. Ушедшие на фронт в спешном порядке стали заменяться женщинами, детьми, нетрудоспособными. В 1942 г. была введена трудовая мобилизация граждан, осуществлявшаяся преимущественно за счет сельского населения. В Сыктывкаре численность женщин на промышленных предприятиях и транспорте за 1941-1943 гг. увеличилась с 1,5 до 4,4 тыс. чел. и составила 60% всех рабочих. Осуществлялся специальный учет трудоспособного населения, проводилось перераспределение рабочей силы по отраслям народного хозяйства. Несмотря на мобилизацию в армию, численность рабочих и служащих увеличивалась. В 1940 г. в производстве было занято 62 тыс. чел., в 1945 г. - 103 тыс. Способствовало тому и постоянное пополнение заключенных системы ГУЛАГа. На начало октября 1945 г. только в спецпоселениях НКВД Коми АССР находилось более 23 тыс. человек.

Обеспечение квалифицированной рабочей силой осуществлялось через систему трудовых резервов республики, в которой за 1941-1945 гг. прошли обучение 11 тыс. молодых рабочих.

Однако главной причиной успешного выполнения военных заданий все же был героический труд рабочего класса и колхозного крестьянства. 10-11-часовой рабочий день

стал нормой. В необходимых случаях люди сутками не уходили с работы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска. Однако никого не приходилось заставлять стоять за станком или работать в поле сверх положенной нормы. Наоборот, большинство стремилось брать на себя дополнительные обязательства, естественным стало двух-трехкратное выполнение заданий. На многих предприятиях большая часть рабочих становилась стахановцами. И это при том, что нормы питания были урезаны до минимума, голодные обмороки и даже смерть от истощения становились обыденным явлением.

В селах и деревнях трудились не с меньшим напряжением, чем на промышленных предприятиях. В колхозах особенно сильной оказалась убыль трудоспособного населения. Если в 1940 г. численность колхозников составляла 100,4 тыс. чел., то в 1944 г. - 82,4 тыс. Нагрузка на оставшихся увеличилась вдвойне. Приходилось работать в колхозном производстве, на лесозаготовках, заготовках дров, перевозке грузов, выполнять массу других обязанностей. На отдых оставалось 4-5 часов в сутки. Подорвана была материально-техническая база колхозов, транспортный парк удавалось содержать в основном за счет сбора и реставрации запасных частей. За штурвал трактора садились женщины. Они составили до 80% всех подготовленных в годы войны механизаторов. К весенним полевым и уборочным работам привлекались учащиеся, служащие, все, кто хоть как-то мог помочь в поле. На учете был каждый колосок урожая. Путем неимоверных усилий удавалось сохранять необходимый уровень производства. Среднегодовые поставки сельскохозяйственной продукции государству в 1941-1945 гг. превышали уровень 1940 г. Колхозы Коми АССР поставляли государству 12 видов продуктов растениеводства и животноводства. Всего за период войны они сдали 47,3 тыс. т. зерна, 89 тыс. т. картофеля, 15,5 тыс.т. овощей, 14 тыс. т. мяса, 25,6 тыс.т. молока, большое количество шерсти, кожи, пушнины. Несмотря на все усилия, уменьшилась урожайность колхозных полей, сократилось поголовье скота. Только некоторый рост посевных площадей и безвозмездная передача государству продукции колхозных полей позволили не снизить поставки зерна в закрома страны.

Лишенные почти всего, во всем испытывающие недостаток трудящиеся республики стремились изыскать казалось бы уже невозможные ресурсы, лишь бы помочь фронту. Война породила много замечательных починов. Это и массовое социалистическое соревнование, и совмещение профессий, и взятие на себя повышенных обязательств, и многое другое. Но, пожалуй, наиболее ярко патриотизм, жертвенность поколения военных лет проявились в безвозмездном оказании помощи фронту. Рабочие, служащие и колхозники отчисляли в фонд обороны часть своего заработка, вносили свои трудовые сбережения, сдавали продукты питания. Так, колхозница Крестовского колхоза Усть-Цилемского района Т.С.Остапова - мать двух бойцов Красной Армии - в октябре 1941 г. сдала в фонд обороны 15 литров молока, 50 рублей облигациями госзаймов, овчину и 7 пар меховых рукавиц. 5 октября 1941 г. газета "За новый Север" писала, что уже к 30 сентября для бойцов Красной Армии по республике было собрано свыше 2 тыс. пар валенок, более 3 тыс. шапок-ушанок, 4 тыс. пар шерстяных перчаток и варежек, более 4 тыс. пар теплого нательного белья, двух тонн шерсти, много полушубков и т.д.

Десятки миллионов рублей в годы войны было внесено на постройку танковых колонн "Коми колхозник" и имени Коми АССР, авиазвеньев "Печорский комсомолец" и "Коми пионер", отдельных танков и самолетов. 11 января 1943 г. была получена телеграмма председателя Государственного Комитета Обороны И.В.Сталина следующего содержания: "Передайте трудящимся Коми Автономной Советской Социалистической Республики, собравших 15 млн. руб. на строительство танковой колонны "Колхозник Коми АССР" и эскадрильи боевых самолетов "Коми комсомолец", мой братский привет и благодарность Красной Армии". Подобные телеграммы и письма поступали и от руководителей областей, в которые отправлялись продукция из Коми АССР. Масштабы всенародной помощи фронту были воистину впечатляющими: за годы войны трудящиеся республики внесли в фонд

обороны и на строительство боевой техники 59,1 млн.руб., сдали 4800 голов скота, 202 т. зерна, 236 тыс. литров молока, 126,4 тыс. т. овощей. Это был весомый вклад в общее дело победы над врагом.

Жертвовать всем, даже самым необходимым, вдохновляли жителей республики ратные подвиги земляков на фронтах Великой Отечественной войны. За 1941-1945 гг. военкоматы призвали в Красную Армию свыше 170 тыс. человек, прошедших с боями от Москвы до Берлина. Скорбный список погибших составляет около 58 тыс. человек, из которых многие пропали без вести. Эти данные уточнены сегодня, при подготовке к пятидесятилетию Победы над фашистской Германией. Коллективом авторов проделана огромная работа по выявлению погибших на фронтах Великой Отечественной войны, имена которых опубликованы в трехтомной “Книге памяти Республики Коми”.

Ратные дела уроженцев Коми АССР и призванных с территории республики подробно изучены А.Н.Александровым. Сам ветеран войны, он тщательнейшим образом собрал многочисленные факты о боевом пути солдат - наших земляков. Поэтому в кратком обзоре нет необходимости пересказывать его работы. Итоги исследований А.Н.Александрова изложены в ряде изданных им книг. Он же является автором основных трудов, освещающих развитие народного хозяйства Республики Коми в 1941-1945 гг. Читатель, еще не знакомый с его работами, может легко найти их в каталоге любой библиотеки. Существует и другая разнообразная литература о фронтовых буднях в эти суровые годы. Изданы многочисленные воспоминания ветеранов войны в специальных книгах, периодической печати.

Говоря о боевых подвигах солдат из Коми республики, отметим главное. Они воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. 28-я Невельская стрелковая дивизия была сформирована преимущественно из коми воинов. Как отмечается в “Истории Коми АССР”, “она участвовала в освобождении от фашистских захватчиков городов Великие Луки, Новосокольники, Невель, Себенс и прибалтийских советских республик. За боевые подвиги, проявленные при освобождении Великих Лук, 50 коми солдат и офицеров этой дивизии награждены орденами и медалями Советского Союза. Двух боевых орденов был удостоен комсомольский вожак Невельской дивизии, бывший секретарь Коми обкома ВЛКСМ, гвардии майор А.Ф.Ракин”.

О воинах Невельской дивизии 12 февраля 1943 г. писала газета “Вперед”: “...Красноармеец Осташев пользуется среди бойцов-коми большим уважением как хороший агитатор и бесстрашный боец. В бою за одну высоту тов. Осташев уничтожил 25 немцев, захватил вражескую радиостанцию и два пулемета. Он награжден орденом Красной Звезды. Агитатор и снайпер старший сержант Есев уничтожил 81 немца и награжден орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики. В бою за высоту Сорьково коми боец Лыткин, несмотря на ранение, продолжал расстреливать из пулеметов немцев, перешедших в контратаку. В этом бою отважный агитатор Лыткин уложил добрую полсотню фашистских солдат и офицеров. Агитатор Микушев истребил пулеметным огнем 100 гитлеровцев. Когда кончились пулеметные ленты, он схватил винтовку и пошел в атаку вместе со стрелками. В штыковой атаке Микушев заколол одного и взял в плен двух немцев...”. Можно отметить, что это характерное описание повседневных фронтовых будней. В битвах под Ленинградом, Сталинградом, в освобождении оккупированной врагом советской территории, стран Европы, в штурме Берлина воины из нашей республики покрыли себя неувядаемой славой.

Многие из уроженцев Коми республики стали в годы войны видными военачальниками. Генерал-лейтенант Д.Г.Дубровский (Сивков) являлся членом военного совета фронта, гвардии полковник Н.В.Митюшев командовал гвардейским минометным полком “Катюш”, С.И.Турьев - дивизией, М.Осипов, А.Жилин - танковыми бригадами, ряд офицеров являлись командирами полков.

За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны 25 солдат и офицеров из Коми АССР были удостоены звания Героя Советского Союза. Перечислим их имена с датами указов о присвоении звания: М.А.Бабилов (14.09.1945), Н.С.Бойков (16.10.1943),

М.П.Бочарисов (24.03.1945), И.М.Воротынцев (29.10.1943), Н.Н.Габов (13.09.1944) , И.С.Гаврилов (29.10.1943), И.П.Горчаков (21.02.1944), Н.Ф.Гущин (23.03.1944), Н.П.Давидович (29.10.1943), А.Д.Данилов (15.01.1945), В.И.Дончук (02.11.1944), В.П.Кисляков (13.08.1941), В.И.Лобанов (15.01.1944), Н.Д.Маринченко (27.08.1943), М.Д.Никишин (23.02.1945), Н.В.Оплеснин (27.12.1941), С.А.Сердитов (10.01.1944), Г.Е.Собянин (29.06.1945), П.С.Сафронов (15.01.1944), Г.Ф.Тимушев (24.03.1945), А.Г.Хатанзейский (24.03.1945), С.М.Черепанов (05.10.1944), А.И.Черкасов (10.01.1944), А.Е.Чупров (13.09.1944), А.А.Шевелев (05.11.1944). Кроме того, в войне с белофиннами 11 апреля 1940 г. звание Героя Советского Союза было присвоено И.П.Маркову. 10 человек, призванных из Коми АССР, стали кавалерами Ордена Славы трех степеней.

Самопожертвование, героическое исполнение своего воинского долга всегда будут служить примером для новых и новых поколений. Вот что писалось в наградном листе на разведчика 1323-го стрелкового полка 415-й стрелковой дивизии В.И.Лобанова: "...27 сентября 1943 г. небольшая группа бойцов во главе с командиром батальона т. Лебедевым переправилась через Днепр... Командиром полка была поставлена задача во что бы то ни стало доставить донесение командиру батальона. На выполнение этой задачи добровольно вызвался т. Лобанов, который под ружейно-пулеметным огнем противника вплавь, нагишом, переплыл на другой берег реки Днепр, доставил в срок донесение, одновременно принял участие в отражении 3 контратак противника и с наступлением темноты возвратился обратно, выполнив поставленную боевую задачу командира полка..."

Победа ковалась на фронте и в тылу. Каждый участник тех уже далеких трагических и героических дней выполнил свой патриотический долг до конца. Эти люди вынесли то, что, казалось, вынести невозможно, и выиграли жестокую битву с фашизмом.

Очерк XI. КОМИ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х - СЕРЕДИНЕ 80-х ГОДОВ

Война нанесла трудно поправимый урон народному хозяйству республики, последствия которого продолжают сказываться и до сих пор. За видимым существенным ростом производства скрывались крайне тревожные явления. Большинство предприятий возводилось наспех, без соблюдения технических требований и нуждалось в коренной реконструкции. В сельском хозяйстве была подорвана материально-техническая база, многие машины и механизмы пришли в негодность. На войне погибла наиболее трудоспособная часть населения, что не могло не сказаться на темпах и уровне развития производства. В годы войны люди работали на пределе своих возможностей и неизбежно должен был наступить спад моральных и физических сил. Одним словом, речь действительно шла о восстановлении народного хозяйства.

Эта задача была выполнена в кратчайший период. В послевоенном развитии республики выделяются свои этапы и все же вторую половину 40-х - 80-е гг. можно характеризовать как единый период в жизни общества. Остались позади бурные процессы 20-30-х гг., военное напряжение. В этот период не происходило явно видимых политических потрясений, может быть за исключением хрущевского времени, а возросшие возможности государства позволили стабилизировать экономическое положение и обеспечить достаточно устойчивые темпы развития промышленности, сельского хозяйства и культуры. В ходе выполнения пятилетних планов создавалась новая структура народного хозяйства, которой были присущи все плюсы и минусы советской экономики. Однако несмотря ни на что, происходил настоящий прогресс в развитии производительных сил республики и улучшении материального положения трудящихся. Во многом это достигалось благодаря устойчивому политическому положению в обществе. Пройдя период исключительно сильных потрясений советская государственная система обрела черты стабильно работающего механизма. В последние годы она подвергнута основательному критическому анализу. Основной упрек в адрес советской власти состоит в ущемлении демократических принципов построения общества, отсутствии гласности, всевластии коммунистической партии. Нельзя не признать справедливость этих заключений. В то же время они не дают ответа на коренной вопрос о том, почему советское государство, провозглашавшее краеугольным камнем своей политики осуществление народовластия, не сумело реализовать его на практике. Нужен глубокий и беспристрастный анализ исторических особенностей развития нашей страны, пересмотр политизированных концепций путей исторического прогресса. Нельзя отрицать того факта, что в своем развитии любое государство проходит определенные этапы, попытки форсированного прорыва через которые создают трудно преодолимые противоречия в обществе. Подобная ситуация возникла в нашей стране в послевоенный период и привела в конечном итоге к дестабилизации самого государства.

Подтверждают это и материалы Коми республики. Структура власти, сложившаяся еще в 30-е гг., существенных изменений в рассматриваемый период не претерпела. Во главе ее стояла Коми областная организация КПСС, обладавшая исключительными властными полномочиями. Ее численность постоянно возрастала. На 1 января 1946 г. в рядах партии состояло 6,5 тыс. членов и кандидатов в члены КПСС, на 1 января 1976 г. - соответственно 50,8 тыс. Во второй половине 80-х гг. численность коммунистов в республике превысила 70 тыс. человек. Первичные партийные организации работали на всех промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, во всех государственных учреждениях и учреждениях культуры. Осуществлялось специальное регулирование рядов партии, призванное постоянно повышать удельный вес рабочих в составе коммунистов. Их доля 1987 г. составляла 56%.

На районных и областных партийных конференциях определялись основные направления развития народного хозяйства республики, политика в области культуры, идеологического воспитания масс. Ни один значительный народнохозяйственный проект не

мог быть реализован без одобрения партийных органов. При этом чрезвычайно возрастала роль обкома и райкомов КПСС, которые организовывали реализацию принятых планов. Многие зависело от позиции секретарей, и особенно первого секретаря партийных комитетов. Как правило, ими избирались компетентные и энергичные коммунисты. Так, более 20 лет возглавлял Коми областную организацию КПСС Иван Павлович Морозов, много сделавший для наращивания экономического и культурного потенциала республики.

Партийная система являлась чрезвычайно дисциплинированной и высокоорганизованной структурой. Решения вышестоящих органов подлежали обязательному исполнению. Любое постановление ставилось на контроль и регулярно заслушивались отчеты хозяйственных руководителей и партийных комитетов о его выполнении. При неудовлетворительном положении дел в отрасли или на предприятии их руководители могли быть сняты со своей должности. Одной из важных задач партийных организаций считалась мобилизация трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов. На заседаниях бюро обкома и гор-райкомов партии постоянно обсуждался ход их выполнения и принимались решения. В областном комитете партии были созданы специальные отраслевые отделы.

В целях идеологического воспитания коммунистов и беспартийных работала разветвленная система политического просвещения, действовал университет марксизма-ленинизма, применялись другие формы пропагандистской работы. В 1980 г. в республике было 288 центров партийной учебы. Все это позволяло парткомам пронизывать влиянием все слои общества. В условиях строго централизованного руководства деятельность областной партийной организации являлась достаточно эффективной.

Однако при этом существенно ущемлялись права органов государственной власти - Советов народных депутатов. Формально они действовали на основе демократических принципов. Регулярно проводились выборы в Советы, их депутаты должны были отчетываться о своей работе перед избирателями. К работе различных комиссий привлекался широкий общественный актив. Избирательные кампании проходили при высоком эмоциональном накале, превращаясь в своеобразные праздники. Удавалось добиться массового участия избирателей в выборах. Так, на выборах в местные Советы 21 декабря 1947 г. участвовало 99,98% избирателей, за кандидатов в депутаты проголосовало 99,28%. Такое единодушие достигалось благодаря тому, что вплоть до второй половины 80-х гг. на каждое депутатское место при строгом партийном отборе претендовал один кандидат.

Предпринимались различные попытки повышения статуса Советов народных депутатов. В декабре 1968 г. Верховный Совет Коми АССР принял закон о сельском и поселковом совете депутатов трудящихся. В декабре 1971 г. были приняты законы о районном Совете депутатов трудящихся Коми АССР "О городском, районном Совете депутатов трудящихся Коми АССР". Они являлись развитием подобных законов, принятых Верховным Советом СССР и РСФСР. Целью этих актов являлось укрепление местных советов как органов власти, предоставление им более широких полномочий для решения проблем города, села, поселка. Это принесло определенные результаты. Местные органы власти значительно активизировали свою работу по решению хозяйственных, культурных и социально-бытовых проблем, однако, в строго очерченных пределах. Приведем фрагмент из работы А.Д.Напалкова, исследовавшего вопросы взаимодействия партийных органов и Советов. Он пишет: "Анализ повесток для заседаний бюро, пленумов, проводимых в 1970-1980 гг., дает объективное представление о постоянном и устойчивом стремлении партийных комитетов рассматривать на них проблемы, которыми должны заниматься прежде всего исполкомы Советов. Например, бюро Воркутинского горкома в феврале 1974 г. заслушало отчеты ряда руководителей о состоянии водоснабжения города и рабочих поселков. Несомненно, проблема жизненно важная, однако столь же очевиден "советский" характер вопроса. В постановлении есть пункт, обязывающий исполком горсовета подработать и в "месячный" срок представить меры по улучшению водоснабжения. Обязать

же исполком - это прерогатива Совета или вышестоящего советского органа". И так было повсеместно, на протяжении всего рассматриваемого периода.

Тем не менее было бы несправедливо отрицать и позитивную сторону подобного взаимодействия партийных и советских органов. Они выполняли единую задачу управления политическими и социально-экономическими процессами и добивались на этом пути немалых результатов. Мощный рост экономики республики в 40-е - 80-е гг. подтверждает такой вывод. Партийные органы не ограничивались только контролем и принятием обязывающих решений, но и сами активно участвовали в их реализации. В начале 80-х гг. около 80% исполкомов сельских и поселковых Советов республики возглавляли коммунисты.

23 мая 1978 г. внеочередная сессия Верховного Совета Коми АССР девятого созыва приняла новую Конституцию Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Каких-либо принципиальных изменений в структуру власти она не внесла. Подчеркивалось, что народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющих политическую основу Коми АССР. Однако, вслед за общесоюзной Конституцией здесь же говорилось, что КПСС "определяет генеральную перспективу развития общества". Советы же должны были обеспечивать комплексное экономическое и социальное развитие территории "в пределах своих полномочий".

К этому следует добавить, что в общественно-политической системе республики свое место занимали комсомольская и профсоюзная организации. Они не обладали властными полномочиями, но выполняли важные функции в осуществлении политики партии. Комсомолу придавалось большое значение в коммунистическом воспитании молодежи, ее мобилизации на выполнение народнохозяйственных планов. Возведение многих крупных предприятий, таких, как Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, освоение нефтегазовых месторождений объявлялись комсомольско-молодежными стройками, благодаря чему обеспечивался приток рабочей силы на эти важные объекты народнохозяйственного значения. Так, например, в постановлении бюро Коми Обкома ВЛКСМ от 22 июня 1968 г. говорилось, что на строительство одного из важнейших объектов пятилетки - газопровода Север - Центр - комсомольцы и молодежь составляют более 70% всех работающих. Помимо производственной деятельности комитет ВЛКСМ занимался комсомольскими воскресниками, организовывал смотры художественной самодеятельности, спартакиады, конкурсы на лучшее общежитие и лучший поселок Вуктыла. Комсомол проводил очень большую работу по организации досуга молодежи, летнего отдыха детей.

Одним из особенностей развития политической системы республики в послевоенный период стало забвение проблем национально-государственного строительства. Формально суверенные права автономных образований декларировались и закреплялись в Конституциях, однако на деле они не имели никакого значения при определении стратегических направлений в решении хозяйственных и культурных задач. Более того, суверенитет стал попирается и отдельными ведомствами, осуществляющими свою деятельность на территории республики. Такие министерства как угольной, нефтяной и лесной промышленности стали основными хозяевами природных ресурсов Коми АССР. Одним из ярких примеров осуществлявшейся национальной политики стало свертывание коми школы. С середины 70-х гг. обучение на коми языке полностью прекратилось. Сам язык превратился в один из предметов преподавания. Укажем, что в конце 60-х гг. почти половина школ работала на коми языке. Таким образом, за неполных 15 лет была свернута огромная сфера национальной культуры, на создание которой было затрачено столько усилий и средств. Тревожные симптомы возникли и в других отраслях национальной жизни. Только в 60-е гг. число газет, издающихся на коми языке, сократилось в 3 раза. У народа формировалась психология безразличия к судьбам своего национально-государственного образования, складывалось представление о национальной государственности как о совершенно формальном институте. Впоследствии, когда начнется новое реформирование общества, это станет одной из причин мощной критики партийно-государственной политики.

Отбросив в сторону решение некоторых проблем, партийные и советские органы сосредоточили мощные усилия на выполнении хозяйственных планов. Основные направления развития народного хозяйства остались теми же, что и в предшествующий период, зато резко возросли масштабы их реализации. Это достигалось прежде всего за счет увеличения капитальных вложений. Первый послевоенный, а по счету четвертый пятилетний план развития народного хозяйства Коми АССР предполагал не только восстановление всех довоенных показателей, но и значительный прирост промышленной продукции. Заготовка леса должна была возрасти в 1,5 раза, добыча нефти - в 2,3 раза, угля в 2,5 раза. Намечалось строительство целой серии новых предприятий. Эти планы были выполнены уже в 1956 г. Валовой выпуск промышленной продукции превысил уровень 1940 г. в 3,6 раза. Тем самым была создана необходимая база для наращивания производственных мощностей. Масштабы промышленного строительства действительно являлись впечатляющими. За 1946-1950 гг. в Печорском угольном бассейне было введено в строй 22 шахты мощностью 10,2 млн.т. угля в год. Одновременно осуществлялась механизация основных производственных процессов, осваивалась новая техника. В республике создавалась крупная строительная индустрия. В этот же период вступили в строй действующих кирпичные заводы в Ухте, поселках Косью, Крутая, цементный завод в Воркуте, завод шлакоблоков в Инте. В лесной промышленности наряду с созданием новых леспромхозов были освоены электропилы, трелевочные механизмы, мощные тракторы. В последующем набранные темпы развития промышленности были сохранены, что позволило многократно увеличить производство продукции. За 1946-1958 гг. добыча угля возросла в 5 раз и достигла 16,8 млн.т., газа - более чем в 2 раза и была доведена до 1139 млн. куб.м. По вывозке древесины удалось достичь почти трехкратного увеличения, по производству электроэнергии - шестикратного.

Следует подчеркнуть, что уже в этот период становилось ясным, что экономика республики развивается непропорционально. Государство отпускало большие средства на освоение богатейших природных ресурсов, разведанных на ее территории. По сравнению с другими регионами они были более доступны, поскольку располагались близко от основных промышленных центров страны и имели относительно неплохой транспортный доступ. В связи с этим дешевле было развивать добывающие отрасли промышленности, вывозя сырье для переработки на предприятиях европейской части СССР. Таким образом формировалась по преимуществу ресурсодобывающая структура народного хозяйства Коми республики, что впоследствии породило многочисленные проблемы. Важнейшей среди них стала неблагоприятная экологическая ситуация, чрезмерная нагрузка на окружающую природную среду. Были, к примеру, вырублены огромные лесные массивы, а из-за отсутствия перерабатывающих предприятий значительные объемы древесины не использовались. Разработка наиболее доступных запасов привела к истощению лесного фонда. Несоблюдение технологических требований при разработке нефтяных и газовых месторождений вызвали загрязнение больших земельных площадей, что при замедленных регенерационных процессах в специфических условиях Севера нанесло труднопоправимый ущерб природе. Значительно возросла промышленная нагрузка на окружающую среду.

Широким фронтом развернулись работы по созданию на Европейском Севере страны новой топливно-энергетической базы. В 1960 г. было образовано Ухтинское территориальное геологическое управление, разведавшее крупные запасы природного сырья на Вуктыльском газоконденсатном месторождении. В 1967 г. Совет Министров СССР принял постановление о строительстве магистрального газопровода с этого месторождения в район центра и Северо-Запада. Уже в следующем году Вуктыльский газопромисел вступил в эксплуатацию. Темпы строительных работ были исключительно высокими. Уже в сентябре 1969 г. первый секретарь Коми Обкома КПСС И.П.Морозов докладывал, что "практически за полтора года был построен магистральный газопровод Ухта-Рыбинск, протяженностью 1060 км из труб диаметром 1120 мм. Таких темпов строительства магистральных газопроводов в условиях суровой северной зимы и бездорожья мировая практика еще не знала". По существу была создана новая мощная отрасль промышленности -

газодобывающая. В 1965 г. добыча газа в республике составляла 829 млн.куб.м., а в 1985 г. - 17206 млн. куб.м., и это при том, что к середине 80-х гг. из-за истощения месторождений намечалось сокращение объемов добычи “голубого” топлива. Наибольшие показатели были достигнуты в 1981 г., когда газодобытчики извлекли из недр 19673 млн. куб.м. газа.

Сходная ситуация была и в нефтяной промышленности. В 60-80-е гг. на территории Коми АССР были введены в строй Тэбукское, Пашнинское, Усинское и другие нефтяные месторождения. В итоге добыча нефти за 1960-1985 гг. возросла в 2,4 раза, составив 19,4 млн.т. Одновременно создавалась система трубопроводов, протяженность которых превысила 11 тыс. км. В немалой степени развитие этих отраслей обеспечило высокие темпы роста товарной продукции промышленности республики, которая в 1985 г. по сравнению с 1960 г. увеличилась почти в 4 раза.

Наращивали свои мощности и другие отрасли народного хозяйства. Ведущей тенденцией в развитии одной из базовых среди них - угольной - явилась техническая реконструкция шахт. Наряду с вводом в строй новых угледобывающих предприятий проводилась замена устаревшего оборудования. В 70-е годы в объединении “Воркутауголь” было почти полностью завершено внедрение механизированных комплексов, значительная часть очистных работ также стала осуществляться механизированным способом. Уровень проходки комбайнами уже в 1980 г. превысил 70%. Была построена одна из самых передовых в технологическом отношении и крупнейших в стране шахт - “Воргашорская” - с проектной мощностью 4,5 млн.т. угля в год. Общую добычу угля воркутинские и интинские горняки к середине 80-х гг. довели до 29,8 млн.т. в год.

Новый облик в 60-80-е гг. обрел лесной комплекс Коми АССР. По-прежнему важнейшим видом в этой отрасли промышленности оставались лесозаготовки. Они также были переведены на механизированную основу. В 70-е гг. в Удорском районе развернулись совместные советско-болгарские заготовки леса. Численность болгарских рабочих достигла почти 20 тыс. человек. Однако, главным было то, что в структуре продукции лесного комплекса существенно увеличилась доля перерабатывающих отраслей. Производство пиломатериалов увеличилось почти в два раза, фанеры - в 3 раза, мебели (в стоимостном выражении) - несколько десятков раз. За этот период было создано производство древесноволокнистых и древесностружечных плит, бумаги. Выпуск бумаги в 1990 г. достиг 510,3 тыс.т. Это стало возможным благодаря пуску крупнейшего в стране Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, Княжпогостского завода древесноволокнистых плит, Жешартского завода древесноволокнистых плит, Сыктывкарской мебельной фабрики.

Промышленное освоение территории вызвало расширение транспортной сети Коми АССР. В 1961 г. железная дорога связала Сыктывкар с Северо-Печорской магистралью. Железнодорожные линии были проведены до Кослана, Троицко-Печорска, Усинска. В ряде городов и райцентров вступили в строй аэропорты и практически все крупные населенные пункты стали обслуживаться предприятиями гражданской авиации. Авиалинии соединили республику со всеми регионами страны. Впервые появилась широкая сеть дорог с твердым покрытием, протяженность которых за 30 лет увеличилась на 3 тыс. км. Сформировалась единая транспортная система республики.

То же самое можно сказать о развитии энергосистемы. Со строительством Печорской ГРЭС мощностью почти 1,9 млн. квт., ТЭЦ Сыктывкарского ЛПК производство электроэнергии стало покрывать потребности республики.

Помимо этого развились и уже существующие, появились совершенно новые предприятия. В Сыктывкаре была построена крупная фабрика нетканых материалов. В число действующих вошли многочисленные предприятия бытового обслуживания.

Таким образом, в 60-80-е гг. коренным образом изменился промышленный облик Коми АССР. В этот период в основном был создан ее новый экономический потенциал. Обеспечивалось это за счет крупных, по преимуществу государственных инвестиций. Основных фондов предприятий было введено более чем на 28 млрд. руб. В то же время далеко не все оказалось благополучным в развитии народного хозяйства. Как отмечает

А.Н.Турубанов, "... наблюдалось падение фондоотдачи, снижение темпов роста производительности труда, промышленного производства и выполняемых работ. Практически ни в одну из пятилеток за 1961-1990 гг. не выполнялся план ввода в эксплуатацию производственных мощностей и объектов, а зачастую и планов освоения капитальных вложений...". И далее: "Указывая на широкие масштабы работ в освоении капитальных вложений на строительство объектов производственного назначения, одновременно надо отметить, что темпы развития непромышленной (социальной) сферы Коми АССР отставали от темпов инвестиций в промышленности и транспорте республики... Остаточный принцип выделения финансовых и материальных средств на непромышленное строительство сдерживало комплексное развитие республики, увеличивало неоправданные различия в условиях жизни населения Коми АССР по сравнению с центральными районами страны, создало дополнительные трудности в деятельности отдельных отраслей и предприятий из-за неукомплектованности их рабочей силой и большой текучестью кадров".

Эти замечания вполне справедливы. Хотя в указанный период осуществлялись крупные программы в области повышения жизненного уровня населения, проблем в этой сфере оставалось очень много. В 1990 г. более трети семей нуждались в улучшении жилищных условий. Многие семьи годами не могли получить квартиру. Крайне низким оставался уровень благоустройства жилья в сельской местности. Многочисленные ведомства, осуществлявшие промышленное строительство на территории республики, в первую очередь заботились о выполнении производственных заданий.

Усугубляло ситуацию и то, что длительное время формирование рабочих кадров в промышленности в значительной мере происходило за счет приезжего населения. За 1961-1990 гг. численность рабочих и служащих республики возросла в 1,6 раза и достигла 615 тыс. человек. В ходе промышленного освоения территории появились новые города Вуктыл, Усинск. В крупные города превратились Воркута, Инта, Ухта, Печора. Произошли существенные изменения в территориальном размещении населения, его концентрация в северных районах республики. Освоение нефтегазовых месторождений, к примеру, почти полностью осуществлялось за счет трудовых ресурсов, привлеченных из других регионов страны. Обеспечить для них нормальные социально-бытовые условия в столь короткий срок физически было невозможно. По переписи населения 1989 г. в районах Крайнего Севера и к ним приравненных было сосредоточено 2/3 жителей республики.

Эти же процессы вызвали крупные изменения в численности и составе населения. По переписи 1959 г. в республике проживало 815 тыс. чел., 1970 г. - 964,8 тыс., 1979 г. - 1118,4 тыс. и 1989 г. - 1261,0 тыс. Коренным образом изменились пропорции между городским и сельским населением. Если в 1959 г. удельный вес сельских жителей составлял 41%, то в 1989 г. всего лишь 24%. К концу 80-х гг. Коми республика являлась одной из самых урбанизированных среди других областей России. Хотя следует отметить, что абсолютное сокращение сельского населения в республике было не столь заметным, как в соседних северных регионах. Более того, до 1970 г. его численность увеличивалась. Причиной тому было освоение новых территорий и развитие тех или иных отраслей промышленности, например, значительный рост сельского населения произошел в тех районах, где развивались лесозаготовки. Только в верхнем течении реки Вычегды, Печоры и Мезени за 1959-1970 гг. число жителей увеличилось почти в 1,5 раза. Отметим, что в 1970 г. в лесных поселках Коми АССР проживало свыше 35% сельского населения. В этот же период сохранялся достаточно высокий уровень естественного прироста.

Однако в рассматриваемый период демографические процессы принимали все более деформированный характер. Сократилась доля лиц молодых возрастов, повысился удельный вес населения старше 50 лет. Особенно неблагоприятным в этом отношении было положение в сельской местности. На селе за 1960-1980 гг. рождаемость сократилась в два раза, естественный прирост в 2,7 раза. В то же время высокие темпы миграции привели к

изменениям половой структуры населения. Повсеместно фиксировалось превышение мужчин в относительно молодом возрасте над женщинами.

Такое положение складывалось в силу социально-экономических процессов, происходивших в аграрной сфере. Многие исследователи считают, что причиной высокого уровня миграции населения из села в город являлись неудовлетворительные социально-бытовые и культурные условия в деревне, характер труда в сельском хозяйстве, во многом остававшийся физическим, ограниченность выбора предстоящей профессии и др. В последнее время особый упор делается на так называемую политику неперспективных деревень, особенно интенсивно проводившуюся в 70-е гг. К началу этого периода из 1054 сельских населенных пунктов республики в число перспективных было включено всего 97. Предполагалось, что в них будут созданы необходимые условия по городскому типу. За 1970-1989 гг. численность сельских населенных пунктов в республике сократилась с 1054 до 740. Несомненно, это усугубило демографическую ситуацию в сельской местности. Не удалось удержать население в предполагаемых благоустроенных поселках, для создания которых не было ни ресурсов, ни средств. В то же время были и оправдательные мотивы этой политики. В рассматриваемый период деревня представляла из себя территорию с избыточным населением, рассредоточенным по многим населенным пунктам. Необходимо было или создать соответствующую производственную и социальную структуру на селе, или реорганизовать саму систему сельских поселений. Наиболее предпочтительным было совмещение обеих вариантов, однако для этого требовались огромные средства, которых не было. Поэтому руководители государства избрали второй путь.

Все это вызвало дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве. По расчетам В.В.Терентьева в начале 80-х гг. в совхозах республики он составлял 16% от потребности, а в период уборочных работ увеличивался до 35%. Для покрытия этого дефицита по разнарядке партийных и советских органов на уборку урожая привлекались тысячи рабочих и служащих из города, студенты, учащиеся.

И это при том, что само сельское хозяйство в 60-80-е гг. развивалось достаточно высокими темпами, и главной тенденцией в аграрной сфере являлись механизация и интенсификация производства. В первые послевоенные годы колхозы и совхозы оказались в бедственном положении. Была не только подорвана материально-техническая база сельскохозяйственного производства, но и отсутствовали материальные стимулы к труду. Большую часть продукции по низким ценам приходилось в обязательном порядке сдавать государству. Оставалась мелочная регламентация сельскохозяйственных предприятий, сковывающая всякую инициативу руководителей. За счет собственных средств, которых в таких условиях у колхозов оказывалось крайне мало, развивать производство не было возможности, а государственные ресурсы направлялись в основном на восстановление и развитие промышленности. Для сельских жителей были установлены многочисленные нормы сдачи сельскохозяйственной продукции.

Колхозы от полного разорения в прямом смысле этого слова спас сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, по решению которого повышались закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижались сельхозналоги и обязательные поставки государству. Соответственно можно было для подъема хозяйства эффективней использовать экономические механизмы. Среднегодовые государственные закупки скота и птицы в 1961-1965 гг. по мясу в более чем два раза превысили уровень 1951-1955 гг., по молоку почти в 3 раза. Однако в этот же период происходило сокращение посевных площадей и поголовья скота в республике.

Чтобы как-то изменить положение, государство предпринимало различные меры организационного характера. В 1950 г. началось укрупнение колхозов. Этот процесс шел по всей стране, но Коми республика стала своеобразным полигоном для опробования этой политики. К началу 1950 г. здесь было 673 колхоза, а в 1965 г. осталось всего лишь 71. Они располагались в северных районах - Ижемском, Печорском, Усть-Цилемском. А в 1973 г. и эти оставшиеся коллективные хозяйства были преобразованы в совхозы. Тем самым

завершился целый этап в истории деревни, начавшийся еще в годы коллективизации. Вряд ли можно однозначно оценить этот процесс. С одной стороны, крестьянство потеряло остатки самостоятельности, которая еще сохранялась в колхозах. Выборность руководителей хозяйств, колхозные собрания хотя и в ограниченной форме, все еще действовали. С другой стороны, в государственных сельскохозяйственных предприятиях гарантировалась твердая оплата труда, а за счет бюджетных средств можно было значительно быстрее поднимать хозяйство, что в северных условиях имеет принципиальное значение. Уже в 90-е гг., когда резко была сокращена государственная помощь предприятиям сельского хозяйства, показатели производства круто покатались вниз.

Принято считать, что с 1965 г. начался новый этап в истории советской деревни. Его связывают с мартовским этого года пленумом ЦК КПСС, который провозгласил новые принципы аграрной политики. Основными из них были увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, более полное использование хозрасчетных отношений, комплексный подход к развитию аграрной подсистемы общества. В истории Коми деревни 1965-1985 гг., пожалуй, являются наиболее благоприятными в смысле изменений к лучшему.

Это 20-летие явилось особым этапом в переводе сельскохозяйственного производства на индустриальную основу. В деревню в возрастающих масштабах поступала техника. Количество тракторов в сельском хозяйстве только за 1970-1985 гг. увеличилось с 2962 до 5167 штук, картофелеуборочных комбайнов с 86 до 237 штук и т.д. Многие виды работ были механизированы почти полностью. В некоторых отраслях комплексная механизация труда достигла почти 100%. Применение минеральных удобрений (в пересчете на 100% питательных веществ) за этот же период увеличилось почти в три раза и приближалось к научно обоснованным нормам.

Большие средства были направлены на освоение новых земель. При этом укажем, что в рассматриваемые годы из хозяйственного оборота были выведены значительные площади. Часть из них отводилась под промышленное строительство, часть мелких участков вообще была заброшена. В то же время увеличились контуры полей, на которых можно было эффективней использовать технику. Если в 1970 г. осушенные сельскохозяйственные угодья составляли в республике 7,2 тыс. га, то в 1985 г. уже 40,4 тыс. га. Общая посевная площадь достигла 100 тыс. гектаров.

Произошла переспециализация сельскохозяйственного производства. Возросшая численность городского населения потребовала увеличения выпуска малотранспортабельной продукции, в связи с чем основной упор был сделан на развитие животноводства. Именно в этот период были построены крупные свиноводческие комплексы, такие как Зеленецкий, пять мощных птицефабрик, в значительной мере обеспечивавших потребности республики в мясе птицы и яйцах. Одновременно был свернут зерновой клин. Напомним, что в 1940 г. под зерновыми в республике находилось 57 тыс. га площадей, а в 1985 г. только 0,4 тыс. га. Зато в эти же годы посевная площадь кормовых культур увеличилась в 7 раз и достигла 84 тыс. га. В целом можно отметить, что в 1965-1985 гг. в Коми республике было создано сельское хозяйство качественно иного, чем прежде, уровня. Основные производственные фонды колхозов и совхозов увеличились в 9 раз, а среднегодовой рост валовой продукции на 100 га сельхозугодий за рассматриваемое двадцатилетие превышал 4%.

Это не означало, что в развитии сельского хозяйства не осталось никаких проблем. Та же механизация еще была далеко от завершения. В системе необходимых машин и механизмов отсутствовали целые звенья, что приводило к использованию значительного количества ручного труда. Проявились тревожные симптомы и в повышении экономической эффективности осуществлявшегося курса. Большие средства, направленные на развитие сельского хозяйства, не давали должного эффекта, снижались фондоотдача, темпы роста производительности труда. Большие площади мелиорированных земель оказались освоенными с нарушением технологии, что сказалось на их отдаче. К этому приводила погоня за выполнением плановых показателей, от которого зависело финансирование работ. Не удалось преодолеть зависимость сельского хозяйства от погодных условий, и в

неблагоприятные годы урожайность полей резко падала. Экономические условия хозяйствования мало стимулировали повышение эффективности производства, в своей деятельности совхозы полностью зависели от государства. Отставали от темпов роста сохраняющая и перерабатывающая отрасли аграрного комплекса. В 1986 г. из общего объема капитальных вложений в АПК Коми АССР на долю пищевой и мясо-молочной промышленности пришлось соответственно лишь 1,3 и 3,1% выделенных средств. Переработка и сохранение продукции были одним из самых слабых мест в развитии аграрной сферы. В некоторых случаях терялось до 1/3 и более полученного урожая. Соответственно хозяйства недополучали значительные средства от реализации продукции, которые можно было направить на прирост производства и оплаты труда.

Однако менялась не только производственная сфера деревни. Пожалуй, впервые за многие годы государство стало выделять значительные ресурсы на улучшение условий жизни сельских жителей. Именно в этот период началось строительство жилья на селе, стали благоустраиваться дома, строиться дороги. К концу 70-х гг. во всех районах осуществлялся устойчивый прием телепередач. Были построены многочисленные предприятия бытового обслуживания, клубов и домов культуры в сельской местности за 1966-1985 гг. было введено на 10,2 тыс. мест. О росте материального благосостояния сельчан свидетельствовал тот факт, что среднемесячная оплата труда в 70-х - первой половине 80-х гг. в сельском хозяйстве возросла почти в 2 раза и приближалась к соответствующему показателю в промышленности. Хотя следует сказать, что в последней уровень оплаты в середине 80-х годов в 1,5 раза превышал заработную плату занятых в сельском хозяйстве. Одним словом, деревня, несмотря на все переживаемые ею трудности, находилась на подъеме. Главным условием прогресса аграрной сферы следует считать государственную политику, которая была направлена на содействие развитию производства и повышению жизненного уровня населения. Шло активное перераспределение средств из промышленности в деревню, чему способствовали опережающие темпы промышленного развития. За 1960-1985 гг. выпуск промышленной продукции в республике увеличился в 2 раза, продукции сельского хозяйства - в 1,6 раза.

Послевоенные десятилетия были характерны и дальнейшим подъемом культуры. Осуществлялся уже ставший традиционным курс на развитие народного образования, клубного дела, литературы, искусства и науки. Перепись населения 1985 г. дала важные результаты политики в области культуры. Из каждых 1000 занятых в народном хозяйстве республики 940 имели высшее и среднее (полное и неполное) образование. В 1959 г. этот показатель составлял 467 человек. По уровню образования население Коми республики соответствовало лучшим мировым стандартам. В развитии народного образования наблюдался постоянный прогресс, может быть за исключением национальной школы. Практически каждый желающий мог получить среднее образование. Значительно сократилось число восьмилетних и увеличилось количество средних школ. Если в 1940 г. в республике действовали 27 средних школ, то в 1986 г. - 224. Во всех типах учреждений народного образования работали 12,4 тыс. учителей, в большинстве своем имеющих специальное образование. Их подготовку почти полностью обеспечивали Коми Государственный пединститут, в котором в этот период было создано 2 новых факультета, и Сыктывкарское педагогическое училище.

Значительно расширились возможности дальнейшего продолжения образования. В 1967 г. начал подготовку специалистов Ухтинский индустриальный институт, в 1972 г. - Сыктывкарский государственный университет. Кроме того, работали филиалы Ленинградской лесотехнической академии и Ленинградского горного института. В 1985/1986 учебном году в вузах республики обучалось 12 тысяч студентов. Кроме того, в 18 средних специальных учебных заведениях насчитывалось 16,4 тыс. учащихся. Были созданы благоприятные условия для получения специальности в системе профтехобразования. Число профтехучилищ особенно возросло в 70-80-е годы, они открывались не только в городах, но и в ряде райцентров. Учитывая, что во всех типах учебных заведений подготовка

специалистов осуществлялась бесплатно, были обеспечены максимально доступные возможности для получения образования каждым жителем республики.

Большие средства отпускались на развитие научных исследований. Активную научно-исследовательскую работу проводили коллективы уже существующих и вновь созданных высших учебных заведений. В этот период достижения ученых республики стали широко известны на международной арене, были созданы оригинальные научные школы. Сыктывкар стал местом проведения международных научных форумов. В 1985 г. здесь состоялся VI Международный конгресс финно-угроведов. О признании заслуг ученых республики свидетельствовал и факт избрания председателя Коми научного центра Уральского отделения РАН М.П.Рощевского действительным членом (академиком) АН СССР и директора Института геологии Коми научного центра Н.П.Юшкина академиком Российской Академии наук.

Коми научный центр УрО РАН, созданный в 1949 г., превратился в один из крупнейших исследовательских учреждений страны, осуществляющий комплексные работы во многих отраслях науки. В конце 80-х гг. в его составе работали Институт биологии, Институт геологии, Институт языка, литературы и истории, Институт физиологии, Институт экономических и социальных проблем Севера, крупные самостоятельные отделы химии и энергетики. Коми научный центр УрО РАН решал важные задачи научного обеспечения рационального освоения природных ресурсов северных территорий России.

Плодотворно развивались и другие отрасли культуры. В середине 80-х гг. в республике издавалось 30 газет, 4 журнала. Годовой тираж газет за 1960-1985 гг. возрос с 458 до 1114 тыс. экземпляров. Значительно обогатилась литературная жизнь республики. Широко известными стали произведения поэтов И.Вавилина, А.Ванеева, С.Попова, В.Попова, Г.Юшкова, Н.Мирошниченко и многих других. Их сборники стихов выходили многочисленными тиражами как в республике, так и в центральных изданиях. И.Изьуровым, И.Тороповым, Я.Рочевым, Г.Юшковым были созданы крупные произведения художественной прозы, составившие новый этап в развитии коми литературы. В республике регулярно проводились дни литературы.

Значительный прогресс был достигнут в развитии театрального искусства, наряду с драматическим в Сыктывкаре был открыт музыкальный театр, появились театры и в других городах. Широкую известность получил Государственный ансамбль песни и танца Коми АССР "Асья кыя", созданный в 1944 г., неоднократно становившийся лауреатом всероссийских и международных фестивалей. Развивалось самодеятельное художественное творчество, библиотечное дело. В 1986 г. в республике насчитывалось 516 массовых библиотек, а их книжный фонд составлял 9,2 млн. экземпляров книг и журналов.

В послевоенный период произошли коренные изменения в здравоохранении. Если в 1940 г. в республике работали 264 врача и 1444 человек среднего медицинского персонала, то в 1985 г. - соответственно 4606 и 17975 человек. На каждые 10 тыс. человек населения приходилось 38 врачей.

И все же следует признать, что отпускаемых на развитие социальной и культурной сфер средств не хватало. Особенно в этом отношении ущемлялась культура, материальная база которой да и кадровое обеспечение оставались во многих случаях неудовлетворительными. Идеологическое содержание культурных мероприятий, так же как и печати, литературы, искусства строго контролировалось партийными органами и должно было соответствовать официальным установкам.

Заканчивался огромный этап в развитии республики, как и страны в целом. Это был период попыток создания нового общества на социалистических принципах. Вместе со всей страной республика пережила и трагические моменты в своей истории и бурный рост экономики и культуры. Остается фактом то, что были достигнуты крупные результаты в ее социальном развитии. Однако во всех сферах общественной жизни постепенно накапливались противоречия, требовавшие немедленного разрешения. Необходимы были

реформы, способные вывести без катаклизмов общество из кризисного состояния. Однако события пошли по другому пути...

РЕСПУБЛИКА КОМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

К концу XX столетия в стране накопились проблемы, решение которых являлось неотложной задачей. Требовалось реформирование политической системы, экономических отношений, что затрагивало основы функционирования советского общества. Замедлялись темпы развития, и это не могло не тревожить руководителей государства, отражаться на политических настроениях в обществе.

Приход к власти в 1985 г. М.С.Горбачева в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС знаменовал собой начало кардинальных политических реорганизаций в стране. Был провозглашен курс на ускорение развития общества, а затем его перестройку. Как показали последующие события, как у самого Горбачева, так и его ближайшего окружения не было никакого конкретного плана действий. В качестве образца была взята так называемая западная демократия. Причем вначале речь шла не об отказе от идеи социализма, а лишь о ее модернизации. В силу объективных и субъективных причин преобразования начались с реформирования политической системы страны. Практически уже в начале 90-х годов XX столетия старая государственная машина была сломана и на ее месте создана весьма запутанная структура власти. Несомненными были существенная демократизация общественной жизни и в то же время крайнее ослабление государства. Его регулирующие функции оказались сведенными до минимума, что открыло шлюзы для весьма специфических процессов. По стремительности и масштабности преобразования были идентичны революционной ломке 20-х годов прошлого столетия.

В центре и регионах события развивались синхронно. Их подробная характеристика дана в работах историка А.Д.Напалкова, поэтому отметим самое существенное. Темпы и суть происходивших перемен характеризовали изменения в развитии национально-государственных образований. Уже 23 ноября 1990 г. Коми Автономная Советская Социалистическая Республика была переименована в Коми Советскую Социалистическую Республику, а 26 мая 1990 г. – в Республику Коми. Это важные этапы в развитии республики. Исключение из ее названия слова «автономная» отражало процессы предельной суверенизации регионов страны, слова «социалистическая» - указывало на вектор формационных изменений. 29 августа 1990 г. была принята «Декларация о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики, в которой говорилось о том, что «Коми ССР является суверенным национальным государством, добровольно входящим в состав РСФСР и Союза ССР на основании заключенных договоров...», имеющем «...свой герб, флаг, гимн». В качестве флага был утвержден сине-зелено-белый триколор.

Не менее стремительно реформировалась политическая система. Напомним, что в соответствии с Конституцией Коми АССР 1978 г. законодательная власть принадлежала Верховному Совету республики, исполнительная – Совету Министров. Стержнем политической системы являлась областная организация КПСС. По сути, она, формально имея статус общественной организации, была государствообразующей структурой. Это хорошо осознавалось в обществе, особенно теми, кто в результате изменения общественно-политической ситуации выступил на авансцену политической жизни. События развивались стремительно. Нарастала критика в адрес областной партийной организации, которая находила широкий отклик среди населения. Тем более, что оппоненты коммунистов оперировали фактами реальных трудностей. Не имея опыта действительно политической работы и ведения публичной дискуссии, руководители Коми обкома КПСС вначале не почувствовали грозящей партии опасности, а, осознав ее, не сумели отреагировать адекватно. Хотя угроза потери власти проявилась уже в ранний период. Так, проведенные в июне 1987 г. в качестве эксперимента по многомандатным округам выборы в местные Советы народных депутатов Вуктыльского района показали, что кандидатуры, подобранные партийными органами, не пользуются поддержкой у населения. Попытки организовать работу в соответствии с изменившимися условиями, в основном путем проведения пленумов

и конференций, не увенчались успехом. В то же время критические настроения усиливались, превращаясь в требования передачи всей полноты власти государственным органам. Основные претензии в адрес областной парторганизации, как и КПСС в целом, сводились к обвинениям в подмене партийными органами Советов, подавлении демократических свобод, совершении крупных просчетов в руководстве народным хозяйством, приведших к потере темпов экономического развития.

Ситуация усугублялась тем, что в партийных рядах наметился явный раскол. Существенная часть коммунистов встала на реформаторские позиции. Начался массовый выход из рядов партии. Если в 1985 г. областная организация КПСС объединяла 85 тыс. человек, то к моменту прекращения ее деятельности (август 1991 г.) – чуть более 50 тыс. Активное же ядро партии было многократно меньше. В конечном итоге из Конституции Коми АССР была исключена шестая статья, провозглашавшая партию «ядром политической системы», и организация коммунистов в том виде, в каком она существовала многие десятилетия, покинула политическую арену.

Одновременно с этим разворачивалась реформа государственной власти. Были внесены изменения в избирательные законы, носившие принципиальный характер. В конце 80-х-90-е годы XX столетия было сформировано принципиально новое избирательное законодательство. Его основу составили Закон Коми АССР «О выборах народных депутатов Верховного Совета Коми АССР», принятый 3 ноября 1989 г., Закон Республики Коми «О выборах в органы государственной власти Республики Коми» от 10 марта 1994 г., Кодекс Республики Коми «О выборах и референдумах в Республике Коми» от 28 мая 1998 г. Они обеспечивают полномасштабное участие населения в формировании органов власти, конституционные права граждан избирать и быть избранными.

24 апреля 1990 г. открылась первая сессия Верховного Совета Коми АССР XII созыва. Это был парламент нового типа. Впервые выборы депутатов прошли в условиях свободных дебатов, состязательности, открытости. Избирательная кампания была чрезвычайно бурной. Накал страстей дошел до высоких пределов, и открылся период стихийной демократии. Политическая жизнь стала определяться не государством и общественными организациями, а порой анархической деятельностью масс. Выдвигались лидеры, которые до этого не были известны вовсе и не обладали никаким опытом не только государственной, но и публичной работы. В основном это были представители творческой и технической интеллигенции. У большинства из них было искреннее стремление преобразовать жизнь, однако отсутствовал государственный масштаб видения проблем. Состав вновь избранного Верховного Совета Коми АССР был определен в количестве 180 депутатов. Хотя партия формально еще сохраняла свои позиции (свыше 83% депутатов являлись членами и кандидатами в члены КПСС), тем не менее ее представителями в парламенте оказались люди, увлеченные реформистскими идеями, большинство из них не выказывало никакого желания не только проводить, но и признавать себя причастными к прежнему фундаменталистскому курсу.

Верховному Совету Коми АССР XII созыва принадлежит важная роль в истории республики. Председателем парламента стал Ю.А.Спиридонов, который благодаря своему опыту и волевым качествам сумел ввести законодательную работу, которая все больше приобретала митинговый характер, в управляемое русло.

Условия деятельности высшего законодательного органа власти были крайне неблагоприятными, страну охватывал всеобъемлющий экономический кризис, не было никаких, кроме смутно осознаваемых, ориентиров политической деятельности, во весь голос заявило о себе протестное рабочее движение, в республике бастовали шахтеры, вырвались на свободу национальные процессы. Положением были недовольны все слои населения, всеобщим явлением стало недоверие к власти. Волна за волной накатывались на республику события из центра, и каким образом реагировать на многие из них, порой было просто непонятно. Такая ситуация возникла, например, в августе 1991 г., когда в стране был сформирован Государственный комитет по чрезвычайному положению. Руководство

республики оказалось перед тяжелым выбором: или поддержать действия комитета или оказать ему противодействие. Любой неосторожный шаг мог повлечь за собой непредсказуемые последствия. Положение было тем более сложным, что по линии военного ведомства поступила директива «произвести блокирование основных выездов и въездов в Сыктывкар, произвести вывод боевой техники на центральные улицы и площади». Однако этого не произошло, а Верховный Совет и Совет Министров Коми ССР отправили на места телеграмму, призывающую строго руководствоваться Конституцией и законами СССР, постановлениями ГКЧП, обеспечить законность и правопорядок. Впоследствии депутаты признали, что Президиум Верховного Совета Коми ССР действовал в рамках Конституции и законом республики. Единственной жертвой этих событий стал заместитель председателя Президиума Верховного Совета Коми ССР А.Г.Рогов, который в отсутствие Ю.А.Спиридонова подписал упомянутую телеграмму и не отказался от ответственности за свои действия.

В этих условиях формировалась новая законодательная база. Существенная работа была осуществлена по приведению Конституции республики в соответствие с новыми реалиями. Отметим, что в процессе реформирования власти появилась идея о введении должности Президента Республики Коми, которая в 1993 г. обсуждалась на общереспубликанском референдуме. Хотя он был признан недействительным, поскольку в референдуме участвовало менее половины граждан Республики Коми, все же большинство голосовавших (54,5%) отвергло введение президентской должности.

17 февраля 1994 г. Конституция была принята Верховным Советом Республики Коми. Новая Конституция коренным образом отличалась от предшествующей. В ней отмечалось, что «Республика Коми есть демократическое правовое государство в составе Российской Федерации», а источником государственности является коми народ. Человек, его права и свободы объявлялись высшей ценностью, признавались политическое, экономическое и идеологическое многообразие, многопартийность. Впервые в Основном законе приобрели равное право и ставились под защиту государства частная, государственная и другие формы собственности.

Высшим представительным и законодательным органом власти становился Государственный Совет Республики Коми в количестве 50 депутатов. Ему предоставлялось право принимать Конституцию республики, толковать республиканские законы, приостанавливать на подведомственной территории действие государственно-нормативных актов Российской Федерации, ущемляющих интересы Республики Коми. Была учреждена должность Главы Республики Коми как высшего должностного лица государства. Он должен был возглавлять всю систему исполнительной власти республики.

Следует отметить, что, по сути, это была Конституция переходного периода, которая как в зеркале отражала крайне противоречивые процессы развития государства в конце 80-х-начале 90-х гг. XX столетия. Она закрепляла стремление перейти на рельсы многоукладной экономики рыночного типа, фиксировала центробежные тенденции в реформировании федеративного государства, отдавала свою роль мощному натиску национальных движений. К примеру, объявление коми народа источником государственности удовлетворяло амбиции как лидеров титульной национальности, так и сами национальные массы.

Последнее представляет особый интерес, поскольку многое в рассматриваемый период делалось не по воле власти и ее руководителя, а в силу огромного давления вырвавшихся из под государственного контроля сил. Среди них едва ли не доминирующими были национальные процессы.

В советский период в этой сфере накопилось немало проблем. Так, языки многих народов постепенно теряли свои функции, замыкаясь на бытовом уровне. Это был тревожный симптом, оказывающий значительное влияние на умонастроения масс.

В Республике Коми положение не отличалось от других регионов. К концу 80-х годов удельный вес коми в составе населения сократился до 23%. На долю русских приходилось 57%, украинцев – 8,2%. В республике проживали большие группы белорусов, татар, немцев

и других. Как только политическая ситуация в стране изменилась, началось интенсивное возрождение национальной жизни. Все происходило стихийно. Как отмечают историки А.А.Попов и Н.А.Нестерова, «...к середине 80-х гг. сложилась ситуация, когда не только политические, но и этнокультурные проблемы в сфере национальных отношений не имели никакой правовой основы и не регулировались государством». Исключительно насыщенным событиями оказался уже 1989 год. В марте прошла республиканская научно-практическая конференция «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях», в сентябре Совет Министров Коми АССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию национальной школы и расширению преподавания коми языка и литературы в республике», в декабре состоялся пленум Коми обкома КПСС, который принял «Программу совершенствования национальных отношений в Коми АССР». В том же месяце был созван учредительный съезд республиканской общественно-политической организации «Коми котыр». В ее программе говорилось о необходимости развития национального самосознания коми народа, повышении роли коми языка, предоставлении прав коми национально-государственному образованию как суверенному государству, входящему в равноправную федерацию для осуществления народовластия в республике Советами народных депутатов». 11-12 января 1991 г. в Сыктывкаре состоялся Первый съезд коми народа, в котором участвовало около 420 делегатов, представлявших кроме республики другие регионы компактного проживания коми. В результате бурных дебатов делегаты приняли пять резолюций, среди которых резолюция «О государственном суверенитете Коми ССР», «О национальной политике в области языка и культуры» и другие. Решения съезда оказали существенное воздействие на ход национально-государственного строительства. Активную работу начал его исполнительный орган – Комитет возрождения коми народа, который возглавил В.П.Марков. В 1992 г. был принят Закон Республики Коми «О статусе Съезда народа коми», предоставивший съезду право законодательной инициативы, в том же году – Закон «О государственных языках Республики Коми», провозгласивший таковыми «коми и русский языки». Быстро расширялись контакты с другими финно-угорскими народами. Признанием позитивного опыта и активности коми национального движения стало проведение в Сыктывкаре в декабре 1992 г. Первого Всемирного конгресса финно-угорских народов, темой которого стала проблема «Финно-угорский мир: реальность и перспективы». Здесь было принято решение о создании консультативного комитета финно-угорских народов, что существенно расширяло возможности международного сотрудничества. Съезды коми народа стали проводиться регулярно, на их заседания выносились актуальные проблемы реформирования политической и социально-экономической системы. К примеру, IV Съезд коми народа, состоявшийся в ноябре 1995 г., организационно был разделен на четыре секции: «Культура, образование, язык», «Социально-экономические проблемы», «Экологические проблемы», «Общеполитические вопросы». Итоги обсуждения проблем, включенных в повестку дня работы съезда, оказались настолько значимыми, что Глава Республики Коми в мае следующего года принял специальный Указ, в соответствии с которым утверждалась программа «Мероприятий по реализации решений IV Съезда коми народа». В 1997 г. Комитет возрождения коми народа был переименован в Исполнительный комитет Съезда коми народа.

Национальное движение превратилось в реальный фактор политической жизни республики. Населением, особенно не комиязычным, оно воспринималось противоречиво, вплоть до полного отрицания. Способствовали тому и заявления радикально настроенных групп представителей коми народа. В основном они были объединены в правозащитной партии «Доръям асьнымос». Целью партии провозглашалась защита интересов и прав коми народа, который, якобы, подвергся колониальному захвату со стороны России. Последняя отождествлялась с федеральным центром, расхищающим природные богатства мест традиционного проживания коренного этноса. Партия выступила за создание палаты коми народа в Верховном Совете республики, за принятие Закона «О гражданстве», отделение Республики Коми от России. Это не могло не взволновать ту часть населения, которая

вольно или невольно оказалась на Севере и по праву считала себя непосредственным участником создания его культурного и экономического потенциала. Подобного рода утверждения она относила лично на свой счет, в то время как к формированию осуществлявшегося общегосударственного курса никакого прямого отношения не имела. В межнациональных отношениях, традиционно бывших благожелательными, стали появляться трещины.

Многое зависело от представителей государственной власти. Вступить в конфронтацию с национальным движением значило окончательно дестабилизировать ситуацию в республике. Были найдены пути диалога, прежде всего, с Комитетом возрождения коми народа, что позволило наладить конкретную работу по решению накопившихся проблем. В специальной программе были определены меры по сохранению и развитию коми и русского языков. В 1993 г. в структуре республиканского правительства создается Государственный комитет по делам национальностей, который в следующем году был преобразован в Министерство по делам национальностей Республики Коми. В Сыктывкарском государственном университете начал подготовку специалистов финно-угорский факультет, заметно усилилось внимание государства к коми национальной культуре. К числу важных шагов следует отнести патронаж власти по отношению к различным этническим группам населения. В республике стали создаваться национально-культурные общества, в Сыктывкаре было создано муниципальное учреждение «Центр национальных культур». Во второй половине 90-х гг. практически все крупные национальные диаспоры имели свои общества.

В 1996 г. Указом Главы Республики Коми была утверждена «Концепция государственной национальной политики Республики Коми», целью которой являлось обеспечение разработки «...механизмов согласования национально-специфических интересов отдельных национальностей в тактике и стратегии развития всей республики». Комплекс принятых мер позволил, с одной стороны, сохранить межнациональный мир в республике, с другой – создать, по оценке А.А.Попова и Н.А.Нестеровой, «эффективную региональную модель государственной национальной политики, которая продолжает успешно функционировать до настоящего времени».

Об адекватности такой оценки свидетельствовала и политическая жизнь республики. Уже с середины 1990-х годов в выборных кампаниях национальная карта разыгрывалась в значительно меньшей степени, чем того можно было ожидать.

8 мая 1994 г. состоялись выборы первого Главы Республики Коми. В ожесточенной борьбе с руководителем правительства В.И.Худяевым победу одержал Ю.А.Спиридонов, затем он был повторно избран на эту должность в результате досрочных выборов 1997 г. Начался новый этап политической истории республики. По существу, сложившаяся система власти представляла из себя президентскую форму правления. Окончательно она сформировалась в январе 1995 г., когда был избран новый законодательный орган власти – Государственный Совет Республики Коми, который состоял из 50 депутатов. Одновременно был осуществлен переход от территориальной к смешанной административно-территориальной схеме избирательных округов. Кроме прочего это обеспечивало благоприятные условия для представительства в парламенте республики коренного населения. Эти и прошедшие затем в 1999 г. выборы в Государственный Совет Республики Коми показали возрастающее стремление населения к участию в законодательной работе. В среднем по избирательному округу на одно депутатское место баллотировались шесть человек. Как отмечается в книге «Выборы в Республике Коми. 1989-2000. Информационный сборник», вышедшей в 2002 г., все это «...способствовало формированию современной региональной элиты, которая в основном рекрутировалась из депутатского корпуса... За период 90-х гг. опыт современной депутатской деятельности республиканского уровня приобрели около 196 депутатов Верховного Совета XII созыва и 107 депутатов Государственного Совета I и II созывов». Новому парламенту отводилась важная роль в системе власти, вплоть до рассмотрения вопросов о отречении от должности Главы

Республики Коми. За период своего существования Государственный Совет во главе с В.А.Горлоповым проделал огромную законодательную работу. Исключительно существенное значение имеет то, что вслед за Верховным Советом РК XII созыва он закрепил традиции парламентской работы.

Однако создание четкой вертикали власти проходило не без сложностей и издержек. Если ее верхние структуры были с самого начала прописаны вполне определенно, то на уровне района и ниже никакой ясности не было и все происходило в рамках различных экспериментов. Идея демократизации деятельности Советов традиционного типа, захватившая почти все слои населения, воплотилась вначале в попытке создания Президиумов городских, районных, поселковых и сельских советов во главе с освобожденным председателем. Однако от нее скоро пришлось отказаться, поскольку вновь созданной структуре не нашлось места в системе власти. Впоследствии на уровне городов и районов были созданы муниципальные образования, руководитель администрации которого избирался выборным советом по представлению Главы Республики Коми. Однако и этот принцип, вызвавший неприятие избирателей, был отменен. Большие дебаты в обществе вызвала идея введения местного самоуправления, воплощенная в конкретные законы. Более того, республиканские властные структуры по этому поводу вступили в конфронтацию с центром. Как отмечает А.Д.Напалков, «в период деятельности Государственного Совета Республики Коми первого созыва проблема местного самоуправления была наиболее остро обсуждаемой и трудно разрешаемой». Главная сложность состояла в том, что не было единого понимания сути самоуправления, его места в общей системе власти. В толковании самого термина столкнулись позиции центра и мест, различных политических течений, что так и не позволило выработать единую позицию. Несмотря на это, в 1999 г. прошли выборы представительных органов местного самоуправления, что видоизменило структуру власти в республике.

Все это отражало, в том числе, и политическую ситуацию в обществе. Оно в рассматриваемый период предельно поляризовалось, раскололось по политическим, идеологическим, экономическим, национальным, религиозным и другим признакам. Открылись возможности для создания партий и движений различного толка. Однако следует подчеркнуть, что самостоятельных партий в Республике Коми не возникло, преимущественно это были ячейки центральных или общероссийских организаций. В политической жизни превалировали крайние течения левого и правого фланга, однако наиболее мощную поддержку получали пропрезидентские движения и партии. О разнообразии общественно-политической жизни свидетельствует таблица, показывающая наличие кандидатов от Республики Коми в списках избирательных объединений, блоков на выборах в Государственную Думу 19 декабря 1999 г.*

Названия избирательных объединений	Количество кандидатов от Республики Коми
«Женщины России»	1
«Сталинский блок – за СССР»	3
Объединение «Яблоко»	1
«Коммунисты, трудящиеся России – за Советский союз»	6
«Блок генерала Николаева, академика Святослава Федорова»	2
Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие»	1
«Конгресс Русских общин и движение Ю.Болдырева»	1
«Медведь»	1
Общероссийское политическое движение «В поддержку армии»	2
«Отечество – вся Россия»	1
Коммунистическая партия Российской Федерации	1

«Всероссийская политическая партия народа»	2
«Союз правых сил»	2
Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом – Россия»	3
«Русская социалистическая партия»	1

*Выборы в Республике Коми. 1989-2000. Информационный сборник. – Сыктывкар, 2002, с.407.

Представленное в таблице - только часть многообразного спектра политической жизни. На начало 2001 г. в республике действовали 30 общественных политических движений, 24 политические организации, 28 политических партий, 151 религиозное объединение. Многие из них возникали, распадались, на их базе формировались новые организации, что свидетельствовало о нестабильности политической жизни. Лишь немногие объединения, как, например, «Мемориал», сумели сохраниться на протяжении длительного времени.

Коренным образом изменилась и религиозная ситуация в республике. Разрушение старых идеалов и предоставление на деле свободы вероисповедания привели к тому, что значительно повысился интерес к религии. В 90-е годы XX века крестились десятки тысяч человек, обычным стало отпевание умерших. Началось восстановление церквей и монастырей. Как уже говорилось выше, в 2001 г. в Республике Коми осуществляли свою деятельность свыше 150 религиозных объединений. Наиболее крупная конфессия – православная христианская, представленная Сыктывкарской и Воркутинской епархией Московского патриархата Русской православной церкви. Изменились и взаимоотношения церкви и государства, которые стали строиться на основе взаимодействия и содействия. Политическая, культурная и религиозная жизнь за кратчайший период стала настолько разнообразной и мозаичной, что представляет из себя труднообъяснимый феномен общественного развития.

Политические процессы не могли не сказаться на общей экономической ситуации в республике. До конца 80-х гг. показатели производства существенно не менялись, поскольку действовал созданный ранее промышленный потенциал. Хотя темпы роста и снижались, однако выпуск продукции отдельными отраслями народного хозяйства шел с увеличением. Затем наступил период коренных изменений в экономических отношениях, прежде всего, в сфере собственности, который привел к катастрофическому падению производства. Началось разгосударствление собственности, ее перераспределение в пользу частного предпринимательства. Был провозглашен переход на рельсы экономики рыночного типа. Причем темпы этих преобразований были настолько стремительными, что ни общество, ни экономика не успевали приспособиваться к новым условиям. О масштабах реформирования красноречиво свидетельствуют следующие цифры. Если к концу 80-х гг. XX века в республике практически не было зарегистрировано предприятий и организаций, представляющих частную собственность, то к началу 2001 г. их число составило 12,0 тыс. или 62,5% от общего количества действующих предприятий. На первых порах почти полностью прекратилось государственное регулирование экономики, были сведены до минимума инвестиции в промышленную, сельскохозяйственную и социальную сферы, многие предприятия просто прекратили свою работу. В экономической сфере центральное место заняли такие процессы, как либерализация цен и приватизация предприятий. Только в 1992 г. в республике по отношению к предыдущему году потребительские цены возросли в 35 раз. Затем эти темпы стали сокращаться, однако существенно опережали рост платежеспособности населения.

Приватизацию предприятий государство пыталось ввести в организованное русло. Были приняты такие законодательные акты, как «О приватизации», «Об управлении собственностью», «О крестьянских (фермерских) хозяйствах» и другие. Однако в значительной мере, особенно на первых этапах, процесс разгосударствления собственности

происходил стихийно и без достаточного контроля. Средства от приватизации поступали в государственный бюджет, в мизерной степени покрывая издержки реформирования экономики. В этот же период осуществлялась бесплатная передача жилья в собственность граждан занимаемых ими жилых помещений. В 2001 г. в республике насчитывалось 158,7 тыс. приватизированных квартир. Возрастали темпы создания малых предприятий, число которых превысило 4 тыс. единиц.

Итогом всего этого стало обвальное падение производства продукции и структурные изменения в экономике. Добыча нефти в республике к 1995 г. упала почти в 3 раза, резко сократилось производство лесопродукции. Так, вывозка древесины в 1985 г. составила 23,0 млн. плотных кубометров, в 2000 г. – 6,7 млн. Выпуск бумаги в 1995 г. был на 128,6 тыс. тонн меньше, чем в 1990 г. Такого же рода показатели характеризовали состояние и других отраслей народного хозяйства. К примеру, в 2002 г. сборного железобетона производилось более чем в 10 раз меньше по сравнению с 1990 г., цемента – почти в 3 раза. Это свидетельствовало о том, что капитальное строительство в регионе было сведено до минимума. В целом за указанный период промышленное производство сократилось на 61%. Истощались эксплуатируемые запасы месторождений полезных ископаемых, разрушались хозяйственные связи, с огромными трудностями удалось преодолеть разразившийся в силу отсутствия средств натуральный обмен продукцией и так называемые взаимозачеты.

Изменилась структура финансирования. Преобладающими в этой сфере стали собственные средства предприятий и организаций, бюджетные источники почти потеряли свое значение. В отраслевой структуре стали преобладать вложения в нефтедобывающую и целлюлозно-бумажную промышленность, сократились инвестиции в машиностроение, в лесозаготовительную, легкую и пищевую промышленность. В то же время были созданы условия для притока иностранного капитала, объем которого к концу XX века оценивался почти в 500 млн. долларов США.

В необычайно трудном положении оказалась деревня. Центральная идея, которая захватила умы общества, состояла в переводе сельского хозяйства на рельсы фермерства. Однако это требовало огромных организационных усилий и еще больших денег. Совхозы практически были разрушены. Результаты оказались точно такими же, как и в годы коллективизации. Если за 1929-1933 гг. поголовье скота в хозяйствах всех категорий сократилось в 1,7 раза, то за 1990-2000 гг. – в 2,1 раза. Началось разрушение материально-технической базы сельского хозяйства. Парк тракторов в 2000 г. был более чем в 2 раза меньше по сравнению с 1990 г. Некуда стало сбывать сельскохозяйственную продукцию, сельское население было отчуждено от источников доходов, появилась массовая безработица.

Основное внимание государства было уделено созданию на селе многоукладной экономики. Появились законы «О земельной реформе», «О крестьянских фермерских хозяйствах», «Программа развития крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Республики Коми на 1996-2000 гг.» и другие. Однако это мало помогало. На 1 января 2001 г. в республике насчитывалось 659 фермерских хозяйств, которые из-за своей маломощности не смогли покрыть хотя бы часть сократившегося сельскохозяйственного производства. Особенно это касалось животноводческой продукции. Производство мяса за 1990-2000 гг. сократилось почти в три раза, молока и яиц – в два раза. Отсутствие средств привело к тому, что почти прекратилось применение минеральных удобрений. В силу натурализации хозяйства наблюдалось увеличение сбора сельскохозяйственных культур, значительно больше стало производиться картофеля и овощей. Причем в 2000 г. 92,2% картофеля было собрано в хозяйствах населения и фермерских хозяйствах. Формально аграрная сфера не была обойдена вниманием со стороны государства. Помимо перечисленных актов в результате длительной работы была утверждена целевая республиканская программа «Развитие агропромышленного комплекса Республики Коми на 2001-2005 гг.». Тем не менее, положение в коми деревне остается крайне сложным.

Все это не могло не сказаться на жизненном уровне населения. Крайне обострились социальные проблемы. Люди месяцами не получали заработную плату, что предельно усугубило отчуждение народа и власти. Интегрированным показателем развития республики стали демографические процессы. Численность населения за 1990-2000 гг. сократилась с 1260,7 до 1123,9 тыс. человек. Начался отток жителей, особенно из северных промышленных районов республики, городов Воркуты, Инты. Был ликвидирован ряд городских поселков. Резко сократился естественный прирост населения, и началась его депопуляция. Впервые за многие годы, начиная с 1996 г., уровень рождаемости в сельской местности стал ниже, чем в городе, что поставило под угрозу процессы воспроизводства коми населения. Только к концу 90-х гг. прошлого столетия в результате громадных усилий удалось несколько стабилизировать ситуацию.

К этому следует добавить, что республика полностью зависела от общего экономического положения в стране. Причем положение в ней было значительно лучше, чему способствовало наличие крупных природных ресурсов. Именно на их рациональное использование с учетом адаптации к новым рыночного типа условиям были направлены усилия правительства. Разрабатывались и были предприняты усилия по реализации различного рода региональных программ. Благодаря этому было создано производство по добыче Тиманских бокситов, началось строительство железной дороги «Белкомур» с транзитным выходом на Архангельск, оправилось и встало на ноги целлюлозно-бумажное производство, возродился выпуск нетканой продукции, значительно продвинулось вперед строительство дорог с твердым покрытием. В республике стала нарастать добыча нефти и некоторых других полезных ископаемых. Пройден первый этап формирования новой банковской системы, рынка ценных бумаг. Большие усилия были приложены на проведение природоохранных мероприятий, создающих благоприятные условия для охраны окружающей среды.

Одновременно с этим необходимо было решать и проблемы культурного развития республики, социальной и гуманитарной областей жизни. Здесь положение было ничуть не лучше, чем в других сферах развития общества. Крайне сузился и без того скудный поток средств, направляемых на удовлетворение культурных запросов населения. Традиционные формы, применяемые для решения этих проблем в советское время, во многом перестали работать. Однако снятие идеологических препон позволило существенно преобразовать организацию образования, периодической печати и других направлений культурной деятельности. В среднем образовании появились разные формы обучения, наряду с традиционной школой были созданы лицеи, гимназии, которые давали углубленные знания по тем или иным наукам, расширился круг изучаемых дисциплин. Большое внимание было уделено развитию национального образования, специальной подготовке одаренных детей. Открылись коми национальная гимназия, Гимназия искусств при Главе Республики Коми, появились школы, позволяющие вести обучение детей на языке крупных этнических групп. Активная работа проводилась по созданию национального компонента образования, издана серия учебников нового типа по коми языку, региональной истории.

Развивалось и высшее образование. Ведущим вузом в республике стал Сыктывкарский государственный университет, где в 90-е годы XX века открылась подготовка по целому ряду новых специальностей. Значительно расширили подготовку кадров филиал Ленинградской лесотехнической академии, преобразованный в Сыктывкарский лесной институт, а также Ухтинский государственный технический университет. Зародилась и осуществляется программа интеграции вузов и академических учреждений, что позволяет повысить фундаментальность образования, совершенствовать учебный процесс, повысить качество подготовки кадров высокой квалификации. В республике появились филиалы центральных вузов. По данным микропереписи 1994 г. в республике на каждые 1000 жителей 15 лет и старше приходилось 105 чел. с высшим образованием против 89 в 1989 г. Количество студентов в вузах почти удвоилось.

В то же время произошло значительное сокращение клубных учреждений, сократилось количество книг в общедоступных библиотеках. Отсутствие финансирования крайне затруднило приобретение новой литературы. В известной мере это компенсировалось увеличением числа выпускаемых газет и журналов. Наряду с уже имеющимися появились другие многочисленные периодические издания. Расширило объемы вещания местное телевидение, в том числе на коми языке.

В крайне сложном положении в первое время оказались научные учреждения. Республика, обладающая уникальным научным комплексом, в составе которого были академические институты Коми научного центра УрО РАН, вузовские и отраслевые исследовательские центры, оказала существенную помощь в сохранении имеющегося потенциала. Именно благодаря этому он не сократился, а получил существенное развитие. За рассматриваемые годы было создано три академических института (Институт физиологии, Институт химии, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера), открыты новые научные направления, советы по защите докторских и кандидатских диссертаций, расширилась подготовка научных кадров. Благодаря сотрудничеству ученых и правительства были созданы уникальные работы, такие как энциклопедия «Республика Коми» в 3-х томах, «Атлас Республики Коми», «Леса и лесная промышленность Республики Коми и другие. Кроме упоминавшихся, изданы энциклопедии «Коми язык», «Мифология коми». В Сыктывкаре работают признанные научные школы академиков М.П.Рощевского, Н.П.Юшкина, Ю.С.Оводова. В 2001 г. Госсоветом Республики Коми был принят Закон «О науке и государственной научно-технической политике», который создал необходимую правовую базу для содействия развитию научных учреждений.

...В последние годы общее положение в Республике Коми можно охарактеризовать как относительно стабильное. Как в политической, так и экономической сферах пройден этап становления и происходит структурирование общественных процессов. В 2001 г. прошли выборы Главы Республики Коми. На эту должность был избран В.А.Торлопов. Вновь сформированное правительство с учетом накопленного опыта корректирует курс на стабильное развитие.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Александров А.Н.** Труд во имя победы. -Сыктывкар, 1968.
- Александров А.Н.** В боевом союзе. -Сыктывкар, 1985.
- Александров А.Н.** Звезды отважных. -Сыктывкар, 1991.
- Арсеньев Ф.А.** Ульяновский монастырь у зырян. — Сыктывкар, 1994.
- Археология** Республики Коми. – М., 1997.
- Атлас** Республики Коми. – М., 2001.
- Безносиков Я.Н.** Культурная революция в Коми АССР. -М., 1968.
- Безносиков Я.Н.** Развитие народного образования в Коми АССР. -Сыктывкар, 1973.
- Беленкина Т.И.** Из истории классовой борьбы коми народа. -Сыктывкар, 1971.
- Борцы** за Советскую власть. – Сыктывкар, 1987.
- Вычегодский край** в истории России. -Сыктывкар, 1994.
- В делях Севера.** — Сыктывкар, 1983, 1999.
- Гагарин Ю.В.** История религии и атеизма народа коми. – М., 1978.
- Гагарин Ю.В.** Усть-Вымь. — Сыктывкар, 1980.
- Давыдов В.Н.** Присоединение Коми края к Московскому государству. -Сыктывкар, 1977.
- Давыдов В.Н.** Образование автономной области Коми. -Сыктывкар, 1981.
- Доброноженко Г.Ф.** Коллективизация на севере. -Сыктывкар, 1994.
- Документы** по истории народа коми. -Сыктывкар, 1985.
- Жданов Л.А., Канев Н.Ф.** Удора – земля дружбы. – Сыктывкар, 1985.
- Жеребцов И.Л.** Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми. – Сыктывкар, 1994, 2000.
- Жеребцов И.Л.** Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII века. – Екатеринбург, 1996.
- Жеребцов И.Л.** Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. – Сыктывкар, 1998.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.** Крашенные. Страницы истории гражданской войны в Коми крае. – Сыктывкар, 2000.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.** Черные годы. (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921). -Сыктывкар, 2001.
- Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А.** Четыре века истории. -Сыктывкар, 1990.
- Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А., Жеребцова Л.С., Несанелене В.А.** Занимательно об истории и культуре Республики Коми. – М., 1998.
- Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф.** История Республики Коми: Научно-популярные очерки. – Сыктывкар, 1996.
- Жеребцов Л.Н.** Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. -М., 1982.
- Жеребцов Л.Н.** Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII - начале XX вв. - М., 1972.
- Жеребцов Л.Н.** Расселение коми в XV-XIX вв. -Сыктывкар, 1972.
- Жеребцов Л.Н.** Крестьянское жилище в Коми АССР. – Сыктывкар, 1971.
- Жизнь** национальностей. Республика Коми. – М., 1996. – № 4.
- Иванов Н.Д.** Первые шаги к социализму. Революционные преобразования в экономике Коми края в 1918 — 1920 гг. — Сыктывкар, 1967.
- Ильина И.В.** Народная медицина коми. – Сыктывкар, 1997.
- Исследователи** Коми края. – Сыктывкар, 1984.
- Историко-культурный атлас** Республики Коми. – М., 1997.
- История** Коми АССР с древнейших времен до наших дней. -Сыктывкар, 1978, 1981.
- История** коми литературы. -Сыктывкар, 1980. Т. 1-3.
- История** Республики Коми. 7–11 классы. – М., 2000.

- История** родного края. -Сыктывкар, 1994.
- История** Сыктывкара. -Сыктывкар, 1980.
- Канева А.Н.** У истоков коми нефти и газа. — Сыктывкар, 1970.
- Козулин А.Н.** Тогда в тайге печорской. — Сыктывкар, 1974.
- Коми** – край далекий и близкий. – Сыктывкар, 2001, 2002.
- Коми-зыряне.** Историко-этнографический справочник. – Сыктывкар, 1993.
- Коми язык.** Энциклопедия. – М., 1998.
- Конаков Н.Д.** Коми охотники и рыболовы во II половине XIX - начале XX вв. -М., 1983.
- Королев В.Н.** России беспокойный гражданин. - Сыктывкар, 1987.
- Королева Е.Г., Попов А.А.** Гражданская война в Коми крае. -Сыктывкар, 1957.
- Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.** В начале пути. – Сыктывкар, 1997.
- Лашук Л.П.** Формирование народности коми. -М., 1972.
- Лашук Л.П.** Очерк этнической истории Печорского края. -Сыктывкар, 1958.
- Мацук М.А.** Коми край от Бориса Годунова до Петра I. -Сыктывкар, 1994.
- Мифология** коми. – М., 1999.
- Мороз Е.В.** Физкультура и спорт в Коми АССР. – Сыктывкар, 1967.
- Морозов Н.А.** ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. — Сыктывкар, 1997.
- Морозов Н.А.** Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 годы). – Сыктывкар, 1998.
- Научные экспедиции и исследования** Коми края. -Сыктывкар, 1993.
- Наш край** в истории СССР. -Сыктывкар, 1980.
- Нефть** и газ Коми края. — Сыктывкар, 1989.
- Образование** Коми автономной области. -Сыктывкар, 1971.
- Они любили** край родной. -Сыктывкар, 1993.
- Очерки** по истории Коми АССР. -Сыктывкар, 1955, 1962. Т.1,2.
- Памятники** Отечества. Земля коми. – М., 1996. – № 36.
- Панев З.В.** Вехи в пути. – Сыктывкар, 2000.
- Первая** Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению. -Сыктывкар, 1988.
- Пересада А.** Балалаечных дел мастер. – Сыктывкар, 1983.
- Писатели** Коми. – Сыктывкар, 1996. – Т. 1.
- Писатели** Коми АССР. – Сыктывкар, 1961.
- Покаяние.** – Сыктывкар, 1998–2002. – Т. 1–4.
- Полещиков В.М.** За семью печатями. – Сыктывкар, 1995.
- Политов В.В.** Яренск. -Л., 1978.
- Попов А.А., Сметанин А.Ф. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х гг. – Сыктывкар, 1995.
- Попов А.А., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д., Бараксанов Г.Г.** Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). -Сыктывкар, 1991.
- Проблемы** истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917-1956 гг.). -Сыктывкар, 1993.
- Проблемы** исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. -Сыктывкар, 1991.
- Промышленные рабочие** Коми АССР. 1918-1970. -М., 1974.
- Прошев В.И.** За власть Советов. – Сыктывкар, 1980.
- Республика** Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997, 1999, 2000. – Т. 1–3.
- Республика** Коми – 80 лет. – Сыктывкар, 2001.
- Рогачев М.Б.** Летопись Коми края. –М., 1998.
- Рогачев М.Б., Цой А.И.** Усть-Сысольск: страницы истории. -Сыктывкар, 1989.
- Родники** пармы-89. -Сыктывкар, 1989.
- Родники** пармы-90. -Сыктывкар, 1990.

- Родники** пармы-93. -Сыктывкар, 1993.
- Родники** пармы. – Сыктывкар, 1996. Вып. 4.
- Родники** пармы. – Сыктывкар, 2000. Вып. 5.
- Родники** пармы. – Сыктывкар, 2001. Вып. 6.
- Савельева Э.А.** Пермь вычегодская. -М., 1971.
- Савельева Э.А.** Археология Коми АССР. -Сыктывкар, 1984.
- Савельева Э.А.** Вымские могильники XI-XIV вв.. -Л., 1987.
- Савельева Э.А.** Этногенез коми-зырян. -Сыктывкар. 1985.
- Савельева Э.А., Кленов М.В.** Пожегское городище. -Сыктывкар, 1992.
- Савельева Э.А., Королев К.С.** По следам легендарной чуди. -Сыктывкар, 1990.
- Савельева Э.А., Королев К.С.** Эжва перым. -Сыктывкар, 1992.
- Савельева Э.А., Королев К.С.** Древние рукописи о Перми вычегодской. – Сыктывкар, 1997.
- Связь** времен. – Сыктывкар, 2001.
- Святитель** Стефан Пермский. – СПб., 1995.
- Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.** Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (О чем рассказывают переписи). – Сыктывкар, 2001.
- Спецпоселки** в Коми области. Сборник документов. – Сыктывкар, 1997.
- Стоколос В.С., Королев К.С.** Археологическая карта Коми АССР. — М., 1984.
- Сурина Л.И.** На далекой окраине. -Сыктывкар, 1973.
- Тентюкова Ф.А.** Из прошлого Коми края. — Сыктывкар, 1976.
- Томов А.С.** Крылья республики. — Сыктывкар, 1979.
- Традиционная** культура народа коми. -Сыктывкар, 1994.
- Турубанов А.Н.** Создание целлюлозно-бумажной промышленности в Коми АССР. - М., 1979.
- Установление** Советской власти и гражданская война в Коми крае. -Сыктывкар, 1966.
- Фаузер В.В.** Проблемы формирования населения Республики Коми. -М., 1993.
- Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.** Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. -Сыктывкар, 1994.
- Фотиев В.С., Турубанов А.Н.** Первенец индустрии республики. — Сыктывкар, 1976.
- Чернов Г.А.** Полвека в Печорском крае. — Москва, 1974.
- Чернов Г.А.** Из истории открытия Печорского угольного бассейна. — Сыктывкар, 1989.
- Чернов Г.А.** Борьба за нефть в Большеземельской тундре. – М., 1996.
- Чупров В.И.** Коми край в трех русских революциях. -Сыктывкар, 1985.
- Чупров В.И.** Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX - начале XX в. -М., 1991.
- Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А.** Усть-Цильма — край печорский. — Сыктывкар, 1991.
- Это** нашей истории строки. -Сыктывкар, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	
Как происходило заселение нашего края (вместо введения).....	
Очерк I. Коми край в XI–XV веках.....	
Очерк II. Эпоха великих переселений (XVI–XVII века).....	
Очерк III. Коми край в XVIII веке.....	
Очерк IV. Коми край в XIX – начале XX века.....	
Очерк V. Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Коми крае в XIV – начале XX века.....	
Очерк VI. Борьба за власть в 1917 – середине 1918 года.....	
Очерк VII. В годы гражданской войны.....	
Очерк VIII. Коми автономная область в двадцатые годы.....	
Очерк IX. Годы больших потрясений.....	
Очерк X. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны.....	
Очерк XI. Коми АССР во второй половине 40-х – середине 80-х годов.....	
Республика Коми на современном этапе (Вместо заключения).	
Основная литература.....	

ⁱ Чупров В.И. Коми край в трех русских революциях. - С.111.